

ДОННА ЭВЕРХАРТ

СВЯТЫЕ
ИЗ
ЛАСТОЧКИНОГО
ГНЕЗДА

КОГДА ТВОЯ ЖИЗНЬ РАЗРУШЕНА
И НАДЕЖДЫ НА СЧАСТЬЕ НЕТ,
ОСМЕЛИШЬСЯ ЛИ ТЫ ПРОДОЛЖИТЬ ЖИТЬ?

Annotation

К началу тридцатых Соединенные Штаты охватывает Великая депрессия. Народ голодает, но некоторым все-таки удается выживать. В их числе – Рэй Линн Кобб и ее муж Уоррен, которые держат скромную ферму по добыче сосновой живицы. Но однажды Уоррен, добрый, хоть и слишком беспечный человек, становится жертвой собственной неосторожности, и уютный мир Рэй Линн трагически рушится. Чтобы спастись, она предпринимает отчаянный шаг: переодевшись мужчиной, отправляется в рабочий лагерь Ласточкино Гнездо, надеясь наняться чернорабочим на скипидарное производство. Удастся ли ей сохранить анонимность в жестоком мужском мире?

- [Донна Эверхарт](#)
  -
  -
  -
  - [Часть I. Побег](#)
    - [Глава 1. Дэл](#)
    - [Глава 2. Рэй Линн](#)
    - [Глава 3. Дэл](#)
    - [Глава 4. Рэй Линн](#)
    - [Глава 5. Дэл](#)
    - [Глава 6. Рэй Линн](#)
    - [Глава 7. Дэл](#)
    - [Глава 8. Рэй Линн](#)
    - [Глава 9. Дэл](#)
    - [Глава 10. Рэй Линн](#)
  - [Часть II. Ласточкино Гнездо](#)
    - [Глава 11. Дэл](#)
    - [Глава 12. Рэй Линн](#)
    - [Глава 13. Дэл](#)
    - [Глава 14. Рэй Линн](#)
    - [Глава 15. Дэл](#)
    - [Глава 16. Рэй Линн](#)

- [Глава 17. Дэл](#)
  - [Глава 18. Рэй Линн](#)
  - [Глава 19. Дэл](#)
  - [Глава 20. Рэй Линн](#)
  - [Глава 21. Дэл](#)
  - [Глава 22. Рэй Линн](#)
  - [Глава 23. Дэл](#)
  - [Глава 24. Рэй Линн](#)
  - [Глава 25. Дэл](#)
  - [Глава 26. Рэй Линн](#)
  - [Глава 27. Дэл](#)
  - [Глава 28. Рэй Линн](#)
  - [Глава 29. Дэл](#)
  - [Глава 30. Рэй Линн](#)
  - [Часть III. Гнездо](#)
    - [Глава 31. Дэл](#)
    - [Глава 32. Рэй Линн](#)
    - [Глава 33. Дэл](#)
    - [Глава 34. Рэй Линн](#)
    - [Глава 35. Дэл](#)
    - [Глава 36. Рэй Линн](#)
    - [Глава 37. Дэлвуд и Джереми](#)
  - [От автора](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
-

Донна Эверхарт

Святые из Ласточкиного Гнезда

© О. В. Полей, перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Иностранка®

* * *

*Посвящается всем подрубищикам, заливищикам и
закрепищикам*

*За мой край удивительной желтой сосны,
За горячее солнце волшебной страны,
Где и слабый силен, а сильнейший крылат,*

—

За мой дом, старый северный штат!

*За тот край, что все лето и зелен, и
миист,*

*Где полуночный бриз виноградно-душист,
Край, где хлопок белеет и сосны шумят, —
За тебя, старый северный штат!*

*За тот край, где плывут над горой облака,
Край, где небо безбрежно и даль широка,
Где цветы на холмах словно искры горят,*

—

Край чудес, старый северный штат!

За тот край, где все девы прекрасны

*собой,
Край, где друг не предаст, где никто не
чуждой,
Край, родной навсегда, в дни побед и
утрат —
Дар небес, старый северный штат!*

*Леонора Монтейру Мартин. Тост за
старый северный штат*

Часть I. Побег

Глава 1. Дэл

Он уже несколько недель работал на ферме Мо Саттона в округе Клинч, в Джорджии, и как-то раз, закончив дневную смену вместе с тремя другими работниками, проговорился, что сегодня у него день рождения. Его тут же стали вышучивать: вот уже двадцать восемь стукнуло, а женой до сих пор не обзавелся. Начали с того, мужчина ли он вообще, а под конец сошлись на том, что слишком уж он чистюля, моется каждый день. Они-то как – в субботу вечером помылись, и хватит. А он еще и рубашку запасную, и штаны непременно выстирает и прополощет, чтобы на следующую неделю чистое надеть. Ну, что бы они ни говорили, а дух от них стоял такой, как будто они воды месяцами не касались. Крепкие, ядреные запахи витали вокруг, хоть близко не подходи, а как солнце пригреет, так еще хуже. Одежда на них, как ни старались жены ее оттереть, вечно была заскорузлая, засаленная, вся в грязи и пестрела всевозможными пятнами – от пота и пролитой еды.

Самый языкастый из всех, Нед Бейкер, у которого лицо всегда было ярко-красное, даже в прохладные часы, сказал:

– У него и волос-то на груди, считай, нет. А женщины – они что? Они же, едри их мать, на волосатых западают. – Он распахнул рубашку, обнажив заросли черных волос, густых, как кабанья щетина. Потом мотнул головой в сторону своего дома, подмигнул и добавил: – Ждет меня там. Десять против одного ставлю.

Щуплый, низкорослый Олли Таттл хмыкнул в знак согласия. Сальные волосы падали ему на лицо.

Он сказал:

– Это и для организма вредно – вся эта чистота и прочая чепуха. Вот достукаешься до воспаления легких. – Он понюхал свою подмышку, скривился и мотнул головой, словно подтверждая, что пахнет как надо. Подбросил маленького Джека на коленях, поворковал над ним и заключил: – Ну да, хорьком воняет. Зато женушка-то у меня имеется, двух сыновей мне родила. – Он ткнул в бок сидевшего рядом темнокожего парня и указал на Дэла: – А новенький-то у нас смазливый, скажи, а?

Темнокожий – Джунипер Джонс – никак не отреагировал, но в этом не было ничего необычного. У Дэла сложилось впечатление, что у парня свой взгляд на белых и на их дела. Он тоже не прочь был подурачиться, как частенько и поступал, но тут же снова делался серьезным. Его волновало одно: было бы что на стол поставить. Дэл уже знал, что Джунипер и его жена Мерси живут у Мо Саттона дольше всех прочих и в работе, по общему мнению, никому из «молодых жеребцов» за ними не угнаться.

Дэлвуд Риз не мешал товарищам зубоскалить. Внутренне он улыбался, вспоминая, что уже успел свести приятное знакомство с женами Бейкера и Таттла. Теперь Дэла, как он предпочитал себя называть, занимала жена Джунипера, Мерси: она держалась особняком, но наверняка от нее не ускользнули его шуры-муры. Дэлу всегда было любопытно – как оно с цветными женщинами? На вид она вроде намного моложе старины Джунипера. Как ни везло Дэлу до сих пор с противоположным полом, таких интрижек у него еще не случалось – разве что в мечтах. С теми-то двумя все началось вполне невинно. Ферма, на которой он до этого проработал пару лет, разорилась, семье пришлось переехать к родственникам – куда-то в Виргинию, а он вот подался сюда. После большого кризиса в двадцать девятом году фермы по всей округе стали разоряться: цены на их продукцию упали так, что и не прокормишься толком, где уж тут по счетам платить.

Дэл пришел на ферму Саттона с двумя долларами в кармане, парой банок венских сосисок, винтовкой и Мелоди – губной гармошкой, доставшейся ему от деда. Все это он завязал в узел из запасных штанов и рубашки, а узел нацепил на палку, как заправский бродяга. Ему много-то и не надо было. Он малый неприхотливый, таким уж уродился. И то, что у него нет семьи, которую надо кормить, его только радовало – в такие-то времена. Мо Саттон выращивал табак – акры и акры табака, а за ними необъятные кукурузные поля. Дэл окинул все это взглядом, увидел лачуги издольщиков, их жен, что возились в маленьких огородиках, развешивали выстиранное в понедельник белье и приглядывали за стайкой босоногих ребятишек, и подумал: тут, пожалуй, можно остановиться пока. Все тихо-мирно, и вид недурной. Мо Саттон, похоже, не бедствует, несмотря на обстановку в стране. Может, из этого что и выйдет.

Не успел он наняться на работу – день-другой прошел, не больше, – как жена Бейкера, Сара, увидев, что он сидит на пороге своей лачужки, весь такой одинокий да наигрывает на своей Мелоди тихий нежный мотив, любезно улыбнулась ему и пригласила за стол. Бейкеры жили рядом, бок о бок – каждая семья занимала одну из лачуг, стоявших в ряд, окнами на кукурузные поля.

Сара сказала:

– Заходи, поужинаешь с нами.

На ужин у них была обычная пища бедняков: жареная картошка, хот-доги и печенье, а в придачу еще немного свежей кукурузы и помидоров. Еду Сара подавала на разномастных тарелках с обколотыми краями и, ставя тарелку перед Дэлом, повернула ее так, чтобы щербинки не было видно. С собой эта женщина была определенно недурна. Передавая гостю то, что сходило у них за сливочное масло, хотя все понимали, что это просто-напросто подсолненное и подкрашенное в желтый цвет сало, она чуть-чуть дотронулась до пальцев Дэла. У Сары Бейкер были полные капризные губы и большая грудь, свободно, без лифчика, колыхавшаяся под грубым домотканым платьем. Дэл заметил, что она несколько раз бросала на него взгляд, но сразу опускала глаза, когда он смотрел в ее сторону. Двое детей – мальчик лет четырех и еще один, совсем маленький, – тарасили на незнакомца большие голубые глаза, ясные, как летнее небо. Дэл подмигнул, и старший мальчик рассмеялся.

На следующий день он увидел жену Таттла, Бертис. Эта была тонкокостная довольно робкая по характеру худенькая женщина с тонкими губами. На бедре у нее висел младенец, а другой ребенок, тоже мальчик, цеплялся за фартук.

Бертис наливала Таттлу чашку кофе из цикория прямо на крыльце, и, когда Дэл проходил мимо, Олли окликнул его:

– Давай-ка, Дэл, неси чашку.

– Вот спасибочки.

Он поднялся на крыльцо и сел напротив Таттла. У этого парня в уголке рта вечно торчала зубочистка, и он имел привычку издавать губами странные звуки – как будто хотел что-то выплюнуть. Бертис старательно отводила глаза, но ее сдержанность длилась недолго – лишь до тех пор, пока Дэл не пустил в ход свое обаяние. Он просто не

мог с собой ничего поделывать, когда женщина попадалась на глаза. Надо же узнать, какая она из себя?

Вскоре Бертис стала часто зазывать его к себе, как и Сара: «не дело мужчине есть одному», как она говорила.

Дальше пошли пустячные, невинные разговоры то с одной, то с другой; беседы становились все живее, все игривее, а затем начались и робкие прикосновения, вскоре перешедшие в дерзкие подначки и жадное лапанье. Этот следующий шаг Дэл считал вполне естественным. Если женщина не прочь, так что ж ему теряться. Бегать за ними он никогда не бегал, просто легко, незаметно входил в их жизнь и ждал, как фишка ляжет. Получится так получится, а нет – ну, на нет и суда нет. Обычно удача ему улыбалась, и он пользовался ею при полном неведении мужей. Это были торопливые совокupления на кухонном столе, когда хозяин дома отлучится в уборную. Ребятишек постарше выставляли играть за дверь, младенцы полеживали себе в выдвижных ящиках и сосали соски, дрыгая пухлыми ручонками, пока матери торопливо сдвигали на край посуду. А потом посреди запахов ветчины, печенья и варящейся фасоли, в сырых, пыльных лачугах у края кукурузных полей начиналось горячее дельце.

Иногда это случалось за сараем, или у табачного амбара, стоявшего дверью к густому сосняку, или где-нибудь подальше в поле, среди высокой, чуть ли не до неба, кукурузы, где из свидетелей были только солнце над головой да белка на ветке. Случаи подворачивались регулярно, как смена дня и ночи, и приходилось следить, чтобы женщины не узнали друг о друге. В таких встречах была опасность. Волнение в крови. Риск. Обе любовницы к нему привязались, обе были ласковы с ним, а главное, старались оберегать его от любых невзгод и клялись в вечной верности. Им, судя по всему, до зарезу требовалось то, что мог им дать только Дэл, и он не скупился на ласки.

Бейкер с Таттлом частенько подтрунивали и задирали его. Может, в нем и правда было что-то... ну, смешноватое, что ли. Иногда они как будто начинали что-то подозревать, когда Сара или Бертис слишком заглядывались на Дэла. Его самого плоские шуточки приятелей не задевали. Ему было хорошо здесь; он, можно сказать, наслаждался жизнью, несмотря на почти не проходящую усталость. И только жена Джунипера, Мерси, оставалась все такой же далекой, неизведанной

землей, как в те дни, когда он только перебрался сюда из другого округа и все вокруг казалось новым и свежим.

Как-то днем Дэл был с Сарой за одним из табачных амбаров и заметил ее, Мерси. Он старался над Сарой от души – уже третий раз за эту неделю, весь красный, потный, как будто в летний день кукурузу вручную собирал. Сара ничего не видела: голова была накрыта подолом. Мерси сидела у себя на крылечке, где ее наполовину заслонял куст розовой индийской сирени, и как будто не глядела на них – хотя кто ее знает. Сидела себе с миской на коленях и лушила горох. Дэл все поглядывал на нее, рисуя в воображении разные картины, и прервался на секунду только тогда, когда нечаянно, увлекшись, стукнул Сару головой о стенку амбара.

– Ой! – вскрикнула она. – Полегче!

Мерси тут же встала, ушла в дом и плотно затворила за собой дверь. Дэл запрокинул голову и, доделывая свое дело, стал разглядывать проплывающие облака. Черт, и разожгла же его любопытство эта женщина!

Потом он познакомился с женой Мо, Майрой. Она была женщина рослая, почти с самого Мо, и стояла на заднем крыльце их дома – двухэтажного, с колоннами, в котором без труда уместились бы все их тесные лачужки, а пожалуй, еще и место осталось бы. Да, недурно устроился в жизни Мо Саттон – и не только в смысле финансов: с женой ему тоже повезло. Сам-то Мо был не красавец, а вот Майра... Волосы цвета только что отчеканенного пенни, кожа розовая, гладкая. Дэл мысленно сравнил ее с тарелкой персиков со сливками, и привычное любопытство разгорелось еще сильнее.

Он пришел к большому дому по дороге на работу, на дальнее поле, и остановился внизу у ступенек, поджидая Мо. Ступеньки вели на крыльцо, и чудное видение, то есть Майра, смотрело на Дэла оттуда сверху вниз, пока он вертел в руках соломенную шляпу.

– Ты кто такой?

В руке у нее был кружевной платочек, и она обмахивала им лицо, тщетно пытаясь спастись от жары.

– Меня зовут Дэл Риз, мэм.

Он уловил ее запах – аромат сирени и похоти.

– Новенький, что ли?

– Да, мэм. С месяц тут.

– И что делаешь?

– Да все, что ваш муж скажет.

Мо вышел, бросил на жену сердитый взгляд, та торопливо шмыгнула в дом и захлопнула дверь. После этого она стала попадаться Дэлу на каждом шагу. Прогуливалась по двору, когда он вместе с другими шел мимо – к табачному или кукурузному полю. Отдавая распоряжения работникам, то и дело поглядывала в его сторону. А как-то вечером объявилась у его лачуги, когда он сидел на крыльце, и попросила совета: что делать с больным мулом.

Дэл ответил:

– С чего вы решили, будто я что-то понимаю в мулах?

Мысли у него сразу же свернули в сторону: пока она накручивала на палец прядь своих великолепных волос, он размышлял, какого цвета они у нее под юбкой – такого же или нет? Может быть, она прочитала его мысли, потому что он уловил перемену в выражении ее лица и понял: она знает, как действует на него.

Не ответив на его вопрос, она сказала:

– Он в сарае. Захромал что-то. Не посмотришь?

Дэл двинулся следом за ее покачивающимися на ходу ягодицами. Очутившись в сарае, она не стала тратить время на любезности, церемонии и прочие, как считалось, необходимые приличия. Сказала, что Мо куда-то ушел. И еще сказала: «Давай быстрее». Он и взял ее прямо тут, в стойле, рядом со здоровехоньким мулом.

Теперь Ризу скучать было некогда, с тремя-то женщинами сразу, причем Майра оказалась еще и самой ненасытной. Как-то теплым вечером она велела ему ждать ее в лесу, у дальнего кукурузного поля. Он уже был с ней сегодня – наскоро пообжимались среди помидорных кустов, под навесом, где вялились окорока. Мало ей, что ли? Может, ревнует? Может, видела его с Сарой – потому и послала на то самое кукурузное поле, где он был накануне с другой?

Начали, как всегда, тихонько, осторожно. А когда уже почти дошло до дела, Майра вдруг вскрикнула – громко, что твоя сипуха. Дэл испуганно зажал ей рот рукой, и тут ему почудился за спиной совсем другой звук. Он выпустил Майру и торопливо застегнул штаны. Вокруг царило безмолвие, в лесу было неестественно тихо, и вообще стало как-то не по себе. Майра, тяжело переводя дух, одернула платье.

– Что такое? – спросила она.

Дэл отстранился от нее и тут же увидел источник тревоги. Мо – этот здоровяк, способный умять пять цыплят за один присест, – грозно смотрел на него с расстояния в несколько шагов. Стоял прямо на растоптанных стеблях кукурузы, нацелив на Дэла дробовик, и вид у него был такой, что хоть вяжи. Майра наклонилась за полевым цветком – с таким видом, словно появление мужа удивило ее не больше, чем внезапный дождик.

Дэл вскинул руки:

– Я тут гулял, и ваша благоверная составила мне компанию. Ничего дурного у нас и в мыслях не было, а уж тем более на деле.

Майра поднесла цветок к носу, не глядя на мужа. Мо резко сунул ствол ей под платье и рванул кверху, задрвав подол выше бедер.

Она одернула платье и вскрикнула:

– Мо!

Муж рявкнул в ответ:

– Где твои панталоны, Майра, холера тебя возьми? Что ты тут делаешь без штанов, а?

Майра ответила:

– Так жарко же! Без них легче.

Мо схватил ее за локоть и толкнул к протоптанной им же тропке.

– А ну, живо домой! Дрянь ты этакая! Я с тобой еще разберусь, когда приду.

Майра швырнула цветок на землю и, ворча себе под нос, побрела сквозь заросли. Мо повернулся к Ризу. Он смотрел долго, пристально, и Дэл догадывался, что фермер обдумывает следующий шаг. Дэл не знал, что тот успел увидеть, а что нет, однако выражение лица подсказывало, что Саттон видел больше, чем хотелось бы. Дэл начал было что-то говорить, но Мо повернулся к нему спиной и двинулся следом за Майрой.

Через плечо он бросил:

– Завтра пойдешь работать в зернохранилище.

Дэл потер лоб: новое задание его встревожило. Одно дело сажать рассаду, убирать табак, дергать кукурузу, но зернохранилище? Туда соваться рискованно.

Отказываться было нельзя, если не хочешь потерять работу, и он сказал:

– Хорошо.

Вернувшись в свою лачугу, он наполнил таз для умывания, ополоснул лицо, шею и плечи. Порылся на полках в поисках съестного, но, когда остановился на банке бобов, аппетит куда-то пропал. Хотел сварить кофе, но его и так осталось всего ничего, а достать нелегко. Всюду ввели продуктовые карточки, и на полках магазинов почти не встречались ни сахар, ни мясо, ни рыба, ни яйца, ни сыр, ни настоящий кофе. Цикорий разве что. Дэл вышел на крыльцо, сунул в рот ложку бобов, стал медленно жевать и думать. До ушей доносились тихие разговоры соседей и лязг кастрюль, а нос щекотал запах жареного. Да, уж лучше бы его поймал какой-нибудь другой из трех обманутых мужей, только не Мо Саттон. Поев, Дэл вытащил из кармана Мелоди и попытался наиграть песню. Но даже это не помогло успокоить расшатанные нервы.

Наутро Дэл вместе с двумя новенькими, которых раньше не встречал, стоял у хозяйского дома. Томас Вутен, или попросту Вут, представился ремонтным мастером. Как какая-нибудь техника сломается – он чинит. Хвастался, что может отремонтировать что угодно: колеса смазать, подвеску перебрать так, что будет как новенькая, забор поправить – все, что связано с деревом или моторами, он для Мо сделает. Хики Олбрайт закатил глаза.

– Хорошо тебе. А попробовал бы ты поработать в этих чертовых курятниках. У Саттона этих птиц сотни четыре, от вони потом не знаешь, куда деваться.

Они стояли с Дэлом на заднем дворе Мо – курили, стряхивали пепел, знакомились. Хозяин вышел на крыльцо, держа в одной руке хот-дог, а в другой сигару.

Он указал на них и сказал:

– Выдвигаемся. – Вуту и Хики он скомандовал: – Вы – за лопаты. – И Дэлу: – А ты будешь топтать зерно.

При виде его лица, хитрого и недоброго, у Риза все сжалось внутри. Они двинулись к зернохранилищу с лопатами и кирками на плечах. Было раннее утро, и, когда солнце выглянуло из-за горизонта, стало тепло. Зернохранилище Мо представляло собой три круглых сооружения из гофрированной стали, высотой футов двадцать с гаком, с бледно-голубой надписью «Батлер» наверху. Вид у них был безобидный, но любой, кто когда-нибудь работал на ферме, знал, что они могут стать смертельной ловушкой. Дэл долго смотрел на них. Три

бункера – по одному на каждую женщину, с которой он успел завести тут интрижку. Внизу открывалась дверца: из нее должно потечь зерно, когда он разомнет слежавшуюся кукурузу. Вут с Хики подошли и встали у двери первого бункера. Грузовик «шеви» – 1928 года выпуска, с деревянной платформой в кузове – стоял рядом. В него нужно будет кидать кукурузу лопатами, когда она хлынет из дверцы. Задача Дэла заключалась в том, чтобы забраться в бункер и, как сказал Мо, постепенно спуститься до дна: на словах все просто, а на деле – как бы не так.

Риз взял лопату, подошел к лестнице, прислоненной к стенке возле двери, и посмотрел наверх. Он уже не первый год батрачил на фермах. Легкой работы там не водилось, все больше тяжелая. И, в общем-то, всегда опасная – в той или иной степени. Но вот эта работенка... Он знал парня, который так и задохнулся, увязнув в зерне по грудь. Не факт, конечно, что то же самое произойдет с самим Дэлом. Возможно, но вовсе не обязательно. С этой ободряющей мыслью он стиснул в руке лопату и начал подниматься по лестнице. Мо тут же двинулся следом.

Дэл спросил:

– Когда из этого бункера в последний раз брали кукурузу?

– Давненько.

Это встревожило Дэла. Кукуруза уже, должно быть, отсырела, слиплась. Когда он забрался наверх, дверцу люка пришлось дернуть несколько раз, чтобы открыть. Дэл заглянул внутрь. Бункер был заполнен больше чем наполовину. По прикидкам Дэла, тут хранилось футов на пятнадцать в глубину плотно слежавшихся кукурузных зерен.

Мо, остановившийся несколькими ступеньками ниже, скомандовал:

– Лезь давай.

– У вас есть веревка или что-нибудь такое, чтобы привязаться к лестнице?

– Нет у меня веревки.

– А если ступлю да увязну, за что хвататься?

Хозяин ответил без церемоний:

– Молись тогда, вот что. Ну, пошел.

Дэл сунул ногу в люк и нащупал ею верхнюю ступеньку лестницы внутри. Переставил другую ногу и спустился до последней ступеньки,

нависавшей прямо над кукурузой. Дав глазам время привыкнуть, он заметил, что уровень зерна по периметру выше, а к центру идет вниз с постепенным уклоном, вроде конуса. Он поставил на поверхность одну ногу, затем другую и тут же увяз по лодыжки. Вцепился в перекладину, боясь отпустить.

В отверстии над ним появилась голова Саттона.

– Что ты мнешься там? Давай за дело.

Дэл оторвал руку от лестницы, осторожно потыкал зерно кончиком лопаты. Ничего особенного не произошло, и тогда он добрел до края бункера и стал одной рукой долбить зерно, держась другой за стенку для равновесия. Зерно, хоть и заплесневелое, осыпалось легко. Дэл ходил по краю, круг за кругом, ковыряя лопатой там и сям. Наконец, видя, что ничего не происходит, он расхрабрился, перебрался ближе к центру и вскоре покончил со своим делом. Вернулся к лестнице, взобрался наверх, высунул голову в люк, будто суслик из норы, с наслаждением вдыхая свежий теплый воздух, и крикнул двоим товарищам:

– Открывайте дверцу!

Хики показал ему большой палец и распахнул дверцу.

Они с Вутом взяли кирки и начали долбить стену зерна. Вут крикнул:

– Пошло!

Дэл, облегченно вздохнув, спустился по внешней лестнице. Ну вот, за первую женщину отработал. К концу дня бункер был пуст. Осталось еще два. Второй день прошел так же, как и первый: Риз рыхлил зерно внутри, а потом помогал Вуту с Хики кидать его лопатами. Ему не терпелось поскорее покончить с этим. Вот и второй грешок отмолил. Мо расхаживал вокруг, наблюдая за происходящим и покуривая толстую сигару. На третий день, как и в два предыдущих, Дэл взобрался по лестнице и заглянул внутрь, оценивая глубину. В этом бункере зерна было больше – примерно на три четверти.

– Последний, – проговорил он вслух, непонятно к кому обращаясь.

Саттон подошел к лестнице и прикрикнул:

– Хорош резину тянуть!

Дэл спустился в бункер, начал, как обычно, долбить заплесневелую, слежавшуюся кукурузу, и тут Мо рявкнул:

– Ну-ка, открывайте дверцу, нечего тут чикаться!

Риз так и замер с открытым ртом.

Хики громко запротестовал:

– Опасно же, пока он там?

Встревоженный Дэл торопливо зашагал обратно к лестнице. От резких движений ноги тут же стали проваливаться, он упал, не сразу сумел подняться и запаниковал еще сильнее. Кое-как встал и мысленно пообещал себе: вот сейчас он доберется до лестницы, вылезет из бункера и скажет Мо: что угодно готов делать, только не это, а если хозяину это не понравится – что ж, пускай дает расчет. Другая какая-нибудь работа найдется, а нет, так перейдет на подножный корм, ему не привыкать. Еще десять шагов... и тут случилось то, чего он боялся. Кукуруза вокруг вдруг стала осыпаться, он соскользнул к центру бункера, и его тут же засосало по самые бедра. Ноги будто цементом схватило. Он не мог ими шевельнуть и упал на живот, хватаясь руками за зерно. Это ничем не помогло: кукуруза только стала оседать еще сильнее. Когда Дэл выпрямился, она было ему уже по пояс.

Он закричал во все горло:

– Закройте дверцу, черт побери, дверцу закройте!

Он поднял глаза на люк, через который забрался сюда. Никого. Дэл кашлял, хрипел и задыхался от пыли, облаком стоявшей над осыпающимся зерном.

Он закричал:

– Помогите!

И одновременно с ним крикнул Мо:

– Гребите лопатами!

Дэл лег на зерно, тщетно пытаясь опереться руками на поверхность. Это было все равно что хвататься за воду: кукуруза только перемешивалась. С каждым вздохом Риз опускался все ниже, и грудь сдавливало сильнее. При малейшем движении кукуруза сжимала его как в тисках, крепче и крепче. В воздухе стоял отчетливый запах плесени, и от этого к горлу подступала тошнота. Кукуруза наплывала безостановочно, неумолимо – словно какая-то диковинная живая масса обступала его со всех сторон. Все происходило так быстро! Если его засыплет с головой – сколько будет задыхаться под этой толщей человек ростом в шесть футов два дюйма? Очень долго. Вот кукуруза ему уже по шею. Вот зерна касаются губ, забиваются в уши... Дэл

задрал повыше подбородок, сплюнул и с трудом глотнул воздуха. Секунда шла за секундой, грудь все давило и давило. Он уже не мог вдохнуть как следует, голова кружилась, перед глазами мелькали звездочки, как будто он ударился головой. Когда Риз запрокинул голову, дыхание стало совсем неглубоким. Он не сводил глаз с люка, с этого маленького квадратика голубого неба, отчаянно желая, чтобы там появился хоть кто-нибудь – кто угодно! Пот и слезы застилали глаза.

Не готов он был еще умирать.

Глава 2. Рэй Линн

Рэй Линн Кобб невольно задержала взгляд на указательном пальце своей правой руки, на котором не хватало одной фаланги. Она разглядывала его, ожидая, когда Билли Дойл вкатит бочку с сосновой камедью по грубо сколоченному пандусу в фургон. Уоррен, ее муж, с которым они прожили вместе уже семь лет, стоял сзади и напоминал, что катить надо медленно и плавно. В свои двадцать пять Рэй Линн могла с уверенностью сказать, что на теле у нее больше шрамов и отметин, чем у иного столетнего. Хорошо хоть, Уоррен человек порядочный и добрый, пусть немного неуклюжий и невнимательный. По крайней мере, он сумел удержать их ферму на плаву в эти трудные времена, когда другие еле-еле концы с концами сводят. Когда у них появился Билли, Рэй Линн догадалась, что у Дойлов дела, должно быть, совсем плохи.

Стоял апрель 1932-го – уже три года прошло после краха фондового рынка, и все это время новости в газетах не радовали, однако Коббу удалось кое-что заработать на продаже сосновой камеди. А если другой раз и поранишься, так что с того? Уоррен же не нарочно, не как в приюте «Магнолия», где воспитательницы имели привычку за малейшую дерзость щипать за самые нежные места на руках, оставляя синяки размером с виноградину. Все воспитанницы успели хлебнуть и невыносимой жары, и пронизывающего холода, когда работали в подвальной прачечной под строгим присмотром миссис Рэнкин. Она заставляла девочек стирать, полоскать, отжимать и развешивать кучу белья, от простыней до полотенец и скатертей, не говоря уже об одежде всех обитателей приюта: как часто говорила миссис Рэнкин, «усердный труд воспитывает характер».

Нет, по сравнению с этим жизнь с Уорреном – просто рай. Если бы не он, Рэй Линн могла бы стать «фабричной» и влачить унылое существование, на которое оказывались обречены те девушки, кому до восемнадцати лет не поступило предложения руки и сердца. Если бы Уоррену не понадобилась жена, вставала бы она сейчас как миленькая чуть свет и шагала на хлопчатобумажную фабрику. А вечером возвращалась домой, в жаркую или, наоборот, выстывшую

комнатушку, которую, пожалуй, пришлось бы еще и делить с какой-нибудь другой несчастной, которую постигла та же горькая участь, – и так до тех пор, пока не подвернется что-нибудь получше. Для Рэй Линн таким лучшим стал Уоррен. Он шел в город по своим делам, когда она работала на приютском огороде, и увидел ее.

Он легонько помахал ей рукой и окликнул:

– Наше вам. Как вас зовут?

Рэй Линн не очень-то любила говорить с незнакомцами, но он улыбался довольно добродушно, этот высокий худощавый мужчина в приличном, чистом комбинезоне, выглаженной рубашке и соломенной шляпе. Вежливо ждал ответа, засунув руки в карманы, с улыбкой на лице. Терпеливый, видать. Она подошла поближе к забору.

– Рэй Линн.

– Рэй Линн? Надо же, какое красивое имя. Ну что ж, Рэй Линн, приятно познакомиться. Меня зовут Уоррен Кобб.

Она кивнула, и тут миссис Рэнкин закричала:

– Посетителей принимают у главного входа!

Рэй Линн повернулась, чтобы уйти, а Уоррен спросил:

– Часто вы здесь работаете?

– Почти каждый день, пока тепло стоит.

После этого он всякий раз, направляясь в город, стал подходить, чтобы перекинуться парой слов, и постепенно узнавал кое-что о ее прошлом, если это можно так назвать.

– Как ты оказалась в приюте?

– Подкинули. Совсем маленькой еще. К подгузнику был приколот клочок бумаги с именем.

Уоррен сказал:

– Может, так было лучше для тебя. Никогда не знаешь.

Она никогда не думала об этом в таком ключе, но видела, что он говорит серьезно. Потом Уоррен, если вдруг не заставал ее в огороде, начал оставлять маленькие подарки в укромном местечке, у столба забора. Ничего особенного, просто милые знаки внимания, показывающие, что он заходил, и вскоре Рэй Линн уже с нетерпением ждала их. Глянцевое ярко-красное яблоко. Изящный кружевной платочек – чистенький, беленький. Роза... Наконец Уоррен начал спрашивать – всегда по воскресеньям, – не выйдет ли она за него замуж. Не такого супруга она ждала: в ее представлении он мог бы

быть помоложе. Коббу исполнилось сорок, и он был вдовец, но прошло несколько воскресений, и Рэй Линн стало даже нравиться, что он такой взрослый и положительный.

Когда листья начали желтеть и в воздухе уже веяло холодком, Рэй Линн наконец дала согласие. Как, почему – она сама не понимала. Может быть, дело было в постепенно крепнувшем чувстве, что она кому-то нужна. Мысль о собственной семье всегда казалась ей чем-то из области несбыточного, а теперь, с Уорреном, стала реальностью. Осенью, перед тем как осыпались последние пеканы, они поженились, и Рэй Линн переехала туда, где Кобб жил когда-то с семьей. Ее ничуть не огорчило, что дом оказался старым, что доски уже сделались белесыми от времени и что покрыт он был ржавой жестяной крышей. Это был ее первый настоящий дом. Как сказал Уоррен, про такие говорят: «сделан на прострел».

– Почему же так? – спросила она.

– Потому что, если выстрелить в переднюю дверь, пуля выйдет через заднюю и нигде не застрянет. Если все двери будут открыты.

Сразу за входной дверью начиналась гостиная. В следующей комнате была спальня, за ней – кухня с черным ходом, ведущим во двор, а еще чуть дальше – флигель. За домом стояли старый табачный амбар, коптильня и курятник, примыкающий к одной стороне большого амбара. Сколько ни искала Рэй Линн следы первого брака Уоррена, было очевидно, что Кобб уже давно живет один. Женской руки тут не хватало, судя по тому, какой беспорядок ее встретил. Возле кресла, в котором Уоррен читал по вечерам, громоздились стопки книг, а еще всевозможные газеты, банки со скипидаром, инструменты, тряпки, перепачканные чем попало, кучи грязных тарелок тут и там. Тарелки привлекли ее внимание. Они были молочного стекла, с бледно-голубой каемкой, и Рэй Линн подумала, что они могли принадлежать его первой жене, Иде Нейл Кобб.

– Сердце у нее было не очень, – сказал однажды Уоррен, – и не только в прямом смысле.

Надгробие возвышалось чуть поодаль, на маленькой лужайке у дома. Был у них и сын, Юджин, – он теперь работал юристом в Южной Каролине.

Этот дом, окруженный со всех сторон душистыми соснами, стал для Рэй Линн первым ее домом, и она постаралась сделать его по-

настоящему своим. Повесила на окна собственноручно сшитые занавески. Протерла все до последнего дюйма, сверху донизу. Уговорила Уоррена покрасить кухню. Как-то под вечер, вскоре после свадьбы, муж стоял с ней на крыльце, положив одну руку ей на плечо, а другой показывая на растущие вокруг сосны разных пород.

Он сказал:

– А вот это, золотце, самое главное: длиннохвойная сосна.

У него вошло в обычай называть ее так, и Рэй Линн нравилось, как он растягивает это слово: «зо-о-лотце».

За плечами у Уоррена был большой опыт производства скипидара в Северной Каролине. За семь лет он обучил Рэй Линн всем хитростям и тонкостям, и теперь она работала с ним вместе от восхода до заката. Немало они трудились, нечего сказать, – оба пахали как проклятые, чтобы с голоду не умереть. Только самой себе Рэй Линн могла признаться, что иногда задумывалась: не затем ли Кобб на ней женился, чтобы заполучить еще одни рабочие руки. Но не хотелось думать, что дело только в этом. Она верила, что он по-своему любит ее, просто и без сантиментов.

Бывали тут и другие – те, кто искал работу и готов был делать все что угодно, вроде вот этого Билли Дойла, который трудился сегодня первый день. Рэй Линн с тревогой смотрела, как он выбивается из сил. Ей вообще всегда делалось не по себе, когда она работала вместе с Уорреном и новым работником. Билли, как и всех прочих сельских жителей, подкосила в конце концов Великая депрессия. Цены упали так, что фермерам приходилось искать дополнительную работу, чтобы хоть с этим приработком денег хватило на прокорм детей и оплату счетов. Все слышали, что трущобы безработных – гувервилли^[1], как их называли, – одна за другой растут у городских окраин. Убогие жилища, немногим лучше, чем ночевать прямо на улице. Никто для себя такой жизни не хотел, но даже крупные землевладельцы не могли без конца оттягивать неизбежное: банки требовали своего. В благотворительных столовых раздавали бесплатный суп, ребятишки бегали босиком, одетые кое-как, все вокруг нуждались.

Эти отчаявшиеся, но не сдающиеся люди в большинстве своем никакой работы не боялись, делая единственное исключение для скипидарной фермы Уоррена Кобба: ходили слухи, что иметь дело с Коббом себе дороже. Его репутация распространялась по всему округу,

как лесной пожар. При удаче от него уходили с ушибами или ожогами, но случались и переломанные кости. Те же, кто не пострадал только потому, что успел раз-другой увернуться в последнюю секунду, после этого на работу не возвращались, а это тоже о чем-то говорило. Слишком большой риск: останешься калекой – вовсе работать не сможешь. Уоррен обычно подрубал основание сосны и выдалбливал выемки в форме чаши – так называемые короба, куда собиралась сосновая камедь. Этот старомодный способ он предпочитал более новой системе Герти, с глиняными чашами и жестяными желобами, на которую уже перешло большинство остальных фермеров, хотя ему и говорили, что так можно получить больше смолы. Уоррен – он такой, любит все делать по-своему. Наконец один работник погиб – на него упало дерево, то самое, в котором Уоррен вчера вырезал короб, – и это, как подозревала Рэй Линн, стало последней каплей. Поток работников иссяк, словно старая сосна, в которой больше не осталось смолы.

Рэй Линн не хотелось вспоминать, как она сама лишилась куска пальца, однако мысли волей-неволей возвращались в тот день. Они тогда были женаты всего неделю. Рэй Линн еще не догадывалась, какое это опасное дело – работать с Уорреном, но до первого преподанного ей урока оставались считанные секунды. Муж часто бывал небрежен в самые критические моменты. Слишком тороплив, не очень-то внимателен. В тот день он сказал:

– Иди-ка сюда, золотце, поддержи вот это.

Он протянул ей табличку с надписью «Скипидарная ферма Кобба». Рэй Линн улыбнулась, и он тоже улыбался, воодушевленный мыслями о перспективах этого нового предприятия, после того как он заключит сделку с каким-нибудь покупателем камеди. Уоррен повернул топор острием к себе, готовясь бить тупой стороной как молотком. Рэй Линн держала табличку, чтобы муж мог прибить ее к сосне, – и тут-то он и жажнул ей по кончику указательного пальца. Она закричала, Уоррен выронил топор, и тот упал ей на ногу. Больно было оба раза, но, только увидев кончик своего пальца, Рэй Линн зажмурилась и почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Удар был сильным, палец расплющило, как весло. Кончик весь налился кровью, ногтевое ложе стало багровым. Рэй Линн осела на землю, держась за руку. Уоррен топтался рядом, ругая себя за дурацкую неуклюжесть.

Через минуту, когда резкая боль немного поутихла, Рэй Линн сказала:

– Ничего, Уоррен, не волнуйся, все будет хорошо.

Она встала, ушла в дом, смазала палец вместо дезинфицирующего средства скипидаром из их бесконечных запасов и перевязала полоской мягкой ткани от старого фартука. Остаток дня она работала, но к ночи стало так больно, что уснуть не удалось. Каждый удар сердца отдавался в кончике пальца. Он, казалось, раздулся до огромных размеров. Странно, думала Рэй Линн: от пустяковой ранки такая боль. Кончик пальца на ощупь сделался каким-то рыхлым, что ли. Должно быть, Уоррен раздробил ей кость. Через два дня боль стала такой, что не было уже никаких сил терпеть. Палец весь побелел и распух.

Уоррен сказал:

– Гляди, у меня есть верное средство.

Рэй Линн сидела за кухонным столом и смотрела, как он берет вешалку, распрямляет изогнутый конец и подносит к фитилю масляной лампы.

Когда конец засветился оранжевым, Уоррен сказал:

– Давай палец.

Рэй Линн колебалась: «средство» не вызывало у нее доверия, но муж клялся, что это поможет.

Он сказал:

– Я видел, как отец себе так делал.

Рэй Линн опасливо протянула руку, и Уоррен приложил светящийся конец вешалки к центру почерневшего ногтя. Поднялась тоненькая струйка белого дыма, и в ногте за считанные секунды прогорела дыра до самого мяса.

Уоррен сдавил палец, и Рэй Линн вскрикнула: кровь хлынула прямо на стол. К ее изумлению, давящая боль стала слабее, и палец уже не так сильно дергало.

– Вот видишь, – сказал Уоррен.

Рэй Линн не могла не признать, что он прав: ей и правда стало лучше. Она носила повязку не снимая и была уверена, что теперь-то палец заживет. Но нет – через пару недель от него стало нехорошо пахнуть. Боль вернулась, еще сильнее прежней, кожа почернела, и Рэй Линн стало тошнить от поднявшегося жара.

Уоррен послал за доктором Пердью. Тот только взглянул и сразу сказал:

– У вас гангрена.

Рэй Линн спросила:

– Что тут можно сделать?

– Придется отнять первую фалангу и, возможно, еще немножко.

Открыв рот, Рэй Линн оглянулась на Уоррена. Выражение его лица трудно было прочесть. Доктор Пердью достал из своей черной кожаной сумки металлический шприц и вколол в палец что-то такое, отчего тот онемел. Дальше Рэй Линн не стала смотреть, но все слышала, ощущала запахи и чувствовала, что происходит: обезболивающее средство подействовало лишь частично. Она сжала губы, и желудок снова запротестовал, особенно когда через нескольких секунд доктор начал пилить кость. Когда он зашивал палец, Рэй Линн чувствовала рывки, а потом стало легче. Когда все закончилось, палец был похож на край подушки, и она все смотрела и смотрела на него, не в силах оторвать взгляд.

Прямо как сейчас.

Билли все толкал бочку, налегая изо всех сил, но та выигрывала бой за счет гравитации и собственной тяжести. Рэй Линн случалось видеть десятилетних мальчишек покрупнее двадцатилетнего Билли, и бочка, пожалуй, весила больше, чем он сам. Билли катил ее дюйм за дюймом по грубо оструганным доскам, и они чем дальше, тем сильнее прогибались. Особенно левая – похоже было, что она вот-вот не выдержит. Доски были все источены термитами, Рэй Линн уже говорила об этом мужу.

– Они долго не протянут, особенно вот эта – вся дырявая. Погляди сам.

Уоррен посмотрел на доску и отмахнулся от ее слов. «Как от мошки», – подумала Рэй Линн. Рубашка Билли, висевшая мешком на его тощем теле, пропотела насквозь, а еще ведь и девяти часов не было. Соломенная шляпа сбилась на затылок, прядь светлых волос падала на покрасневшееся лицо. Этот паренек, жилистый и расторопный, поначалу взялся за дело с жаром, но сейчас вид у него был такой, словно он вот-вот упадет без сил.

Наконец Билли охнул и выругался:

– Черт тебя дерит!

Уоррен стоял в кузове фургона и подбадривал:

– Молодчина, сынок.

Билли продвинулся недалеко. Стоял, вывернув ступни наружу, а ботинки на нем были совсем худые: швы разошлись и подошва отставала. Рэй Линн видела его рваные носки и розовые пальцы на ногах. Как у младенца. Боже правый! Хоть бы кто-нибудь зашил ему дырки. Да она сама, пожалуй, и зашьет, если только он задержится после работы.

Уоррен сказал:

– Ну вот, еще пара футов, и гуляй.

Как бы не так, подумала Рэй Линн. Бочек еще вон сколько – грузить да грузить.

Треск ломающегося дерева был резким, громким, как выстрел. Билли мужественно пытался удержать бочку, чтобы та не откатилась назад, напруг все силы, но при этом накренился вбок, весь дрожа от навалившейся тяжести. Лицо Уоррена, на котором уже отразилась была надежда, растерянно вытянулось. У Билли, побагровевшего от натуги, вырвался сдавленный стон. Положение у него было явно незавидное: бочка скатилась ему на ногу, и эхо от его вопля отозвалось в верхушках сосен где-то в глубине леса. Ворона вспорхнула и улетела, ее «кар-р-р!» так и раскатилось под оловянно-желтоватым небом. Уоррен прыгнул с фургона, а Рэй Линн бросилась к Билли Дойлу.

Паренек вскрикнул:

– Господи Иисусе!

Его тело дернулось в одну сторону, в другую – как будто он хотел вырваться, но не решался.

Уоррен взялся было за бочку, чтобы откатить, но Билли закричал:

– Нет!

Уоррен застыл, не зная, что делать.

Рэй Линн встала рядом с Билли и сказала:

– Мы должны ее сдвинуть. Сейчас не видно, что у тебя там, так ли все страшно и вообще...

Уоррен бесцельно прошелся взад-вперед и выругался:

– Черт бы меня побрал!

Билли задыхался, держась за голову и комкая шляпу.

– Не страшно? Еще как страшно!

– Ну так что? – поторопила его Рэй Линн. – Хочешь, чтобы она так и стояла?

Дойл прохрипел, задыхаясь:

– Нет, конечно!

Последнее слово было похоже на вопль. Рэй Линн бросилась в дом. Там было темновато после яркого солнца, но она знала, что ей нужно: подбежала прямо к огромной чугунной раковине, где стоял водяной насос, и сняла с маленькой полочки над ней бутылку виски. Выбежала наружу, громко хлопнув сетчатой дверью, и протянула бутылку Билли. Тот схватил ее, глотнул раз, другой. Уоррен сделал Рэй Линн знак, и она подошла поближе, готовая прийти на помощь. Раненый застонал.

– Слушай, сынок. Мы сейчас все сделаем. Сейчас откатим ее с твоей ноги.

Лицо у Билли было белое как мел.

– Готов? – спросила Рэй Линн.

Парень сделал еще глоток и сказал:

– Давайте.

Уоррен с Рэй Линн толкнули бочку резко, с силой, и, когда она откатилась, Рэй Линн пробрала дрожь. Билли испустил новый вопль и уставился вытаращенными глазами на свою ногу, будто ожидал увидеть вместо нее кровавое месиво.

Наконец он сказал:

– На вид вроде не так уж страшно, но болит, сволочь, как не знаю что. – Он начал расшнуровывать ботинок и попробовал было его снять, но остановился. Снова поднял голову и посмотрел на Рэй Линн. – Не могу, – прошептал он.

Рэй Линн спросила:

– Хочешь, я сниму?

Билли снова чертыхнулся, а потом признался:

– Меня сейчас вырвет.

Она не стала стягивать с него ботинок, а только приподняла лоскут рваной кожи на носке. Пальцы были уже не розовые, а синие и все в крови. Рэй Линн почти не сомневалась, что нога у Дойла раздавлена – так же, как ее палец. Она подняла голову, и ее зеленые глаза встретились с голубыми глазами работника.

Она наморщила лоб и сказала:

– Пальцы точно прищемило, может, и повыше тоже, но сама нога цела.

Эти слова и спокойствие, с которым они были сказаны, не вязались с горестным выражением ее лица, и Билли осознал, насколько плохи его дела.

– Как, черт возьми, я теперь работать буду с раздавленной ногой? – простонал он. – Говорили мне – не надо сюда ходить. Вот и достукался.

Уоррен оскорбился.

– А тебя сюда никто силком не тянул. И вообще – кто это тебе сказал такое?

Билли попытался встать на ногу, чтобы проверить, сможет ли она держать его вес.

Рэй Линн придержала его за локоть, чтобы помочь, но он выдернул руку и бросил:

– Убери от меня свои лапы. – Он повернулся к Уоррену: – Все так говорят.

Теперь уже и Рэй Линн обиделась.

– Как хочешь. Давай сам.

Доил, хромая, искал вокруг подходящую палку и наконец нашел. С ней он мог держаться на ногах, хоть и еле-еле, и поковылял туда, откуда пришел. Рэй Линн повернулась к мужу и взглянула на него так, будто не хотела верить своим глазам.

Тот вскинул руки.

– Да он сам не соображает, что делает.

– Нам нужны помощники, Уоррен. Одни мы не справимся. Может, Юджину напишешь, позовешь его к нам?

Кобб в изумлении вскинул голову.

– Юджину? Ну нет. Ему и с юридической практикой хватает дел. Если уж столько времени дома не показывался, с чего бы ему сейчас приезжать?

– Может, с того, что он твой сын?

Уоррен презрительно фыркнул.

– Он всегда был маменькиным сынком, а когда жена умерла, сказал, что никогда сюда не вернется, если только ему самому выгоды от этого не будет.

Через месяц Уоррен припомнит эти слова и поймет, как был прав.

Глава 3. Дэл

Дэл не знал, что Мо уже взобрался по лестнице и вглядывается в бункер, где теперь не видно ничего, кроме кукурузы. Даже если бы хозяин хотел увидеть там работника – не увидел бы. Того успело засыпать зерном с головой, и тело сдавило со всех сторон, как будто какая-то загадочная сила держала его в плену. Дэл пытался глотнуть воздуха, но грудь еле вздымалась. Горло забило зерном. Он выдохнул кое-как, а вдохнуть теперь уже совсем не мог. Сознание посылало телу тревожные сигналы, сердце замирало в груди от ужаса. Он был зажат в стоячем положении, над ним простиралось четыре фута зерна, под ним – еще пятнадцать.

Мо крикнул остальным:

– Не видать ничего! Вниз ушел. Должно быть, мертвый уже.

Дэл слышал эти слова, а потом стал и видеть, что происходит. Видел, как Саттон спускается по лестнице. Как Хики с Вутом бешено орудуют лопатами, отбрасывая кукурузу через плечо. Видел, как еще один человек бежит к бункеру через поле и открывает дверцу с другой стороны, хватая лопату и принимается долбить кукурузную стену. Дэл уже не чувствовал чудовищной боли в груди. Он и сам не знал, как это вдруг все это видит. Во сне, должно быть. Мо отошел в сторону и закурил сигару. Слежавшаяся кукуруза хлынула из обеих дверей, люди работали изо всех сил, расчищая проходы. И тут вдруг Дэл увидел себя самого – как он вываливается через ту дверцу, где работают Хики и Вут. Тело у него безжизненно обмякло – измочаленный кусок человеческой плоти, припорошенный пылью.

Хики перевернул его на спину и выгреб зерно изо рта. Стал колотить Риза по груди с криком:

– Эй! Эй!

Мо спросил:

– Мертвый, нет?

Голос у него был такой, словно он только и ждал утвердительного ответа. Погодите-ка... Мертвый? Да нет, какой же Дэл мертвый! Он ведь все видит, только не чувствует ничего. В ушах зазвучал далекий голос отца, умершего много лет назад: отец звал Дэла по имени. Как

такое может быть? Неожиданно его охватило непреодолимое стремление отогнать от себя происходящее. Нежелание мириться с такой своей участью навалилось на него, как груды зерна, и он снова очутился в кукурузе. Он чувствовал, что движется в ней, скользит – ощущение было такое, будто падаешь спиной вперед. Снова пришла невыносимая, неуклонно нарастающая боль, а потом его словно ослепила вспышка молнии.

Дэл поперхнулся, закашлялся и перекатился на живот. Его вырвало. Когда он наконец открыл глаза, перед ними были какие-то яркие зеленые полосы. Он закрыл глаза, снова открыл и теперь уже ясно различил травинки. Перевернулся на спину, и над ним склонились встревоженные лица Вута и Хики, таращившихся на Риза с удивленно раскрытыми ртами. Чувство было такое, будто его избили, – так ломило все тело.

Хики окликнул его:

– Эй! Слышишь меня?

Мо, все еще попыхивая сигарой, сказал:

– Я уж думал, тебе крышка.

Дэл ясно чувствовал, что хозяин разочарован. Он еще покашлял, стараясь прочистить горло. Сел и заметил на руках вмятины от зерен. Он задрал рубашку. Грудь выглядела еще хуже: все ребра в синяках. Ноги онемели, он несколько раз согнул их, разогнул и пошевелил ступнями. Они как будто отекли, да и на вид так оно и было. Дэл чувствовал себя вымотанным, как после целого дня работы.

– Никогда не слыхал, чтобы кто-то вышел живым из такой переделки, – заметил Вут.

– И я не слыхал, – подхватил Хики. – Везучий, паршивец. Сам Бог помог, не иначе.

Дэл отхаркнул мокроту, сплюнул и прошептал:

– Воды.

Вут достал из грузовика фляжку в брезентовом чехле и протянул Ризу. Тот поднес ее ко рту и глотнул.

Потом вытер губы и спросил:

– А тот, третий, где?

Вут с Хики переглянулись.

– Какой еще третий? Тиндалл, что ли?

– Не знаю, как его звать. Какой-то парень тут отбрасывал зерно лопатой. С другой стороны.

– А ты почему знаешь? – спросил Мо.

– Видел.

Все трое задумались.

– Когда ты вывалился из бункера, – сказал Хики, – он ушел обратно, работать. Но, черт... это ж было десять минут назад. Ты тогда еще и в себя не пришел.

Несколько секунд они молчали. Дэл помнил все, что видел. Это отпечаталось у него в сознании, как следы зерен на коже. Следы-то пройдут, а вот случившееся не забудется. Уж больно чудное дело вышло. Остальные смотрели на него настороженно.

Дэл перевел взгляд на Мо и сказал:

– Это вы велели им открыть вторую дверцу.

Саттон буркнул:

– Черт, да что ты вообще знаешь?

– А Хики колотил меня по груди.

Вут встревожился:

– Совсем заговаривается. Откуда ему знать?

– Да чтоб мне провалиться, если я знаю, – отозвался Хики.

Даже Мо слегка занервничал. Остальные двое отошли и взялись за лопаты – видно, решили, что пора и за работу приниматься, а может, просто предпочитали держаться от Риза подальше. Дэл все сидел на земле и думал о том, что произошло. Хозяин докурил сигару и бросил окурок в грязь.

Он, видимо, уже оправился от первоначального удивления и теперь прикрикнул:

– Ну? Весь день, что ли, рассиживаться думаешь? Я тебе не за это деньги плачу.

Дэл поднялся. Колени у него дрожали, но он, по крайней мере, держался на ногах и был живехонек.

Он сказал:

– Ну что ж, работать так работать. Зерно теперь легко сыплется.

Он похлопал шляпой по бедрам, выбивая пыль, и снова нахлобучил ее на голову. Подмигнул Вуту и Хики – те все еще были напуганы и не сводили с него широко раскрытых глаз, пока он шагал, прихрамывая, к горе кукурузы. Ноги по-прежнему плохо слушались и

казались отеками. Дэл стал искать свою лопату и нашел ее посреди кучи, засыпанную зерном, недалеко от того места, где бункер выплюнул его. Он начал снова сгребать кукурузу, а когда Мо заковылял прочь, остановился и долго смотрел ему вслед. Риз готов был поставить доллар на то, что этот человек еще придумает для него какую-нибудь новую пакость. Вут опять принялся расспрашивать:

– Расскажи-ка еще раз поточнее: что ты видел?

Дэл оперся на лопату и закрыл глаза.

– Видел, как подбежал еще один человек, открыл дверцу с той стороны и начал отгребать кукурузу. В синей рубашке.

Хики вмешался:

– И нас ты тоже видел?

Дэл постарался восстановить картинку в голове. Зрелище очень походило на сон, готовый вот-вот ускользнуть.

– Да.

Хики сказал:

– Не понимаю, как такое может быть. Тебя ж с головой засыпало!

– А еще что? – настаивал Вут.

Дэл припомнил:

– Мо ничего не делал: стоял и сигарой дымил. А ты, Хики, кричал: «Эй! Эй!» – так же, как потом, когда я уже в себя пришел. И в грудь меня колотил.

– Хм... – протянул Вут.

Хики поежился:

– Вот черт, а. В жизни такого не слышал.

Вут заявил:

– Мне бабушка рассказывала, как у нее дядя заболел. Ну, поболел да и помер. А потом, говорит, очнулся – прямо когда его уже совсем в гроб укладывать собрались. И рассказывал еще, что всех родных видел, тех, кто уже давным-давно помер: встали все у его кровати и стоят.

Какое-то время они швыряли кукурузу молча, а когда прервали молчание, разговор пошел уже о чем-то другом, не о случившемся.

Дэл наострил уши, когда Вут сказал:

– Брат письмо прислал: говорит, работу можно найти кое-где на скипидарных фермах. Про одну такую написал – Ласточкино Гнездо называется, где-то к востоку от Валдосты.

Хики возразил:

– Этих ферм хватает и тут, и во Флориде. Та еще радость. Житуха там не из легких.

– Поди уж не хуже, чем на Саттона работать, правда же, Дэл?

Тот спросил:

– Интересно, берут они там работников?

– Может, и берут, – пожал плечами Вут. – Ты ведь уже имел дело со скипидаром, да?

Это была правда. Да что там – у Риза вся семья со скипидаром работала, сначала дед, а потом отец.

Он ответил:

– Так, самую малость, – и умолк.

Он чувствовал, что у него кружится голова, и как-то странно кружится, но мысли были заняты Мо. Дэлу не верилось, что тот не предпримет новой попытки. К концу дня последний бункер был пуст, и хозяин появился вновь, жуя на ходу жареную свиную отбивную.

Он оглядел их работу, ткнул пальцем в Дэла и сказал:

– Завтра кукурузу привезем. Я хочу, чтобы ты слазил еще разок в эти бункеры, во все три, да проверил, всё ли в порядке. Почисти там все хорошенько, а потом снова будем зерно засыпать. Пожалуй, это теперь будет твоя постоянная работа. Что скажешь?

Дэл махнул рукой с таким видом, будто ему все нипочем.

Саттон сказал:

– Ну ладно. По домам.

Дэл вернулся к себе в хижину и улегся на кровать. Он знал, что в бункер больше не полезет ни за что на свете. Но рвать когти, пускаться в бега – это тоже было не по нему. Не к лицу как-то, словно он какой-то слабый, перепуганный, никчемный слюнтяй. В наши дни имя и репутация – это все, что человек может надеяться сохранить. И все же Дэл решил, что лучший выход – ускользнуть под покровом темноты. А что там подумает о нем Мо Саттон или кто-нибудь еще, не один ли черт?

Наступила ночь, черное покрывало окутало все вокруг, и тогда Дэл стал собирать немногочисленные пожитки, запасные брюки и рубашку. Ни бобов, ни венских сосисок у него больше не было, но кукурузного хлеба еще немного осталось. Дэл завернул его в припасенную оберточную бумагу и сунул в жестяное ведерко, которое

прихватил на одной из ферм, где работал раньше. Привязал ведро к ручке к ремню, чтобы не таскать в руках. Хотел бы он иметь такую флягу, как у Вута, но хотеть не вредно. Он похлопал себя по карману рубашки, убедился, что Мелоди на месте, достал из-за двери дробовик и перекинул кожаный ремешок через плечо.

Риз беззвучно, как закатное солнце по небу, выскользнул наружу и прикрыл за собой дверь. Слева от него была хижина Бейкера, за ней – Таттла, напротив через дорогу – Джонса... В сущности, его тут ничто не держит. Люди неплохие, ничего не скажешь, но пора и честь знать. Дэл постоял на крыльце, пока глаза не привыкли к темноте и не стали различать залитую лунным светом дорожку: светлую, кремowego оттенка полосу песчаной земли, ведущую вперед, а куда – он сам толком не знал. Знал только одно: если останешься здесь, расплаты не миновать. И он двинулся в путь, время от времени поглядывая на ночное небо, усеянное звездами, и на низко висящую медовую луну.

Пару дней он скитался, и как-то раз ему стало жарко – пить захотелось, да и проголодался слегка. Он заметил маленький магазинчик и, войдя внутрь, увидел за прилавком молодую продавщицу – она обмахивала лицо обрывком ежедневной газеты. Дэл взял пачку крекеров «Набс», а потом, подойдя к автомату в углу, бросил в него пятицентовую монету и достал бутылку холодной колы. Открутив крышку, он подошел к прилавку, чтобы расплатиться за крекеры. Девушка была настоящая красotka. Она наклонилась вперед, и ее грудь, подпертая скрещенными руками, показалась в вырезе цветастого платья, а глаза между тем мерили Дэла долгим взглядом. Бойкая, в этом ей тоже не откажешь.

Девушка сказала:

– Что-то я тебя раньше здесь не видела.

– Да я так, мимо проходил.

Запах сладкой пудры с легкой примесью пота ударил ему в нос. Но ни привлекательность продавщицы, ни ее явная заинтересованность почему-то не вызывали у него обычной реакции. Она моргнула и подняла бровь.

Дэл опустил взгляд и спросил:

– Сколько?

Она как будто обиделась.

– Эй! Я не из таких.

Он указал на крекеры:

– За это.

Щеки у девушки порозовели. От смущения, а потом от досады ее лицо стало совсем уж открытой книгой – читай не хочу.

Она недовольно нахмурилась и буркнула:

– Пять.

Дэл положил монету на прилавок, развернулся и направился к двери.

Девушка крикнула ему вслед:

– Не такой уж ты и красавчик!

Риз остановился и снова взглянул на нее.

– Я-то? Да плевать.

Она расслабилась, и губы у нее изогнулись в легком подобии улыбки.

– Вообще-то красавчик, конечно.

Что ж, почему бы и нет? Дэл перевернул табличку надписью «Закррито» наружу, обошел прилавок, притянул девушку к себе и сунул руку ей под платье.

Она охнула, застонала и пролепетала:

– Ну не знаю... Папа может вернуться в любую секунду.

– А где он?

– Дома, ужинает.

Дэл прижался к ней, все еще держа руку под платьем... но ничего не получалось. Ничего такого, что происходило обычно.

Он остановился, и девушка спросила:

– Что такое?

Дэл отстранился и сказал:

– Не могу. Извини.

Она стала оправлять платье, казалось смущенная этой неудачей не меньше его самого. Они больше ни разу не взглянули друг на друга, и Дэл торопливо выскочил за дверь. Озадачившее его происшествие не шло из головы до самого вечера. С наступлением сумерек он устроился на ночлег и в тусклом свете догорающего костра сыграл пару меланхолических мотивчиков на Мелоди. Наконец любопытство взяло верх, и он отложил гармошку. Клонило в сон, но тревога не отпускала. Неуверенно, почти смущенно, он сунул руку между ног и мысленно вернулся к недавним встречам с Сарой, Бертис и Майрой,

стараясь не вспоминать о том, что случилось с молоденькой красоткой в магазине. Сосредоточился на воображаемых картинках: закинутых на голову платях, круглых попках и стонах. Долго вспоминал Бертис – как она орудовала ртом. И Майру. Шальную, безрассудную Майру, самую притягательную из всех. Но сколько он ни напрягал воображение, результаты не радовали, и он прекратил попытки. Что же с ним такое творится, черт возьми? Неужели расплата за прошлые грехи настигла его в виде Мо Саттона и богом забытого зернового бункера?

Наутро Риз двинулся дальше по округу Клинч и по пути часто рассказывал свою невероятную историю каждому встречному и поперечному; те слушали, качали головами и соглашались, что работа в зернохранилище опасная. Все шло нормально, пока Дэл не начал описывать, как увидел себя лежащим на земле. Он пытался найти этому какое-то объяснение, но мог только сказать, что как будто парил в воздухе над собственным телом и наблюдал сверху за происходящим. Рассказывал, как увидел третьего парня, того, что пришел на помощь, и как другие потом подтвердили, что он там был, хотя исчез задолго до того, как Дэл пришел в себя. У людей в глазах мелькало обеспокоенное выражение, ясно говорившее, что его сочли слегка тронутым, а то и самым настоящим психом.

Его перебивали, говорили что-нибудь вроде: «Да ладно! Приснилось тебе это, вот и все» – или: «Ты, может, пьян был, когда это случилось?»

Слушатели толкали друг друга локтями, мычали что-то неопределенное и меняли тему. Наконец Дэл перестал вступать в разговоры. Брел дальше куда глаза глядят, словно потерянный. Чаще имел дело с птицами, белками, кроликами и лягушками, чем с людьми. Оброс бородой, волосы тоже отросли. Лишился запасных штанов и рубашки – те, что были на нем, уже столько раз промокали, что начали расползаться от сырости, так что пришлось переодеться в запасные, а старые сжечь. Его постоянным и единственным спутником была Мелоди, но и попытки поднять настроение игрой вскоре стали тщетными. Наконец Дэл пришел к выводу, что в лесах Южной Джорджии ловить особенно нечего. Он так с ума сойдет, если будет без конца ломать голову над чудесным и жутким происшествием в зернохранилище. И развлечь-то себя нечем – денег осталось всего

ничего. Пришло время оставить прошлое в прошлом и начинать искать новую работу. И Риз пошел дальше. Через некоторое время он добрался до маленького городка под названием Аргайл.

В местном магазинчике он раскошелился на крекеры и сырны колечки, а заодно спросил мужчину за прилавком:

– Ходит тут поезд до Валдосты?

Владелец магазина – с трехдневной щетиной над губой и неестественно белыми зубами – сказал:

– Конечно. В Валдосту ходят поезда из Фарго. Если доберетесь до станции, ищите знак «ЮД-Ф». Это то, что вам нужно: железная дорога Южной Джорджии и Флориды. Еще, говорят, есть путь через Сувани.

– Фарго? Хм... Далековато.

Еще один мужчина зашел заплатить за бензин и, услышав последнюю часть разговора, указал на свой грузовичок с мускусными дынями в кузове:

– Я еду в Фарго. С удовольствием вас подвезу.

Риз протянул руку, и мужчина пожал ее.

– Вот спасибо вам, – поблагодарил Дэл.

– Пустяки.

Дэл уже месяц спал на земле, пил из ручьев, ел не досыта, а теперь наконец принял решение. Он понятия не имел, чего ищет, пока не вспомнил, как Вут рассказывал о скипидарной ферме. Дэл вышел вслед за водителем, и, когда они подошли к грузовику, мужчина разрезал дыню и протянул ему ломтик – подкрепиться в пути.

Дэл сказал:

– Я ваш должник, – и уселся на переднее сиденье, предвкушая удовольствие и от поездки, и от дыни.

Сладкий, ароматный запах просачивался в кабину, напоминая о летних днях дома, когда они с сестрой резали спелые дыни на заднем крыльце и наедались до отвала.

Водитель высадил Риза на станции, где тот поглядел на расписание поездов, а затем двинулся дальше вдоль путей. Было уже поздно, следующий поезд только утром. Дэл прислонился к большой сосне. Он так устал, что даже не пытался вытянуть какой-нибудь мотивчик из Мелоди. Квакши утробно заурчали свою вечернюю песню, и больше Дэл ничего не помнил, но, проснувшись, с удивлением понял, что проспал всю ночь. Он напился из ближайшего

ручья, черпая прохладную воду ладонью. Плеснул водой на голову, на лицо, съел несколько крекеров с сырными колечками, потом уложил поаккуратнее свои пожитки, вышел к рельсам и стал ждать. Он нервничал, не зная, удастся ли запрыгнуть в поезд, и скудный завтрак так и ворочался у него в желудке.

Ближе к полудню до него донесся тихий свист и стук колес по рельсам. Риз положил руку на металл, почувствовал, как тот вибрирует под ладонью, и надвинул шляпу на лоб, чтобы прикрыть глаза. Еще несколько минут, и вот оно: ни дать ни взять гигантское сказочное чудовище с клубящимся над головой столбом дыма. У Дэла пересохло во рту. Он весь подобрался и придвинулся поближе к рельсам, стараясь пригнуться к земле, чтобы его не увидели. Поезд шел, кажется, не быстро. Мелькнул и пропал паровоз. Дэл сидел на корточках, притаившись за кустом. Прошло несколько вагонов с углем, потом потянулись товарные. Он облюбовал один, но промедлил и упустил момент.

– Не тяни, дубина, – сказал он сам себе. – У тебя не так много шансов.

Его внимание привлек зеленый вагон. Дэл решил, что зеленый – цвет удачи, и побежал. Ведро с пожитками колотило то по бедру, то по заду. Дело оказалось потруднее, чем он думал. Он прибавил ходу. Потянулся к поручню, чтобы вскарабкаться наверх, и тут встретился взглядом с каким-то тощим малым, у которого не хватало нескольких зубов: тот ухмылялся, глядя на безбилетника сверху вниз. Дэл запнулся, упал и покатился по камням прямо в колючки.

– Вот черт!

Смех беззубого смешался со стуком колес. Дэл встал, вытер кровь с расцарапанных рук и увидел синий вагон. Синий! Может, синий как раз и есть цвет удачи. Уже наученный первым горьким опытом, Дэл бросился к вагону еще до того, как тот подъехал, – проворно, не мешкая. На этот раз он успел ухватиться за поручень, и чьи-то руки помогли ему подтянуться. Ботинки лишь на долю секунды чиркнули по камням, и Риз плюхнулся на пол вагона, как рыба на дно лодки. Поднялся, дыша тяжело, но с облегчением. Расставил ноги пошире, чтобы не шататься от качки, и взглянул на тех, кто помог ему взобраться. Один был, пожалуй, лет шестидесяти с лишком, седой, а другой – примерно одних лет с Дэлом.

– Первый раз, гляжу, – проговорил старший и, шаркая ногами, отошел в угол.

Младший держался отчужденно: кивнул разок, а потом отошел в другой конец вагона и уселся в тени.

Дэл сказал:

– Спасибо, – и остался стоять у открытой двери, покачиваясь в такт движению поезда и чувствуя себя неудобно.

Кроме тех двоих, что помогли ему, тут были еще люди, но такие же необщительные. Давненько Риз не оказывался в такой большой компании. Один парень как-то слишком часто поглядывал на него и руку держал в кармане – может, хотел дать понять, что у него там пистолет или еще какое-нибудь оружие. Часа через два поезд пошел медленнее, и все двинулись к выходу, готовясь выскакивать. Дэла слегка стиснули в толкучке, и это было не очень-то приятно.

Старик вышел из своего угла, и Дэл спросил у него:

– Это Валдоста?

– Почти.

Дэл решил попытать счастья, как только переехали узенький ручей: трава вокруг была густая, мягкая. Тратить время на любезности не стал, спрыгнул молча. Подогнул ноги, как только они коснулись земли, и покатился под откос. Через пару секунд еще несколько человек последовали его примеру. Поезд свернул (из вагонов все еще торчали головы) и пропал за поворотом. Дэл встал, отряхнулся, поправил на поясе ведро и двинулся вслед составу. Шагал почти все время по путям, иногда чуть поодаль: под деревьями было прохладнее. Он понятия не имел, куда подевались остальные, да и не думал о них. Через некоторое время рельсы пересекли грунтовую дорогу, где Риз заметил обшарпанный, покосившийся указатель. На нем было написано «Валдоста», и стрелка указывала вдоль дороги. Приободрившись, Дэл зашагал по ней – мимо полей под паром, иногда мимо ферм, похожих на хозяйство Мо Саттона. Тут, видно, кое-кто сообразил сделать запасы на черный день. Дэл уже стал подумывать, не зайти ли спросить насчет работы на какой-нибудь из ферм посolidнее. Но не тянуло снова впрягаться батраком, а в скипидарном деле он и правда знал толк.

Дэл прошел совсем немного, когда за спиной послышался скрип тележных колес и знакомое цоканье копыт. Он обернулся и увидел

мужчину с ребяташками, тремя белоголовыми мальчуганами. Они катили в ветхой повозке, запряженной мулом, да таким страшным, какого Дэл еще, пожалуй, в жизни не видел.

– Подвезти вас? – предложил мужчина.

Дэл пояснил:

– Я иду на скипидарную ферму, она называется Ласточкино Гнездо. Слыхали про такую?

Мужчина сказал:

– Само собой. Кто же не слыхал? Могу подбросить вас на пару миль – до магазина нам по пути, а там уже недалеко. Довез бы и прямо до места, да там поворот на запад, а мне в другую сторону.

Дэл кивнул и запрыгнул в повозку сзади, сказав:

– Идет.

Мальчики повернули головы и уставились на него.

Мужчина бросил через плечо:

– Меня Томом зовут. А это мои парни: Том-младший, Сэмюэл, а самый маленький – Такер, это уже по жениной родне.

Риз слегка приподнял руку в коротком приветствии, но не получил в ответ никакой реакции. Мальчики были безмолвны, как облака, проплывающие над головой. Похоже, приучены к тому, что их должно быть видно, но не слышно.

Дэл представился:

– Меня зовут Дэл Риз. Рад знакомству.

Он снова отвернулся и стал смотреть назад. Следил, как убегает вдаль под его ботинками рыжая земля, и думал, как же повезло этому человеку, что у него есть сыновья.

Глава 4. Рэй Линн

С того самого дня, как случилась беда с Билли Дойлом, дождь лил почти не переставая. Вид из кухонного окна был тоскливый: нескончаемый ливень и тяжелые тучи на западе. Рэй Линн с Уорреном сидели дома: продолжать работу, которую они начали вместе с Билли, не было никакой возможности. Однажды зашел к ним приятель Уоррена, Буч Крэндальл, – сидел за столом, попивая сладкий чай, и ждал, когда стихнет дождь. Его приходы всегда разгоняли скуку, а сегодня разговор зашел особенно интересный, по крайней мере для Рэй Линн: Буч рассказывал, как добывают скипидар в Джорджии.

Он говорил:

– У них там разбито несколько лагерей. Так я слышал от Ленни Кроуфорда. Он, говорит, сам собирается в такой лагерь работать. На фермах же столько народу разорилось, и на мельницах работы почти нет. Говорит, никак концы с концами не свести, но надеется еще как-то справиться, даром что однорукий.

Уоррен на это ничего не сказал. Ленни очень неудачно сломал руку, когда работал на скипидарной ферме Кобба, а на врача у него денег не было, и в результате рука срослась неправильно.

Буч продолжал:

– Слышал, они сдают хибарки по пятьдесят центов, по доллару и по два доллара. Интересно, какая между ними разница?

Уоррен пояснил:

– Да почти никакой, просто в каких-то есть лишняя комната или просто чуток попросторнее.

– Во как. У них там и магазинчик свой, и бар, и школа для ребятишек, и церковь – считай, все, что нужно, под рукой. И хибарки эти разборные: когда на одном месте работа кончена, их разбирают и перевозят на другое.

– Я бывал уже в таких лагерях, – заявил Уоррен. – Там сейчас жизнь не мед, имей в виду. Да к тому же у нас и тут дела идут неплохо, а, золотце? – Он взял жену за руку и сжал ее.

Рэй Линн не ответила; она слушала Буча, и в голове у нее постепенно складывалась идея.

Уоррен потряс ее руку, ожидая подтверждения своим словам, но она повернула к нему голову и сказала:

– А что, если нам поехать пока туда поработать, Уоррен?

Муж выпустил ее руку.

– Зачем нам отсюда уезжать? У нас же свой дом есть. И работы полно – хватит на всех в округе, кто заработка ищет.

Вот то-то и оно, подумала Рэй Линн, а тянем лямку ты да я. Она откинула со лба волосы, ставшие непослушными от влажного воздуха. Буч так и пожирал ее глазами.

– Рэй Линн, – сказал он, – я тебе когда-нибудь говорил, какая ты красotka?

– Каждый раз, Буч.

Тот повернулся к Уоррену:

– Ну правда же, а?

Кобб, все еще раздосадованный предложением жены, теребил вылезшую нитку на рубашке.

Рэй Линн сменила тему:

– Что тебе положить, Буч? Хочешь кусочек моего пирога?

Крэндалл ответил:

– Твоего-то пирожка я бы отведал.

Он хихикнул над своей шуткой, а Рэй Линн бросила взгляд на Уоррена, но тот с озабоченным видом поправлял лямки комбинезона. Она встала, чтобы подать Бучу пирог.

Буч был парень ничего, но некоторые его привычки Рэй Линн раздражали. Например, когда он пялится на нее без конца, а Уоррен сидит чурбан чурбаном и молча слушает сальности приятеля.

К облегчению Рэй Линн, Буч оставил свои шутки и снова повернулся к Уоррену:

– Как там дела у твоего Юджина с этой юридической практикой в Южной Каролине?

– Да ничего вроде бы.

И разговор перешел на другое.

Доев кусок пирога, Буч поднялся со стула и сказал, что ему надо пойти проверить свиней. После его ухода дождь усилился, поднялся ветер. Деревья раскачивались из стороны в сторону, отвлекая Рэй Линн, пока она с покрасневшимся от пара лицом помешивала в кастрюле тушеную окру. Она открыла духовку взглянуть, готовы ли

бисквиты, как вдруг что-то сильно грохнуло, и обломившийся сук, к ее испугу, пробил крышу чуть ли не над головой. Почти сразу же с потолка потекла вода, залила горячую плиту, и та зашипела.

– Уоррен!

Муж, стоявший у нее за спиной, выругался:

– Черт меня подери! Давно надо было обрезать ветки над домом. Я боялся, что такое когда-нибудь случится, а тут еще запасной кусок жести куда-то задевался.

Шипение становилось все громче: вода капала и капала на плиту. Рэй Линн схватила ведро с дровами, стоявшее рядом, вывалила деревяшки на пол и подставила ведро под течь. Кобб уставился в потолок.

– Надо бы выдернуть этот сук, не то еще хуже будет.

– В такой ливень ты ничего не сделаешь, Уоррен. Да и еда уже готова. Давай-ка поешь. Погоди хотя бы, пока дождь не перестанет.

– У меня есть кусок холста, просмоленный чуток. Он пока удержит воду, а потом уж я все починю как следует. Всего и дела – сук вытащить да дыру заткнуть.

– Совершенно ни к чему заниматься этим сию минуту! – вспылила Рэй Линн, разозленная тем, что муж пропускает ее слова мимо ушей.

Он продолжал:

– Мне нужно, чтобы ты подержала лестницу. Надевай-ка пальто. Дело недолгое.

Рэй Линн шумно выдохнула в досаде и решила в этот раз настоять на своем. Не молчать.

– Нет, так дело не пойдет. Еще покалечишься. Или меня покалечишь.

Он удивленно уставился на нее.

– Ты что же, не хочешь мне помочь?

Она скрестила руки на груди.

– Это может подождать, Уоррен.

Он отмахнулся и вышел за дверь. Рэй Линн смотрела, как он бежит в сараюшку за домом, где они держали своего мула Дьюи. Через несколько минут муж вышел с лестницей, ведром смолы, накрытым тряпкой, и наброшенным на голову куском холста. Рэй Линн вышла на крыльцо и увидела, как Уоррен приставляет лестницу к боковой стенке

дома – по центру, там, где торчал дымоход. Муж стал карабкаться наверх с ведром в одной руке, и когда он уже почти добрался до верхней перекладины, Рэй Линн крикнула, хотя ее голос почти утонул в раскатах грома:

– Погодил бы!

Уоррен прокричал в ответ:

– Я не хочу, чтобы дом залило водой к чертям по самую крышу! А ты?

Рэй Линн злило его упрямство, а гроза тем временем усиливалась. Забор, сосны, флигель – все заволкло туманом: после утренней жары сильно похолодало, Рэй Линн даже дрожь пробрала. Она ушла в дом и переложила окру и помидоры в миску, не замечая, что немного соуса пролилось на плиту. Поставила на стол галеты, прислушиваясь к тому, как Уоррен возится у нее над головой. Сук так и торчал сквозь крышу, только время от времени шевелился, как будто его дергали. Рэй Линн старалась не представлять себе, как муж пытается его вытащить, балансируя на скользкой крыше.

Она вернулась к столу и поставила рядом с галетами горшочек с маслом. Снова послышался скрежет, и Рэй Линн взялась за тряпку, чтобы вытереть лужу на половицах, куда капала дождевая вода. Сук так и торчал в крыше.

Она все еще стояла на коленях, вытирая вновь образовавшуюся лужу, когда услышала: «Ах ты, черт!» – и жуткий скользкий звук, а за ним – тяжелый удар.

Она прошептала: «Боже ты мой!», вскочила и выбежала на улицу.

Уоррен лежал лицом вниз на деревянном ящике для цветов, который он сколотил для жены пять лет назад. Лестница валялась на земле. Не успела Рэй Линн добежать до мужа, Уоррен перевернулся на спину. Она замерла на месте, увидев его лицо и услышав голос. Стиснув зубы и морщась, он издал нечленораздельный гортанный стон, но подавил его, когда заметил жену. Он поднял руку, Рэй Линн подбежала к нему и упала коленями в грязь. Подняла его голову и положила к себе на колени.

Склонившись над мужем, она спросила:

– Где болит?

Уоррен держался за левый бок, пониже ребер. Попробовал приподняться, ощупывая бок пальцами. Было ясно видно, что ему

больно.

Рэй Линн спросила:

– Встать можешь?

Раздался новый раскат грома, и тут же вспыхнула молния. Уоррен огляделся вокруг, словно не понимая, где он.

Рэй Линн повторила вопрос:

– Уоррен, ты можешь встать?

Он перевернулся и с тяжким стоном приподнялся на четвереньки.

– Вот это треснулся я! – прохрипел он.

– Давай я тебе помогу.

Рэй Линн взяла мужа под руку, и с ее помощью он поднялся на ноги. Весь скрючившись, он держался за бок, пока жена, спотыкаясь, ковыляла рядом по грязи под дождем. Оба успели вымокнуть до нитки. Добравшись до крыльца, Уоррен выпустил руку Рэй Линн, ухватился за перила и стал подниматься шаг за шагом. Пошатываясь, вошел в парадную дверь и побрел в спальню. Рэй Линн шла следом, держа ладонь у него на спине.

В спальне она сказала:

– Снимай все мокрое и ложись.

Кобб скинул с плеч лямки комбинезона, и тот грязно-синей кучей лег на полу вокруг лодыжек. Потом Уоррен сел, и Рэй Линн стянула с него ботинки. Тогда он вытащил ступни из штанин и повернулся к кровати, а Рэй Линн приподняла на нем нижнюю рубашку и увидела синяки и покрасневшую кожу.

– Ужас какой, господи! – ахнула она. – Ты, похоже, ребро сломал, а то и не одно.

– Завяжи хорошенько, потуже.

Рэй Линн пошла на кухню за тряпками. Принесла в спальню старую простыню и достала ножницы из корзинки для шитья. Начала торопливо резать простыню на длинные полоски. Каждый раз, оглядываясь на Уоррена, она видела его искаженное страданием лицо.

В перерывах между тяжелыми вздохами он говорил:

– Болит. Здорово болит.

Рэй Линн видела, что ушибленное место уже стало бескровно-бледным, и сам муж весь побелел. Она заговорила было, но он перебил, словно прочитав ее мысли:

– Заживет.

Она резко выдохнула.

– Позволь мне позвать врача.

Уоррен заупрямился:

– Нет, просто перевяжи, как я сказал, и дай мне отлежаться.

Вся в тревоге, Рэй Линн сделала так, как хотел муж, а он все так же тяжело дышал, пока она обматывала длинные полосы вокруг его тела, затягивая изо всех сил. Закончив, она помогла Уоррену опереться спиной на подушки, и он сделал вид, что ему легче.

Взял ее за руку, поцеловал тыльную сторону ладони и сказал:

– Спасибо, золотце.

Глубокие морщины на лбу и блестящее от пота лицо говорили, что он чувствует себя ничуть не лучше, чем до перевязки. Рэй Линн пригладила ему волосы назад, и он сжал ее руку.

Стараясь, чтобы его слова звучали успокаивающе, муж проговорил:

– Все будет в порядке.

Рэй Линн понятия не имела, что еще тут можно сделать, поэтому пошла на кухню и села за стол, где ждала готовая еда, хотя аппетит давно пропал. Снова выглянуло солнце, июньский ливень отнесло на восток. Как в насмешку. Ну что мужу стоило подождать, как она просила! А что ей стоило придержать для него лестницу?.. Она услышала скрип кровати и поднялась со стула, чтобы взглянуть на Уоррена. Он наполовину свесился с края кровати, словно то, что терзало его изнутри, было совсем невыносимо. Рэй Линн нахмурилась в тревоге. Ей не хотелось злиться на мужа – в такое-то время, да еще из-за какого-то дурацкого спора о его манере браться за дела.

Он сказал:

– Левое плечо тоже болит. Видать, и им приложился.

Она снова спросила:

– Ты точно не хочешь, чтобы я позвала врача?

Кобб упал на кровать.

– Нет, у нас нет на это денег.

В волнении Рэй Линн смотрела, как он закрыл глаза, словно желая отгородиться от нее. У них было целых пятнадцать долларов. У других и того нет! Отчего не выделить доллар на врача?

Она подождала немного молча, а затем сказала:

– Я пойду, а ты постарайся заснуть.

Он ничего не ответил, и Рэй Линн вышла, прикрыв за собой дверь. Вернувшись на кухню, она убрала еду со стола в буфет. Больше делать было нечего, и тогда она села на стул и стала смотреть на дверь их спальни. Ей хотелось увидеть Уоррена – как он стоит в проеме, совершенно здоровый. Пожалуй, то, что с ним произошло, не должно было стать для нее таким потрясением. Правду сказать, удивительно, как что-то подобное не случилось до сих пор. Оставалось только надеяться, что Уоррен поправится и что происшествие как-то изменит его, научит задумываться о последствиях своих поступков. День прошел, наступил вечер. Уоррен время от времени постанывал. Один раз он вскрикнул так громко, что Рэй Линн была уверена: теперь-то он сдастся и позволит ей позвать доктора Пердью.

Она вошла узнать, чем помочь, желая лишь одного: облегчить страдания мужа, но не успела она произнести ни слова, как он рявкнул:

– Ничего ты тут не сделаешь, просто оставь меня в покое!

Такая вспыльчивость была не в характере Кобба. Это боль говорила за него. Поэтому Рэй Линн ничего не сказала и вышла из комнаты. Опять явился Буч, но Рэй Линн была совсем не в настроении слушать его шуточки. Когда Крэндалл зашел к Уоррену и вышел обратно, лицо у него было озабоченное.

– Ты еще не вызвала к нему врача? – спросил Буч.

Рэй Линн покачала головой.

– Не хочет он врача.

– Может быть, все-таки стоит вызвать. Ты Уоррена-то не слушай, он всегда такой был.

– Да хоть бы и вызвала – он же все равно не даст себя осмотреть.

Приятель поскреб затылок.

– Пожалуй, и это на него похоже.

Он оглянулся в сторону спальни, и Уоррен прерывисто прохрипел:

– Я все слышу. Никаких врачей, черт побери!

Рэй Линн подняла бровь, а Буч пожал плечами и ушел.

Вечер сменился ночью, и та принесла облегчение после жаркого и влажного дня. Солнце опустилось за деревья, стрекот сверчков и крошечные мигающие точки светлячков на опушке леса возвестили о том, что день уступает свои права. В обычное время они сидели бы сейчас на крыльце, она лущила бы горох или, может быть, чинила что-

нибудь при тусклом свете фонаря. Уоррен свернул бы сигарку, затянулся и стал рассуждать о завтрашнем дне, о том, что им предстоит сделать. Рэй Линн вышла на улицу и несколько раз глубоко вдохнула, когда легкий ветерок пронесся между сосен, чуть слышно посвистывая. Он то затихал, то снова поднимался, как будто мать-природа дышала вместе с Рэй Линн. Она повернула лицо к ветру, и несколько слезинок скатилось с ее подбородка. Она сердито вытерла лицо. Все будет хорошо. Завтра, когда солнце взойдет, Уоррену будет уже лучше, сказала она себе, крепко обхватив себя за плечи. Нужно верить.

Прошло еще несколько восходов и закатов, и Рэй Линн стала терять счет дням. Она мало спала – так мало, что в одно жаркое утро чуть было не задремала, стоя у плиты и жаря свиной шпик. Зачем вообще готовить? Есть-то некому, кроме нее самой, а ей хотелось есть не больше, чем Уоррену. Он все время смотрел в окно спальни – может, у него в голове бродили мысли о том, где он мог бы сейчас быть и что делать. Время от времени он сердито поглядывал на Рэй Линн, и она думала: наверное, муж в обиде на нее за то, что отказалась помочь в тот день, когда это случилось. Дошло до того, что, когда она входила в комнату, Кобб уже не поворачивал к жене голову, не разговаривал с ней. Они опять повздорили из-за доктора. Иногда Уоррен делался растерянным, беспокойным, а если нет, то орал на нее. Вчера даже расплакался. Рэй Линн никогда раньше не видела мужа плачущим, разве что из-за старой гончей Бесси, и это испугало ее.

Она бросилась к его кровати и спросила:

– Больно, да? Это ты от боли?

Он как будто хотел заглушить ее голос, потому что застонал еще громче и заколотил кулаками по постели. Рэй Линн хотела взять Уоррена за руку, но он отдернул ее.

Потом собрался с силами и выдавил:

– Уйди. Оставь меня в покое.

– Но, Уоррен...

– Вон. Вон!

Она не знала, что еще тут можно сделать, – только подчиниться. Она отошла от постели в уверенности, что мрачная тяжесть, поселившаяся в комнате, – это Смерть, терпеливо дожидаящаяся в углу.

Глава 5. Дэл

На перекрестке Том указал на прибитую к большому дубу табличку с корявой надписью «Ферма Ласточкино Гнездо» и стрелкой вправо. Солнце стояло прямо над головой: был полдень. Риз подошел к передку телеги, и Том протянул ему руку.

Дэл пожал ее и сказал:

– Спасибо.

– Удачи, – кивнул Том.

Он тронулся, и Дэл постоял немного, глядя на три светлые головенки, покачивающиеся на задке телеги. Еще раз помахал рукой, и старший мальчик ответил ему тем же. Путь был легкий, да и ноги шагали бодро – отдохнули от ходьбы. Дэл шел по узкой грунтовой дороге, на которой запряженные мулами повозки намертво укатали все, что могло вырасти на твердой почве, кроме совсем уж неистребимых сорняков. На ходу Риз размахивал руками в неожиданно радостном предвкушении того, что ждет его в этих новых местах. Среди сухой, выжженной солнцем травы изредка мелькали яркими точками полевые цветы. Всему в этой жизни свое время. Может быть, здесь он сможет начать все заново, забыть то, что случилось в зернохранилище, зажить по-человечески. Стать прежним Дэлом. Раньше, чем лагерь открылся взгляду, Дэл почувствовал его запах: резкий дух скипидара, дым от горящих дров и аромат сосен. Он был родом из Северной Каролины, штата, который когда-то был главным поставщиком дегтя для военно-морского флота. В конце концов запасы длиннохвойных сосен исчерпались, и вся отрасль, словно стая перелетных птиц, упорхнула на юг, в Джорджию и Флориду. Длиннохвойную сосну, некогда столь обильно росшую во всех южных штатах, истребили очень быстро. Множество стволов осталось лежать на земле, как мертвые деревянные тела. Они погибли не от «кошачьих мордочек» – щербин, образующихся на коре после надрезов, – а из-за устаревшей технологии выдалбливания коробов для сбора камеди. При сильных ураганах какие-то деревья падали, а устоявшие в конце концов уже не годились в дело: надрезы елочкой уходили на такую высоту, до которой рабочему было уже не дотянуться, даже со

специальным инструментом-съемником. Тогда часть деревьев шла на дрова, а часть так и оставалась стоять, и прозрачные «кошачьи мордочки» виднелись на стволах символами ушедших времен.

Семья Риза издавна занималась заготовкой скипидара. Дедушка работал в лагере вальщиком леса, и отец тоже. Дэл всегда был рядом: учился подсачивать деревья, добывать и собирать смолу. Учителя у него были самые разные – и белые, и цветные. На той земле, где вырос Дэл, еще его дед сажал деревья вместе со своим дедом, чтобы однажды заняться скипидарным бизнесом, – так ему рассказывали. Сейчас эти деревья вступали в пору зрелости. На рост ушло не меньше полувека, и, хотя для того, чтобы начать с ними работать, Дэлу нужно было сначала добраться до дома, он часто думал об этом и знал: придет время, и он вернется.

Однако опыт подсказывал, что работа в Ласточкином Гнезде может не то что не приблизить его к желанной цели, а еще и отбросить назад. Магазины в таких лагерях частенько задирали цены. Если ты не против получать жетоны или сертификаты вместо нормальных денег, то с голоду не помрешь, но и только. Такая система вызывала недовольный ропот, но что же было делать? Время такое: хочешь не хочешь, а семью кормить надо. Лачуги для жилья в лагерях тоже имелись, хотя часто не в лучшем состоянии. Но для кого-то это было все-таки на ступеньку выше гувервилля. Были в лагерях и церкви, и школы, а где-нибудь в центре всегда стоял бар, чтобы было где посидеть в субботу вечером.

Дэлу исполнилось четырнадцать лет, когда они впервые отправились в Джорджию на скипидарные работы, так что в лагере он уже жила. Дедушку с бабушкой, слишком старых и слабых для кочевой жизни, оставили дома. Мать плакала, собирая все, что могло уместиться в кузов повозки.

Отец обнял ее за плечи и сказал:

– Не переживай ты. Мы вернемся. Обещаю.

В то утро, когда они покидали старый фермерский дом на берегу реки Кейп-Фир, Дэл лежал в кровати навзничь, и золотые лучи солнца скользили по его лицу, как и многие годы до сих пор. Ему хотелось оставить это ощущение в памяти, и он продолжал лежать, пока мама не крикнула ему вставать. Они съели приготовленные ею галеты с ветчиной, выпили горячего кофе, а затем Дэл и его сестра Сьюди Мэй

обнялись с бабушкой и дедушкой и вскарабкались на заднее сиденье повозки, нагруженной всем, что семья успела накопить за долгую жизнь. Мама забралась следом за ними с узлом из простыни, в которую была увязана ее чугунная сковорода вместе с прочей кухонной утварью. Этот узел начал колотиться о борт повозки, когда мул зашагал вперед.

Для Дэла это было веселое приключение, только вот мама опять плакала. Бабушка с дедушкой стояли в дверях и махали вслед, – тогда внук видел их в последний раз. В пути они со Сьюди Мэй вертели головами, разглядывая окрестности, и, хотя вдоль длинной, нагретой солнцем дороги росли все те же привычные сосны, вскоре путники пересекли границу Южной Каролины, а так далеко они еще никогда не заезжали. За несколько дней добрались до лагеря, и началась работа. Через пару месяцев бабушка прислала письмо, где писала, что у дедушки случился внезапный сердечный приступ и он умер.

– Сердце не выдержало, – сказала мама.

Они прожили в лагере три года, а потом родители засобирались обратно в округ Блейден: оба тяжело переболели тифом и больше не могли работать в таких условиях. Они решили вернуться домой, заботиться о бабушке, и Сьюди Мэй вместе с ними.

Отец предложил:

– Поехали с нами, сынок. Посмотрим, как там деревья. Может, уже найдется парочка годных в дело.

Дэл отказался: хотелось пожить самостоятельно, мир посмотреть. На лице отца было написано такое разочарование, что Дэл отвел взгляд. Годы шли незаметно, и, кажется, не успел он оглянуться, как Сьюди Мэй написала, что отца больше нет. Еще через несколько лет умерла и мама. Сьюди Мэй оказалась им более надежной опорой, чем он, особенно под конец. Ее последнее письмо о матери долго кочевало из одного места в другое, пока не попало к Ризу в руки. Прочитав его, он почувствовал укол вины и еще сильнее пожалел о своем решении жить своим умом. Следом пришла мысль: а есть ли смысл теперь возвращаться домой? Через несколько лет пришло еще одно письмо, в котором сестра сообщала, что вышла замуж. Как всегда, звала его домой. «Я скучаю по тебе, – писала Сьюди Мэй. – Мы с Эймосом справляемся, концы с концами сводим, но без мамы, папы и тебя совсем не то».

Дэл с минуту постоял под раскачивающимися величавыми соснами, увенчанными темно-зелеными хвойными кронами, вдыхая резкий аромат дыма, острый запах скипидара, смолы и дегтя, смешанный с теплым ветром, несущим запах вечнозеленых деревьев. Пели цикады – негромкое жужжание постепенно переходило в беспокойный, пронзительный гул. И вот впереди показался лагерь Ласточкино Гнездо: продовольственный магазинчик, еще какой-то дом возле него, бондарный сарай и перегоночная. Чуть поодаль, ряд за рядом, стояли хижины рабочих. У одной из них несколько белых женщин развешивали выстиранное белье. Еще одна тропинка вела к рядам лачуг поменьше, стоявших немного дальше, на противоположной стороне. Из одной из них вышла цветная женщина и выплеснула ведро грязной воды на цветы в маленьком садике. Возле некоторых лачуг были огороженные заборчиками крохотные участки земли, где бегали куры, и почти у всех – огородики под овощи.

Дэл увидел мужчину, сидевшего у входа в магазин. Тот чистил яблоко и ел ломтики с кончика ножа. Вид у него был не то чтобы дружелюбный, но и не злой. Темно-каштановые волосы, глубокие складки вокруг рта, глаза в цвет волос, близко посаженные, один чуть скошен к переносице. Рядом с мужчиной лежала шляпа с воткнутым под ленту вороновым пером.

Риз подошел к нему и сказал:

– Приветик. С кем тут поговорить по поводу работы?

Взгляд у незнакомца был хоть и косоватый, но пристальный. Он указал ножом на небольшой домик, на двери которого висела табличка с надписью «Контора».

– Малый по имени Причард Тейлор. Вон там.

Дэл поблагодарил и отошел, чувствуя, как слегка зашевелились волосы на затылке. В конторе он сразу оказался лицом к лицу с невысоким мужчиной с буйной, непокорной шевелюрой. Мужчина протянул руку, Дэл пожал ее и начал было говорить, но его прервали.

– Причард Тейлор. Зовите меня Пиви, если хотите. Вы пришли по поводу работы? Полагаю, что да, иначе бы вы здесь не стояли. Работы у нас полно, только начальства мне тут больше никакого не нужно. Пока, во всяком случае. А вот погонщик не помешал бы, или кто-нибудь, кто будет присматривать за этим болваном Пронырой на перегонке, – следить, чтобы не разнес тут все в пыль.

Риз хотел вставить, что в начальство не метит, но Пиви не умолкал:

– У меня тут человек двести, многие с семьями, некоторые без, но вот что мне нужно до зарезу, так это несколько крепких ниггеров. Если знаете таких, присылайте ко мне, но это все, что я могу предложить. Работу для ниггеров.

Дэл сказал:

– Ну, я вообще-то не прочь заняться деревьями, если можно.

– Это и есть работа для ниггеров.

– Я уже чем только не промышлял, – пояснил Дэл, – но работа с деревьями мне больше всего по душе. Я к ней с детства привычный.

Пиви потер подбородок, словно бы в задумчивости.

– Вот уж не знаю. – Он покрутил в пальцах карандаш и наконец сказал: – Ладно, я не против. Люди на эту работу нужны, только вот проблем бы не вышло.

Дэл заверил:

– От меня проблем не будет.

– Может, и так, но у меня тут десятник со своими понятиями. Начинаем мы обычно рано утром и работаем до сумерек. Можешь приступать прямо сегодня, если хочешь, работы полно. Платят семьдесят пять центов в день. Вижу, у тебя и ведро свое. Если нужны припасы и все такое, а денег нет, так ты скажи Отису в магазине, пусть запишет в долг на твое имя. Потом из жалованья вычтут. У нас тут вместо денег сертификаты. Ты женат? – И все это на одном дыхании.

Дэл сказал:

– Я сам по себе, так что мне особой роскоши не надо.

– Ну ладно. Всеми работами сейчас распоряжается Элайджа Суини по прозвищу Ворон. Он не очень-то любит, когда белые с цветными мешаются, но ты ему скажи, что я разрешил.

– Ворон? Я его видел, кажется. Это у него шляпа с вороновым пером?

– Точно. Только смотри, у него к деревьям особое отношение. Работай аккуратно. В общем, твой номер – сорок два. Это в секции для холостяков. У нас тут, знаешь ли, все распределено, где кому селиться. Негры там, белые тут. Видишь? Вон туда иди. Номера на дощечках над дверью. Если заблудишься, спросишь. – И Пиви махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

Вернувшись к магазину, Риз поискал глазами человека по прозвищу Ворон, но тот уже исчез. Из бондарного сарая сильно тянуло рубленным деревом и слышались частые удары молотка. Дэл заглянул внутрь: рабочий с молотком прибивал клепку к гнутым доскам, образующим бочку. В магазине хозяин стоял за прилавком, сгорбившись над бухгалтерской книгой, а сзади какая-то женщина вытирала пыль с длинных деревянных полок. Как только Риз подошел к прилавку, женщина юркнула за занавеску, отделяющую заднюю часть магазина.

Дэл сказал:

– Я тут только что на работу нанялся, так мне бы прикупить кой-чего.

Мужчина перестал писать и представился:

– Отис Риддл.

– Дэл Риз.

Отис записал имя Дэла и жестом указал на заставленные продуктами полки.

– Выбирай, что нужно, а моя жена Корнелия тебе упакует.

Дэл походил вокруг, выбрал продукты – кукурузную муку, сало, бобы, крупу – и понес к прилавку.

Там он спросил:

– А нет ли соленой свинины?

Отис крикнул:

– Корнелия! Где тебя черти носят? – после чего сделал недовольный жест и буркнул: – Черт бы побрал эту женщину. Как нужна, так ее не дозовешься.

Он скрылся за занавеской, а Дэл снова стал обследовать магазин, после чего добавил к куче товаров еще кусок мыла. Отис вернулся к прилавку, за ним плелась та женщина, которую Дэл уже видел раньше.

– Шевелись давай, – сказал Отис и шлепнул ее пониже спины.

Дэлу стало неловко, он опустил глаза, а Отис почесал под мышкой. Корнелия сначала нарезала соленую свинину, а затем уложила выбранные покупателем товары в деревянный ящик, отворачивая в сторону ярко пылающее лицо. Сделав свое дело, она снова скрылась за занавеской, так ни слова и не сказав Дэлу. Она была, несомненно, недурна собой; спутанные темные, почти черные волосы выбивались из собранного на затылке узла. Тем временем Отис

облизал кончик карандаша, что-то написал, а затем жестом указал на занавеску, за которой скрылась Корнелия:

– Мы с ней всего год как женаты. Еще не выучил всему, что мне надо, если ты понимаешь, о чем я. – Он посмотрел на Дэла так, словно тот и правда понимал, о чем речь, и добавил: – Короче, шесть долларов за тобой будет.

Риз быстро подсчитал, сколько он так потратит, и пришел к выводу, что жалованья на неделю не хватит: на пару дней раньше разойдется. Еще и не начал работать, а уже в долги влез. Это было обычное дело в таких лагерях, и, хотя Дэл не любил быть должным, выбора у него не оставалось – как и у всех прочих, кто пришел работать в скипидарный лагерь. Он кивнул Отису в знак согласия, взял ящик, снова вышел под палящий зной и направился к своему новому дому.

Хижину номер сорок два он нашел довольно быстро. Внутри был страшный беспорядок. Протекающую крышу залатал, видно, кто-то из прежних жильцов, но этот дом явно облюбовали все мухи и клещи, сколько их было в округе. Риз пристроил ружье над дверью, на гвоздях, вбитых по краям с каждой стороны. Когда он разбирал покупки, над головой послышался какой-то скользкий шорох. Дэл решил, что это коралловый аспид, – или, скорее, надеялся, что не кто-нибудь похуже. Воняло в хижине адски, и Дэл стал искать источник запаха. Открыл дверцу дровяной печи, заглянул внутрь и отпрянул: в печи лежала тушка опоссума, наполовину зажаренная, а теперь еще и сгнившая. Зажав нос, Дэл осмотрел крошечную комнатку и грязный, весь в пятнах, тюфяк, кое-как набитый испанским мхом: здесь ему предстояло спать. В деревянных стенах были такие щели, что палец просунуть можно, дневной свет проникал сквозь них в сырую комнатку, ложился золотистыми полосами на грязном полу. По крайней мере, хоть воздух сквозь дырки проходил. Но к зиме их придется как-то законопатить или хотя бы газетами заткнуть. Трудно было поверить, что это и есть лучшее жилье, предназначенное для белых. Ну да ладно – какая-никакая, а все-таки крыша над головой.

Дэл нашел старое прохудившееся ведро, вытащил опоссума из печки и бросил туда. Прикрыл дверь в хижину, торопливо сбежал по ступенькам и тут заметил, что работа уже идет. Он вытряхнул опоссума в лесу, бросил ведро за ограду и пошел на голоса,

раздававшиеся вдалеке. Знакомый ритм был памятен ему с давних времен, и, подойдя ближе, он чуть не разулыбался, услышав выкрики: «Сладкая Штучка!», «Большая Шишка!», «Росинка!». Обычно за такими кличками работников скрывался смысл, непонятный для посторонних: намек на характер их носителя, его мечты, особые пристрастия или еще какое-нибудь заметное отличие. Десятники-учетчики таким образом отмечали, сколько сделал каждый. Между выкриками слышались обрывки песен. Дойдя до леса, Дэл заметил пустой участок, уже выработанный и спиленный на бревна. На расчищенной поляне, в отдалении от лагеря, под палящим солнцем стояло нечто такое, чего Риз еще никогда не видел: деревянный ящик, до странности неуместный в лесной глуши. Длиной примерно как гроб, да на гроб он и был похож. Дэл слышал, что нечто подобное применяется в качестве дисциплинарной меры. Эти ящики прозвали парилками, и не зря.

Заинтересовавшись, Дэл огляделся вокруг, а затем рысцой подбежал к ящику. Доски уже растрескались от непогоды. Риз присел на корточки, заглянул через трещину внутрь и тут же испуганно отшатнулся: на него смотрели дикие, налитые кровью глаза. Он попятился, а затем услышал шорох и тихий шепот.

Он осторожно спросил:

– Эй, ты как там?

Снова послышался шепот:

– Воды...

Кого же там заперли и что он такое натворил? Ближайший колодец остался далеко позади, но нужно же было попытаться хоть как-то помочь.

Дэл сказал:

– Погоди, я сейчас.

Тот, кто был в ящике, застонал. Риз торопливо зашагал по тропинке, но сбавил шаг, увидев перед собой своего нового начальника.

Ворон окликнул его:

– Эй! Ты что тут делаешь?

Дэл показал рукой на ящик.

– Кажется, я что-то слышал.

– Не твоего ума дело.

Нарываться на неприятности не хотелось, и Риз сменил тему.

– Меня только что приняли на работу, – сообщил он. – Под ваше начало, в общем. Готов приступить, если найдется что-то для меня. Могу подсочку делать, жестянки ставить, смолу переливать – мне, в общем, без разницы.

Ворон поднял брови:

– Чего? Это ж негритянская работа.

Дэл счел нужным пояснить:

– Мистер Тейлор, Пиви, сказал, что начальники ему не нужны и что я могу выбрать себе занятие по душе.

Секунду-другую они оценивающе смотрели друг друга, затем Суини приказал:

– Иди за мной.

Он зашагал вперед, и Дэл поплелся следом, бросив последний извиняющийся взгляд через плечо. Они с Вороном ни слова не сказали друг другу за все время, пока не добрались до длиннохвойных сосен. Там Дэл сразу обратил внимание на расчищенные основания деревьев и засечки на стволах, указывающие, где нужно работать. Ворон достал инструмент из рогожной сумки, лежавшей под деревом, и протянул новенькому.

– Какую кличку тебе дадим? – спросил он.

Дэл подумал секунду и ответил:

– Батлер.

Десятник записал это прозвище в блокнот и сказал:

– Давай.

Риз встал у ствола длиннохвойной сосны, на котором под снятыми ранее полосками коры начинала проступать характерная «кошачья мордочка». Давненько он не брал в руки [хак](#)^[2]. Он повернул инструмент острым концом к дереву и стукнул разок по старому надрезу. Знакомые навыки вспомнились быстро. Дэл повел хак слева направо. Получился новый надрез над предыдущим. Тогда он проделал то же самое еще раз, с другой стороны, и две линии сошлись, образуя четкий угол. Теперь смола потечет из него к жестяным желобам, а по ним густая сиропообразная масса направится в глиняную чашу. Дэлу были знакомы эти чаши и желоба: новая техника, известная как система Херти, по имени изобретателя.

Дэл показал на глиняную чашу и сказал:

– Я слышал об этом, но в деле еще не видел. Некоторые до сих пор короба вырубают.

Ворон поднял взгляд от записной книжки, в которой вел учет, и, кажется, впервые проявил какую-то заинтересованность.

– Это я рекомендовал такую систему. Не нравится мне, когда рубят короба у основания ствола. Деревья от этого чахнут, могут упасть во время бури. Их и так-то лесозаготовительные компании вырубают, но это не значит, что надо губить сосну, тем более когда есть способ получше.

Дэл кивнул. Ему это было более чем понятно. Он перешел к следующему дереву и стал делать подсочку на уровне пояса – так было удобнее управляться с инструментом, чтобы не прорубить слишком глубоко. Когда он покончил с пятым деревом, Ворон оставил его работать самостоятельно и перебрался на центральную точку обзора, откуда мог следить за Ризом и остальными работниками и слышать, как они выкрикивают свои клички. Дэл расценил это как хороший знак. Он засекал время, которое ему требовалось на одну подсочку, включая переход к следующему дереву: двадцать секунд. Выходит, три дерева в минуту. Через четыре часа будет семьсот двадцать. Вроде бы неплохо, но он может и быстрее – пожалуй, и все восемьсот осилит.

Снова и снова он выкрикивал: «Батлер!», и его голос сливался с голосами других, которых он не видел, хоть и знал, что они рассредоточены на других участках леса.

Через час одежда на Ризе промокла насквозь, а разносчиков воды что-то пока было не видно. Эту работу часто выполняли цветные женщины или мальчишки – ходили по делянке с ведром и ковшом. Дэл продолжал работать, но мысли вертелись вокруг того парня, что сидел в ящике. Чувствуешь себя там, наверное, как будто заживо похороненный. Как в том зернохранилище, черт бы его побрал. Изредка дуновение ветра приносило облегчение на несколько секунд, и Дэл надеялся, что узник хотя бы чувствует это, но большую часть времени воздух был совершенно неподвижен – ни одна сосновая иголка не шевельнется. Воду наконец принес неразговорчивый темнокожий мальчишка, избегавший смотреть на Дэла. Сзади по ногам паренька тянулись тонкие шрамы.

Дэл попытался затеять с ним разговор, но Ворон, словно почувствовав минутную паузу, возник из ниоткуда и рявкнул водоносу:

– Эй, парень, у тебя что, опять шкура плетки просит?

Дэл опустил ковш в ведро и вытер рот рукавом рубашки. Мальчонка улепетнул по тропинке бесшумно, как мотылек в ночи.

Десятник посмотрел ему вслед и буркнул:

– Бездельник, весь в папашу.

Дэл ничего не сказал, ни звука не проронил, если не считать ударов инструмента по очередному дереву. Ближе к сумеркам и ко времени отбоя в монотонную переключку подрубщиков вдруг вклинились сердитые крики, а следом – хриплый вопль. Дэл распрямылся и, прищурившись, стал вглядываться в глубину леса. Мало ли что могло случиться с человеком, если он так кричит: змея укусила, инструментом поранился. Среди толстых стволов замелькали пятна – серые, синие, коричневые – цвета одежды мужчин, ехавших в повозке, запряженной огромным мулом. Тот шел размеренным шагом и ловко огибал деревья. Снова крики, и еще, и еще... Люди, сидевшие в повозке сзади, беспокойно заерзали. Когда Дэл запрыгнул на заднее сиденье, все опустили глаза. Колеса заскрипели, вновь раздался громкий щелчок, и до их ушей донесся еще один вопль.

Люди никак не реагировали на то, что происходило в паре сотен футов позади них, словно это было совершенно обычное дело. Риз так не мог. Как оказалось, Суини ехал на лошади за цветным мужчиной; тот брел впереди, спотыкаясь, и лошадь Ворона шарахалась из стороны в сторону, беспокойно мотая головой. Десятник взмахнул плетью и хлестнул рабочего по спине. Тот упал на колени, потом на живот и затих. Ворон бросил его лежать на дороге, ударил лошадь пятками в бока и догнал повозку.

Потом проговорил, ни к кому не обращаясь:

– Видели, что бывает, когда режешь слишком глубоко и губишь деревья? Будешь и дальше так делать – попадешь в ящик. Это всех вас касается. Пропускаешь деревья? Сразу в ящик. Иногда вас туда приводит собственная глупость, иногда – мое дурное настроение. Смотрите не забывайте об этом.

Ворон оглядел всю группу, и Дэл, как и остальные, отвел глаза и смотрел в сторону, пока десятник не проехал мимо. Повозка остановилась.

Одноглазый извозчик буркнул:

– Идите помогите ему.

Дэл и еще один рабочий подхватили избитого под руки. Его рубашка, если ее можно так назвать, представляла собой рогожный мешок с прорезями для рук. Всю спину крест-накрест пересекали багровые полосы. Мужчина еле волочил ноги, черные от грязи и сосновой камеди. Вот так лагерь, подумал Дэл. Пожалуй, он совершил ошибку. Но ведь за ним уже долг числится. Если уйдешь, не заплатив, начальники могут сделать с тобой что угодно. Они тут сами себе закон, творят все, что заблагорассудится.

Если беглеца найдут, так позаботятся, чтобы больше уж никто не нашел. Сбежал, мол, и всё тут, до сих пор ловим.

А если в дело и вмешается представитель закона, босс только скажет: «Поймаешь – тащи его сюда, он мне должен остался».

Они помогли избитому человеку забраться в повозку и покатали дальше. Когда подъехали к окраине лагеря, Дэл увидел, что крышка ящика-парилки открыта, а того, кто там лежал, не видно. Ворон уже сидел на крыльце и точил свой неизменный нож. Он не поднимал головы и не обращал никакого внимания на проезжавших мимо. Как будто теперь, когда смена закончилась, работников для него уже не существовало. Дэл посмотрел на избитого человека, лежащего на дне повозки, и задумался, что хуже – ящик или плеть.

На следующее утро Дэл встал ни свет ни заря – так беспокойно спал. Он прошелся среди старых сосен неподалеку, разглядывая стволы, испещренные шрамами, отчетливо видными на коре в лунном свете. Пощупал твердую, как кость, древесину под старыми надрезами и заметил свежую, девственную, еще не тронутую. Решил, что погодит пока, посмотрит, как дело пойдет, разберется, типичную картину вчера наблюдал или нет. Ризу хотелось только одного: быть как все и делать свою работу. Вписаться в ритм здешней жизни. В половине шестого он уже ждал повозку у забора, а когда она подошла, забрался в нее и уселся сзади на бортик, спиной к остальным. Ворон ухмылялся. На месте сбора Дэл вместе с другими направился к большому дереву в тени. Повесил ведро с обедом на ветку, заметив, что никто здесь не разговаривает друг с другом. Потом все быстро запрыгнули обратно в повозку. Пока она везла рабочих через лес, Суини выкрикивал их здешние клички, и они один за другим спрыгивали с повозки и исчезали.

Наконец Ворон рявкнул: «Батлер!», и Дэл проворно соскочил с повозки.

Он прошелся по сосняку и оглядел следы от подсочек. Они были глубокие – глубже, чем он сам сделал бы. Оставалось только надеяться, что деревья не погибнут. Территория была аккуратно размечена, к основаниям стволов в холодные месяцы сгребали хвою. Дэл принялся за дело. Две тысячи деревьев не оставляли времени на долгие размышления – только успевай раз за разом делать подсочку и выкрикивать свое прозвище. За работой Ризу вспомнились длиннохвойные сосны, которые они посадили дома, – как-то они выглядят сейчас? Может, когда-нибудь он посадит там новые деревья, и неважно, что им расти еще лет пятьдесят, зато они переживут его самого и его сыновей – если у него когда-нибудь будут сыновья.

Отец объяснил однажды, что такие сосны могут прожить пятьсот лет. Дэл размечтался: представлял, как теперь уже он будет учить своих ребят, рассказывать, что земля и деревья вроде длиннохвойной сосны стоят дороже любых денег, которые на них можно заработать. И что, если их не беречь, они могут просто исчезнуть. Он видел такое. Как сказал десятник, целые леса гибли, когда деревья выжимали до полного истощения. Потом приходили лесозаготовительные компании и вырубали стволы. Кто-то однажды сказал, что белка может соскочить с верхушки дерева в Виргинии и добраться до Техаса, ни разу не коснувшись земли. Дэл готов был поспорить, что теперь так уже не выйдет.

Пусть его и точили сомнения насчет Ласточкиного Гнезда после того, что он успел увидеть, пока что он здесь и постарается извлечь из этого все, что можно. Всю вторую половину дня он работал без передышки, хотя с тех пор, как подался в леса, толком ничего не ел и был уже не так силен, как на ферме Саттона. Работать было жарко, тяжело, но он рубил быстро, точно и чувствовал себя все увереннее. По его подсчетам, он успевал подсчитать сто шестьдесят семь деревьев в час, и так с восхода до заката. Дэл сложил цифры: выходило, что если так и дальше пойдет, то жить можно. По крайней мере, ему хотелось в это верить.

Глава 6. Рэй Линн

Измученный болью, взвинченный, угрюмый, Уоррен без конца ворочался в постели, так что ни он, ни Рэй Линн толком не спали. После несчастного случая прошло уже четыре дня, и у Рэй Линн голова раскалывалась от недосыпа и волнений. Она встала и пошла на кухню за аспирином, а когда вернулась в спальню, остановилась в дверях, увидев, что Уоррен перекинул ноги через край кровати и пытается встать. Но муж так и остался сидеть, скорчившись и обхватив руками живот. Рэй Линн застыла на месте, затаив дыхание. В глубине души она почти надеялась, что вот сейчас он поднимется безо всякой боли и все вернется на круги своя. Уоррен медленно выпрямился, держась за бок, но тут же снова рухнул на спину, тяжело дыша. Плечи у Рэй Линн разочарованно поникли. Она подошла к кровати и встала рядом. Голова мужа свесилась вниз, и он даже не пытался ее поднять.

– Зря ты пробуешь вставать. Рано тебе еще.

Он прошептал:

– Где моя лошадь?

Рэй Линн хотела было погладить мужа по плечу, но его слова были настолько странными, что она отдернула руку.

В недоумении она ответила:

– У нас же нет лошади.

– А?..

Рэй Линн положила руку Уоррену на лоб. Кожа была холодная и влажная.

– Ляг и постарайся не двигаться, – посоветовала она. – Ты только хуже делаешь.

– Хуже? Куда еще хуже-то, черт подери, Рэй Линн!

Муж и раньше поминал черта, но не в ее адрес.

Она пояснила:

– Ты мог бы шею сломать и лежать в сейчас в могиле, так что есть куда.

Потом Рэй Линн осторожно пощупала живот Уоррена. Он был твердый, горячий, вздувшийся. Что-то внутри было совсем неладно,

сомневаться не приходилось. Кобб положил руку на ее ладонь и посмотрел на жену так жалобно, что она не нашла слов.

Он прошептал:

– Может, ты...

Она не поняла, хоть и старалась помочь.

– Тебе что-нибудь нужно? Может, я?..

Уоррен закрыл глаза. Он больше ничего не сказал, и Рэй Линн гладила его по руке, пока он не задышал легче. До конца дня она старалась не сидеть без дела, заглядывала к Уоррену в перерывах между хлопотами по хозяйству, клала ему на лоб прохладные салфетки и давала глотнуть сладкого чая. Когда пришло время ложиться спать, ей хотелось только одного: чтобы сон пришел к ним обоим. Она наполнила водой таз для умывания и принесла в комнату. Разделась, умылась, натянула ночную рубашку, а затем вынула из волос шпильки. Голова все еще болела, но Рэй Линн расчесала волосы щеткой, и стало легче. В зеркале она увидела, что Уоррен смотрит на нее, и повернулась к нему в тот самый момент, когда муж заговорил. Голос у него был слабее, чем утром.

Он прошептал:

– У тебя такие красивые волосы.

Рэй Линн отложила щетку, взяла тряпку, окунула ее в воду и подошла к мужу. Села на кровать рядом с ним и стала обтирать ему лицо.

Кобб посмотрел на нее и спросил:

– Ты кто?

Она слегка отстранилась и нахмурилась.

– Это я, Рэй Линн. Твоя жена.

Он моргнул.

– Рэй Линн?

Встревоженная, она спросила:

– Пить хочешь? Можешь выпить немного воды?

Муж кивнул, она принесла ему воду, и он дрожащими руками потянулся к стакану. Крепко стиснул его в пальцах и пил, пока не выпил все до дна. Рэй Линн поставила стакан на тумбочку и легла рядом с Уорреном, стараясь не потревожить его. Как-то незаметно она уснула и очнулась только утром, услышав за окном пение пересмешника. Она повернулась к Уоррену и увидела, что он тоже не

спит. Вот только человек, смотревший на нее, не был похож на ее мужа. Землистая кожа, фиолетовые тени под глазами – ничего общего с прежним Уорреном Коббом. Но взгляд у него был ясный, какого она не видела уже несколько дней.

Стараясь говорить бодро, она спросила:

– Получше тебе?

Он не ответил, как будто его утомляли вопросы жены.

Она пошла выносить ночной горшок, а когда вернулась в спальню, взгляд у Уоррена уже стал жестким. Задыхаясь, он проговорил:

– Мне нужно... кое-что.

Рэй Линн подошла к нему и сказала:

– Все, что хочешь.

Он указал на комод.

Она почувствовала подступающий ужас.

– Можешь сказать?

О докторе она больше не упоминала, чтобы не раздражать мужа.

– То, что я сделал тогда. Для Бесси.

Бесси – это была рыжая гончая Уоррена, к которой Рэй Линн очень привязалась с тех пор, как пришла в этот дом. Бесси была славная старушка, летом спала под крыльцом, а зимой – под кроватью. Наконец дошло до того, что гончая уже не могла ходить, не могла контролировать свой кишечник и мочевой пузырь, а потом и есть перестала. Она смотрела на хозяев скорбными глазами, и хвост у нее больше не мотался из стороны в сторону.

Уоррен тогда положил большую ладонь на голову собаки и сказал:

– Она хочет уйти.

Он погладил Бесси еще немного, достал свой револьвер двадцать второго калибра, взял старушку на руки и скрылся с ней в глубине леса. Рэй Линн мерила шагами кухню в ожидании выстрела, а когда тот прозвучал, она, хоть и знала, что так будет, все равно вздрогнула, и сердце у нее упало. Они еще долго не могли оправиться после смерти Бесси: собака заполняла пустоту в их сердцах и, уходя, забрала эту частичку с собой.

И сейчас Рэй Линн чуть не плакала.

– Уоррен! Ты же не можешь говорить такое всерьез.

– Могу.

Чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, она воскликнула:

– А я не могу! И не проси.

– Это... невыносимо. – Дрожащими руками он схватился за левый бок.

Рэй Линн вышла из спальни встревоженная, испуганная, и его мольбы преследовали ее по всему дому.

– Пожалуйста...

Пытаясь отвлечься, она принялась готовить завтрак, будто ничего не случилось. Принесла еду Уоррену, но тот отвернулся к стене. Она села рядом, как делала каждое утро, чтобы попытаться уговорить его съесть яйца всмятку, но муж смотрел в стену.

– Значит, не будешь есть?

Молчание. Она сердито поставила тарелку на стол.

– Это не ответ. Я бы на твоём месте не стала о таком просить.

– А я и не прошу. Сам все сделаю.

Эти слова пронзили ее, как холодный ветер в зимнюю стужу. Она представила, как муж делает то, что задумал, а она стоит рядом и не вмешивается. Боже мой! Одна мысль об этом вызвала такую бурю чувств, что закружилась голова и тошнота подступила к горлу.

Рэй Линн пробормотала:

– Я не понимаю такого. Позволь мне позвать доктора, Уоррен!

– Поздно... уже.

Споры с ней давались ему нелегко: Кобб начал задыхаться. Рэй Линн подошла и протянула руку, но муж отстранился. Обиженная, она вышла из комнаты и стала мерить шагами кухню. Потом пыталась поставить себя на его место. Может, так выглядит милосердие? Она сама извелась, глядя на страдания Уоррена, но эта его идея – просто дичь.

Она снова вошла в комнату и заявила:

– Я иду за доктором Пердью.

У мужа округлились глаза, и она подумала, что это из-за ее слов, но он повернулся на бок, и его вырвало в таз густой черной массой. Испуганная, Рэй Линн бросилась к нему и положила руку на спину, а Уоррен продолжал извергать из себя все, что в нем было. Потом он рухнул обратно на кровать. Губы у него были перепачканы черным; в спальне стоял запах того, что осталось в тазу. Как будто Уоррен умирал изнутри. На секунду Рэй Линн показалось, что он и правда

умер, но грудь у него поднялась и опустилась. Он еще дышал, хоть и еле-еле.

Рэй Линн попятилась к двери, выскочила на крыльцо и вдохнула полной грудью очищающий воздух. В дальнем конце участка стоял старый, покосившийся табачный сарай, и она пошла к нему. Открыла дверь, потянула ее на себя, и ржавые петли заскрипели. Пригнув голову в дверях, она вспомнила, как они с Уорреном однажды забежали в этот сарай во время одной из внезапных гроз, которые так часто налетали откуда ни возьмись в жаркие солнечные дни. Рэй Линн перевела взгляд туда, где они лежали в тот день, почувствовала резкий запах табака, и те давние мгновения, как подарок из прошлого, разом всплыли в голове. Она вспомнила, как стягивала с себя мокрое платье и как Уоррен, обычно стеснительный в таких делах, скинул комбинезон и овладел ею прямо там.

Тогда она была уверена, что забеременеет: стихийный момент любви был страстным, как никогда. С Уорреном это всегда происходило при выключенном свете, под простынями, украдкой. Но через две недели у Рэй Линн пришли месячные, и, как обычно, с мужем они ни словом не обмолвились о том, что уже столько лет женаты, а ребенка так и не завели. Рэй Линн сама не знала почему. Не знала, кто тут виноват, она или он, но давно решила, что скорее она. У Кобба ведь был Юджин, в конце концов... Мысли о прошлом сменились тревогой о том, что происходило в доме. Она словно все еще стояла у кровати единственной свидетельницей страданий Уоррена.

– Господи, пожалуйста, ну пожалуйста, смилуйся над ним! Забери его. Даруй ему покой. Избавь его от этой ужасной боли. Не дай ему совершить грех, – шептала она.

Потом Рэй Линн вышла из сарая, оставив внутри свои воспоминания и молитвы. На полпути к дому она вдруг услышала выстрел – точно такой же, как в тот раз, когда умерла милая Бесси. Грохот эхом разнесся по лесу, и она чуть не закричала: «Нет!» Рэй Линн бросилась бежать – стиснув зубы, стуча ботинками по твердой земле, оскальзываясь в низине, где всегда стояла вода и в вязкой маслянистой грязи грузовичок Уоррена то и дело буксовал. Впереди показался дом, и Рэй Линн замедлила шаг, надеясь, что все-таки ошиблась. Ноги у нее дрожали, и эта дрожь распространялась выше по

телу, пока ее не затрясло всю. Она поднялась на крыльцо и окаменела. У входной двери старинные часы на камине отбивали время – обычно она почти не замечала этого звука, а сейчас от него уши заложило. С того места, где она стояла, было видно, что Уоррена в кровати нет. Он сполз на пол, и ноги у него неестественно подергивались, будто в припадке.

Рэй Линн зажала рот рукой, чтобы подавить рвущийся наружу крик, и усилием воли заставила себя шагнуть вперед. Грудь и живот Уоррена были залиты кровью. Рэй Линн перевела взгляд на лицо и увидела, что муж смотрит на нее, то открывая, то закрывая рот, словно хочет что-то сказать. Брови у него были высоко подняты, он словно спрашивал: «Ты согласишься?..» Рэй Линн торопливо опустилась на колени рядом с ним и пригладила ему волосы.

– Боже мой, Уоррен, что ты наделал? – прошептала она.

Губы у него шевельнулись, и она с трудом разобрала слова:

– Оплошал я... Покончи... с этим... Пожалуйста.

Видимо, он как-то сумел встать с кровати и добраться до комода. Рэй Линн невольно подумала: даже тут Уоррен умудрился напортачить. Пистолет лежал на полу, возле руки. Рэй Линн подняла его. Уоррен кивнул, стараясь подбодрить ее. Как тогда Бесси, подумала Рэй Линн. «Теперь это уже и правда милосердие», – мысленно оправдывалась она. Потом положила дрожащую ладонь Уоррену на лоб, повернула ему голову так, чтобы он не видел ее лица, и заметила, что его взгляд обращен к голубому небу, видневшемуся в открытом окне. Господи боже, как может быть таким чудесным день, когда случилось такое! Рэй Линн перевела дыхание и взялась за рукоятку обеими руками – ампутированный палец усложнял и без того тяжкую задачу. Она направила пистолет Уоррену в висок, стараясь не коснуться стволом кожи: не хотелось, чтобы это было последнее, что почувствует муж. Он лежал с широко раскрытыми глазами и ждал, и тогда Рэй Линн произнесла прощальные слова.

Она прошептала:

– Я люблю тебя всем сердцем, Уоррен Юджин Кобб. Ты был мне очень хорошим мужем, – и нажала на спусковой крючок.

Выстрел грохнул оглушительно, а последовавший за ним тонкий звон быстро стал приглушенным, как будто голову набили ватой. Рэй Линн громко всхлипнула и тут же услышала какой-то шум за спиной.

Обернувшись, она увидела в дверях спальни Буча Крэндалла. Тот смотрел на нее так, будто не верил собственным глазам.

– Рэй Линн! Что за хрень тут творится?

Глава 7. Дэл

В половине пятого утра послышался крик побудки и звон коровьего колокольчика. Риз застонал, выругался про себя и тут же услышал, как ворчат другие рабочие: эхо их смертельной усталости разносилось по всему лагерю. Дэл скатился с тюфяка, который пока так и не собрался починить, и вышел в темноту справить нужду. Невдалеке скрипели ручки насосов, и шорох дров, вынимаемых из поленницы, сопровождался легким запахом растопленных с утра печей и свежим ароматом сосен над головой. Дэлу все это напомнило дом, маму и то, как она готовила завтрак на кухне в рассветную рань. Он потянулся, закинул руки за голову. Мать с отцом были очень дружны и за всю жизнь почти не расставались. Их преданность друг другу казалось удивительной, хотя Дэл и не понимал, почему именно это вдруг так отчетливо припомнилось ему сегодня утром. Самому Дэлу с тех лет, когда он начал интересоваться женщинами, даже мысль о подобных обязывающих отношениях, в сущности, никогда не приходила в голову.

Он накачал воды и плеснул себе на лицо и шею. Утерся, провел руками по волосам и бороде, все еще длинным, нестриженным, и сам почувствовал, как от него воняет. Он не мылся по-человечески с тех пор, как ушел в леса, и его одежда стала такой же заскорузлой, как у Неда Бейкера и Олли Таттла. И запах от него шел тот самый, какого он обычно не терпел, но выделяться среди других, особенно сейчас, было ни к чему. Вернувшись в лачугу, он сварил цикорий, щедро добавил патоки и выпил все до последней капли. Положил банку бобов в ведерко для смолы и туда же бросил открывалку, которую нашел на гвоздике у плиты. Придется обойтись этим: больше ни на что времени не было. Он встал у забора, и вскоре слева донесся скрип колес. Небо на востоке озарилось бледно-пурпурным светом, когда в утренней дымке показалась повозка. Она подъехала довольно медленно, так, чтобы он успел запрыгнуть сзади. Те же рабочие, с которыми он ехал накануне, сидели сгорбившись, уперев локти в колени и опустив головы, а другие устроились сбоку и глядели куда-то в лес. Все словно собирались с силами, готовясь к новому дню. Дэл уловил запахок,

выдающий, что кто-то хлебнул кое-чего покрепче кофе. Тянуло от них сильно и резко.

Одноглазый возница оглянулся на Риза. Из-за глубоких шрамов возле брови с левой стороны лицо извозчика казалось слегка перекошенным. Он тут же снова отвернулся, но голову наклонил так, будто хотел послушать, что ему скажут. У Дэла возникло ощущение, что рабочие, сидевшие сзади, не привыкли к тому, чтобы белый ехал вместе с ними.

Он нарушил молчание:

– Меня зовут Дэл Риз, лесная кличка – Батлер. Мы все работали в лагерях, вся семья. Я к этому делу с детства приучен.

Тот, что сидел ближе всех, откликнулся негромко, словно не хотел, чтобы его услышали:

– Да? Ну, а теперь что тебя сюда принесло?

Дэл растерялся:

– В смысле?

Его собеседник фыркнул и оглянулся на спутников.

– В смысле, у нас-то ты что забыл?

Дэл ответил по-прежнему ровным тоном:

– То же, что и все. Работаю.

Сосед ткнул в сторону Риза большим пальцем, привлекая внимание остальных.

– То же, что и все. Как вам, а?

Остальные помалкивали, хотя кое-кто бросал в сторону новичка скептические взгляды. Похоже, он тут всем чужак: и белым, и цветным.

Сосед немного помолчал и сказал:

– Нолан Браун, лесная кличка Поминай-как-звали – потому что, вот увидишь, придет день, когда духу моего тут больше не будет. – Он смерил Дэла взглядом, все еще настороженно. – У нас такого никогда в заводе не было, чтобы белый делал ту же работу, что и мы. В этом лагере, по крайней мере.

Дэл ответил:

– Как по мне, ничего тут такого нет. Работа как работа.

Нолан возразил:

– Ну да, тебе-то не хлебать того, что нам достается. – И широким жестом указал на остальных.

Лагерный опыт Дэла ограничивался детскими годами. Он догадывался, на что Нолан намекает, но с тех пор, как отец с мамой вернулись домой, он в лагерях больше не жил, так что своими глазами ничего подобного не видел и на себе не испытывал.

– А почему Батлер? – спросил Нолан.

Дэл негромко рассмеялся.

– Так было написано на зерновом бункере, где я как-то раз работал. Ласточкино Гнездо – тоже интересное название.

Браун пояснил:

– Говорят, это из-за амбарных ласточек: они тут кое-где лепят гнезда под крышами. А я так скорее осиным гнездом назвал бы.

Остальные похмыкали в знак согласия, а потом один за другим неторопливо назвали свои имена:

– Эрл Диллон, он же Большая Шишка.

– Лерой Рэтлифф, он же Росинка.

Нолан наклонился к Дэлу и добавил:

– «Росинка» – так бар в лагере называется. Единственное местечко, где можно хоть как-то развлечься.

Дэл не пил, но понимал, что после трудного дня это бывает нелишним.

Еще один сказал:

– Джонси Джонс, он же Будь-Спок.

– Вот точно, – снова вклинился Браун. – Только отвернешься – будь спок, уже смылся куда-то. Хорошо еще, если босс не увидит.

Джонси почесал затылок и пробормотал:

– Да это у меня с внутренностями неладно. Ничего удержать не могу.

Нолан хохотнул:

– Куда как верно. Собственную пипирку – и ту в штанах никак не удержишь.

Остальные тихонько зафыркали в ладони.

Последний рабочий представился:

– Чарли Бернс, он же Гори-Ясно.

Потом он издал странный клопочущий звук, сильно напоминающий ослиный рев, и Дэл подумал, что такого глупого смеха еще ни разу в жизни не слышал. Остальные снова захихикали, но

взгляды их метались туда-сюда, словно в ожидании какой-то угрозы. Единственным белым среди них, не считая Дэла, был возница.

Он бросил через плечо:

– Гас Стрикленд. А мула зовут Денди Бой.

Очевидно, Гасу рабочие доверяли, иначе не стали бы вести при нем такие разговоры.

Дэл оглядел мула: здоровенный, ладоней в семнадцать, не меньше. Ризу приходилось видеть таких, когда его семья занималась скипидарным делом. Это было тягловое животное: такие могут весить тысячи полторы фунтов, а то и больше. Особая порода, крупнее и шахтерских, и хлопковых, и фермерских. Мулы, работающие в скипидарных лагерях, имели твердую поступь и умели лавировать в самых узких местах между деревьями. Гас не погонял Денди Боя: бросил поводья на колени и даже не смотрел на дорогу, пока откуда-то из леса не вынырнул Ворон и не поскакал рядом. Так они добрались до места сбора, где уже высаживались другие работники.

Еще один десятник восседал на лошади среди большой группы подрубщиков и выкрикивал по именам тех, кто вылезал из повозок. На первый взгляд он производил впечатление человека опасного: прищуренные глаза так и зыркали по сторонам, ни на ком не задерживаясь, а копна грязных светлых волос, свисавших ниже ушей, придавала ему разбойничий вид.

Резким голосом десятник прикрикнул:

– Ну, вешайте свои ведра. Живо, живо!

Несмотря на его грозный вид, на лицах рабочих мелькали усмешки, когда он к ним обращался. Тем временем Суини и еще несколько бригадиров тоже наблюдали, как их подчиненные слезают с повозок и вешают ведра с обедом на нижние ветки, но тут уже никто не усмехался и не вставлял никаких реплик.

Ворон предупредил:

– Чтоб без огрехов сегодня. Поняли?

Рабочие вразнобой пробурчали: «Так точно», «Бу сделано, босс», так или иначе выражая согласие. Все они стояли с безучастными лицами, глядя в землю.

Удовлетворенный, Ворон пришпорил лошадь и направился к десятнику с грязными светлыми волосами.

Пока шли обратно к повозке, Нолан Браун буркнул:

– Каждое утро одно и то же талдычит.

Похоже, он был тут признанным вожаком, когда дело касалось выражения общего мнения, потому что по толпе вновь прокатился согласный ропот. Они опять забрались в кузов, и Денди Бой тронулся.

– А семья у него есть? – спросил Дэл, указывая на Суини, который все еще беседовал с сурового вида десятником.

– Холостой вроде бы, – ответил Гас. – Старуха какая-то приезжает иногда погостить. Мать, наверное.

Эрл заявил:

– Я знаю только, что деревья он любит больше себя самого. А вот Джим Баллард – тот ничего. – Он показал на светловолосого десятника. – Не бесится, если попортишь инструмент или остановишься чуток передохнуть: лишь бы работа была сделана.

Нолан пустился в откровения:

– Тут много шансов к праотцам отправиться. Можно болотной воды напиться до поноса. Я видел, как люди от этого жутко хворали и скукоживались, будто сушеная репа. Или лихорадку подхватишь, или дистиллятор рванет, и тогда мы все на воздух взлетим, или в баре прирежут за пару монет. Но с Вороном связываться? Излупит он тебя до полусмерти, или в парилку угодишь, или и то и другое. Я был разок в ящике и больше не хочу, хватит с меня. А еще я знаю, – он понизил голос, – случись что, так и труп не найдут. Ворон тут сам себе закон.

Эрл подхватил:

– Помните, когда Генри Гудолл сказал, что не может смолу таскать, потому что спина болит? Его и правда здорово прихватило. А попробуй-ка эти бочки покатай, полные-то, тут и здоровому нелегко.

Нолан кивнул:

– Помню, – и повернулся к Дэлу: – Десятник тогда поставил Гудолла на подсочку. Все работают, а я за Генри приглядываю, и Ворон тоже – как будто только и ждет, что тот где-нибудь напорочит. А у Генри инструмент никуда не годный оказался. Он рубит-рубит, видит – что-то не то. Принес Ворону показать, а тот и смотреть не стал, как будто Гудолл нарочно придуривается. Иди, говорит, работай. Генри говорит, что не может таким инструментом работать, а Ворон выхватил как у него из рук да как махнет! С одного удара горло перерезал. Генри лежит, кровью захлебывается, а Ворон говорит: «Видишь, инструмент в порядке». И что тут сделаешь. Так Гудолл и

истек кровью, как поросенок, там, где упал. Родные потом приходили его искать, так им сказали, что он сбежал. Все со страху молчали и не вмешивались.

– А Пиви тоже не вмешивается? – спросил Дэл.

Чарли покачал головой.

– Они с Вороном без конца ругаются, так он, Ворон-то, теперь тишком свои делишки проворачивает.

– Почему его так зовут?

Нолан наклонился поближе.

– Он говорит, потому что вороны умные.

– Потому что прихвастнуть любит, – возразил Гас. – Вот погоди, еще услышишь.

Разговор иссяк, все замолчали, пока не подъехали к участкам, которые требовалось обработать. Ворон выкрикивал клички, рабочие один за другим спрыгивали с заднего бортика повозки и исчезали в лесу, пока не остались только Дэл, Гас и сам Ворон. Денди Бой развернулся по широкой дуге, и десятник показал Дэлу, где приступать к работе. Тот соскользнул с повозки. Когда она проезжала мимо, возница бросил на Риза непонятный взгляд и укатил по тропинке, по которой ему предстояло до вечера возить смолу на перегонку. Ворон двинулся следом за Дэлом. Взгляд десятника был устремлен на верхушки деревьев, а в голосе появилась какая-то новая нотка – более мягкая, задумчивая.

– Я не так давно читал, что некоторые деревья не касаются друг друга верхушками и, если посмотреть вверх, можно увидеть среди зелени голубую небесную реку.

Дэл поднял голову, но никакой небесной реки среди качающихся верхушек сосен не разглядел.

Суини пояснил:

– Это новое открытие. Уже и название для этого придумали: застенчивость кроны.

Дэл хотел повторить, но Ворон не дал ему и слова вставить: он все еще размышлял вслух над тем, что прочитал:

– Деревья одного возраста и породы не касаются верхушками ветвей других деревьев. Такой в природе порядок, чтоб ты знал. Говорят, это потому, что здоровые деревья не хотят подцепить болезни, которые могут им навредить. Здорово, а?

– Наверное. – Дэл не знал, что хочет услышать десятник, поэтому высказался неопределенно.

Тот фыркнул, выражая свое отношение к такому ответу.

– Все живое знает, что свою породу нужно оберегать. Даже деревья, черт подери. Я не люблю, когда чистую воду мутят. Белая раса должна быть сильной.

Тут Риз предпочел промолчать.

Ворон спросил:

– Где ты работал до этого?

Дэл ответил:

– В округе Клинч.

– Тоже с ниггерами?

– Нет.

Суини откинулся в седле и сплюнул на землю струйку коричневого табачного сока, не переставая разглядывать спутника. Тому же хотелось только одного: приступить к работе.

Наконец десятник спросил:

– Что ты о них думаешь?

Риз пожал плечами.

– О ком?

– О ниггерах. Что ты о них думаешь?

– Думаю, они просто хотят жить по-человечески, как все.

Ворон, держась обеими руками за луку седла, глядел куда-то вдаль, в чащу леса.

Потом сказал:

– Вот написал Линкольн эту свою дурь про освобождение семьдесят лет назад, так и началось. Все наперекосяк пошло. Одно я тебе могу сказать точно: тут, в этом лесу, такое не прокатит. Я люблю, чтобы все было, как природой положено. Мы должны стоять выше, понял? Следить за чистотой и не мараться. – Он вдруг подался вперед и шепотом спросил: – Ты ведь не из этих поганцев, любителей ниггеров, а?

Дэл попятился и оглянулся через плечо, вскинул руки и примирительно сказал:

– Я сюда работать пришел, вот и все. И мне пора начинать.

– Ну так начинай. Да гляди не отставай, не порти деревья и все такое. Не то можно на неприятности нарваться.

Десятник улыбнулся Дэлу ледяной улыбкой и отошел.

Риз быстро сделал первую подсочку, выкрикнул: «Батлер!» – и поспешил к следующей сосне, размышляя про себя, какой же этот Ворон странный и неприятный тип.

Несколько дней прошло без происшествий. Время от времени Риз краем глаза замечал, что босс за ним наблюдает. Дэл работал аккуратно и быстро, норму выполнял, так что беспокоиться ему было не о чем. Однако он не оставил попыток завести друзей в Ласточкином Гнезде, хоть и знал уже отношение десятника к неграм. К черту этого Ворона! Риз будет разговаривать с кем захочет и когда захочет. Цветные держались настороженно, а когда он пытался завязать разговор, глядели недоверчиво. Дэл заметил, что Ворон то и дело появляется из ниоткуда, почему-то чрезвычайно интересуясь желанием Дэла наладить дружеское общение.

Как-то раз Ворон спросил:

– Кто тебя научил этой работе?

Риз посмотрел ему прямо в глаза и ответил:

– Один цветной по имени мистер Лерой.

Никто в лагере не возражал, когда девятилетний Дэл ходил по пятам за всеми подряд и расспрашивал обо всем, что его занимало. Папа и дедушка были заняты своим делом: следили за порученными им деревьями. Мистеру Лерою, как поговаривали, было уже под сотню лет, когда он наставлял юного Дэла, что не стоит подсачивать дерево слишком глубоко: так можно повредить сосну, и тогда она больше не будет давать смолу. Он показывал мальчику, как стекает живица, если сделать слишком широкий надрез, и как потом приходится прибегать к ненавистному всем скоблению: когда смола через какое-то время подсыхает и нужно соскабливать ее со ствола. А жена мистера Лероя впервые дала Дэлу попробовать лесное рагу – дикое мясо, беличье или енотовое, с луком и кукурузным хлебом.

Десятник скривился:

– Твой отец, значит, тебя не учил.

– Нет, – ответил Дэл.

Ворон буркнул:

– Может, в том-то и твоя беда.

Риз встревожился, но старался не подавать виду. Как-то раз после обеда Суини подъехал и стал осматривать дерево, с которым работал

Дэл. Тот был уверен, что делает свое дело как следует, и продолжал – подсачивал, выкрикивал свою кличку и переходил к следующей сосне.

Ворон подъехал ближе и сказал:

– Стой.

Прикрыв ладонью глаза от солнца, Риз поднял взгляд на человека, сидевшего на лошади. Тот ткнул его пальцем в плечо.

– Ты кое-что пропустил.

– Да ну? Ничего я не пропускал.

– А я говорю, пропустил.

– Где?

Дэл вернулся назад, чтобы проверить, и не увидел ни одной пропущенной сосны. Суини ехал за ним, и лицо у него было зловещее.

Риз повторил:

– Ничего не пропущено.

Ворон перекинул ногу через седло и соскочил на землю. Подошел к семейке ладанных сосен.

– Эти две и вон те дальше.

Дэл возразил:

– Они же не помечены. Это не смоляные деревья.

– Кто тебе сказал?

– С них ничего толком не соберешь. Не доросли еще, на них и меток нет.

– Ты, гляжу, вообразил, будто умнее меня. Слишком много знаешь, гляжу. Забыл, где твое место.

– Ничего я не забыл, – пробормотал Дэл.

– Спорить со мной будешь? Я сказал, что эти деревья надо обработать. Они годятся в дело, а ты их пропустил. А теперь еще огрызаться вздумал. – Он снова забрался в седло и развернул лошадь так, что та оказалась у Дэла за спиной. – Пошел назад в лагерь, – бросил десятник.

– Зачем? Еще же не...

Ворон отцепил кнут от седла и распустил его так, что кончик свесился до самой земли. Дэл сунул хак за пояс и зашагал назад, как было велено. Если Суини не терпит, чтобы Пиви уволил Дэла, значит, так тому и быть. Они с Вороном двинулись обратно по дороге, и отдаленные выкрики других рабочих вскоре затихли. Когда они проходили мимо Нолана, тот, увидев их, тоже остановился.

– Чего уставился, Поминай-как-звали? – буркнул Ворон.

Нолан покачал головой.

– Ничего, босс.

Десятник бросил ему учетную книжку и сказал:

– Считай за подрубщиками выработку, – а потом Дэлу: – Пошел, Батлер.

Риза удивило, что десятник доверил Поминай-как-звали свою учетную книжку. Будто они были в каком-то другом лагере, хотя сейчас об этом думать не хотелось. Они миновали других рабочих, те один за другим замирали в изумлении и тут же поспешно возвращались к работе.

Джим Баллард подъехал к ним и спросил:

– Что здесь происходит?

– Не суйся не в свое дело, Баллард, – отрезал Ворон. – Сам разберусь.

Баллард смутился:

– Я же не вмешиваюсь, просто спрашиваю.

– Раз он работает с ниггерами, то по справедливости и получать должен как ниггер, когда напортачит.

– Я не портачил, – возразил Дэл.

Баллард спросил с коротким смешком:

– С каких это пор ты у нас такой справедливый стал? И куда ты его ведешь, Ворон?

– А ты как думаешь? – ответил десятник. – Пошевеливайся, Батлер.

Баллард заметил:

– Пиви только сегодня утром говорил, что рабочих рук и так не хватает.

– Без него управятся.

Риз заявил:

– Постой-ка. В ящик я не полезу.

– Выбирай, – сказал Ворон. – Это, – он щелкнул кнутом, – или то.

Баллард пробормотал:

– Придется рассказать Пиви.

Ворон медленно повернулся к нему.

– Да ну? Если на то пошло, может, пусть послушает и о том, как ты любишь приложиться к бутылочке в рабочее время?

Баллард потер желвак на шее и умолк.

– Вот так-то, – добавил Суини. – Я все знаю.

Дэл не мог не отдать должное Балларду: хоть попытался, и на том спасибо. Кнут ему пробовать не хотелось, вот уж спасибочки, но при мысли о тесном ящике он невольно заколебался: может, первый вариант все же лучше.

Они миновали лачуги, где цветные женщины развешивали одежду на просушку или сидели на крыльце с мисками на коленях, луца бобы и приглядывая за малышами, которые бегали за цыплятами в огороженных двориках на песчаной земле без единой травинки. Из открытой двери покосившейся хибарки неподалеку, очевидно служившей школой, раздавались голоса: ребятишки хором декламировали азбуку. Все было как обычно, пока не появились они с Вороном. Тут уж все замерли. Необычное зрелище: белый на лошади гонит другого белого, угрожая кнутом. Дэл не видел раскрытых ртов, только чувствовал изумление в мертвой тишине, накрывшей лагерь.

Ему самому не верилось в происходящее. Можно было бы рвануть влево и скрыться в лесу, но это значило дать Ворону повод пристрелить его. Они шли посреди лагеря, и Риз все пытался придумать, как предотвратить неизбежное, но не успел он опомниться, как они уже были на месте. Десятник спрыгнул с лошади.

– Как мой папаша говорил: ляжешь с собаками – встанешь с блохами. Давай. Располагайся, будь как дома.

Было обидно, что не осталось сил сопротивляться, но Дэл вдруг почувствовал себя дряхлым стариком, таким же, как эти пятисотлетние длиннохвойные сосны. Он повиновался и, улегшись в ящик, тут же ощутил запах, в котором безошибочно узнал запах смерти. Ворон достал нож и принялся чистить ногти, бормоча себе под нос что-то философское о природе вещей. Наконец он щелкнул лезвием и навис над Дэлом – ни дать ни взять плакальщик на похоронах, глядящий сверху на покойного.

– Здесь мало кто долго выдерживает, – предупредил он. – Подумай о своем поведении. Кто знает, может, выйдешь другим человеком.

Он захлопнул крышку, щелкнул замком, и Дэл оказался погребен заживо.

Глава 8. Рэй Линн

Буч окинул ее скептическим взглядом.

– Твое слово против моего.

Рэй Линн, подавленная и измученная, повторила слова, которые говорила уже тысячу раз:

– Я сделала то, что должна была сделать. У него были страшные боли. Он умирал.

Буч скривился:

– Угу. А по-моему, это ты стреляла в него оба раза.

– Да зачем, бога ради?!

Крэндалл пожал плечами.

– Понятия не имею. Мало ли какие могут быть причины.

– Ты здесь больше недели не показывался, что ты можешь знать?

– Что видел, то и знаю, вот так-то.

Рэй Линн, совсем как Уоррен когда-то, всплеснула руками, словно отмахиваясь от Буча и его слов. Тот как уселся за кухонный стол, увидев ее на коленях подле Уоррена, так и не двинулся с места. Сначала Рэй Линн подумала, что мужнин друг хоть как-то поможет ей в горе. Но нет: он выслушал ее и сделал вывод, будто ей есть что скрывать. Теперь она была просто вымотана и раздавлена. Сидела сгорбившись, время от времени роняя голову на руки. Чувство было такое, будто ее всю вывернули наизнанку. Крэндалл развалился на стуле и уходить не спешил: сидел, закинув руки за голову и опустив веки, так что она не могла ничего прочитать в его глазах.

Наконец он сказал:

– Я знаю, как поправить дело.

Рэй Линн выпрямилась и скрестила руки на груди.

– Тут уже ничего не поправишь. Вот он лежит, и мне осталось только сделать для него все, что полагается.

– Юджину будешь сообщать?

Она наконец выдохнула и ответила:

– Конечно.

– И что же ты ему скажешь?

По правде говоря, она сама не знала. Рэй Линн чувствовала себя виноватой, но не по той причине, которую придумал себе Буч. Она должна была придержать лестницу, как просил Уоррен, – тогда он, может, и не сорвался бы. Должна была сразу вызвать врача, несмотря на запрет. Такое трудно – если вообще возможно – понять кому-то, кроме нее самой и Уоррена. Юджину можно написать, что отец упал с лестницы и умер от травм. Это же правда. А больше ничего говорить не нужно. Буч видел, что Рэй Линн колеблется, и на лице у него появилось плутоватое выражение.

– Вот что я тебе скажу. Мы можем все уладить. Ничего мудреного, проще простого. Ты будешь со мной – ну, понимаешь, как жена с мужем, – а я никому ничего не скажу. Ни Юджину, ни кому другому. Это будет наш маленький секрет.

Рэй Линн в ужасе уставилась на Крэндалла, не веря своим ушам. Правда, он и сам все-таки покраснел как рак после этих слов. Так вот, значит, как он собирается поправить дело? Да боже упаси! Не говоря ни слова, она встала и указала на дверь.

Буч тоже встал и проговорил не без злости:

– Ты подумай над этим. Хорошенько подумай. Такие делишки тебе даром не пройдут.

Он ушел, а Рэй Линн захлопнула дверь и заперла ее на ключ. И тут – только теперь – наконец разрыдалась, не в силах больше бороться со своим горем.

Буч явился на следующий день с грубо оструганным гробом. Рэй Линн была благодарна ему, но быстро поняла: он помогает ей только потому, что еще не потерял надежду получить плату за молчание. Даже шуточку отпустил по этому поводу – в тот самый момент, когда они рыли могилу для бедного Уоррена рядом с могилой его первой жены, Иды Нилл Кобб. Господи помилуй, да ведь это откровенный шантаж! Кто мог ждать такого от друга? Не успели они еще разровнять последнюю лопату земли, как он опять завел речь о своем предложении. Рэй Линн ушла в дом, закрыла дверь, снова заперлась на ключ и сидела так, пока Крэндалл не ушел.

Через неделю она стояла у могилы Уоррена, отмахивалась от мух и пыталась молиться. Мух не смущал толстый слой земли: они знали, что там, под ним. То, что приходило к Рэй Линн в ночных кошмарах, ставших бесконечными. Вот отчего она так устала. Ей все снился и

снился Уоррен, и то, что он сделал, и жалобный взгляд, которым он встретил ее, когда она вернулась в дом. Она роняла слезы злости и раскаяния, но понимала, что слезами тут не поможешь. Нужно было думать о том, что делать, как вести себя с Бучем, особенно после того, что он отмочил.

Утром она ходила на почту, узнать, нет ли писем, и, к ее изумлению, ее ждал конверт от Юджина. Вернувшись домой, она вскрыла его и прочитала:

Получил письмо о кончине моего отца от мистера Буча Крэндалла, как я полагаю, по вашему поручению. Прибуду 14 июня в 14:00 и рассчитываю на полное содействие в решении вопросов, связанных с имуществом моего отца, согласно его завещанию. По словам мистера Крэндалла, имеются некоторые важные вопросы, требующие обсуждения. Прошу вас обеспечить его присутствие.

С уважением, Юджин Кобб, эсквайр

Рэй Линн сунула письмо в карман фартука, но все утро то и дело доставала его и перечитывала скупые, короткие фразы. Послание вызывало у нее такое чувство, будто она сидит в скороварке, которая вот-вот взорвется. Буч добился, чего хотел: Юджин явится сюда через три дня и ждет, что Крэндалл будет присутствовать при их разговоре.

Про черта речь – и черт навстречь. Вон он, катит по дороге в своем старом грузовичке. Рэй Линн сжала зубы. Без Уоррена Буч осмелел: заявлялся, когда ему вздумается, и говорил сальности. Заслышав его приближение, Рэй Линн старалась встретить его во дворе, чтобы не пускать в дом, но он и по двору таскался за ней, как собачонка, и рассказывал всякие гадости о том, что сделал бы с ней, будь его воля. Видимо, считал, что это очень увлекательная тема. Для него-то да: как-то раз, выйдя из-за простыней, которые развешивала после стирки, Рэй Линн увидела, как он развлекается сам с собой, запустив руку в штаны. И у него еще хватило наглости показать ей язык и засмеяться, когда она его выругала.

Рэй Линн взяла ржавое ведро с кукурузой, стала рассыпать ее вокруг, подзывая кур, и те принялись с кудяхтаньем клевать зерно у ее

ног. Внутренне кипя, Рэй Линн взглянула на небо. Еще и солнце не успело подняться, разогнать утренний туман, а Крэндалл уж тут как тут. Буч подошел к ней и тоже посмотрел на небо, должно быть сообразив, что явился слишком рано. Но это не помешало ему снова завести речь о своей дикой идее.

– Что скажешь? Может, сегодня? В самый раз будет. Денек-то вон какой славный, солнечный.

Рэй Линн продолжала разбрасывать кукурузу. Ее всю трясло, хотя на дворе было уже жарко. Буч подошел и стал смотреть на нее, переминаясь с ноги на ногу, – видно, ждал, что она пригласит его в дом.

Наконец он сказал:

– От Юджина ничего не слышать?

Ложь сорвалась с ее губ легко, как плевок на землю:

– Ничего.

Буч нервно потер руки.

– Правда ничего? Хм...

Рэй Линн отнесла ведро в сарай и вышла оттуда с тяткой. Она словно не заметила внезапного появления Буча у двери, хотя на самом деле это ее напугало. Хотела пройти мимо, но он схватил ее за руку.

Она закричала:

– Пусти!

– Не пущу, – ответил он, – пока ты не выслушаешь, что я хочу сказать.

Рэй Линн перестала вырываться и уперлась взглядом в землю.

– Если хочешь, чтобы я помалкивал о том, что видел, плати. Ты все-таки застрелила своего мужа, моего единственного друга, и он умер. Это не шутки. Если хочешь знать, я сам написал Юджину. Сообщил, что его папаша скончался и что мне есть о чем с ним потолковать.

Рэй Линн хотела было дать ему тяткой по ноге, но Буч как-никак всю жизнь работал на ферме – накачал мускулы, пока рубил дрова, таскал тяжелые тюки с сеном и управлялся со свиньями. Рэй Линн казалось, что от него и пахнет-то свиным жиром. Он вырвал у нее тятку и отшвырнул в сторону, потом обхватил за талию. Рэй Линн попыталась отпихнуть наглеца, но его это не смутило.

– Мне почему-то кажется, что, если Юджин все узнает, ему это дело не понравится.

Отвернувшись от него, Рэй Линн выдавила:

– Вот ты и показал свое истинное лицо, Буч.

– Я не так уж много хочу, если подумать.

– Хороший же ты друг, оказывается!

Она протянула руку, чтобы схватить его за волосы и дернуть как следует, но он вдруг сам выпустил ее. Рэй Линн уже хотела выругать его, но тут увидела, что заставило Крэдалла разжать руки: письмо Юджина выпало из кармана и валялось на земле между ними.

– Так-так, – проговорил Буч, – что это у нас тут?

Рэй Линн попыталась перехватить письмо, но Буч оказался проворнее. Он поднял конверт и повернулся к Рэй Линн спиной. Она пыталась вырвать письмо у него из рук, но он, не переставая уворачиваться, развернул единственный листок. Слова, которые там были написаны, Рэй Линн знала наизусть.

Крэдалл вскинул голову.

– Вот черт. Кажется, старина Уоррен забыл упомянуть кое-что важное в этом своем завещании. Ну и ну. А Юджин, как я погляжу, хочет меня видеть.

Ух, как же он ее взбесил. Не его это дело!

Буч вернул Рэй Линн письмо, и она снова сунула конверт в карман фартука. Буч раскачивался на пятках и поглядывал на нее исподлобья.

– Кажется, нам надо поторопиться, – сказал он.

– Ты с ума сошел, если на что-то рассчитываешь, – ответила Рэй Линн.

– Ничего не сошел, – возразил Буч. – Если только от любви к тебе, Рэй Линн. Я всегда был без ума от тебя, только виду не показывал из уважения к Уоррену. Ну... может, иногда проскакивало. Но ты послушай, что я тебе скажу: один разочек только согласишься, и я сдержу обещание. Ни слова не скажу. Ну же, милая. Я буду ласковым. Ничего плохого тебе не сделаю. Вот так нежно-нежно возьму тебя и...

Рэй Линн развернулась и направилась к дому.

Крэдалл крикнул ей вслед:

– Ладно-ладно! Дам тебе еще немножко подумать. Мне не жалко. Ты согласишься. Мне все равно где. По мне, хоть прямо тут, во дворе.

Или я получу свое, или расскажу Юджину, что здесь произошло. Он адвокат, сама понимаешь, и вряд ли тебе так уж в тюрьму охота.

Она оглянулась через плечо в надежде, что он уже уходит, но он истолковал этот взгляд по-своему. Ухмыльнулся и сказал:

– Вот так-то лучше.

Рэй Линн вбежала в дом и опрометью бросилась в спальню. Хлопнула входная дверь. Он вошел за ней.

– Э-ге-гей! Ты где? Спорим, я знаю. В спальне, на кровати уже сидишь. Давай, раздевайся, я иду!

Рэй Линн развернулась лицом к двери. Буч возник в проеме, и при виде пистолета, который она сжимала в руках, лицо у него удрученно вытянулось, будто у старого блаухаунда.

– Ну, елки зеленые, Рэй Линн. Я что, так плох, что ли?

Она нацелила ствол ему в грудь. Крэдалл попятился, когда она шагнула к нему.

– Женщина, ты совсем умом тронулась.

– Убирайся из моего дома, – отрезала она.

– Недолго ему быть твоим. Я расскажу, что ты сделала, не сомневайся! А я-то еще думал пустить тебя пожить.

Рэй Линн вскинула пистолет, и Буч отскочил с криком:

– Совсем рехнулась!

Он бросился к своему грузовику и укатил по тропинке, оставив за собой шлейф пыли и противный привкус у Рэй Линн во рту. Она вышла во двор и стала ждать: опасалась, как бы он не вернулся. Через некоторое время, убедившись, что Крэдалл все-таки убрался отсюда, она вытащила матрас из спальни во двор. На нем осталось страшное пятно после того, что сделал Уоррен, поэтому Рэй Линн спала теперь на диване. Она облила матрас скипидаром, бросила зажженную спичку и стала смотреть на пламя, сгребая ошметки золы обратно в костер, чтобы огонь не распространился дальше. Она смотрела, как языки пламени пляшут над потемневшими пятнами засохшей крови, как пожирают их. В том, как горело их супружеское ложе, было что-то очищающее, хотя Рэй Линн и не могла бы выразить это словами. Словно вместе с матрасом она сжигала память о том, что произошло.

В ту ночь, лежа на диване, сжимая в руках пистолет и подушку, на которой раньше спал Уоррен и которую она решила сохранить, потому

что от нее все еще пахло им, Рэй Линн, вместо того чтобы молиться, говорила с мужем, как будто он был рядом.

– Я скучаю по тебе. Ты хорошо заботился обо мне все эти годы. Только благодаря тебе у меня наконец-то появился настоящий дом, первый в моей жизни. А дальше не знаю, что будет. Эх, Уоррен! Вот послушал бы ты меня тогда, и ничего этого не случилось бы.

Но даже во время этого разговора Буч не шел у нее из головы. А если бы она согласилась – хотя бы один-единственный раз, как он говорил? Нет. Сама мысль об этом казалась дикой. Это не просто запятнало бы память о том, что было у нее с мужем, – за такое она до самой смерти перед собой не оправдалась бы. Наверняка ей пришлось бы пожалеть. Что до Юджина, то она ничего не знала о нем, кроме того, что рассказывал Уоррен, но одно было несомненно: все эти годы он не считал нужным приезжать домой. Даже писем почти не писал, а когда писал, то никогда не обращался к ней. Она полагала, что он отдалился от отца из-за его женитьбы, а Уоррен винил во всем самого Юджина, забывшего родной дом. А может, говорил так, чтобы не тревожить Рэй Линн. Если она не поддастся на шантаж и останется здесь, как поступит Юджин, когда узнает от Буча все, что тот захочет рассказать? Рэй Линн знала одно: нельзя, чтобы ее будущее оказалось в руках этих двух мужчин. Ни один из них не заслуживал доверия.

Она ворочалась в постели, пока не услышала наконец, что часы пробили пять, после чего встала. Сидя за кухонным столом в предрассветный час, она смотрела на стул, на котором всегда сидел Уоррен, и видела, как истерлась верхняя деревянная перекладка в том месте, куда он столько раз клал руку. Раньше она этого не замечала, и теперь, как часто бывало в последние дни, на глаза ей навернулись слезы. Через несколько минут Рэй Линн вытерла лицо фартуком. Она смотрела на свою кухню, на все те мелочи, благодаря которым сделала ее за эти годы по-настоящему своей, и понимала, что на самом-то деле кухня не ее и никогда такой не была. Судя по тону письма Юджина, все здесь принадлежит ему. Ладно хоть, Уоррен отложил немного денег, но деньги кончатся, и тогда всё. Правда, есть еще камедь, которую можно продать, но ее не так уж много осталось, да и время это займет.

Рэй Линн налила себе чаю и стала потягивать из кружки, но ей вдруг опять вспомнились слова Буча, и пульс участился. Она привыкла

думать только об их с Уорреном общих планах, на большее не замахивалась. Когда в окно кухни заглянуло солнце, в голове уже начало складываться решение о том, что ей делать. Прежде всего, нужно поторопиться. Когда Буч появится снова, ее здесь быть не должно. Она собиралась исчезнуть. Рэй Линн взяла ключ от машины и поехала в город. К счастью, Динки Доббинс, владелец магазинчика «Дженерал меркантайл», всегда открывал лавку рано утром. Рэй Линн вошла и попросила принести ей мужские ботинки самого маленького размера.

Динки сказал:

– У Уоррена же одиннадцатый размер, не седьмой.

– Это не для него.

Динки уставился на нее долгим пристальным взглядом.

– Тебе нужны деньги или нет? – спросила она.

Больше он не стал возражать. По дороге домой Рэй Линн вспомнился приют, где экономили каждый пенни. Но Уоррен Кобб был скряга из скряг даже по приютским меркам. Однажды подошвы у него на ботинках истерлись так, что он поранил ногу о какую-то железяку, когда переходил через железнодорожные пути. Вернулся домой весь в крови и показал ей две тонкие полоски резины.

– Вот, из шины вырезал – там на обочине брошенный грузовик стоял, развалина, никому не нужная. Это все-таки получше, чем «кожа Гувера»^[3], как по-твоему, а? Башмаки как новенькие будут.

Теперь она была даже рада прижимистости мужа: по крайней мере, после этой покупки у нее еще хоть какие-то деньги остались. Сидя в машине, Рэй Линн взглянула на свои ноги и почувствовала укол вины, когда вспомнила, в каких разбитых ботинках похоронила мужа. Она глядела на гладкую, новенькую кожу обуви, шевелила пальцами ног, и чувство вины то накатывало, то отступало. Что ж, Уоррену уже все равно, а сделанного так или иначе не воротишь, правда?

Вернувшись домой, Рэй Линн достала запасной комбинезон Уоррена и обрезала штанины, чтобы не волочились по земле. Затем отобрала пару его рубашек. Хорошо, что муж был ненамного крупнее ее: всего на пару дюймов повыше и несколько мускулистее. То, что предстояло сделать дальше, было горько, но теперь не до кокетства. Рэй Линн решительно вышла на крыльцо, держа в одной руке ножницы, а другой вытягивая шпильки из волос. Зажимая в горсти

прядь за прядью, она стала срезать их, потом укоротила еще и еще – до середины ушей. Она старалась как могла и, когда решила, что такой длины хватит, встала перед зеркалом, где Уоррен брился каждое утро. Пришлось приподняться на цыпочки, чтобы как следует разглядеть свое лицо. Пожалуй, сойдет. Теперь, с короткой стрижкой, она чувствовала, как дует в шею сквозняком – как будто кто-то на нее дышит. Ей вспомнилось, как Уоррен засыпал рядом ночью, как касалось ее кожи мягкое ровное дыхание мужа.

Рэй Линн собрала остриженные волосы, лежавшие у ее ног, словно какой-то зверек без костей и кожи, и отнесла на свежий холмик возле стоящих в ряд старых сосен с «кошачьими мордочками» на стволах. Тихонько бросила на могилу, на свежую землю – словно семена разбрасывала. Это было ее последнее «прости», маленький знак любви. Рэй Линн постояла еще минуту, думая о том, куда повернула ее жизнь. Она старалась не вспоминать об Уоррене, о том дне, когда видела его в последний раз, но картинки волей-неволей всплывали в голове, да еще в самых кошмарных тонах. Рэй Линн ушла от могилы и вернулась в дом. Все необходимое она сложила в грузовик еще раньше: сковородку, кофейник, вышитые ею самой простыни, запасную рубашку Уоррена, немного еды на дорогу и кое-какие принадлежности для шитья. Оставшиеся деньги лежали в нагрудном кармане комбинезона, который она наденет утром, когда будет уезжать. Беспокойную ночь она провела на диване, сжимая в руке пистолет. На рассвете встала и в последний раз вышла за дверь.

Буч явится сегодня же, в этом Рэй Линн не сомневалась. Но пока он сообразит, что к чему, она уже будет далеко. Она направилась через двор к курятнику, держа в руке клочок бумаги, на котором были нацарапаны карандашом загадочные слова: «Куры и мул – вот все, что ты от меня получишь». Она оставила записку на видном месте, возле курятника. Не хотелось, чтобы что-то поколебало ее решимость, заставило передумать, – например, беспокойство за несущек. Рэй Линн разбросала вокруг кукурузу, налила побольше воды и вывела мула пасть. Наконец она села в грузовик, снова мысленно поблагодарив Уоррена за то, что тот показал ей, как заводить мотор и рулить. Взяла с приборной панели мужнину шляпу и надела на голову. Не стала ни медлить, ни оглядываться назад; завела мотор и поехала прочь от своего единственного дома, чувствуя в душе признательность Уоррену:

если бы она пошла по пути, предназначавшему ей в приюте, ее ждала бы пресная, будто каша на воде, жизнь, а он спас Рэй Линн от такой перспективы. Уже в который раз она поблагодарила про себя мужа, который не только подарил ей любовь и дом, но и многому научил. Впереди показался табачный амбар, и Рэй Линн долго смотрела на него. Она понимала: все, что вырвано из ее сердца после потери Уоррена, навсегда остается здесь, в этом амбаре и в маленьком домике под душистыми соснами. Рэй Линн поднесла руку к лицу и понюхала рукав рубашки – от него еще немного пахло мужем и их миром. С полными слез глазами она выехала на шоссе и двинулась на юг. Она не собиралась останавливаться, пока не доберется до Валдосты, до скипидарного лагеря Ласточкино Гнездо, о котором им рассказывал Буч, и молилась, чтобы ей удалось выдать себя за Рэя Кобба – по крайней мере, до тех пор, пока она не почувствует, что опасность миновала.

Глава 9. Дэл

Ящик был похож на склеп: в нем было темно, если не считать полосок света, которые просачивались сквозь щели и вентиляционные отверстия, просверленные над головой. И в нем воняло человеческими испражнениями и смертью после тех, кто побывал здесь прежде, тем адом, через который им пришлось пройти. Мухи с их назойливым жужжанием – вот все, что здесь было слышно. Дэл лежал, внутренне кипя от злости. Было ясно, что идиотская выходка Ворона не имела никакого отношения к пропущенным деревьям. В этом он был уверен. Десятник просто хотел настоять на своем: ему не нравится, что белый работает с цветными, вот и все. Дэл принялся исследовать свое тесное помещение. Прикинул ширину, ощупав бока, и длину, вытянув ноги, чтобы достать до края носками сапог. Осознав, насколько тесна его клетка, он тут же вспомнил зернохранилище и то, как задыхался, когда его засыпало кукурузой. До сих пор это был самый страшный момент в его жизни. Мучительна была не только нехватка свежего воздуха, но и невозможность толком пошевелиться.

Дэл лежал, крепко зажмурившись, и старался не терять спокойствия, но мысленно снова и снова измерял ящик, сравнивая свое положение с происшествием в бункере, пока наконец страх не сконцентрировался в груди и сердце не заколотилось как бешеное. Из рта вырвался рык испуганного зверя. Риз никак не мог отделаться от воспоминания о том, как его засыпало зерном с головой, как он уже не мог дышать. Он резко стукнул кулаком по боковой стенке – раз, другой, а потом потерял всякий контроль над собой: ужас охватил его целиком, как огонь охватывает сухое дерево. Он заколотил кулаками в крышку, ногами в боковые стенки. Уже неважно было, кто его услышит и услышит ли хоть кто-нибудь. Наконец Дэл замер, тяжело дыша. Резкий, прерывистый хрип, ему самому казавшийся чужим, заполнил тесное пространство.

«Это не бункер, – сказал он себе. – Ты не в бункере».

Он вновь овладел собой и попытался прибегнуть к другому средству. Начал думать о Мерси, жене Джунипера, только не в том смысле, в каком обычно. В ней ему, среди прочего, особенно

нравилось одно: спокойствие. Он вспомнил, как Мерси сидела среди кустов индийской сирени, в окружении ярких цветов, словно картина в раме, в своем светло-зеленом платье, усыпанном такими же розовыми цветами, и, медленно раскачиваясь, лущила горох. Представил кончик ее носа, изгиб плеча, тихое мурлыканье за работой. Погрузился туда, в мысли о ней, и расслабился. Все равно его протесты ни к чему хорошему не приведут, а если Суини услышит, так назло продержит его тут еще дольше, чем собирался. Потом Дэл стал прислушиваться к звукам лагеря: к стуку топора по дереву, выкрикам рабочих и пению птиц. Ждал, не появится ли кто поблизости. Наконец он начал временами проваливаться в сон.

Так прошло несколько часов. Солнце поднималось выше, и в тесном ящике становилось все жарче. Дэл вынужден был справиться с нуждой и, вытирая с лица пот, поклялся, что отплатит за это Ворону так или иначе. Боль пульсировала в голове в такт ударам сердца, а Риз смотрел на полосы солнечного света, пробивающиеся сквозь щели: они падали под углом, и этот угол менялся по мере того, как текло время. Он вновь закрыл глаза и начал представлять себе сосновые ветви, раскачивающиеся в жарком вечернем бризе; горизонт, залитый расплавленным оранжевым солнцем... Через какое-то время он очнулся, услышав прямо над собой чей-то смех, и подумал: приснилось, должно быть. Он нахмурился и прислушался. Смех повторился, и Дэл узнал его. Он никак не отреагировал, не желая доставлять десятнику удовольствие мольбами выпустить его. Что-то подсказывало: если дойдет до такого, Ворон никогда не даст ему об этом забыть.

Смешки вдруг прекратились, а затем прямо над правым ухом раздался громкий стук. Дэл выглянул в узкую щель, тут же вспомнив, как другой человек, тот, что лежал здесь раньше и, скорее всего, здесь же и умер, смотрел на него в отчаянии и испуге. Дэл ничего не увидел. Послышался новый стук по крышке, более сильный, ритмичный, словно кто-то выплясывал на ней джигу. На лицо посыпалась пыль, и пришлось закрыть глаза.

Затем знакомый голос, к которому Дэл уже начинал испытывать брезгливое отвращение, произнес:

– Эгей, есть кто дома? – Ворон еще раз топнул ногой. – Эй? – Он заколотил кулаками по дереву. – Бог мой, да тут кто-то навонял хуже

скунса! Как думаешь, чем это тут пахнет, а? А я знаю. Кто-то со страху штаны намочил!

Сквозь назойливые самодовольные насмешки Ворона пробился странно звенящий голос Балларда:

– Пиви мне прямо сказал: нельзя больше терять людей, работы невпроворот.

В голосе Суини Дэл услышал раздражение.

– Я просто хочу, чтобы он знал: сачковать ему тут никто не позволит, и получать он за такие дела будет так же, как все.

– Да брось. С каких это пор у нас ладанные сосны идут в обработку? И кстати, нам еще нужно обсудить кое-какие дела, так что, когда закончишь развлекаться, Пиви ждет тебя в конторе.

Послышалось какое-то бормотание, щелчок и скрип ржавых петель. Дэл лежал, распрямив ноги, вытянув руки по швам, и глядел, прищурившись, на стоявшего над ним человека. Ворон хмыкнул, прижал руку к сердцу и завел:

– Возлюбленные мои, мы собрались здесь сегодня...

Его самого это так развеселило, что он хрипло закашлялся от смеха. Даже на корточки присел, а Баллард стоял рядом, стоически серьезный. Остальные рабочие нервно потирали челюсти, некоторые пару раз хохотнули – принужденно и опасно. Суини вытер глаза, наклонился над ящиком и взглянул на Дэла. Тот не шевелился.

– Бу! – гаркнул Ворон и повалился на землю, вновь заливаясь хохотом.

Риз сел. Его всего трясло, и он опасался, как бы не вырвало. Он бы с удовольствием врезал Ворону, если бы сил хватило, но он и всегда-то был не из драчунов, да и толку что? Он встал, не глядя на десятника, перешагнул через борт и побрел прочь. Ему не терпелось поскорее глотнуть воды, а главное – убраться подальше от этого психа.

Смех Ворона затих, и он окликнул:

– Эй, ты!

Дэл остановился, но не обернулся.

– Ты же все понял, да? Понял, что к чему? Ты сам выбрал. Винить тебе, кроме себя, некого, так я считаю.

Риз постоял немного, а затем повернулся к Ворону, и Баллард неожиданно подался вперед, словно предвкушая стычку. Дэл-то только

хотел сказать, что его выбор вообще-то никого не касается. Работа сделана, чего еще?

Баллард сказал:

– Так, а теперь всем надо хорошенько выспаться. Завтра снова за работу, с утра пораньше. Идем, Суини. Нам еще с Пиви поговорить надо.

Не сводя глаз с Дэла, Ворон сказал:

– Правильно. Завтра вас, задротышей, ждет новый день.

Дэл оставил его слова без внимания: не было никакого желания объясняться. Он снова пошел прочь, все так же напряженно сведя лопатки и чувствуя, как Ворон смотрит ему вслед. И тут он сумел начальству поперек горла встать – правда, в этот-то раз уж точно не по своей вине.

Дойдя до хижины, Риз сразу же направился к колонке. Покачал рукоятку, а когда вода хлынула, подставил под нее лицо и пил, пил, пил. Потом сунул голову под струю, вслепую нашаривая рукоять, чтобы подкачивать воду снова и снова. Наконец он выпрямился и, немного придя в себя, опустил на стул на крыльце. В голове крутились мысли об уходе, но ведь он только что от Саттона сбежал. Вот таким, значит, он стал? От любых трудностей сразу бежать готов? Когда все, что у тебя есть, – это имя и репутация, то хочешь не хочешь, а приходится доказывать хотя бы себе самому, что и то и другое имеет вес.

Одежда после ящика вся провоняла, но он был так измотан, что сил не осталось переодеться. Дэл зашел в дом и снова вышел, таща за собой тюфяк. Бросил его на крыльцо, обогнул дом кругом, добрался до опушки леса и стал обдирать испанский мох с низко нависших ветвей какого-то дерева, одного из немногих лиственных в округе. Набивать тюфяк ему тоже не особенно хотелось, но надо же что-то делать. Вернувшись на крыльцо, он стал горстями пихать мох в вылинявший чехол. Вскоре подошел Нолан Браун и встал у забора, привалившись к нему спиной. Через плечо он то и дело поглядывал на Риза, пока тот набивал тюфяк, встряхивал и подбавлял еще мха.

Нолан сказал:

– Французский волос.

– Что?

Браун указал на легкие серые пучки в руке у Дэла.

– А-а, – протянул тот.

Нолан понаблюдал за ним еще минуту-другую, а потом сказал:

– Он холодит.

– Да? – переспросил Риз.

– Угу, – кивнул Нолан и поскреб голову с озабоченным видом. – Я, правду сказать, здорово удивился, когда босс так с тобой поступил.

Дэл был не расположен об этом говорить, поэтому ответил неопределенно:

– Не больше моего.

– Видать, у него на тебя зуб.

Риз перестал набивать матрас и задумался: не сказать ли, что его наказали за работу с цветными? Но Браун сам заявил:

– Это все потому, что ты работаешь вместе с нами. Я Ворона знаю. От него ничего, кроме неприятностей, не жди.

Дэл прервал свою работу.

– Вот как. Ну... Я не понимаю, кому какое дело.

– В этом лагере есть дело. Кое-кому. Суини тут всех к ногтю прижал, кто пытался что-то изменить.

– Я ничего не пытаюсь изменить. Мне работа была нужна и крыша над головой. Надеялся подзаработать денег, да, похоже, просчитался.

– Все мы только этого и хотели. Но Ворона лучше не дразнить, это добром не кончается.

Дэл снова занялся матрасом, и Нолан примолк. Откуда-то из лагеря доносилась музыка.

Браун наклонил голову и пояснил:

– В баре веселятся.

Риз слегка повернул голову и услышал тягучие звуки блюза из той части лагеря, что была отведена для цветных.

– Я еще ни разу в баре не бывал.

– Серьезно, никогда? Ну, после сегодняшнего тебе не помешает немного музыки и кое-чего еще. Пошли-ка. Мне вообще-то здесь торчать не полагается, да я хотел тебе кое-что сказать, а для этого хорошо бы выпить сначала.

Дэл устал, идти никуда не хотелось, но он все же поднялся и сказал:

– Ладно, пошли.

Он затащил тюфяк обратно в дом, вспомнил в последний момент о Мелоди, сунул ее в карман и вместе с Брауном зашагал к бару. Группа лачуг у самого леса стояла на участке, где был только один вход и выход: та самая тропинка, по которой они шли. Тут находилось жильё для цветных. Когда они с Ноланом проходили мимо, люди в основном продолжали заниматься своими делами, но некоторые как-то странно поглядывали на них. Риз держался настороженно, то и дело оглядывался через плечо и по сторонам: опасался, как бы Ворон не увидел его тут и не решил еще разок проучить.

Они миновали несколько лачуг, и Нолана пару раз окликнули:

– Эй, Поминай-как-звали, в бар, что ли, собрался?

– Эй! Если идешь туда, куда я думаю, вспомни прошлый раз и как ты потом два дня оклематься не мог.

Перед Дэлом был совсем другой Нолан, не такой, как в тот раз, когда они впервые встретились. Браун шагал с широкой беспечной улыбкой на лице, свободной, расслабленной походкой, и в какой-то момент даже изобразил на ходу джигу.

Кто-то крикнул:

– А этого-то зачем с собой тащишь?

Они подошли к лачуге, крытой просмоленной бумагой и украшенной сотнями крышечек от бутылок и парой рекламных плакатов: жевательного табака от «Ред мэн» и кока-колы. Несколько человек сидели на улице в креслах-качалках, медленно раскачиваясь взад-вперед, еще несколько примостились на табуретах. У всех было при себе какое-то спиртное. Дэл заметил откупоренные бутылки виски и кружки с прозрачной жидкостью, стоявшие на расстоянии вытянутой руки. Здесь лица были дружелюбнее: выпитый «бак», как здесь называли бурбон, приглушил горести и боли, смыл дневные обиды. Кое у кого были с собой музыкальные инструменты, и рабочие играли какую-то песню: один перебирал струны банджо, другой тянул мелодию на скрипке, третий выстукивал ритм ложками, а четвертый водил в лад большим пальцем по старой стиральной доске. Песня была Дэлу незнакома, но все равно ему тут же захотелось достать свою Мелоди. Он бы охотно подыграл, но Браун уже был в баре, и Дэл вошел следом.

В углу стоял маленький столик, за которым сидели четверо мужчин. Над головами у них висела сизая пелена сигаретного дыма,

лица освещала масляная лампа, стоявшая в центре. Они играли в карты, но прервали свое занятие и подняли кружки, приветствуя Нолана.

Тот указал на другой столик и сказал Ризу:

– Посиди тут, а я принесу нам чего-нибудь выпить.

Дэл ответил:

– Мне хватит колы или оранжада.

Нолан покачал головой. Дэл пожал плечами, подошел к столику и сел, мысленно оценивая здешнюю атмосферу. В ней чувствовалось напряжение и предчувствие чего-то. В центре зала стоял бильярдный стол, и двое работяг, увлеченных игрой, осыпали друг друга бранью при каждом неудачном ударе. Краем глаза Риз заметил парочку, сидевшую в неуклюже сколоченной кабинке. Влюбленные держались за руки через стол, не видя никого, кроме друг друга. Дэл снова перевел взгляд на Брауна и женщину, которая его обслуживала. Нолан немного пофлиртовал с ней, а затем вернулся к Дэлу и предложил на выбор:

– Этот вот чистый, а тот немного разбавленный лимонадом. Раз уж ты у нас не любитель выпить, такой тебе, наверное, больше понравится.

Риз взял, отпил глоток и удивленно поднял брови:

– А ничего.

Нолан усмехнулся.

– Все равно крепкий, тем более с непривычки.

Они сидели и наблюдали, как входят и выходят всё новые посетители под нескончаемый ржавый скрип дверных пружин. От спиртного у Дэла потеплело внутри, напряженно сведенные лопатки расслабились. Через пару минут, сделав еще несколько глотков, Нолан подался вперед и, наклонившись через стол, взглянул Дэлу прямо в глаза.

– Как тебя сюда занесло?

Риз покрутил стакан в ладонях. Ему захотелось рассказать о зернохранилище: по какой-то непонятной причине он чувствовал, что сейчас ему поверят. Начал он с того, о чем сейчас говорили почти все:

– Работа была нужна.

Браун ждал продолжения, а Дэл все смотрел в свой стакан. Молчание затягивалось. Дэл поерзал на стуле и снова поднял глаза на

Нолана. Тот не отводил спокойного взгляда.

– Случилось кое-что необычное, в чем я до сих пор не разобрался, ну и подумал: найду работу, может, что-то наладится. До этого долго в лесу жил.

Нолан откинулся на спинку стула, глотнул из стакана и заметил:

– Смотря что считать необычным.

– А ты послушай, тогда и скажешь. Тот фермер, у которого я до этого работал, тоже меня недолго любил. Ну, он-то, правда, за дело. Вот как-то он послал меня работать в зернохранилище, а когда я туда спустился, велел другим рабочим открыть дверцу. Меня и засыпало зерном с головой. Ни шевельнуться, ничего. Уже и дышать не мог. Больно было жутко, как никогда в жизни, а потом вдруг раз – и я уже снаружи. И вижу, как они пытаются меня спасти. – Дэл помолчал, пристально глядя на Нолана: как он отреагирует? Тот лишь отпил еще немного из стакана. Сидел и слушал. Дэл еще раз повторил: – Понимаешь? Я был снаружи и смотрел сверху. Все видел.

Нолан снова откинулся назад.

– Моя бабка тоже частенько такие истории рассказывала. Говорила, что некоторые души застревают между двумя мирами, когда пытаются покинуть землю. Иногда потом еще долго бродят вокруг, ищут двери в рай. Как по мне, ты везунчик.

Дэл почувствовал некоторое облегчение.

– Так ты слышал про такое?

– Ну да, от бабки, я ж тебе говорю. Ты и правда везунчик. По крайней мере, не застрял на полпути, как некоторые.

– Ну, насчет везения не сказал бы. У меня с тех пор... – Он не договорил; щекам стало горячо, и не от выпивки.

Нолан глядел с любопытством.

– С тех пор?..

Риз тоже откинулся на спинку стула. Скрестил руки на груди.

– У меня там... что-то поломалось. Не могу с женщинами, понимаешь? Природа свое не берет.

Нолан пренебрежительно махнул рукой.

– Просто женщина нужна подходящая. Как по мне, вот это самое, – он поднял стакан, – помогает, и еще работа тяжелая. Я пью, чтобы забыться. Мы с моей Догги сорок с лишним лет прожили. Лет пять, как ее нет, а кажется, целая вечность.

Они еще немного посидели в тишине, время от времени потягивая из стаканов, и Дэл размышлял о том, каково это, когда у тебя есть кто-то, вот как у Нолана. Он допил свой стакан и сказал такое, чего сам никогда не думал от себя услышать:

– Возьму еще по одной.

Браун кивнул в знак согласия, Дэл встал и подошел к бару. Заговорил в своей обычной дружелюбной манере:

– Привет, мисс. Как дела?

Девушка не ответила. Она стояла, опираясь на стойку, со скучающим видом, с зажатой между большим и указательным пальцами сигаретой. Оттолкнулась от стойки бедром, выпустила дым изо рта и безразличным тоном спросила:

– Что тебе?

Риз ткнул большим пальцем за плечо, показывая на своего спутника, и ответил:

– То же, что раньше.

– Ты ведь знаешь, как тут заведено? Как в магазине. Выпивку поставляет Отис.

– Ясненько, – кивнул Дэл.

Девушка закатила глаза и спросила:

– Имя, номер, где живешь?

Он сказал, она приготовила напитки и поставила перед ним. Отметила что-то в бухгалтерской книге, а затем, не обращая больше внимания на Дэла, начала переставлять банки и бутылки на полках. Риз понаблюдал, как колышется ее зад под тугим платьем. Ничего. Он вздохнул и направился обратно к Нолану. И чуть было не расплескал все, что нес, когда на него налетели двое мужчин, обменивавшихся шутивными тычками: они уже здорово набрались и были в веселом расположении духа. С другого конца зала донеслась ругань:

– Черт подери, у меня все козыри были на руках, а ты тут мне баки забиваешь. Отдавай мои деньги!

– Хрена лысого у тебя было! Сам мухлюешь, сукин сын, все это знают!

Завязалась потасовка, послышался звон разбитого стекла. Двое игроков вскочили, выхватив самодельные ножи, и через стол пытались пырнуть друг друга.

Третий игрок, пожилой, с седыми волосами, торчащими редкими пучками над головой, и почти беззубый, рывкнул:

– Ну-ка, сели на место! Или кончайте дурака валять, или убирайтесь из-за стола. Мы с Лэнки и без вас отлично сыграем. Так ведь, Лэнки?

Четвертый, этот самый Лэнки, согласился:

– Точно.

Те двое так и стояли лицом к лицу, словно вот-вот готовы были начать драку, и Риз решил, что без крови дело не обойдется. Старший из игроков поднялся, опрокинув стул, и ткнул в спорщиков пальцем, держа другую руку в кармане – очевидно, у него тоже было какое-то оружие.

– Я не шучу. Могу прямо сейчас вам все разъяснить.

Двое уселись на свои места, убрав ножи в карманы, но ни один не отвел взгляда. Нолан тоже внимательно наблюдал за игроками, но, решив, что опасность миновала, снова повернулся к Дэлу.

– Работа тут нелегкая, вот они и пьют как не в себя, – посетовал он. Сделал еще несколько глотков и откинулся назад. – Я ведь еще не сказал, что хотел, так давай скажу сейчас, а то не успеем смыться до того, как тут буча поднимется.

Дэл заметил, что тон его голоса стал другим: отстраненным, не таким дружелюбным.

Потом Браун сказал:

– Это первый и последний раз мы с тобой так сидим. Мне неприятности ни к чему. Я Ворона знаю. У нас в этом лагере свое место, и забывать его себе дороже. С белыми нашему брату никаких дел иметь не положено. Если Суини увидит меня с тобой – все равно, что мы будем делать, даже просто разговаривать, – он решит, что я набрался гонору и меня надо проучить. Поставить на место. Ничего другого от него не жди.

Слова Нолана не удивили Риза. Конечно, Браун должен думать о себе, особенно учитывая, чем это может грозить таким, как он, – смертным приговором, по сути. Так что винить его нельзя.

Дэл сказал:

– Спорить не стану. Но ведь на этом его власть и держится. Если бы мы стояли друг за друга, мы все, – глядишь, сумели бы что-то изменить. Ящик-то всего один. Всех разом туда не запихнешь.

Нолан пренебрежительно хмыкнул.

– Всех – нет. Но кто-то там точно окажется: может, ты, может, я. Я не готов умереть. А ты готов? Тебя послушать, так вроде пока на тот свет не торопишься.

– Нет, я не готов умереть, – согласился Дэл.

Он думал, что в бункере было страшнее некуда, но это хотя бы быстрее, чем медленная смерть в ящике.

Браун добавил:

– Ты там пробыл-то пару часов – по здешним меркам, считай, еще легко отделался. В другой раз будет хуже – и тебе, и мне, если Суини найдет повод кого-то из нас туда засадить.

Следующие несколько минут прошли в молчании. Нолан как будто весь ушел в свои мысли. Дэл же был вконец измотан долгим разговором, да еще проголодался, а от выпитого снова заболела голова.

Он сказал:

– Я тебя понял, Нолан. Спасибо, что не пожалел времени и все растолковал. И что выслушал мою историю. Приятно знать, что я не псих.

Он встал, а Нолан окинул его затуманенным взглядом и предупредил еще раз:

– Хм... Все мы где-то психи. Ты, главное, будь осторожнее.

Риз кивнул и пошел прочь через маленький зал, и подозрительные взгляды сопровождали его, пока он не скрылся за дверью. Музыка на крыльце не смолкла, когда он проходил мимо, но он знал, что музыканты тоже смотрят ему вслед. По тропинке, огибавшей тесные лачуги, он шагал в одиночестве: почти все, не считая веселящихся в баре, уже разошлись по домам. Из труб тянуло дымом, и запах готовившихся по всему лагерю ужинов подгонял Дэла: хотелось уже поскорее поесть и лечь спать.

Неподалеку от секции для холостяков он увидел старый побитый грузовичок: тот катился, дребезжа на ходу, по тропинке через центр лагеря. Дэл видел, как машина остановилась перед конторой. Дверца открылась, из кабины выбрался невысокий щуплый мужчина в болтающемся на нем мешком комбинезоне и низко надвинутой шляпе. Незнакомец потянулся, уперев руки в бедра, наклонился назад, потом вперед – очевидно, немало времени провел в пути. Поймав взгляд Риза, нахлобучил шляпу еще ниже и скрылся в здании конторы. Дэл

двинулся дальше, отметив про себя, что если этот человек приехал искать работу, то он уже в лучшем положении, чем большинство из них: грузовик имеет, а это редкость. Здесь почти все до сих пор довольствовались мулами, лошадьми и телегами. Сам Дэл, будь у него грузовик, пожалуй, продал бы его и выручил какие-никакие деньги; все лучше, чем здесь работать.

Меж соснами пламенела длинная оранжевая пелена заката, отчего лес совершенно преобразился: казалось, что он охвачен пожаром. От этого зрелища Дэла пробрала дрожь, словно деревья и правда горели у него на глазах, и в душе возникло ощущение надвигающейся гибели. Он никак не мог избавиться от этой картинки, поэтому спал беспокойно и не успел опомниться, как снова наступил рассвет.

Глава 10. Рэй Линн

Она ехала со скоростью сорок пять миль в час, потом свернула, чтобы обогнуть выбоину, и тут почувствовала какой-то удар в переднюю часть машины. Из-под капота тут же повалил белый пар, двигатель заглох. Рэй Линн съехала на обочину и в недоумении смотрела через лобовое стекло, как пар поднимается вверх. Фермер, работавший в поле неподалеку, увидел, что она в затруднении, подошел и взглянул сначала на нее, а потом на вышедший из строя грузовик.

– Что делать будете? – спросил он.

Рэй Линн вышла из машины и уставилась на клубы пара, вырывающиеся из-под капота. Прямо над головой белел раскаленный диск солнца, среди деревьев вдалеке неустанно трещали цикады. Рэй Линн сама не знала, как будет выходить из положения, так что этот вопрос представлялся ей совершенно бессмысленным. К тому же ее беспокоило, как она выглядит в глазах этого человека. Она расправила плечи, посмотрела ему в лицо. Ответ прозвучал резко:

– Почему я знаю? Что случилось, то случилось.

– Хм...

Рэй Линн больше ничего не сказала, фермер тоже молчал, и оба стояли, засунув руки в карманы, – как будто один приятель к другому без предупреждения в гости заглянул. Молчание становилось все более неловким, и Рэй Линн поняла: раз уж она «мужчина», значит, должна попытаться выяснить причину поломки. Напустив на себя уверенный вид, она склонилась над капотом, повозилась с защелками и приподняла крышку, открывая двигатель. Стала разглядывать его, хотя механизм выглядел для нее примерно так же, как внутренности препарированной лягушки, которые ей приходилось изучать в приюте на уроках биологии. Без подсказки ни за что не разобраться, что там к чему. К тому же машина всегда была заботой Уоррена. Рэй Линн вернулась к водительскому сиденью, порылась под ним в поисках инструкции, схемы или еще чего-нибудь, что могло бы помочь, но не нашла ничего, кроме старой промасленной тряпки.

Чувствуя на себе пристальный взгляд фермера, она снова подошла к двигателю и стала тереть то одну деталь, то другую. Присутствие чужака действовало на нервы. По крайней мере, вспотела она не хуже любого мужчины. Тут фермер громко откашлялся, и Рэй Линн оставила в покое непонятные штучки под капотом. Мужчина наклонился над грузовиком и сказал сухо:

– Вот в чем беда.

Рэй Линн выпрямилась и подошла к нему. Он показывал на дыру в радиаторе. Когда Рэй Линн выезжала, дыры точно не было.

Фермер сказал:

– Воды, похоже, не осталось.

– Да, наверное, – согласилась Рэй Линн.

– Далеко направляетесь? – спросил он.

– В Валдосту.

– Ну что ж, – сказал фермер. – Путь неблизкий, но, думаю, хозяйственное мыло поможет дотянуть, а там почините. Подождите здесь.

Рэй Линн прислонилась к грузовику и стала грызть ноготь, но тут же опустила руку. Мужчины ведь не грызут ногти от волнения? Вряд ли. И держалась она слишком грубо. А главное, опозорилась незнанием простых вещей: что делать, когда из-под капота валит пар.

Через несколько минут фермер вернулся с бруском мыла «Фелс-нафта» и полным ведром: вода даже выплескивалась через край, пока он шагал к Рэй Линн.

Он протянул ей мыло, она взяла его и сказала:

– Спасибо.

Она держала брусок в руке, не зная, что с ним делать, – прямо в дырку совать или как? Фермер нахмурился, и Рэй Линн, не придумав ничего лучшего, зашарила по карманам комбинезона Уоррена: она помнила, что муж всегда носил с собой перочинный нож. Пальцы нащупали маленький ножик. Она быстро вырезала пробку, и фермер оживился – значит, она правильно догадалась. Он еще невольно дал ей подсказку, начав рассказывать:

– Мне самому с неделю назад пришлось так выходить из положения. Засовывать кусок мыла в радиатор вон того грузовика. Ржавый он весь – стареет, как и я. Видно, рано или поздно придется заняться им всерьез.

Рэй Линн почти не слушала его болтовню: главное, она уже уяснила в общих чертах, что нужно делать. Ястребиная зоркость, с которой фермер следил за ней, заставляла ее нервничать, мыло во вспотевших пальцах сделалось скользким. Вставить его как следует не получалось, оно выскочило и упало на землю. Рэй Линн подняла пробку, очистила от налипшей травы и снова затолкала в дыру. И тут мужчина обратил внимание на ее палец.

– Это вы, должно быть, отхватили, когда дрова рубили или что-нибудь в этом роде? Не очень-то умно, но что ж, всякое бывает.

Рэй Линн оглянулась на него через плечо. Мыло, слава богу, держалось. Фермер открутил пробку радиатора и стал заливать туда воду из ведра. И продолжал говорить, не глядя на нее:

– Вот что я вам скажу. Когда можешь полагаться на самого себя – это большое дело. Глава семьи должен все уметь. Я вот никогда понять не мог, откуда берутся люди, которые не умеют ни черта? Видать, так уж их воспитали.

Он бросил взгляд на Рэй Линн, и та поняла, что придется его выслушать, хочешь не хочешь. В конце концов, она ему обязана. Он продолжал со всей прямоотой:

– Как по мне, не дело отпрапляться в путь, да еще такой далекий, безо всякой подготовки. И воду надо всегда держать про запас на всякий случай. Да, черт возьми, даже в наши времена хоть мыло-то при себе иметь надо, даже когда дела из рук вон плохи. Вот так. В конце-то концов, вода бесплатная, да и мыло не так уж дорого стоит. Вы же взрослый мужчина, насколько я понимаю. А в такую дальнюю дорогу отправились с пустыми руками. Ладно хоть бензин захватили – вон, вижу, в кузове. Уже что-то.

Лицо у Рэй Линн вспыхнуло от гнева и унижения. Она сжала в руке деньги, лежавшие в кармане. Эти последние двенадцать долларов были ее спасательным кругом – на случай, если в Валдосте дело не выгорит. Что ж, доллар можно дать ему за беспокойство – ну, может, еще пару центов. Фермер молча закончил свое дело, надел кепку и не успел произнести больше ни слова, как она протянула ему купюру. Он уставился на деньги, потом на нее и протянул руку, забирая вознаграждение.

Рэй Линн сказала:

– За несколько минут вашего времени и прочувствованную проповедь.

Она хлопнула в ладоши, словно отряхивая с рук пыль, подошла к кабине и села. Двигатель еще не остыл, так что можно было обойтись без дросселя. Отъезжая, Рэй Линн оглянулась и увидела, что у фермера хватило вежливости по крайней мере помахать ей рукой. Рэй Линн мысленно упрекнула себя: «Если хочешь повернуть такое дело, соберись как следует». Она снова стала глядеть на дорогу, все еще немного злясь на фермера за его упреки и на саму себя. Однако в пути она решила, что это был необходимый урок: теперь она запомнит, как себя вести.

По ее расчетам, вся поездка должна была занять четырнадцать часов, но из-за пробитого радиатора и того, что дальше она ехала медленнее, опасаясь новой поломки, Рэй Линн пришлось заночевать в старой дубовой роще. Она видела тусклые огни фермерского домика на другом конце поля, и свет окон немного успокаивал ее: хотя бы не совсем одна. Рэй Линн съела кое-что из припасенной еды – остатки галет со свиным шпиком, несколько огурцов из прошлогодних солений – и выпила воды из банки. Ее мучила ужасная тоска по Уоррену. Тяжесть пистолета в кармане комбинезона все время напоминала о муже. Рэй Линн попыталась устроиться поудобнее на сиденье, почувствовала, как пистолет упирается в бедро, и подумала: не выбросить ли его в канаву? Но, учитывая обстоятельства, это была нужная вещь. Теперь, когда не приходилось следить за дорогой, у нее было много времени на раздумья – пожалуй, даже чересчур.

Глаза снова наполнились слезами, и она громко проговорила:

– Хватит хныкать, Рэй Линн. Ты же Рэй Кобб, тебе не пристало реветь, как девчонке.

Она попыталась уснуть, но это оказалось практически невыполнимой задачей. Что-то шуршало вокруг, и она могла только гадать, что же там такое невидимое шевелится. Уоррен говорил, ночью все звуки становятся громче, и она надеялась, что дело в этом. Наверное, опоссум какой-нибудь, а кажется, что целый медведь. В конце концов ей удалось заснуть, но на рассвете, поднявшись и оглядевшись по сторонам, Рэй Линн чувствовала себя усталой и разбитой. Хорошо бы выпить чашку кофе – настоящего, не цикория. Может, зайти в фермерский дом и попросить? Разве не приходили вот

так же к ее задней двери те, кого жизнь заставила свернуть с проторенного пути, те, кому повезло меньше, чем другим? Эта мысль задержалась у нее в голове лишь на секунду. Теперь она Рэй Кобб, так что лучше уж просто попить воды.

Солнце уже взошло, природа вокруг снова сделалась приветливой и манящей, а неловкость по поводу вчерашнего показалось смешной. Рэй Линн открыла дверцу грузовика, вылезла и застонала, когда попыталась сделать шаг. Как ни удобны эти новомодные машины, а от многочасовой тряски на жестком сиденье все тело затекло и ныло. Рэй Линн проверила мыльную пробку – та была на месте, хоть на нее и налипли всякие жуки. Справив естественные потребности, Рэй Линн проделала утомительные манипуляции с мотором и была рада, когда он наконец застучал. Она двинулась в путь, оставив после себя лишь отпечатки шин грузовика в зарослях клевера и мокрицы. Только поздно вечером она наконец добралась до окраины Валдосты. Мучила жажда, и Рэй Линн решила остановиться, чтобы выпить чего-нибудь холодненького и узнать, где искать лагерь Ласточкино Гнездо. После недавнего короткого разговора с фермером она уже яснее представляла, как вести себя в роли Рэя Кобба. Заметив небольшой придорожный магазинчик, она подъехала, припарковалась и минутудругую сидела, уставившись на дверь. Может, лучше выбрать уверенную походку? Рэй Линн вошла в магазин и, стараясь погромче топтать тяжелыми башмаками по дощатому полу, направилась к холодильнику за холодной пепси. Руки она держала в карманах, как подобало, по ее мнению, мужчине. За прилавком стояла широкоплечая женщина с шарфом на голове, с тяжелой грудью, лежащей прямо на прилавке, и хмурым выражением лица.

Женщина показала на ноги Рэй Линн и сказала:

– В грязных башмаках на улице топайте. Я тут только что подмела.

Рэй Линн вздрогнула и, растерявшись, пролепетала: «Ой, простите» – своим обычным голосом, чем заслужила подозрительный взгляд. Покраснев, она откупорила бутылку и тихонько подошла к прилавку. Протянула женщине пять центов, стараясь не смотреть ей в глаза.

Низким голосом она проговорила:

– Я ищу Ласточкино Гнездо.

Женщина взяла монету, открыла кассу и ответила:

– Это недалеко.

Не сводя с Рэй Линн пристального взгляда, она дала инструкции: ехать вон туда и искать маленький указатель с надписью «Ласточкино Гнездо».

– Всего-то пара миль, и вы на месте.

– Спасибо большое, – ответила Рэй Линн.

– В одиночку путешествуете? – спросила женщина. – А семья как же?

Теперь уже Рэй Линн нахмурилась.

– Не ваше дело.

Женщина хмыкнула:

– Похоже, мамаша не научила вас хорошим манерам. Молодые люди в наше время совсем не умеют себя вести.

Рэй Линн выскочила вон, хлопнув дверью. Уже в грузовике вытерла пот со лба и почувствовала, как начинает болеть голова. Ничего, она справится, должна справиться. Проехав несколько миль, она заметила прибитую к разлапистой сосне ветхую табличку с надписью «Ласточкино Гнездо» и стрелкой, указывающей вверх. Потом выехала на длинную и узкую грунтовую дорогу, совсем не похожую на те, к которым она привыкла дома. Здесь не было ничего, кроме густых зарослей мятлика и величественных сосен, и местность казалась пустынной и безлюдной. Наконец Рэй Линн преодолела последний отрезок пути, и тут откуда ни возьмись до нее донесся отчетливый запах скипидара – задолго до того, как она подъехала к лагерю.

Через несколько минут впереди показался бондарный сарай, а рядом – перегонная установка. Потом еще одно здание с вывеской «Контора» на двери. Рэй Линн остановилась перед ним и вышла из машины, чтобы размяться. Сделала пару наклонов взад-вперед и тут заметила мужчину, наблюдавшего за ней издали. Она нахлобучила пониже шляпу, сунула руки в карманы и вошла в контору. Грузный мужчина, что-то писавший за заваленным бумагами столом, так сосредоточенно пыхтел сигарой, словно от этого зависела его жизнь.

Своим новым голосом Рэй Линн произнесла:

– Я слышал, тут работа есть.

Мужчина поднял глаза, окинул ее взглядом – как ей показалось, слишком долгим. Бровь у него изогнулась, словно ее слова показались ему странными. А может, его что-то насторожило в облике посетителя. Рэй Линн стояла на месте, не моргая и не двигаясь. Не дыша.

Наконец он заговорил:

– Работы у нас много, даже чересчур. Меня зовут Притчард Тейлор. Для кого-то – Пиви, хотя тебе такое имя больше бы подошло^[4].

Она не знала, что на это ответить, а Тейлор вскочил и расхохотался:

– Я же просто шучу.

Он протянул ладонь, и Рэй Линн с облегчением сунула ему руку. Он стиснул ей пальцы так, что чуть костяшки не раздавил. Рэй Линн не дрогнула и ответила на пожатие так крепко, как только могла, а когда он выпустил ее руку, поборола желание растереть пальцы. Пиви опустил в кресло и опять проехался по ее телосложению:

– Вот холера, кажется, тебя вот-вот ветром унесет. Ты уверен, что осилишь такую работу?

Рэй Линн пробурчала в ответ:

– Я всегда был маловат ростом для своих лет, но силы мне не занимать. – Под конец фразы ее новый низкий голос предательски сорвался.

Пиви посмотрел на нее с сомнением и спросил:

– Сколько же тебе лет, паренек?

– Двадцать шесть, – ответила она.

– Что? У тебя и усы-то еще не растут. Смех, да и только. Если тебе двадцать шесть, то я вообще Мафусаил. – Пиви посмеялся над собственной шуткой и спросил: – Звать как?

– Рэй Кобб.

– Семья?

– Прошу прощения?..

– Семья. Семья у тебя есть?

– Была, но...

Пиви, что-то писавший, остановился.

Рэй Линн поспешно договорила:

– Он... То есть она умерла. Несчастный случай.

– Хм. Сожалею.

Рэй Линн сжалась от испуга, поняв, что проговорила, но Пиви, похоже, не заметил ее промаха. Он задумчиво барабанил пальцами по столу.

Наконец подался вперед и сказал:

– Десятников я не набираю. Ты, случайно, не на эту работу метил?

– Нет, сэр. У меня и лошади нет.

– Мне показалось, я слышал шум грузовика перед тем, как ты вошел.

– Да, сэр. Я приехал на грузовике.

– У нас тут не так много машин. Я мог бы нанять тебя развозить скипидар покупателям. Это нам всегда кстати.

– У меня радиатор пробило.

– Ах вот как. А родом ты откуда?

– Из Южной Каролины.

– Ну ладно. В общем, десятником тебя не возьмут, а вот подрубочики, заливщики и закрепщики всегда нужны. Но дело в том, что на такую работу мы обычно берем только цветных, и бочки под камедь тоже они делают.

– Мне все равно, чем заниматься. Я все умею.

– Тут есть люди среди начальства, которые не любят черное с белым мешать, понимаешь?

Рэй Линн не успела и слово вставить, как он продолжил:

– Мне не хочется выслушивать жалобы. Вот что я тебе скажу: отдам тебя под начало Джима Балларда, и пусть он сам решает, какую работу тебе дать. Определит тебя, куда сочтет нужным: ему все равно, кто чем занят, лишь бы работа была сделана. Рабочая повозка приедет за тобой ровно в пять тридцать. Возницу зовут Клайд. Я скажу Балларду, что ты будешь у него в команде.

– Я не против, – кивнула Рэй Линн.

– Жилье для холостяков у нас вон там. Есть места за пятьдесят центов, есть за доллар.

– Возьму за пятьдесят центов. Я не привередливый.

– Что понадобится, выбери в магазине. Платить будем сертификатами.

Рэй Линн не сказала, что сертификаты ей не нужны: лучше умолчать, что у нее есть деньги.

Пиви продолжил:

– Можешь располагаться в номере сорок четыре. Если там не понравится и захочешь жилье за доллар, дай мне знать.

– Ладно, – ответила она.

– Имей в виду, у нас тут тысячи акров вокруг. Гляди не заблудись в лесу. Бывали случаи, люди в болоте пропадали. Аллигаторы, щитомордники, дикие кабаны – это тебе не шутки. Плата – семьдесят пять центов в день. Идет?

Она снова кивнула.

– Конечно.

Пиви положил на стол лист бумаги и сказал:

– Распишись вот здесь. В договоре сказано, что ты согласен с тем, где будешь жить и под чьим началом работать. Грузовик можешь поставить вон там, под навесом. Скажешь Проныре на перегонке, что я разрешил.

Она подписала свое имя там, где он поставил крестик, и сама заметила, что почерк у нее слишком изящный для мужчины. Зато хоть не забыла, что писать нужно не «Рэй Линн Кобб», а просто «Рэй Кобб», без «Линн». Пиви забрал бумагу, и Рэй Линн снова стерпела, когда он чуть не раздавил ей руку на прощание. Она вышла, загнала грузовик под навес, как велел Пиви, забрала свои вещи и пошла искать хижину номер сорок четыре. Приятно было размять ноги. Через какое-то время, когда Рэй Линн уже решила, что заблудилась, она заметила человека, которого уже видела раньше. Он сидел на крыльце и набивал тюфяк испанским мхом. Рэй Линн смотрела прямо перед собой: она не собиралась совать нос ни в чьи дела, кроме собственных. Хижина номер сорок четыре оказалась рядом с соседней – по ее мнению, слишком близко. Уединения тут не жди.

Поднимаясь по короткой лестнице на крыльцо, Рэй Линн думала не о том, в каких ужасных условиях ей придется жить, а о том, что они с Уорреном делали бы сейчас, если бы все было в порядке. Она почувствовала, как опять наворачиваются слезы, но сдержала их, вытерла глаза и внимательно оглядела тесное грязное крыльцо. Тут стоял старый обшарпанный стул, у одной его ножки – пустая пыльная бутылка, и больше ничего. Рэй Линн оставила вещи на крыльце и толкнула дверь. Та не поддавалась. Рэй Линн ударила плечом, и дверь распахнулась. Она вошла и тут же попятилась.

Прикрыв рот и нос рукой, чтобы не чувствовать запаха, она стала осматривать маленькую комнатку – свой новый дом. Солнце уже село, и слабый свет, проникающий сквозь два крошечных окошка, не давал как следует разглядеть обстановку, но одно можно было сказать точно: пахло здесь ужасно. Их с Уорреном дом был стареньким и уже начинал ветшать, но там было чисто. А это помещение для лагерных рабочих выглядело так, будто его поставили здесь еще до потопа. На стенах виднелись пятна неизвестного происхождения. Пол был дощатый и весь покрытый грязью, как и крыльцо. Затхлостью пахло, должно быть, из-за того, что хижина долго простояла закрытой, а еще из-за дневной жары, но Рэй Линн уловила и другие запахи: прогорклого жира и немытой посуды, стоявшей на грубо сколоченной деревянной полке, покрытой таинственной черной плесенью. В углу на встроеном в стену каркасе лежал линялый грязный матрас.

Удрученная ужасным состоянием комнаты, Рэй Линн не сразу обратила внимание на то, что у нее чешутся ноги. Она задрала штанину комбинезона, увидела какие-то черные точки, топнула ногой и стала хлопать себя по икрам. Блохи или бог знает что еще. Она еще не решила, что с этим делать, когда услышала голос:

– Я в первую ночь чуть в лес не ушел ночевать. Может, оно и лучше, но там клещи, мошкара и змеи. Хотя теперь думаю, что не так уж страшно было бы.

Рэй Линн обернулась и увидела того самого мужчину, который набивал тюфяк. Он стоял, облокотившись на ее забор, шляпа на нем была сдвинута на затылок, открывая бледный по сравнению с остальным лицом лоб. Волосы длинные, щеки и подбородок заросли бородой. Лицо у него, на ее взгляд, было удивительно грустное, но кто знает – может, оно у него всегда такое. Внешне парень был странный. Впрочем, нет, странный – не то слово. Интересный. Глаза такие светло-голубые, что почти не отличишь радужку от белков. Сообразив, что слишком долго на него таращится, Рэй Линн отвернулась и стала разглядывать грязное крыльцо.

Парень добавил:

– Не сразу привык.

Рэй Линн кивнула, но и только. Она не стремилась к дружескому общению. Идея стать Рэем Коббом пришла ей в голову всего пару дней назад, и она уже успела убедиться, что дело это довольно

утомительное: постоянно приходится следить за тем, что и как говоришь. И за походкой. И волосы не трогать. И еще про голос не забывать. Несмотря на ее безучастность, незнакомец протянул руку и представился:

– Дэлвуд Риз. Все зовут меня Дэл.

Рэй Линн не двинулась с места, а руки засунула в карманы. Буркнула, вздернув подбородок:

– Рэй Кобб.

Дэл опустил руку и спросил:

– Откуда вы?

– Из Южной Каролины.

– А на какую работу устроились?

– Пока не знаю.

Ей хотелось, чтобы он оставил ее в покое. Придется вернуться в дом, как там ни ужасно.

Дэл спросил:

– У кого работать будете?

Своим неестественным голосом, которому сама не доверяла, Рэй Линн ответила:

– У Балларда.

Сосед сунул руки в карманы и пнул столбик ограды.

– Ого, – сказал он. – Повезло вам. – Он заговорщически наклонился ближе, словно полагал, что кто-то может их подслушивать, и сказал, понизив голос: – Я работаю у типа по кличке Ворон. Мы с ним не ладим, но дело тут не столько во мне, сколько в нем. Будьте с ним осторожнее, вот вам мой совет.

Рэй Линн снова промолчала, решив, что чем меньше говорить, тем лучше. Дэл посмотрел на небо, потом опять на нее.

– Ну что ж, я только хотел представиться, раз уж мы теперь соседи. А от блох помогает соль.

Рэй Линн кивнула и ответила коротко:

– Знаю.

Риз оттолкнулся от забора и пошел прочь. Через несколько секунд до Рэй Линн донеслось хрипкое мурлыканье губной гармошки. Мелодия плыла в прохладном воздухе, и Рэй Линн подумала, что эта одинокая музыка похожа на самого Дэла. Она вернулась в хижину и стала приводить ее в порядок, насколько это было возможно.

Часть II. Ласточкино Гнездо

Глава 11. Дэл

В один из жарких летних дней Ризу представился случай понаблюдать за новеньким, появившимся в лагере некоторое время назад. Дэл признал, что подрубщик тот неплохой, вот только, кажется, не слишком расторопный, и еще что-то в нем было не так. Новенький работал на участке неподалеку, так что у Дэла было время присмотреться к парню и поразмыслить о том, что его сюда привело. Во-первых, помимо того, что приехал Кобб на грузовике, на нем были новые башмаки. Все прочие ходили босиком или в опорках, кое-как залатанных «кожей Гувера». Сам Риз в последнее время стал подстилать в башмаки газету, потому что подошвы протерлись почти до дыр. У каждого здесь была своя история и своя причина оказаться в лагере. К концу дня они с новеньким разошлись по своим участкам в разные стороны, и теперь перед Дэлом были только сосновая кора и бесконечный ряд деревьев.

После отбоя пришла повозка и увезла всех обратно в лагерь. Дэл соскочил у магазина: хотел взять пару банок каких-нибудь консервов. До того устал, что готовить сил не было. Войдя в магазин, он наткнулся на перепалку между Отисом Риддлом, его женой и этим новеньким, Коббом. Тот выглядел таким же разгоряченным и потным, как сам Дэл. Отис с Корнелией оба были за прилавком, что уже казалось необычным, и Кобб там же: лицом к Риддлу и с пистолетом в руке. Корнелия топталась у новенького за спиной.

Дэл остановился у двери, раздумывая, входить или нет, и услышал голос Кобба:

– Лучше оставь ее в покое.

Кобб бросил взгляд на Риза, потом снова на Отиса. Дэл, поняв, что его уже заметили, остался стоять у двери.

Отис, не вынимая сигареты из уголка рта, сказал:

– Тебя это не касается. Она моя жена и будет делать то, что я скажу. Ты, видать, не с той ноги встал, но я не люблю, когда лезут в мои дела.

– Она выбирала для меня товар, незачем было ее толкать, – отчеканил Кобб и обернулся к Корнелии: – У вас все в порядке?

Та бросила испуганный взгляд на мужа, а затем на щуплого Кобба. Черты ее лица разгладились и затвердели, словно утрамбованная земля на дорожках, протоптанных между хижинами.

Корнелия сказала:

– Обойдусь без твоего заступничества. Нечего меня защищать от собственного мужа. – В конце фразы голос у нее дрогнул, и она вздернула подбородок, глядя на Кобба с вызовом. Дэлу показалось, что она пытается убедить саму себя в правдивости своих слов.

Кобб проворчал:

– Хорош муж, если он так себя ведет. Так ни с кем обращаться нельзя.

Риддл шагнул ближе, Кобб отступил назад, и Корнелии пришлось сделать то же самое. Отис ткнул Коббу пальцем чуть ли не прямо в нос.

– Это мой магазин, здесь распоряжаюсь я, а как – это уж мое дело. Никто тут не имеет права вякать, кроме нас, то есть меня. А дело жены – слушаться. Так в Библии сказано. И убери свой чертов пистолет.

Кобб склонил голову набок, внимательно слушая тираду Риддла, однако пистолет не опустил. Ответил в тон:

– Где это в Библии сказано хоть слово о том, что можно поступать так, как ты? – Он снова обернулся к Корнелии: – Нигде не сказано.

Лицо у Корнелии посерело, и она не сразу решилась заговорить, но потом пробормотала:

– Библия учит слушаться мужа. – И процитировала Писание: – Сказано ведь: «Жены, повинуйтесь мужьям своим, как Господу»^[5].

Голос Кобба странно взлетел вверх.

– «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее»^[6]. Тоже Послание к Ефесеям.

Отис забормотал какие-то жалкие отговорки:

– Я забочусь о ней... Тут она спорить не станет, черт побери, она знает, что забочусь. А сама нагрела меня на кругленькую сумму. Взяла и заказала отрез на новое платье, у меня не спросясь.

Корнелия вышла из-за спины Кобба и попыталась сменить тактику. Заговорила ласковым голосом, показывая на сверток ткани:

– Отис, милый, у меня ведь ни разу не было нового платья с тех самых пор, как мы с тобой встретились. Это уже вот-вот на куски расползется, и то, другое, тоже. Один стыд смотреть. Ты же не хочешь,

чтобы я в таком виде ходила? Нехорошо, когда все видят твою жену в поношенных платьях.

Риддл в ответ вынул сигарету изо рта и схватил жену за руку.

Дэл с Коббом в один голос крикнули:

– Эй!

Корнелия попыталась высвободиться, но замерла, когда муж поднес горящий конец сигареты к ее коже. Продавец смотрел на Кобба и Дэла с вызовом, словно ждал их реакции, и придвигал сигарету все ближе, пока она не оказалась в дюйме от руки Корнелии. Кожа там была вся в розовых шрамах: некогдай проделывал это уже не в первый раз. Внезапно он ткнул тлеющей сигаретой в отрез материи. В воздух поднялась тоненькая струйка дыма, Отис выпустил жену и оттолкнул ее от себя.

Кобб сдавленным голосом проговорил, указывая на ткань:

– Сколько?

– А?.. – переспросил Риддл.

Кобб повторил:

– Сколько стоил этот отрез?

– Не волнуйся, у тебя столько нет!

Парень достал из кармана комбинезона деньги и выжидающе посмотрел на продавца. У того при виде пачки банкнот округлились глаза, и у Риза тоже.

Отис, хитро прикинув что-то в уме, сказал:

– Три доллара.

Кобб отсчитал купюры. Дэл глазам не поверил, когда он выложил три долларовые бумажки в ряд на прилавок перед Отисом. Целых три доллара, прямо в кармане! Откуда у человека такие деньги, когда в округе ни у кого ни гроша нет? Кобб сунул пистолет в карман вместе с оставшимися деньгами.

– Пусть сошьет себе платье, если из этого что-то выйдет – ты же только что испортил отличную материю. Не очень-то умно: сам же деньги потерял. У меня свидетель есть, что тебе заплачено.

Дэл вставил:

– Точно.

Парень вызывал у него уважение и любопытство. Корнелия смотрела на Кобба с недоверием. Спина у него была напряжена, глаза

сузились. Не обращая внимания на Корнелию, он ждал, что будет делать Отис.

Тот проворчал:

– Смотри ты, какой гонористый нашелся. – Однако купюры с прилавка сгреб шустро, как грабитель в банке. Сунул в нагрудный карман и сказал: – А теперь выметайся к чертовой матери из моего магазина. – И Корнелии: – А ты иди домой и приготовь мне ужин, да поторапливайся, не то худо будет.

Корнелия потянулась было к ткани, но Отис перехватил ее руку.

– Эй! – прикрикнул Кобб.

Не глядя на него, Отис добавил:

– И не вздумай нос задирать.

Однако он отпустил Корнелию, и та осторожно взяла ткань, вся дрожа, словно от внутреннего землетрясения. У нее даже зубы стучали. Прижимая к груди сверток, она тихонько выскользнула из магазина.

Кобб двинулся следом. Дэл так и не взял того, за чем пришел: не хотелось слушать, как Риддл будет бухтеть. Он тоже вышел, и Отис проводил их насмешливым напутствием:

– Вот-вот, убирайтесь к черту оба.

День в Ласточкином Гнезде клонился к вечеру. Слышались приветственные оклики и даже смех. К ним примешивались стук раскальваемых дров и аромат от кипящих котлов, в которые отдельные счастливики, кажется, даже бросили по кусочку мяса. Кто-то затянул песню. Уже вот-вот должно было начаться веселье в баре. Дэлу вид и звуки лагеря казались безобидными, не представляющими никакой угрозы, однако он все отчетливее ощущал некое подводное течение. Все вокруг было лишь дымовой завесой среди зыбучих песков. Вот что такое этот лагерь: зыбучие пески. Чем больше стараешься освободиться, тем глубже погружаешься. Как в том бункере.

Растревоженный этими мыслями, Риз перевел взгляд на Кобба и Корнелию. Корнелия стояла, скрестив на груди руки, и с вызовом смотрела на невысокого парня.

– Ты наверняка считаешь, что я теперь у тебя в долгу. Если так, то лучше выбрось это из головы.

– Что? – изумился Кобб. – Нет!

Дэл нахмурился: голос у Кобба опять изменился. Риз готов был поспорить, что лет парню не больше шестнадцати, а то и меньше. У него даже усы еще не росли: лицо гладкое, как разогретое масло.

Корнелия добавила:

– А деньги я тебе отдам. Я иногда подрабатываю на стороне, шитьем и всяким таким, так что, может, не сразу расплачусь, но в долгу не останусь. Только не воображай, будто получишь от меня что-то другое.

Кобб сказал:

– Не надо мне деньги отдавать. Ты мне ничего не должна.

Корнелия фыркнула, недоверчиво закатила глаза и с красивой материей в руках двинулась к своему домику.

Дэл проводил ее взглядом, а потом повернулся к Коббу:

– Откуда ты родом, говоришь?

Тот пробормотал:

– Из Южной Каролины.

– А чем занимался до этого?

– Скипидарным делом.

– В лагере?

Кобб смотрел куда-то вдаль, словно не желая отвечать. Наконец сказал:

– На маленький ферме.

– Но ты ведь выбрал кличку Смоляная Пятка? Это не Южная Каролина, а Северная. Старый северный штат. Я сам оттуда родом.

Глаз у Кобба дернулся, но он ничего не стал объяснять. Вообще парень вел себя подозрительно. Уж не в бегах ли он? Не исключено, что деньги у него краденые, и ботинки тоже. Кто знает, может, он и носит-то одежду покойника: убил кого-нибудь и прикарманил вещички и деньги.

Кобб сказал:

– Если не возражаешь, у меня еще дела есть.

Риз махнул рукой.

– Да, у меня тоже. Я-то шел за продуктами, но сегодня, даже и вернусь, Отис мне, пожалуй, уже ничего не продаст.

Кобб долго изучал землю под ногами, а затем поднял встревоженный взгляд на Дэла. Тот вовсе не думал ставить новенького

в неловкое положение. Когда Кобб вздохнул, Дэл решил, что не так уж и голоден. Может, дома в шкафу завалилась пара галет.

Он сказал:

– Ничего, обойдусь, – и пошел прочь.

Кобб окликнул его:

– Погоди!

Дэл не отозвался. От этого разговора ему стало как-то не по себе.

– Эй, погоди! – снова крикнул новенький.

Риз остановился и оглянулся.

Уже немного дружелюбнее Кобб сказал:

– У меня есть бобы и остатки кукурузной муки, да еще немного кофе из цикория. Заходи, угощу.

Дэл вернулся и заметил:

– Не хочу тебя затруднять.

– Да никаких проблем.

Они пошли рядом, бок о бок. Кобб молчал, и Дэл чувствовал потребность завести разговор, но в голову не приходило ничего, кроме вопросов. Почему-то в присутствии этого парня он совсем растерял свою, как ему казалось, природную общительность. Тогда он достал из кармана Мелоди и стал наигрывать на ходу, но умолк, когда из бондарного сарая появился Ворон.

– Ого, поглядите-ка, – сказал десятник. – Двое новеньких уже дружбу завели. А ну, Батлер, что это у тебя? Дай-ка взглянуть.

Отдавать Мелоди не хотелось, но Ворон протянул руку и нетерпеливо покачивал ею. Дэл неохотно вложил гармошку ему в ладонь. Ворон вытер ее о рукав, приложил к губам и выдал пронзительную ноту, похожую, как показалось Ризу, на крик раненой птицы. Ворон оборвал звук, а затем, скривив губы, снова дунул изо всех сил. Мелоди издала пронзительный визг, и Дэлу стало совсем тревожно. Потом Суини вынул инструмент изо рта, с отвращением посмотрел на него и бросил на землю.

– Дрянь, – буркнул он.

Когда десятник поднял сапог, чтобы растоптать Мелоди, Дэл, не задумываясь, схватил его обеими руками за плечи и оттолкнул. Подобрал Мелоди, но недооценил проворство Ворона. Тот сумел удержаться на ногах и метко врезал Дэлу сапогом по ребрам. Воздух вылетел у Риза из легких, как из лопнувшего воздушного шарика, и он

рухнул на землю. Прикрыл голову одной рукой, все еще сжимая в другой гармошку. Ворон снова ударил его ногой, он перекатился на бок и сжался в комок в ожидании новых ударов.

Кобб крикнул:

– Прекрати!

Откуда-то слева донесся голос Пиви Тейлора.

– Суини! Что происходит, черт возьми? У нас столько работы, не хватало, чтобы еще этот слег залечивать чертовы ребра!

Ворон быстро сориентировался:

– Вовремя ты. Сукин сын пытался драку затеять.

Дэл спрятал Мелоди в карман и поднялся на ноги. Боль еще не прошла, поэтому он, не торопясь, отряхивал пыль со штанов, пока не почувствовал себя в силах распрямиться. Он ждал, что скажет Пиви, и в голове у него всплыла картинка прямоугольного деревянного ада.

– Он правду говорит? – спросил Тейлор.

– Черта с два, – процедил Дэл.

– Ого, смотри ты! – ухмыльнулся Ворон. – А кто же это, интересно, первым руки распустил? – Он повернулся к Коббу: – Ты все видел. Он меня первым толкнул, так или нет?

Кобб переминался с ноги на ногу, и Риз отметил, что его новые ботинки все так же нарядно блестят. Вопрос явно смутил парня, и Дэл был готов к тому, что он встанет на сторону десятника.

Наконец Кобб хрипловато ответил:

– У него была причина.

Дэл прикрыл глаза. Подставился парнишка, ничего не скажешь. Ворон изобразил изумление.

– Причина?! Черт побери, да я просто нечаянно уронил эту штуку, а когда хотел поднять, он меня толкнул. Охренеть! Ты что, слепой?

Ответ Кобба не заставил себя ждать:

– Да какая разница? Спорить из-за такой ерунды, из-за свистящей деревяшки. Глупо же?

К вящему изумлению Дэла, новенький повернулся и пошел прочь, оставив всех стоять с отвисшими челюстями.

– Вот сучонок, – буркнул Ворон.

– Он прав, – возразил Пиви. – У нас и так дел по горло.

Ворон покраснел и, уже уходя, окликнул Кобба:

– Эй!

Тот оглянулся, и Суини изобразил рукой пистолет: указательный палец вперед, большой вверх. Угроза.

Пиви шумно выдохнул и сказал Дэлу:

– Перестали бы вы все его подзуживать.

– Куда там! У него, по-моему, уже зудело во всех местах задолго до того, как я сюда пришел.

Бок побаливал здорово, и от сапога Ворона там наверняка остался хороший синяк. Дэл кое-как, прихрамывая, побежал вслед за Коббом и наконец догнал его. Оба молчали, пока не добрались до своего участка лагеря.

Когда они подошли к сорок четвертому номеру, Кобб сказал:

– Кажется, я понял, что ты имел в виду, когда призывал быть осторожнее.

– Ага. Это ты только первый раз на него нарвался. Я, наверное, никогда не пойму, что за радость вечно искать повод для ссоры.

Новенький заявил:

– Он явно не из тех, кому можно доверять.

– Это точно.

– Ну ладно, – сказал Кобб, – давай я соберу что-нибудь поужинать.

Он открыл дверь, Дэл остановился на пороге в ожидании и заметил, что обстановка тут еще хуже, чем у него, зато Кобб сделал такое, что большинству мужчин и в голову бы не пришло: нарвал букет полевых цветов и поставил в кружку с водой посреди маленького колченогого столика.

Глава 12. Рэй Линн

Прошли уже почти две недели в лагере, а Рэй Линн все еще не выполняла дневную норму.

Баллард был терпелив, однако на тринадцатый день ее пребывания в лагере сказал:

– Надо бы поднапрячься.

Ворон, каким-то образом постоянно оказывавшийся рядом, теперь ворчал на Балларда не только из-за того, что тот позволяет белым опускаться до работы с неграми, но и из-за медлительности Рэй Линн. Баллард заступался за нее, и она, хотя и чувствовала себя неловко, была ему очень благодарна.

– Это никого не касается, кроме меня и Пиви, – говорил Баллард.

Но Ворон не отвязывался:

– Да черт подери! Он сам выбирал, где работать, так пусть вкальвает как следует. Ты ему позволяешь сачковать, а он и рад. Уж я-то знаю, как его проучить. Вот увидишь, еще спасибо мне будешь говорить, когда я ему мозги вправлю.

Баллард, невозмутимо перелистывая страницы учетной книжки, ответил спокойным голосом:

– Сказал же, сам разберусь.

Слова Суини вселили в Рэй Линн непроходящий страх. Назавтра, в воскресенье, у нее был выходной, и, хотя она знала, что надо бы отдохнуть, незаметно для себя занялась уборкой в хижине, тревожно размышляя о том, как же ей научиться работать быстрее. Она мела пол, оттирала пятна скипидаром, переставляла вещи, но хотя жильё принимало более пристойный вид, настроения это не улучшало. Наконец Рэй Линн отправилась к ручью – стирать запасную рубашку. Она наслаждалась тишиной леса, где не слышно было привычных криков. Откуда-то из лагеря доносилось пение госпелов под ритмичный топот ног о половицы в такт музыке. Рэй Линн присела на камень у воды, закрыла глаза на минутку, а когда очнулась, то поняла, что день уже близится к концу.

Она встала, отряхнула комбинезон и стянула чистую, уже почти высохшую рубашку с ветки, на которую повесила ее сушиться.

Возвращаясь к своей хижине, она услышала, что с крыльца соседского дома доносится тонкая, пронзительная трель губной гармошки. Она решилась украдкой бросить туда взгляд. Дэл сидел, прислонившись спиной к стене, весь поглощенный музыкой. Рэй Линн вошла к себе и окинула взглядом внутреннее убранство лачуги. И снова, в который уже раз, ее поразила внезапная, как удар, мысль: Уоррена больше нет. Эти три слова всегда приходили тревожным толчком, и всегда в тихие минуты. Стоило ей мысленно произнести их, как случившееся в Северной Каролине возвращалось с прежней остротой. Позже, уже лежа в постели в рубашке мужа, Рэй Линн обхватила себя руками, надеясь увидеть Уоррена во сне, увидеть его улыбку и вспомнить прежние времена.

Пришло утро, а вместе с ним появились Клайд и его повозка. Рэй Линн запрыгнула в нее, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

Клайд крикнул мулу: «Но, но, Джексон!», и повозка покатила к лесным участкам.

Рэй Линн чувствовала на себе пристальные взгляды и знала, что ее осуждают: до нее доходили разговоры, и все уже были в курсе, что она не может угнаться за другими. Она села там, где удалось занять место, – сзади, спиной к остальным, свесив ноги. Мужскую манеру разговора она все еще не могла как следует усвоить, но, на ее счастье, все, как и она сама, сидели молча, пока не подъехали к месту высадки.

Спрыгивая с повозки, она услышала, как кто-то сказал:

– Не дается ему эта работа.

Недовольный голос ответил:

– Ему не дается, а мы спину ломай?

Она торопливо отошла и выбрала ветку пониже, чтобы повесить ведро. Небо над головой словно заколотили металлическим листом: его покрывал ровный слой серых облаков. Несмотря на раннее утро, по лицу Рэй Линн уже стекал пот, а мошки и всякий гнус жужжали и роились вокруг головы. Рэй Линн глубоко вдыхала тяжелый воздух и мысленно готовилась к тому, что ей предстоит.

Баллард крикнул всем:

– Берите съемники, сегодня работаем на старом участке.

Рэй Линн вздрогнула при этих словах. Он что, хочет отнять у нее последнюю надежду угнаться за остальными?

Десятник заметил:

– Парень, у тебя такой вид, будто ты еле на ногах стоишь. Вытянешь норму сегодня?

Она кивнула, наблюдая за рабочими, которые суетились вокруг: кто-то еще развешивал ведра с обедом, другие уже разбирали съемники, а кто-то решил перекурить.

Баллард снова крикнул:

– Давай! Выдвигаемся!

О господи... Рэй Линн понимала, что сегодня ей придется трудно как никогда. Всем будет трудно, но против нее еще и малый рост, и покалеченный палец. Труд съемщика нелегко давался даже лучшим из рабочих. А ей необходимо доказать, что она годится для него: нельзя же проявить себя еще хуже, чем до сих пор. Ничего не оставалось, как снова сесть в повозку и надеяться на лучшее.

Когда Рэй Линн высадили на участке, она уставилась на «кошачьи мордочки», начинавшие на уровне колен и тянувшиеся выше головы. Из этих деревьев уже выжали почти все, что можно. Кто-то переставил чаши и желоба повыше, и Рэй Линн с большим трудом удалось дотянуться съемником до последней метки, чтобы снять полоску коры. Она с тревогой думала о том, сумеет ли выполнить норму, а в голове звучали угрозы Ворона. Кто-то затянул песню, а потом один за другим зазвучали выкрики, что только усилило ее беспокойство.

– Блюз!

– Время Виски!

– Муж Салли!

Они пошли уже по второму кругу, когда она выкрикнула свою кличку в первый раз:

– Смоляная Пятка!

Она взяла это имя не без опаски, тревожась, как бы оно не вызвало подозрений. Если бы ее спросили, она могла бы привести какие угодно резоны: например, вспомнить историю о солдатах Конфедерации, стоявших насмерть под шквальным огнем, или что-то в этом роде, – но пока никто, кроме Дэла Риза, ни о чем не спрашивал. Она подсекла кору и приставила к надрезу инструмент. Повертела его туда-сюда, прикидывая, под каким углом лучше воткнуть, чтобы лезвие вошло глубоко, но не слишком. Наконец, удовлетворенная результатом, отступила на шаг.

– Смоляная Пятка!

Она продолжала срезать косые полоски. Нужно попасть в ритм и держаться его, пока это не станет естественным, как ходьба. После нескольких деревьев, попробовав работать съемником под разными углами, она наконец приноровилась. Раз за разом: удар, удар, надрез, удар, удар, пока выкрики «Смоляная Пятка!» не зазвучали в более четком ритме – так, по крайней мере, надеялась Рэй Линн. Жестяные желоба тянулись под уклоном к покрытой шрамами коре, а там, где они сходились, стояли глиняные чаши, куда стекала смола. Это была система Херти, та самая, которую Уоррен ни в какую не хотел перенимать. А надо было использовать именно ее вместо устаревших коробов. До чаш смоле течь не так далеко, значит, она меньше подсыхает и ее реже приходится соскабливать. Соскобленная смола так и называлась – скобленка и в принципе тоже годилась в дело, но шла уже ниже сортом.

Рэй Линн провела рукавом по лбу, смахивая комаров, которые лезли всюду, да еще и мошка пыталась забиться в рот, в нос, в глаза. На борьбу с насекомыми уходило время. Вдалеке Рэй Линн заметила нескольких рабочих с ведрами. Это были заливщики: их обязанностью было переливать живицу из чаш в ведра. Затем ее собирали в бочки и увозили в повозках на перегонку. Смолы получалось немало: от тысячи восьмисот до трех тысяч чаш в день. Вспомнив об этих цифрах, Рэй Линн заторопилась, стараясь быстрее переходить от дерева к дереву. Небо было пасмурное, что давало передышку от солнечного зноя, но влажность висела в воздухе, и вскоре от пота защипало глаза и все царапины на теле. Однако Рэй Линн не останавливалась: каждая секунда была на счету.

В обеденный перерыв, чувствуя, как ноют и горят все мышцы, она вышла к месту сбора. Пожалуй, она предпочла бы еще поработать: время было дорого, но Баллард во время перерыва не вел счет, да и отдых все же требовался, хотя есть не хотелось.

Баллард подошел к ней.

– Тебе осталось четыреста деревьев. Если будем работать до темноты, может, и успеешь, но после обеда придется поворачиваться поживее.

– Да, сэр, – ответила она.

Четыреста! Если обрабатывать по одному дереву в минуту, можно уложиться.

Рэй Линн сняла с ветки ведро и отошла в тихое местечко, чтобы поесть в одиночестве, сидя на пне лицом к лесу. Откусила кусочек галеты и стала жевать, заставляя себя глотать. Большинство мужчин, покончив с обедом, лежали, закрыв глаза. Кто-то сразу уснул, кто-то курил, кто-то разговаривал вполголоса, это бормотание напоминало колыбельную, тихую и нежную. Рэй Линн растянулась на сосновой хвое, скрестила ноги, подложила руки под голову и стала смотреть на деревья над головой. Она заметила, что при появлении Ворона улыбки у всех пропадают, а глаза опускаются в землю и начинают разглядывать перепачканные смолой ноги или облупленные носки ботинок, напоминающие лепестки увядших без воды цветов.

Явная неловкость рабочих передавалась и Рэй Линн. Баллард же был неизменно спокоен и терпелив, и его люди не сжимались от страха, как бездомные собачонки.

Вообще-то Рэй Линн было не по себе среди мужчин. Порой они напоминали стайку школьников-переростков – такие же резкие движения и слишком откровенные проявления телесных функций. И, кажется, любой разговор между ними вскоре сворачивал на противоположный пол. Вот и сейчас она невольно подслушала такую беседу.

Один из мужчин сказал:

– Ну что, как у тебя с ней дела? Так и не простила?

Его приятель ответил:

– Она со мной не разговаривает. Все еще злится из-за того случая в баре.

– То есть из-за твоих шашней с Люсиндой?

– У мужчины есть свои потребности.

– Если ты думаешь, что Элис будет твои выходки терпеть, добром это для тебя не кончится.

Тут и там слышалось хихиканье, люди украдкой перебрасывались взглядами, настороженными и нервными. Рэй Линн опасалась, как бы кто-нибудь не попытался и ее втянуть в такой разговор: она была не уверена, что сможет его поддержать. Надо сказать, она была не единственной, кто не участвовал во фривольных беседах: Дэл Риз никогда ни о ком не высказывался в таком духе. Сидел поодаль и

наигрывал на своей губной гармошке. Иногда разговор сворачивал на серьезные темы: о том, как с кем-то расправились за какое-нибудь мелкое прегрешение. Говорили о хитроумном ящике-парилке, о людях, которые выходили оттуда в ужасном состоянии, а то и умирали внутри. При одном упоминании о ящике некоторые торопливо бормотали молитву – так велик был страх перед ним.

Появились Ворон и Баллард и крикнули своим людям:

– По местам! Живо! Пошевеливайтесь!

Рэй Линн вскочила на ноги. Когда она проходила мимо Ворона, тот проводил ее ехидной ухмылкой. Рабочие разбежались, как муравьи, тянулись вереницами между деревьями. Впереди их ждал еще долгий жаркий день. Единственное, что радовало, – пряный запах хвои. Суини двинулся следом за своими людьми и вместе с ними исчез в лесу. Рэй Линн быстро добралась до своего участка, оправляя на ходу комбинезон и рубашку, все еще влажные после утренних трудов. Каждый раз, заканчивая обработку дерева, она читала коротенькую молитву.

Через час снова появился Ворон. Он ехал на своей лошади среди деревьев, кривя рот с таким видом, словно надкусил кислое яблоко. Рэй Линн постаралась отвлечься, вслушиваясь в песню, которую пел вдалеке какой-то рабочий – слышно было еле-еле, но она уловила мелодию и стала тихонько подпевать. Она с трудом дотянулась до высоко расположенной «кошачьей мордочки», чувствуя, что Суини наблюдает за ее мучениями. После сцены у бондарного сарая она была уверена, что он только и ждет ее оплошности, но не хотела удостаивать его внимания. Он не ее начальник, она ему не подчиняется.

– Пошевеливайся давай!

Она стиснула зубы, выкрикнула: «Смоляная Пятка!» – и перешла к следующему дереву.

Под пристальным взглядом Суини она возилась со съемником, и тут в правый глаз ей попал кусочек коры. Она тут же выронила съемник, согнулась пополам и быстро заморгала. Глаз щипало от пота, смешанного со слезами.

Она осторожно приподняла веко, пробормотав:

– Черт побери все на свете.

Голос Ворона раздался ближе:

– Тик-так. Время уходит.

Рэй Линн отвернулась от него, осторожно потерла глаз, попробовала еще поморгать, но было больно, и она перестала. У нее потекло из носа.

Суини сказал:

– Опять в норму не уложишься. Некогда прохладиться.

У Рэй Линн слезы струились по щекам, будто она плакала. Из всех сил стараясь не обращать внимания на саднящую боль, она повернулась лицом к стволу, подняла съемник, но стоило ей посмотреть вверх, как глаза еще сильнее заслезились.

– Ревет, чтоб мне провалиться! – ухмыльнулся Ворон.

– Я не реву, – пробормотала Рэй Линн.

За спиной у нее раздался голос Балларда:

– Что здесь происходит?

Суини ответил:

– Он уже несколько минут нянчится с несчастной соринкой в глазу.

Баллард слез с лошади, подошел к Рэй Линн, взглянул на нее и сказал:

– Вот, возьми.

Рэй Линн повернула голову и увидела здоровым глазом, что он протягивает ей фляжку. Подошла и взяла ее.

– Попробуй промыть, – посоветовал Баллард.

Рэй Линн запрокинула голову и попыталась последовать этому совету, но почти вся вода просто стекла по щеке. Она чихнула. Баллард подошел к ней.

– Запрокинь голову опять, – велел он, и она послушалась.

Десятник медленно влил тонкую струйку в уголок ее глаза, придерживая за подбородок, чтобы она не опускала голову. Рука у него была сухая и горячая.

Рэй Линн стала тереть глаз, но Баллард сказал:

– Нет, не надо, пускай водой вымоет.

Он перестал лить, и Рэй Линн заморгала. От воды глаз сделался как будто липким и плохо закрывался. Она снова чихнула. Ворон пробормотал что-то себе под нос. Баллард не обращал на него внимания, и Рэй Линн сделала знак рукой, чтобы полил еще. В глазу как будто металлическая стружка засела. Баллард, запрокинув ей голову назад, стал лить воду, а Ворон захихикал.

– Что смешного? – спросил Баллард.

– Ты прямо как нянька. Еще бы не смешно. Ты педик, что ли? Даже не знаю, от кого меня больше с души воротит. От педиков, от сачков или от любителей ниггеров. Куда мир катится?

Рэй Линн снова моргнула. Кусочек коры, или что там было, так и не выскочил, но она выдернула подбородок и сказала низким голосом:

– Порядок. Все прошло.

Баллард, словно не замечая насмешек Ворона, кивнул:

– Отлично. Работать можешь?

Вместо ответа Рэй Линн снова отошла к дереву, взяла съемник и стала скрести, хотя из глаза так и текло. Несмотря на боль, ей хотелось, чтобы они оба оставили ее в покое. Ни к чему напрашиваться на неприятности или привлекать к себе лишнее внимание.

Процарапав полосы на коре, она проговорила:

– Смоляная Пятка.

– Вот видишь, – заметил Баллард. – Пара секунд – и порядок.

– Норму все равно не осилит, – предсказал Суини.

– Еще не вечер.

– Ну посмотрим.

– Посмотрим.

Баллард вытащил из кармана грязную тряпку и вытер лоб.

– Занимался бы ты своими делами, – бросил он Ворону, – а своими я сам займусь.

Рэй Линн принялась обрабатывать следующее дерево. Дай бог здоровья Балларду! Да, нужно постараться изо всех сил и показать ему, на что она способна, тем более что он за нее все время заступается.

Баллард снова влез на лошадь и напоследок спросил у Рэй Линн:

– Все хорошо?

Она кивнула.

– Ну ладно.

Десятники отъехали. Рэй Линн слышала, как Ворон спорит, перекрикивая Балларда, но вскоре их голоса затихли. Она была рада наступившему покою: в тишине слышалось только царапанье инструмента по коре и отдаленные выклики, в которые вплетался и ее голос.

Несмотря на все старания, норму Рэй Линн так и не выполнила. Глаз просто сводил ее с ума: горел и слезился до самого вечера, и она никак не могла понять, что с ним такое. Жгло как огнем, и к концу дня до нормы ей не хватало двухсот деревьев. Ее неудача вызвала очередную ссору между Баллардом и Суини после отбоя: они спорили до самого лагеря, где в их беседу вмешался Пиви Тейлор.

Ворон ткнул пальцем в Рэй Линн и сказал:

– Он должен знать, что бывает с теми, кто не хочет работать.

– Он же не просто так деревья пропускал, – возразил Баллард. – Посмотри на него. Глаз как помидор.

Ворон повернулся к Пиви:

– Кобб ни разу не выполнил норму с тех пор, как пришел сюда.

Баллард махнул рукой в сторону Рэй Линн.

– Сегодня выполнил бы, если бы не это.

Управляющий посасывал сигару, переводя взгляд с одного десятника на другого. Рэй Линн стояла у повозки. Скрестила руки на груди, снова опустила и наконец засунула их в карманы.

Тут Пиви вынул сигару изо рта и сказал:

– Я знаю, в чем дело. – Он указал на Рэй Линн жестом, от которого ей стало не по себе, и провел языком по зубам, слизывая застрявшую крошку табака. Сплюнул на землю. – Он не тот, за кого себя выдает.

– Как так? – переспросил Баллард.

– Он не мужчина, – пояснил Тейлор.

Пульс у Рэй Линн забился как бешеный. О господи, догадался! Дэл Риз и другие работники из команды Ворона тоже прислушивались к разговору, и все головы повернулись в ее сторону.

Пиви закивал сам себе, словно утверждаясь в своем мнении.

– Вот так. Мужчина осилил бы норму, если он здоров и все такое.

Как же быть? Признаться? И что тогда? Она даже не подумала о том, как объясняться, если ее разоблачат.

Управляющий продолжал:

– Черт, да ему же не больше пятнадцати, ну шестнадцать, самое большее. Так ведь, парень? Я сразу понял, как только ты появился. Ну-ка, говори, сколько тебе лет?

Мышцы у Рэй Линн облегченно расслабились. Так речь не о поле, а о возрасте! Это еще можно уладить.

– Я же говорил, что с ним что-то не так, – вставил Ворон.

Рэй Линн проговорила нарочито грубоватым, заносчивым тоном:

– Никаких не пятнадцать. Мне... шестнадцать. И что с того?

Суини лениво подошел к ней.

– Это еще не значит, что можно от работы отлынивать, вот что с того.

Она отступила на шаг. Пальцы десятника постукивали по кожаной плетке-змеяке, свисавшей с пояса. Баллард заслонил Рэй Линн собой.

– Это мой работник, – сказал он.

Пиви вмешался:

– Правила есть правила, Баллард, ты это прекрасно знаешь, так что у него остается последний шанс. Суини, мне с тобой нужно поговорить.

Баллард пообещал:

– Он будет выполнять норму.

Ворон сверкнул на Рэй Линн своими темными, как ночь, глазами и двинулся за управляющим. Рэй Линн выдохнула, глядя им вслед. Повернулась к Балларду, чтобы поблагодарить, и увидела, что тот держит руку на животе, словно борясь с болью. Это напомнило ей Уоррена и то, как он держался за бок.

Баллард наклонился к ней и сказал:

– Не подводи меня больше, парень. Раз уж ты у нас, надо работать как полагается, иначе я ничего не смогу поделать, шестнадцать тебе или сколько там. – Глаза у него были налиты кровью и блестели, как стеклянные.

– Да, сэр, – ответила Рэй Линн. – Спасибо вам.

Баллард, сгорбившись, отошел, а цветные работники из обеих команд уставились на нее. У большинства вид был безучастный, но некоторые смотрели сердито. До нее донеслось негромкое ворчание, и она невольно разобрала слова:

– Он нам всем тут свинью подложит.

– Вот увидите, найдут на кого его работу свалить.

– Помнишь, что с Боунсом сделали, причем за меньшее.

– Несправедливо.

– Да уж.

– А Дабья? Его тогда выпороли, а потом еще и в ящик засадили.

Дэл Риз тоже не уходил – стоял неподалеку, засунув руки в карманы, с лицом настолько отрешенным, что Рэй Линн не могла расшифровать его выражение. Измученная, с раскалывающейся головой, она побрела к своей хижине. Там она первым делом направилась в уборную. Днем она все время боялась, что ее застанут за отправлением нужды: еще одна проблема, о которой она не подумала заранее. Не хотелось рисковать, присаживаясь на корточки прямо в лесу. Она старалась пить поменьше и отчасти поэтому чувствовала себя такой изможденной. Потом она пошла в дом, намереваясь смыть с себя дневную пыль и грязь, поесть и лечь спать, но у ограды стояла Корнелия, держа в руках что-то, прикрытое тонким чайным полотенцем.

Не поднимая глаз, женщина тихонько проговорила:

– Я не успела как следует поблагодарить вас за то, что вы сделали. Да еще и нагрубилa. Но вы не должны были вступаться за меня, а тем более платить за эту ткань. Деньги я вам потом верну, а пока принесла вот это.

Она протянула то, что было у нее в руках, и Рэй Линн взяла. Гостинец был еще теплый, и от него пахло ванилью.

– Ничего такого особенного, – пробормотала Корнелия. – Водяной пирог^[7].

– Спасибо, – ответила Рэй Линн. – Давненько я такого не ел.

– Вот бы с фруктовой начинкой испечь – я фруктов в прошлом году засушила, да их какие-то твари погрызли. Тут ничего долго не хранится. – Наконец она посмотрела Рэй Линн в лицо и прикрыла рот ладонью. – Что это у вас такое с глазом?

– Да ерунда, – отмахнулась Рэй Линн. – Щепка от коры попала.

– Розовой воды у вас, конечно, нет, – предположила Корнелия.

– Нет.

– Тогда чаем попробуйте. Замочите несколько чайных листьев в тряпочке, положите на глаз и подержите несколько минут.

– Хорошо.

Рэй Линн поднесла пирог к носу, чтобы понюхать, а Корнелия все смотрела на нее, словно решаясь на что-то, но потом перевела взгляд вдаль, словно рассматривая что-то за плечом Рэй Линн.

Рэй Линн сказала:

– Вам не обязательно было это делать. Вы мне ничего не должны.

– Еще как должна. А я уже сказала: не люблю ни перед кем в долгу оставаться.

Она скрестила руки на груди и стала покатывать камешек носком стоптанной туфли. Рэй Линн подумала, не сказать ли ей что-нибудь насчет Отиса, но, помолчав еще несколько секунд, повернулась, чтобы уйти.

– Ну ладно. Приятного аппетита, мистер Кобб.

– Это уж непременно, – сказала Рэй Линн.

Корнелия нервно пригладила прядь волос и поспешила прочь. Вид у нее был такой, словно она не хочет, чтобы к ней кто-то прикасался. Рэй Линн смотрела ей вслед и жалела, что не может сказать: «Распрямись, погляди на мир без страха».

В животе у нее урчало от голода. Она снова повернулась, чтобы идти в дом, и тут увидела на крыльце Дэла Риза. Прислонившись к перилам, он смотрел Корнелии вслед. Жена лавочника, при всей своей застенчивости, могла привлечь внимание любого мужчины, так что Рэй Линн не удивило, что сосед на нее заглядывается.

Он бросил:

– Интересно, почему она не уйдет от этого мерзавца Отиса? Она же просто красотка, правда?

Рэй Линн сделала вид, что не слышит, ушла в дом и закрыла дверь.

Глава 13. Дэл

Что-то было не так с этим Рэем Коббом. Дэл не мог понять, что именно, хоть и знал теперь, что парень прибавил себе лет. Это-то ладно, пытался выдать себя за взрослого – так делают многие мальчишки, которым не терпится поскорее стать мужчинами. Осторожно наблюдая за соседом, Дэл среди прочего обратил внимание на его руки. Ну да, костяшки красные, ссадины кое-где и грязь под ногтями – обычное дело при их работе. А у Кобба еще и фаланги пальца не хватало. Но дело не в этом, а в том, что кисти казались очень уж маленькими. У самого Дэла в этом возрасте, на пороге возмужания, руки уже были не просто мозолистые: за годы работы бок о бок с отцом они сделались широкими и сильными.

Были у Кобба и другие странности. Например, он вечно делал круглые глаза, когда кто-то из других мужчин пукнет, рыгнет или отпустит слишком уж крепкое словцо. Еще и рот ладошками прикрывал, будто девчонка. Может, рос в очень строгой семье, где его приучили к хорошим манерам. А может, просто неженка. Так или иначе, лагерная жизнь ему не подходила. Черт, да будь у самого Дэла хоть половина того, что есть у Кобба, – грузовик и пачка наличных, – он бы позаимствовал у Нолана его кличку Поминай-как-звали и немедля ее оправдал бы.

Риз вышел на крыльцо. В доме соседа было еще темно. Дэл прислонился к перилам и закурил, прислушиваясь, не появится ли повозка. Заслышав ее приближение, он вернулся в дом, чтобы взять ведро с обедом и ополоснуть чашку. Встретил повозку у ограды и запрыгнул в кузов, как делал каждое утро с тех пор, как поселился в Ласточкином Гнезде, только в этот раз молча – не здороваясь с Ноланом, Эрлом, Лероем или еще кем-нибудь из цветных. Это был знак уважения к тому, что Браун сказал ему в кабаке. Конечно, Ворон должен скоро заметить, что Дэл больше не вступает с ними в беседы.

И правда, вскоре десятник сказал:

– Вот видишь? А ты думал, друзей нашел, да? Белый якшается с ниггерами! Охренеть. Это все равно что собака с кошкой. Думаешь, Бог так задумал, а, Батлер? Эти ниггеры свое место знают. Потому что

понимают, что их ждет, если они его забудут. Так ведь, Поминай-как-звали?

– Так, сэр. Знаем, это точно. И всегда знали.

– Ну, Батлер, что ты на это скажешь? – спросил Суини. – Даже ниггер умнее тебя, а?

В это теплое утро, когда солнце рассыпало золотые лучи в гуще деревьев и на мокрой от росы земле, Дэл взял с собой губную гармошку. По дороге он наигрывал негромкую мелодию, и его музыка смешивалась со скрипом колес, усталыми вздохами и болезненными стонами остальных. По всем тут было видно, как сказалась на них жизнь и батрачество в лагере. Покрытые следами комариных укусов, язвами от нарывов, сыпью, порезами, синяками и царапинами, эти люди бродили по сосновому лесу, как стая паршивых собак. Насколько Риз мог судить, никому, включая и его самого, та работа, которой они занимались, на пользу не шла.

Путь на повозке был недолгим: вскоре они уже подъехали к месту стоянки. Дэл заметил Кобба – тот уже бежал к своему участку, держа как наперевес, как саблю, словно готовился вступить в схватку с деревьями. Дэл мысленно пожелал парню удачи. Хотя он и знал, что Баллард присматривает за его соседом, но рано или поздно настанет день, когда никакие отговорки не помогут. Ворон постоянно напоминал об этом Балларду: говорил, что Кобб не выполняет норму и что это плохо влияет на настрой его людей. Кое-кто из них, мол, тоже начинает думать, что можно и поменьше напрягаться. Суини держал своих подчиненных в страхе, в постоянной тревоге о том, что он может с ними сделать. Они всю жизнь работали на износ, и добить их, изможденных, такими методами наказания, к каким прибегал десятник, было не труднее, чем раздавить птенца, выпавшего из гнезда.

Все выбрались из повозок и подняли глаза к синему, отливающему сталью небу. Солнце сияло, и нигде не видно было ни облачка. Дэл похлопал себя по голове, по шее, по рукам: вокруг роились полчища комаров, норвя сесть на любой клочок открытой кожи. На стоянке горели костры, куда подбрасывали сырые дрова, чтобы было побольше дыма: считалось, что он прогонит кусачих насекомых. Добиться этим удавалось в основном того, что все вокруг начинали кашлять. Дэлу было жаль мулов: хвосты у них

безостановочно дергались, шкура сделалась бугристой от укусов. Он слышал, что в Эверглейдс, во Флориде, одного мула ночью закусали до смерти.

Дышалось в это утро тяжело, и Баллард, кажется, кашлял еще сильнее, чем обычно, и все клонился вперед в седле, как будто с трудом держался на лошади. Он достал из кармана тряпку, вытер лоб, и Риз заметил, что цвет лица у десятника землистый, нездоровый. Может, просто вымотался, как и все они. Дэл углубился в лес, радуясь уединению. С запада дул легкий ветерок, и деревья словно приветственно нашептывали что-то. Под их успокаивающий шелест Риз принялся за работу. Утро прошло тихо-мирно, и не успел он оглянуться, как прозвенел звонок на обед. Кобба среди обедавших и отдохавших под деревьями было не видать – пропал с концами. Вскоре и Дэл снова принялся за дело: в четком размеренном темпе обрабатывал «кошачьи мордочки», время от времени слыша выкрики других рабочих, и его голос бодро и уверенно вплетался в общий хор. Несколько раз мимо проехал Ворон – без всякого дела, только для того, чтобы отпустить очередное ехидное замечание.

– Вы все опустили ниже некуда. Что ты, что Кобб. Хуже нигеров. Оба идете против того, что задумано природой. Черт! Черные-то хоть друг за друга держатся. Стыд и срам, вот что это такое. Убожество, как по мне.

Дэл уже приучил себя пропускать его слова мимо ушей, и в конце концов Суини убрался. Вдруг голоса подрубщиков перекрыл вой гончих, принадлежащих десятнику по имени Вудалл. Должно быть, какая-то отчаявшаяся душа решила попытать счастья и бежать. Ближе к отбою из леса вновь донеслись крики. Стукнув по коре последнего дерева, Дэл сунул инструмент за пояс и направился туда, ожидая увидеть беглеца, которого сейчас будут бить кнутом. Но нет: группа мужчин собралась вокруг Балларда, лежащего на земле. Кобб стоял неподалеку, прикрывая рукой глаз: тот у него все еще не зажил. Ворон смотрел на упавшего, считая его мертвым, но тут Балларда всего затрясло, словно у него начался припадок. Он попытался было сесть, но тут же снова рухнул навзничь.

Дэл подошел к одному из рабочих.

– Что это с ним?

– Лихорадка, должно быть.

Суини распорядился:

– Эй, Росинка, сбегай-ка за Гасом, скажи, чтобы пригнал сюда повозку, да поживее.

Росинка пустился бежать по тропе, а Ворон, глядя на Балларда, раздумчиво протянул:

– То-то мне казалось, что он в последнюю пару недель как-то сдал.

Веки у Балларда дрогнули, грудь поднялась, опустилась и больше не поднималась. Суини встал на колени, приложил ладонь ему ко рту, а затем прижал ухо к груди. Выпрямился, приподнял руку Балларда и отпустил. Та упала на землю с глухим стуком.

Ворон крикнул ему прямо в ухо:

– Эй! Баллард! – Потом сел на корточки, уперев локти в колени, и озадаченно уставился на неподвижно лежащее тело, после чего с ноткой удивления проговорил: – Вот сукин сын, взял да и помер.

Риз уже повидал мертвецов на своем веку и знал, как выглядит тело, когда душа его покинула. Баллард был однозначно мертв. Те, кто работал у покойного десятника, переговаривались вполголоса, явно тревожась о будущем. Тот парнишка, Кобб, совсем расстроился. Он опустил руку, которой прикрывал больной глаз, и Дэл вздрогнул от вида покрасневших и распухших век. Подъехал Гас Стрикленд на своей повозке, и все затихли, когда он остановился рядом с Баллардом.

Каким-то образом весть дошла до Пиви Тейлора. Тот появился следом за Гасом и буркнул:

– Провалиться мне на месте. Мертв?

Ворон ответил:

– Готовенький.

– У него жена осталась, и ребятишки еще, – сказал Пиви. – Жаль. Придется найти еще одного десятника. Кто-то же должен смотреть за его рабочими.

Суини предложил:

– Отдай их мне под начало. Я с ними лучше управлюсь, чем любой другой.

– Столько людей сразу ты не потянешь. И участок получится слишком большой – не наездишься, хлопот много. Нет. Вудалл и так сегодня потерял двух человек. Их до сих пор не поймали, и я не могу допустить, чтобы еще кто-то нашел удобный случай бежать.

Услышав о побеге, рабочие зашушукались. Имя Вудалла Дэл слышал до сих пор всего пару раз. Тот держал свору енотовых гончих для охоты на беглецов. В нескольких милях к востоку от лагеря тянулись не только густые леса, но и кипарисовые болота, и некоторые считали, что таким путем можно скрыться. О тех, кто решился на такое, больше никто никогда не слышал, что можно было считать и хорошим знаком, и плохим. Риз опустил глаза на лежащего Балларда, не осмеливаясь взглянуть на Пиви.

Молчание затягивалось. Наконец Тейлор сказал:

– Батлер! Почему бы тебе не занять место Балларда? Когда я тебя нанимал, ты сказал, что и с работой десятника знаком.

Ворон насмешливо хмыкнул.

– Он будет с ними миндальничать еще хуже Балларда. Станет водить за ручку, похлопывать по попке, и работать они у него будут столько, сколько сами соизволят.

Пиви жестом отозвал Дэла в сторону. Когда они отошли за пределы слышимости, Ворон, очевидно раздосадованный, принялся шагать из стороны в сторону.

Укрывшись в тени высокой сосны, Пиви пояснил:

– Скажу тебе правду: мне нужно, чтобы кто-то приглядывал за Суини. Нужно, чтобы все работники до единого делали свое дело. Балларда все любили. Он умел заставить людей работать и при этом не попортить товар, если ты понимаешь, о чем я. Сейчас вот новенький не справляется, я знаю. Думаю, со временем втянется. Суини, конечно, крутоват, но я все-таки надеюсь, что до него дойдет, как можно вести дела иначе. Возьмешься? Жалованье я тебе подниму. Доллар в день – идет?

Это было на двадцать пять центов больше, чем Риз зарабатывал сейчас. Он тщательно обдумал перспективы, которые сулило ему согласие на эту должность. У него в подчинении будут работники, исправно выполняющие ежедневную норму, – не считая Кобба, но с этим можно разобратся потом. Конечно, Дэлу нравилось работать с деревьями, но и десятником тоже не так уж плохо. Будет на равных с Вороном. Он опустил взгляд на свои изношенные ботинки, которые уже не раз приходилось латать «кожей Гувера». Прибавка позволит купить кое-что необходимое, погасить долг в магазине. Но он помнил, как сказал Суини, что справился бы с его работой лучше него. Если

Дэл возьметса за это дело, Ворон ему еще припомнит эти слова и уж непременно сочтет своим долгом доказать, кто был прав.

Тейлор неверно истолковал его молчание и предложил:

– Доллар двадцать пять.

Тут уже только дурак отказался бы.

– Идет, – кивнул Дэл.

Пиви похлопал его по плечу:

– Мне почему-то кажется, что ты отлично справишься.

Дэл ткнул большим пальцем через плечо в сторону Ворона:

– Только при нем виду не показывай, что ты так считаешь.

Пиви придвинулся поближе.

– Да, с ним трудновато бывает. Они с Отисом ребята крутые, любят побузить. Засранцы, вот они кто. Иногда мне делается не по себе, когда вижу их вместе. От них ведь не знаешь, чего ждать.

С таким крупным предприятием, как этот лагерь, у Тейлора хватало самых разнообразных хлопот, и без помощи ему наверняка было трудно справиться. Они вернулись на то место, где работники Балларда сгрудились вокруг тела десятника.

Пиви махнул рукой в сторону Дэла.

– Вот ваш новый начальник.

На лицах людей отразились одновременно облегчение и тревога: они толком не знали Риза. Он ждал, что Ворон не смолчит, но тот лишь фыркнул и сплюнул на землю струйкой табачного сока.

Тейлор сказал:

– Тогда приступай. Лошадь Балларда возьми себе. Придется, видимо, как-то уладить это с его женой. В любом случае я должен сообщить им печальную новость и предупредить, что они не могут больше тут оставаться, если только кто-то не выйдет на работу. Не знаю, правда, кто у них может работать, там же одни ребяташки. Пойдем со мной, узнаем, сколько она возьмет за эту старую клячу.

Риз подошел к кобыле. Она стояла над бывшим хозяином, склонив голову почти к самому его плечу. Дэл отвел ее от мертвого тела и погладил по белой полоске на носу. Он уже давненько не сидел на лошади, но неплохо знал их и любил. Он продолжал поглаживать кобылку, а люди Балларда настороженно наблюдали за ним. Дэл взял поводья и повернулся лицом к своей команде, понимая, что должен что-то им сказать.

– Нам понадобится время, чтобы узнать друг друга, – сказал он. – Я от вас ничего не жду, кроме честной работы. Человек я справедливый, вы скоро в этом убедитесь. Если будете работать как следует, мы поладим. Есть вопросы?

Ворон сказал:

– У меня есть.

– Я не тебя спрашивал, – возразил Дэл.

Суини как будто не слышал.

– Интересно, что ты найдешь у Балларда в учетной книжке? Может, там кое с кем проблемы имеются?

Этот человек был как собака: если ухватит зубами кость, так уж нипочем не выпустит.

– Я знаю, на что ты намекаешь, Суини.

– Да ну?

Риз, не реагируя на подначки Ворона, снова повернулся к своим рабочим. Нарочно поймал взгляд Кобба, надеясь успокоить его. Парень все стоял с широко распахнутыми глазами и глядел неуверенно. Дэл отошел, держа за повод кобылу, и они с Пиви двинулись по тропинке обратно к лагерю.

Тейлор поежился:

– Ворон тебя в покое не оставит.

– Будет цепляться к тому мальчишке и к его выработке.

Пиви хмыкнул.

– Я уже подумывал поговорить с юным Коббом: объяснить, что пора браться за дело всерьез, пока до беды не дошло.

Дэл сказал:

– Как-то жалко его все-таки. Наверняка не от хорошей жизни тут оказался.

– Может, и так, но лучше бы он подыскал себе какое-нибудь другое занятие.

Откуда-то сзади донесся короткий вскрик, почти вопль, и Пиви недовольно буркнул:

– Это еще что?

Они остановились, прислушиваясь, но больше ничего не было слышно, только дятел быстро стучал где-то вдалеке.

Дэл предложил:

– Может, вернуться посмотреть?

Тейлор, кажется, не слишком обеспокоился.

– Наверное, кто-то на мула прикрикнул.

Дом Балларда, стоявший по соседству с жилищем Ворона, был чисто выбелен, рядом посажены цветы, а во дворе с тихим кудахтаньем что-то клевали куры. На заднем дворе стояла скотина: пара откормленных свиней и дойная корова. Миссис Баллард развешивала белье, но вот ее взгляд метнулся к Пиви, а потом к Дэлу – незнакомцу, ведущему в поводу лошадь ее мужа, – и лицо у нее скривилось, словно она уже услышала страшную весть. Риз молчал, а Тейлор тихо подтвердил то, о чем она уже догадалась. Дэл заметил детей Балларда: долговязого мальчика лет двенадцати и двух девочек-близнецов, которым было года по четыре, насколько он мог судить. Девочки с посерьезневшими личиками жалась друг к другу, а мальчик стоял рядом с матерью.

Миссис Баллард обняла его и сказала:

– Господи, помоги нам. Теперь ты должен быть мужчиной в доме, Джимми.

Джимми высвободился из объятий матери и повернулся к Ризу. Лицо у него сердито покраснело: так через гнев выплескивалось его горе.

– Отдайте поводья, – бросил он. – Это папина лошадь.

Дэлу было жалко мальчишку. Он осторожно сказал:

– Я пришел купить ее. Сколько возьмешь?

Джимми с вызовом распрямил плечи и сказал:

– Она не продается.

Пиви обратился к миссис Баллард:

– Я бы на вашем месте не торопился с решениями. Лучше взять за лошадь, сколько дадут, чтобы было на что продержаться первое время. Этих денег вам хватит, пока не найдете новое место.

Джимми посмотрел на мать. Она кивнула ему, и мальчик снова повернулся к Дэлу. Сверкнул на него злыми глазами и дрожащим голосом проговорил:

– Пятнадцать долларов.

Тейлор заметил:

– По-моему, справедливая цена. Я заплачу и прибавлю к твоему долгу в магазине.

– Идет, – сказал Дэл.

Что еще оставалось делать? Он хотел получить прибавку к жалованью, а значит, без лошади не обойтись. Сквозь тихий плач миссис Баллард послышался неторопливый стук копыт: приближалась повозка, которая везла тело ее мужа домой. Когда Гас подъехал к ним, Дэл с Пиви сняли шляпы. Миссис Баллард, зажав рот рукой, подошла к повозке и коснулась рукой головы покойного. Голос у нее дрожал от волнения.

– Я знала, что с ним что-то не так. Проклятая лихорадка. Как он ее подхватил, так больше и не оправился.

– Мне очень жаль, – пробормотал Дэл.

– Хороший был человек, – добавил Пиви.

Они помогли поднять Балларда с повозки и отнести в дом. Уложили его на кровать в маленькой спальне.

Миссис Баллард сказала:

– Я с ним посижу сегодня. А завтра похороним.

– Непременно пришло на рассвете пару человек, чтобы вырыли могилу, – пообещал Пиви.

– Спасибо вам.

Они задержались еще немного, чтобы дать миссис Баллард выговориться, и слушали, как она рассказывает о «своем Джиме».

Наконец они ушли и двинулись через лагерь обратно. Тейлор поежился:

– Тяжело ей будет тянуть детей в одиночку.

– Чертовски жаль, – вздохнул Дэл. – Хороший человек был Баллард.

– Это точно, – согласился Пиви и указал рукой за спину: – Как только она найдет новое место, переселишься: десятнику полагается жить там. Других свободных домов, к сожалению, нет. Это по соседству сам знаешь с кем.

Риз сказал:

– Пусть не торопится. Я не очень-то стремлюсь к такому соседству.

Они прошли еще немного и увидели Ворона: тот шагал им навстречу с таким хитрым лицом, как будто знал нечто такое, чего не знали они. Он прошел мимо вразвалку, задрал нос и кривя уголок рта в ехидной улыбке.

Когда они разминулись, Пиви проворчал:

– Мне знаком этот взгляд.

– Ага, мне тоже, – кивнул Дэл.

Оглянувшись через плечо, он увидел, что Суини наблюдает за ним. Десятник дотронулся до края шляпы, и у Дэла возникло явственное ощущение, что он затеял недоброе.

Глава 14. Рэй Линн

Рэй Линн и остальные рабочие смотрели, как увозят покойного десятника. Его сапоги покачивались туда-сюда, пока повозка катилась по тропе, и от этого казалось, что в Балларде еще теплится жизнь. Ворон подождал, пока повозка скроется из виду, а затем повернулся к людям, стоявшим полукругом. Они негромко переговаривались между собой, но, увидев лицо Суини, стихли.

– Те, кто работал на Балларда, – отойдите вон туда.

Рэй Линн и несколько мужчин двинулись туда, куда он указал, держа шляпы в руках или засунув руки в карманы. Почти всем им, кажется, не стоялось на месте: они переминались с ноги на ногу, глядя то друг на друга, то в землю. Рэй Линн, лишившись покровительства справедливого Балларда, чувствовала себя совсем беззащитной. Работники Ворона стояли неподалеку, ожидая, что будет дальше. Суини расхаживал взад-вперед перед маленькой группой Балларда, поглядывая на всех по очереди, кроме Рэй Линн. Она забыла и об изнурительных днях работы, и о насекомых, и о голоде, который чувствовала всего несколько минут назад. Сердце билось неровно, во рту пересохло так, что и вода не помогла бы.

Один из мужчин, прозванный Экклезиастом за свою привычку то и дело изрекать за работой библейские фразы, наклонился к ней и шепнул:

– Теперь молись.

Кто-то у нее за спиной проговорил:

– Ворон что-то затеял.

Суини остановился перед Рэй Линн, по-прежнему не глядя на нее. Проговорил задумчиво, будто невзначай:

– Надеюсь, вы все сегодня выполнили норму.

Головы закивали в знак согласия:

– Ну конечно. Еще бы. Я всегда выполняю.

Мысли у Рэй Линн путались, в животе похолодело. Это же на нее он намекает. Вдруг десятник повернулся к ней – так резко и стремительно, что она попятилась и чуть не упала. Поспешно

выпрямившись и скрестив руки на груди, она заставила себя посмотреть ему в лицо.

– А ты, Кобб?

Ей нечего было сказать, и он это знал.

– Ты выполнил норму? – снова спросил Суини.

Она не шевельнулась и ничего не ответила.

Ворон повернулся к людям Балларда.

– Сдается мне, это несправедливо: один сачкует, а другие каждый день честно делают свое дело. Как-то неправильно, по-моему. – Он простер вперед руки с таким видом, будто читал проповедь. – Можете говорить о своем боссе, Балларде, что угодно, но я вижу: у него тут были любимчики. По мне, раз вы все, что белые, что ниггеры, своей волей сюда пришли, значит, должны делать свою работу. А Баллард, похоже, кое-кому давал поблажку. Как-то некрасиво, а?

Рэй Линн чувствовала, что все уставились на нее. Осмелившись поднять глаза на остальных, она увидела на их лицах не то боль, не то равнодушие. Она пыталась придумать что-нибудь, хоть что-нибудь, что могло бы ее спасти. Ворон ткнул пальцем в одного из своих людей, которого звали Засадой: тот постоянно влипал в какие-то истории, чем и заслужил прозвище.

– Что скажешь, Засада?

Тот пожал плечами и ответил:

– Вообще-то и правда нечестно.

Тогда Суини повернулся к одному из команды Балларда – Большой Шишке. Указал ему на Рэй Линн и спросил:

– А ты как думаешь?

Большая Шишка был среди тех, кто уже высказывал свое мнение по этому поводу – в повозке, по пути утром в лес или вечером в лагерь. При других обстоятельствах это могло бы дорого ему обойтись: Рэй Линн все-таки была белой, а выступать против белых рискованно, такое нарушение приличий может стоить жизни. Рэй Линн видела, что он пытается найти ответ, который, по его мнению, устроит Суини.

Работник проговорил шепотом:

– Я считаю, мы все должны делать, что положено. А кто не делает, тех надо учить.

– Смотри ты, какой умник.

Большая Шишка опустил голову, словно извиняясь. Рэй Линн почувствовала, что вот-вот упадет в обморок. От страха ее бросало то в жар, то в холод.

Ворон крикнул:

– Кому-нибудь еще есть что сказать по этому поводу? Валяйте! У нас тут суд. Какой будет вердикт? Ваш новый босс ни черта с этим не сделает, точно вам говорю.

Мужчины переминались, чувствуя себя неуютно в той роли, которую им навязали. Всю жизнь их учили, как вести себя с белыми: не поднимать головы, помалкивать, пока с ними не заговорят. Надеяться и молиться, чтобы никому из белых не показалось, будто ты чем-то провинился.

Однако Ворон гнул свое:

– Ну же! Не хотите сами говорить – я сейчас одного из вас выберу. – Он отстегнул от пояса кнут и распустил до земли.

Работники заговорили: сначала негромко, но потом один за другим начали с жаром выкрикивать:

– Он ни разу не выполнил норму с тех пор, как пришел!

– Конечно, нечестно!

– Каждый должен делать свое дело!

– Он уже почти взрослый. Пора работать как мужчина!

Ворон одобрительно кивал:

– Вот так. Хорошо.

Потом десятник поднял руку, и все затихли. Рэй Линн осталась стоять в одиночестве: люди Балларда потихоньку отошли от нее и смешались с группой Ворона.

Суини склонил голову набок и спросил, обращаясь к Рэй Линн:

– Все по справедливости, так ведь?

Он поигрывал кнутом, и Рэй Линн охватила паника. Она пыталась что-то сказать, но не могла.

Ворон ткнул в нее пальцем и бросил через плечо:

– Язык проглотил. Или смолой приклеил?

Он рассмеялся собственной шутке, а затем взмахнул кнутом над Рэй Линн. Плетка хлестнула ее по правому плечу – едва задела, но Рэй Линн не удержалась и вскрикнула. И сразу поняла, как прозвучал ее крик. Не по-мужски. Ворон удивленно оглянулся на остальных, а

потом снова повернулся к ней и отвел руку назад, готовясь нанести новый удар. Рабочие, казалось, были потрясены не меньше ее самой.

«Я не мужчина! Я женщина!» Признание уже готово было сорваться с языка, но ведь она была здесь совсем одна. Среди стольких мужчин. Есть ли среди них хоть кто-то, кому можно довериться? Балларду можно было, но он умер. Дэл Риз и Пиви Тейлор, кажется, тоже ничего, но их здесь нет. Суини изогнул брови, опустил хлыст и ждал, что она скажет. По плечу, на которое пришелся удар, стекала струйка – Рэй Линн не знала, пот это или кровь, знала только, что попробовать еще раз ей не хочется.

Стараясь говорить ровным голосом, ни к кому не обращаясь, она сказала:

– Я стараюсь как могу.

Несколько человек за спиной Ворона покачали головами, а сам десятник грубо захохотал, хлопая себя по бедру. Ткнул в нее рукояткой кнута.

– Говорит, старается как может. А вам как кажется?

Все обескураженно молчали.

– Ну-ну, – подбодрил Ворон, – мы ведь только что выяснили: вы каждый день идете в лес и делаете свою норму, а тут появляется этот молодой хлыщ и думает, что ему все можно. Пора ему отведать или вот этого, или ящика.

Рэй Линн пробормотала:

– Это неправда. Я...

– Что? Что ты?

– Я выбираю ящик.

Ворон прищурился. Повернулся к рабочим и указал на нее.

– Что скажете? Справедливо?

Они что-то пробурчали, но трудно было разобрать, что именно. Все это было для них в новинку: они не привыкли высказывать свое мнение по какому бы то ни было поводу, а уж тем более о делах белых. Обычно высказываться против белых строго воспрещалось. Ворон оглядел их с отвращением.

– Давайте-ка я внесу ясность. У нас тут завелся сачок. А я их терпеть не могу. Ну, давайте, это ваш шанс. Говорите!

Наконец кто-то из задних рядов высказался:

– Нам за такие дела три дня дают.

Суини широко улыбнулся Рэй Линн и сказал:

– Пошел.

Рэй Линн послушно двинулась к лагерю. Ворон насвистывал по пути какую-то мелодию, словно все это доставляло ему удовольствие. Рэй Линн подумала – может, попробовать бежать? Она посмотрела налево, потом направо. Ничего: деревья и деревья. На востоке тянулись болота с островками бурой воды и кипарисами. На западе, вероятно, было то же самое. Рэй Линн шагала медленно, надеясь, что вернуться Дэл Риз и Пиви, но сообщать такие новости семье покойного – дело небыстрое. Ворон шел позади с таким видом, будто ему совершенно не о чем беспокоиться. Он вызывал у нее острую неприязнь, но сильнее неприязни был страх. Вот ведь влипла! И вмешаться некому. Из бондарного сарая доносились удары молотка, из перегоночной шел крепкий запах дыма. На дереве неподалеку пел пересмешник, а цикады словно с ума посходили: их жужжание переходило в дрожащий гул и тут же начиналось снова.

В тяжелом воздухе витали резкие запахи смолы, дегтя, скипидара и мужского пота. Вскоре Рэй Линн увидела сооружение, с виду такое же неприметное, как любая другая деревянная постройка, если не знать его назначения. Неподалеку несколько цветных женщин занимались своими обычными вечерними делами. Рэй Линн засмотрелась на них и замедлила шаг, но Ворон ткнул ее в спину.

– Шевелись, парень.

Одного взгляда на ящик, осознания того, что там не будет ни еды, ни воды, ни возможности удовлетворить самые элементарные потребности, оказалось достаточно, чтобы снова пришла мысль бежать – или сказать Ворону, что она передумала, что уж лучше кнут.

– Можно мне перед этим воды попить? – Она выпалила просьбу хрипло, понимая, что терять ей уже нечего.

Ворон насмешливо посмотрел на нее.

– Воды попить? – И снова, еще более изумленным тоном: – Воды попить? – Он повернулся к своим работникам, подошедшим следом: – Кому-нибудь когда-нибудь давали пить воду?

Ответа не последовало, только слышно было, как подрубки переминаются с ноги на ногу, словно всем стало не по себе при виде того, что внушало им такой страх. Казалось, все они хотят одного: поскорее вернуться домой, поужинать и забыть обо всем.

Суини пустился в объяснения:

– Дело не только в нормах, парень. Дело в том, что ты идешь против природы, как я уже говорил твоему приятелю, Дэлу Ризу. Ну, полезай и устраивайся поудобнее.

Теперь, когда наступил момент истины, Рэй Линн решилась сказать:

– Ризу не понравится, что ты распоряжаешься его людьми. Это не твоя работа.

Ворон хмыкнул.

– А он и знать не будет. Будет думать, что ты сбежал. Так, парни? Ну, говорите, чтобы я слышал. Ведь если я узнаю, что кто-то из ниггеров сболтнул, то он не жилец. Я это устрою.

Рабочие стояли полукругом возле ящика, и всё вокруг, не считая порхающих насекомых, словно замерло. Люди застыли неподвижно, как камни, на лицах у них читался страх – то ли за Рэй Линн, то ли за себя, а может, то и другое вместе. Выбора не было. Оставалось только лезть в ящик. Откуда ни возьмись, налетела целая туча мошки. Рэй Линн отогнала ее рукой и уселась, стараясь не смотреть на пятна неизвестного происхождения и не думать, что это и откуда. Сняла шляпу и положила ее под голову.

Как только она оказалась внутри, ее затошнило, но она сдержала рвотные позывы. Чтобы никого не видеть, она отвернулась, стала смотреть налево, и в глаза ей бросились верхушки деревьев, колышущиеся на ветру. Она постаралась запечатлеть их в воображении и, услышав скрип крышки, закрыла глаза: не хотелось смотреть, как та опускается. Свет, пробивавшийся сквозь веки, погас. Рэй Линн зажала рот рукой, чтобы не расплакаться, слыша, как над ней запирают замок. Слезы тратить нельзя, это она почему-то понимала. Сверху раздался двойной удар, кто-то пробормотал несколько слов, а затем наступила тишина.

Она начала молиться. Молилась, чтобы время прошло быстрее, хоть и знала, что оно покажется ей вечностью. Может, кто-нибудь все-таки доложит Дэлу Ризу или Тейлору, скажет, что Ворон потерял берега. Рэй Линн сосредоточилась на звуках, которые могла расслышать. Осторожно проверила, насколько здесь можно двигать ногами и руками. Она была меньше большинства мужчин, и, судя по тому, что и ей-то здесь было тесно, любому, кто был хоть на дюйм

выше, наверняка приходилось совсем тяжко. Из уголка глаза у нее скатилась слезинка, она дотянулась рукой до лица и стерла ее. Заставила себя думать о хороших временах с Уорреном. О доме в округе Харнетт с веселой кухонькой и садиком. О цветах, растущих во дворе. О том, как хорошо было сидеть на крылечке утром или вечером, когда не жарко, любоваться восходами и закатами, качающимися ветвями деревьев, ярко-синим небом. Она постаралась мысленно оказаться там.

Время шло. Рэй Линн изо всех сил старалась не думать о жажде, о голоде, о том, как твердые доски давят на плечи и тазовые кости. Вспоминала, как ей пришла в голову идея поехать в Ласточкино Гнездо, – и ведь тогда казалось, что это хороший план. Другого пути не было... или был? Рэй Линн принялась размышлять о событиях тех дней и о том, почему она решила исчезнуть. Буч Крэндальл не дал ей времени прийти в себя после того, что случилось с Уорреном, и если вспомнить, что он предлагал и чем угрожал в случае отказа, ясно, что оставаться было нельзя. Никто бы не понял, что произошло на самом деле, даже если бы она попыталась объяснить. Никто, кроме Уоррена. Юджин наверняка добился бы, чтобы ее арестовали, судили и посадили в тюрьму. А теперь вот ее все равно заперли в ящике. Может, это Бог послал ей такое наказание?

Она перебирала доводы в голове снова и снова, пока не задремала. Через какое-то время ее разбудила режущая боль внизу живота. Забыв, где находится, Рэй Линн подняла руку, чтобы пощупать живот, и наткнулась на твердую поверхность крышки. Прошло несколько секунд, пока она вспомнила обо всем и с трудом сдержалась, чтобы не застучать в крышку и не начать звать на помощь. Боль вернулась: острая, резкая, пронизывающая, теперь уже не желающая уходить, в точности такая же, как все последние четырнадцать лет – раз в месяц, как часы. Рэй Линн совсем не подумала о месячных, и тем более было непонятно, что с ними делать в такой ситуации, как сейчас. В горле страшно пересохло, как будто она несколько дней подряд дышала ртом. Рэй Линн закашлялась и тут же почувствовала теплую влагу между ног. Почему именно сейчас?

Глаза уже привыкли к темноте, сквозь щелку в крышке на ночном небе была видна крошечная звездочка, и Рэй Линн смотрела на нее, пока глаза снова не закрылись и она не уснула.

Глава 15. Дэл

Кобб, как и сам Дэл, был ранней пташкой, но сегодня из его маленькой хижины не доносилось ни звука. Их лачуги стояли довольно близко друг к другу, и стены у них были хлипкие, так что по утрам Риз обычно слышал стук подошв, когда сосед совал ноги в ботинки, а потом неизменно, как по часам, раздавалось дребезжание кофейника. Однажды Дэлу даже померещилось что-то похожее на плач, но он решил, что ослышался. А сегодня, когда он вышел утром на улицу, все было тихо. Дэлу хотелось как-то успокоить мальчишку, чтобы не переживал так сильно насчет выработки. Пообещать, что будет присматривать за ним и, возможно, даст поблажку, если Кобб отстанет на какую-нибудь пару сотен деревьев. Хотя, пожалуй, не стоило вообще заводить об этом разговор. Дэл видел: парень хоть и не укладывается в отведенное время, но нельзя сказать, что он не старается. Риз постоял еще минуту-другую и вернулся в дом.

Впервые с того дня, как повесил ружье над дверью, Дэл взял оружие в руки. У него возник план: попробовать подстрелить какую-нибудь мелкую дичь и отдать своим работникам. Им самим оружия не полагалось, и хотя они отлично умели ставить ловушки, добыть свежую дичь удавалось нечасто: не до того было с их работой. Выйдя на улицу, Риз еще раз взглянул, не проснулся ли Кобб. В тесной хижине было все так же темно и тихо. До приезда рабочей повозки оставалось еще с полчаса, не меньше, – может, Кобб просто решил сегодня поспать подольше.

По дороге к сараю Дэл видел, что лагерь оживает: несколько мужчин умывались и брились на крыльце, женщины качали свежую воду в ведра, перекрикиваясь друг с другом. Одни уже собирали в огороде помидоры или бобы, другие сидели на пеньках и лушили кукурузу к вечеру, на ужин. Некоторые собирали яйца от своих кур. Дэл подошел к сараю и вдохнул резкий, острый запах лошадей, сена и навоза. Сразу вспомнилась пара лошадок, которых запрягал когда-то в повозку его отец. Он вывел Руби, кобылу Балларда, из стойла, дал ей корма и воды, а сам пока принялся чистить шкуру. Когда он закончил,

на земле остался тонкий ярко-рыжий налет. Пора было выезжать. Дэл оседлал кобылу, забрался ей на спину, потрепал по шее и сказал:

– Теперь мы с тобой вдвоем, старушка, ты да я.

На поляне, отведенной для стоянки, те, кто работал у Балларда, выгрузились из повозки и встали в ряд, переговариваясь между собой. С приближением Риза они притихли: похоже, нервничали еще больше, чем накануне. Дэла это не обескуражило. Ребятам нужно время, чтобы привыкнуть к нему, узнать его – хоть он и обещал, что будет таким же справедливым, как Баллард, они ведь не поверят, пока не убедятся сами. Он спрыгнул с коня и сразу увидел, кого не хватает.

– А Кобб где?

Риз обвел взглядом всех по очереди. Прочитать выражения их лиц он не мог – слишком мало знал рабочих, тем более что цветные в большинстве своем были приучены скрывать свои мысли и чувства. Лица у них были такие, словно они смотрели в пустой стакан.

Тогда Дэл спросил иначе:

– Клайд что, за ним не заехал?

Ага, вот оно: один из рабочих, по прозвищу Птичка, еле заметно вздрогнул.

Риз отметил это про себя и повторил:

– Никто не знает, заезжали за ним или нет?

Птичка потер щеку и ответил:

– Он не вышел утром к повозке.

– А где Клайд? – спросил Дэл.

– Поехал живицу возить.

Дэл начал подозревать, что Кобб либо заболел, либо сбежал. Он еще раз окинул взглядом своих людей. Никто больше ничего не сказал. Никто не смотрел ему в глаза. Он решил пока оставить это – пусть приступают к работе.

– Не забудьте разжечь костры возле своих участков. Пока мы не начали: может, кому-то что-то нужно?

Раздалось общее:

– Нет, сэр!

– Хорошо. Тогда за работу.

Когда работники ушли, Риз окликнул:

– Где тут водонос? Джорджи?

Маленький мальчуган вышел из-за дерева и робко приблизился.

– Сколько тебе лет, Джорджи?

Чуть дрожа, с круглыми от страха глазами, мальчик ответил:

– Девять, сэр.

Риз вспомнил этого мальчишку – вернее, его шрамы. Этому Джорджи уже довелось попробовать кнута.

– Джорджи, можешь сбегать за мистером Коббом?

– Да, сэр.

– Беги к номеру сорок четыре. Постучи в дверь хорошенько, погромче. Если он отзовется, спроси, не заболел ли он, а потом сразу же возвращайся и скажи мне.

– Да, сэр.

Однако Джорджи не шелохнулся.

– Ну давай, живее, – поторопил Дэл.

Мальчик по-прежнему не двигался с места.

Дэл спросил:

– Что такое?

Мальчик затеребил подол своей изорванной рубашки, глядя куда-то мимо Риза.

Наконец он пробормотал:

– Я не знаю, какой он, этот номер сорок четыре.

– погоди, – сказал Дэл, полез в карман за учетной книжкой, вырвал последний листок и крупно написал на нем: «44». Показал Джорджи: – Видишь?

Мальчик кивнул.

Дэл пояснил:

– Вот это и есть номер сорок четыре. На, возьми бумажку с собой. Иди в лагерь, а там к бондарному сараю. Знаешь, где это? – Джорджи, взяв бумажку, снова кивнул, и Дэл продолжал: – А дальше прямо, до самого конца лагеря. Понимаешь?

– Да, сэр.

– Как пройдешь вторую колонку, начинай искать такой номер над дверями. Понял?

– Да, сэр.

– Только поскорее.

Джорджи пустился бежать, мелькая покрытыми шрамами ногами. Риз смотрел ему вслед и видел, как под резвыми розовыми пятками клубятся облачка пыли, пока мальчишка не скрылся за поворотом.

Когда Джорджи пропал из виду, Дэл вспомнил, что не сообразил проверить, стоит ли еще у сарая грузовик Кобба. Хотя кто-нибудь наверняка услышал бы, если бы тот заводил мотор, да и как бы он уехал незамеченным – там же центр лагеря рядом. Все же надо будет потом взглянуть. Дэл снова влез верхом на Руби и начал свой первый день в должности десятника.

Он был весь в работе – вслушивался в выкрики рабочих и делал пометки в книжке, – когда почувствовал, как кто-то теребит его за ботинок. Он посмотрел вниз и увидел Джорджи. Спросил с улыбкой:

– Что ты выяснил, Джорджи?

– Там никого нет, босс.

– Точно?

– Да, сэр. Я постучал в дверь, как вы сказали. Знаете ту миссис, которая работает в магазине? Она тоже там была.

– И что же она сказала?

– Сказала: «Ты что это безобразничаешь?» Я сказал, что ищу мистера Кобба. Тогда она сама постучала в дверь, а потом открыла. Никого там нет, говорит. Он, говорит, на работе. Я ей больше ничего не сказал, только «да, мэм», и скорей обратно, как вы сказали.

Это было очень странно, но сейчас имелась задача поважнее: следить за выработкой. Не годится в первый же день запутаться в подсчетах и выставить себя или своих работников неумехами.

Риз сказал:

– Спасибо, Джорджи. Вот, держи. – Он достал из кармана мятный леденец и протянул мальчику.

Глаза у Джорджи засияли, и Дэл догадался: малец до сих пор не пробовал леденцов.

Он сказал:

– Людям нужно попить. Принесешь им воды?

– Да, сэр!

Джорджи принялся разносить воду, а у Дэла работы только прибавилось: выкрики звучали наперебой, один за одним. По его подсчетам, дела шли хорошо, и если бы не тревога из-за пропажи Кобба, это был бы один из лучших дней с момента прихода сюда. Отчасти потому, что Ворона было нигде не видно. Риз был уверен, что тот заявится, как обычно, и начнет нести какую-нибудь чушь. Наступило время обеденного перерыва. Подрубщики, хоть и работали

хорошо все утро, казались подавленными: не слышно было привычных разговоров и шуток.

Дэл поел вместе с ними, а потом сказал:

– Отдохните еще полчаса. Ровно в час начинаем.

Кто-то растянулся на земле, кто-то остался сидеть на старом пне, опустив голову, почесываясь от укусов и отгоняя насекомых, – и все это молча. Риз уселся верхом на Руби и поскакал к лачуге Кобба. Ехать было всего несколько минут, и, добравшись до места, он поднялся на крыльцо. Может быть, когда приходили Корнелия с Джорджи, Кобб был в уборной? Дэл постучал в дверь и стал ждать, но ничего не услышал, кроме детских криков, доносившихся из другой части лагеря. Он толкнул дверь и встал на пороге. Сидевшая на подоконнике маленькая зеленая ящерка раздула горло красным, тут же снова опавшим пузырем, сверкнула на Дэла крошечными золотистыми глазками и юркнула в щель.

Первое, что Риз заметил в комнате, – чистую рубашку, висевшую на гвозде у кровати. Потом его взгляд упал на тюфяк, и он на долю секунды застыл в недоумении. Подошел ближе и присел на корточки. Ну надо же, какие шикарные простыни! Видимо, мать Кобба пришивала все эти украшения: тут явно была видна женская рука. Вот такими же желто-голубыми каемками обшивала когда-то постельное белье и его мать. С ума сойти! Такие простыни слишком хороши для этого места. Кобб явно повидал лучшую жизнь. Дэл встал и обвел комнату взглядом. Может быть, парень сбежал, прихватив с собой только самое необходимое? Оставшиеся деньги, пистолет, грузовик – а больше ничего особенного и не нужно. Как бы то ни было, Дэлу пора было возвращаться к своим рабочим. Он был несколько раздосадован тем, что Кобб ушел, не сказав ни слова, но это можно было понять: он же совсем еще желторотый юнец. И так-то молодец, долго продержался. Может, смерть Балларда его так напугала? Риз вышел, плотно закрыв за собой дверь. Когда он вернулся, его люди уже бродили по поляне, готовые приступить к работе. Утром в норму уложились все, некоторые даже с запасом. Это было кстати, учитывая, что солнце после обеда будет палить немилосердно.

– Итак, нам предстоит долгий жаркий день. Чем раньше выполним норму, тем быстрее уйдем.

Экклезиаст отозвался:

– Мы всегда работаем до темноты, даже если уже больше нормы сделали.

– А теперь будет не так, – заявил Дэл. – Закончите что положено – и по домам.

Рабочие переглянулись между собой, разбрелись по местам, и работа пошла быстро. Но сегодня никто не пел, и, когда Дэл проезжал мимо, подрубики не останавливались, наоборот, трудились еще усерднее, словно избегая разговоров, если не считать пары слов о том, как было бы хорошо, если бы пошел дождь или повеял ветерок. Солнце жарило вовсю, не продохнуть. Риз то и дело посылал Джорджи за водой и каждый раз давал мальчику мятный леденец. День шел своим чередом, дышать становилось все тяжелее – не только из-за дыма костров, но и из-за влажности. Сверху припекало, и Дэлу казалось, что они все вот-вот задохнутся. Он пожалел бедную Руби, увидев, что на боках у нее выступила белая соль, и, взяв ружье, оставил кобылу постоять в тени деревьев и попасть на маленьких островках травы, а пока попросил Джорджи набрать ведро воды и дать лошадке попить. Когда он отошел за рабочими, Руби все еще хлюпала. Такого дня у него еще не было за все время здесь – жарища просто невозможная.

Было уже часов шесть, когда вдруг раздался чей-то крик, точнее, жуткий протяжный вопль, какого Дэл еще в жизни не слышал. Крик становился все громче, но слов невозможно было разобрать, а потом он смолк – так же внезапно, как и начался.

Риз встрепенулся:

– Кто это? Что случилось?

Экклезиаст, который работал неподалеку, ответил:

– Вроде Птичка. Точно не скажу.

Дэл велел:

– Пойдем посмотрим.

Они углубились в лес и, пройдя ярдов сто, увидели рабочего, стоявшего к ним спиной. Он быстро оглянулся на них через плечо и тут же снова стал что-то высматривать перед собой.

– Эй, парень! – позвал Дэл. – В чем дело?

Птичка не ответил, не шевельнулся, только головой помотал.

Экклезиаст напомнил:

– Босс с тобой разговаривает.

Плечи у Птички приподнялись, и они услышали, как он пробормотал:

– Не могу двинуться. Она нацелилась на меня. Желто-красный – гад опасный.

– Коралловый аспид, значит, – пояснил Экклезиаст.

Они с Дэлом хотели подойти к Птичке, но тот крикнул:

– Вон она!

– Эй, берегись! – закричал Экклезиаст. – А, чтоб тебя!

Змея, сверкнувшая яркими полосками в нескольких дюймах от Птичкиной босой ноги, почуяла опасность, когда ее окружили сразу трое. Она вдруг бросилась и вцепилась Птичке в ногу. Тот закричал. От его неподвижности не осталось и следа: он тряс ногой, безуспешно пытаясь освободиться от змеи, приставшей к нему, как репейник.

– Господи, помоги!.. – кричал он.

Риз сорвал с плеча дробовик.

– Она же прямо на нем висит! – воскликнул Экклезиаст. – Как тут стрелять?

– Надо же что-то делать!

Птичка перестал дрыгать ногой и плачущим голосом стал читать молитву. Дэл все еще ошеломленно смотрел на змею. Она так и мусолила челюстями Птичкину ногу, как будто съесть хотела.

Наконец Дэл взял ружье за ствол и ударил змею прикладом по хвосту. Она выпустила Птичкину ногу, тот отскочил назад, налетев на Экклезиаста, а Дэл перехватил ружье стволом вперед, прицелился и нажал курок. Голову змеи снесло без следа, тело задержалось, изгибаясь кольцами, как живое. Птичка трясущимся пальцем показал на свою ногу. Риз с Экклезиастом наклонились над ней, разглядывая две крошечные ранки с выступившими каплями крови – не больше булавочного укола.

Дэл велел:

– Не шевелись.

Птичка и без того обмер от страха и мог только кивнуть. Дэл снял с себя ремень и перетянул им, как жгутом, Птичкину ногу чуть выше колена.

Закончив, спросил:

– Идти можешь?

Птичка уже немного успокоился, его страх сменился удивлением.

– Как будто и не кусал никто. Даже не больно. Я вообще ничего не чувствую.

– Похоже, не так уж сильно она тебя хватанула, – сказал Экклезиаст.

– В жизни ничего страшнее не видал, – признался Дэл. – Как она ему в ногу вцепилась!

Они вернулись к участкам, и Птичка, очевидно уже оправившийся от первоначального испуга, стал рассказывать остальным о своей встрече с аспидом. Дэл тоже слушал. Судя по Птичкиному виду, чувствовал он себя неплохо, но все-таки змея есть змея.

– Еще минуты три назад она на мне висела, как рождественская гирлянда на елке.

Большая Шишка наклонился и осмотрел ногу товарища.

– Ничего не видать, – объявил он.

Птичка сказал:

– Она меня здорово хватанула. Но вроде ничего страшного.

– Слушай, если ты не можешь работать... – начал Дэл.

Птичка торопливо ответил:

– Нет, я уже иду. Не надо кнута.

Риз поморщился:

– Да я не про то! Черт, да у меня и кнута никакого нет. Я просто хотел сказать: тебя все-таки змея укусила, так, может, лучше отдохнуть пока.

Птичка свел брови, как будто Дэл заговорил на непонятном языке.

Он нагнулся, размотал ремень на ноге и протянул его новому десятнику.

– Да нет, сэр. Работать надо.

– Ну ладно. Смотри сам, только отдыхай, если что.

– Ага, сэр.

Дэл отошел посмотреть, сколько за это время сделали другие рабочие, и весь остаток дня ждал, что случится одно из двух: или кто-нибудь прибежит сказать, что Птичке плохо, или Ворон зайвится со своими разговорами. Ни того, ни другого не произошло, и все же спину он смог расслабить только ближе к вечеру. День подошел к концу, и когда работники вернулись к стоянке, чтобы забрать ведра и усесться в повозку, Дэл заметил среди них Птичку: тот двигался как-то замедленно, но в остальном казалось, что недавнее происшествие не

оставило на нем никакого следа. Когда парень подошел ближе, Дэл заметил, что его темная кожа посерела, а веки тяжело нависли над глазами. Но он же весь день работал – должно быть, просто устал.

Дэл спросил его:

– Как ты, нормально справился?

– Да, сэр, – ответил Птичка.

Дэл нахмурился. Днем, за работой, Птичка выглядел как обычно, но сейчас язык у него заплетался, как у пьяного. Риз подозревал, что любой из подрубщиков может тайком хлебнуть горячительного, и это ему не нравилось. Пьяные работники ему не нужны: когда в глазах двоится, долго ли до беды.

Он спросил:

– Ты что, пил?

– Нет, сэр.

Дэл не мог понять, врет он или все-таки дело в чем-то другом. Птичка покачнулся.

– Точно? Гляди, если узнаю, что соврал, урежу тебе жалованье.

Он знал от отца: больше всего, когда бьют по карману.

Птичка вскинул руки.

– Я не вру. Чесслово.

И опять язык у него заплетался. И на ногах он держался нетвердо.

Риз все еще был в сомнениях.

Экклезиаст заявил:

– Да он вообще капли в рот не брал никогда. У него отец от пьянки помер, вот Птичка к этому делу даже не притрагивается.

Тут же, на глазах у них, Птичка медленно осел на землю. Дэл бросился к нему. Тело работника забилось в конвульсиях. Остальные сгрудились вокруг, переговариваясь вполголоса между собой и не понимая, что происходит.

Дэл поднял голову:

– Я никогда не встречал людей, которых кусал коралловый аспид. Кто-то из вас что-нибудь знает об этом?

Несколько человек отрицательно качнули головой, а Большая Шишка вспомнил:

– Миссис Риддл знает, вот кто.

– Давайте отвезем его в лагерь, – сказал Дэл.

Экклезиаст и еще один рабочий помогли уложить Птичку в повозку и сами уселись рядом. Экклезиаст держал голову пострадавшего у себя на коленях. Риз забрал Руби оттуда, где оставил, и двинулся за повозкой верхом. Видя, как тяжело Птичка дышит, он обогнул повозку и пустил лошадь быстрой рысью в сторону магазина, чтобы предупредить Корнелию Риддл заранее. Он торопливо вошел, и колокольчик на двери звякнул. Корнелия стояла за прилавком одна, раскладывая по полкам банки с консервами. Отиса нигде не было видно.

Прежде чем она успела что-то сказать, Риз спросил:

– Вы что-нибудь знаете о коралловых аспидах?

Она нахмурилась:

– Кого укусили?

– Одного из моих людей. Птичку.

Корнелия достала из-под прилавка бутылку скипидара и вышла вслед за Дэлом на улицу.

– Сначала-то он держался так, будто его вообще никто не кусал, – рассказывал Дэл. – Работал до самого вечера, а теперь еле языком ворочает, как пьяный все равно.

Корнелия сказала:

– Такая уж это змея: у нее яд не сразу действует.

Когда они шли к повозке, Дэл заметил женщину с темными волосами, тронутыми сединой. Она разговаривала с Вороном – тот стоял скрестив руки на груди и опустив глаза в землю. Дэлу некогда было приглядываться, но, похоже, к Суини приехала мать, и визит этот был для обоих не радостный.

Глава 16. Рэй Линн

Она лежала вся в поту, и ее била дрожь. Трещина в крышке, от которой она не могла отвести глаз, была единственным окном в мир – шириной в полдюйма. Страх перед тем, что ее ждет, нарастал по мере того, как солнце поднималось все выше и выше. Вот так же жарко было накануне, когда умер Баллард. Рэй Линн не знала, чего ждать от сегодняшнего дня: хоть она и была привычна к летней жаре, но совсем другое дело – лежать под палящим солнцем в ящике размером со свиное корыто, под запертой крышкой. Без еды, а главное – без воды. Придется держаться, как когда-то в приюте, когда ее заставляли летом работать в прачечной невыносимо долгими часами. Стараться думать о хорошем, а не о том, сколько ей еще здесь лежать.

Она была новенькой в Ласточкином Гнезде и не знала, удавалось ли до сих пор кому-то из тех, кто оказывался на ее месте, выйти из ящика живым. Спрашивать она не решилась. Сейчас ее мучила такая жажда, что язык присох к небу, и в горле было так же сухо. Живот болел всю ночь. Рэй Линн обнаружила, что может немного повернуться с боку на бок, и, обрадовавшись возможности хоть немного подвигаться, ворочалась до тех пор, пока мышцы не свело, – тогда пришлось перестать. Попутно она вела безнадежный спор сама с собой о том, есть ли смысл и дальше бороться с потребностью помочиться. Зачем, если рано или поздно придется сдаться? И все же она не могла заставить себя это сделать. Пока не могла.

Каким-то образом ей удалось снова заснуть, а когда она проснулась, ящик внутри уже превратился в духовку. Пот струился по телу тоненькими ручейками, жажда все усиливалась. Рэй Линн пыталась полизать руки, но соленый пот высыхал прямо на языке. Она приложила ладони к крышке: та была горячая. Стоило Рэй Линн сглотнуть, как она начинала кашлять. Острое желание помочиться, как ни странно, ушло, зато голова разболелась и стала кружиться, хотя Рэй Линн и не двигалась. Далекий ритмичный стук раздавался в лад с биением сердца, отдававшимся в голове. Изредка откуда-то из глубины лагеря доносилось пение. Рэй Линн напрягла слух, пытаясь разобрать мелодию, но песня неожиданно оборвалась и сменилась криками. Рэй

Линн покрутила головой – влево, вправо, потом точно так же по очереди пошевелила каждой ступней – влево, вправо. Икру левой ноги свело судорогой, и Рэй Линн стиснула зубы от боли.

«Лежи тихо. Поспи еще. Держись. Держись», – приказала она себе.

Когда она проснулась опять, воздух проходил уже как сквозь забитую соломинку, и грудь как-то странно сдавило, как будто на нее навалили тяжелый груз. Заставив себя успокоиться, Рэй Линн медленно втянула спертый воздух носом и так же медленно выдохнула через рот. Она почувствовала запах крови. Едкий металлический привкус, смешанный с другими неприятными запахами, ощущался тем явственнее, чем жарче становилось в ее маленькой тюрьме. Сквозь узкую щелку над головой виднелось небо, подернутое туманной дымкой. Рэй Линн подтянула подбородок к груди, и тут же желудок скрутило от накатившей тошноты. Она зажмурилась и подождала, когда тошнота пройдет, а потом снова открыла глаза. В деревянных стенках были еще трещинки в разных местах, и сквозь них солнце разукрасило ее ноги и живот золотыми полосками. «Полуспящая красавица», – подумала она. Хоть бы ветерок подул – может, стало бы полегче, но это была несбыточная мечта. Почти все дни с тех пор, как она попала в этот лагерь, стоял мертвый штиль.

Рэй Линн снова закрыла глаза и застонала сквозь зубы. Под веками кружились и переливались разноцветные пятна. Сейчас, должно быть, середина дня, и это еще только первые сутки. Не хотелось забегать слишком далеко вперед, но если она выживет (как ни страшно было это «если»), придется думать о том, как сохранить за собой рабочее место. Уверенность в том, что она сумеет выполнить норму, пошатнулась, но, может быть, Пиви позволит ей попробовать перейти в заливщики. Этой работой занимались несколько цветных женщин, а когда ведра наполнялись, кто-то из мужчин обычно опорожнял их в бочку, стоявшую на повозке. Правда, Пиви может и отказать. Пока что она произвела на него не самое лучшее впечатление. Если так, то Рэй Линн не представляла, куда ей податься. Сейчас, когда страна в депрессии и работы на всех не хватает, не лучшее время для того, чтобы остаться без средств к существованию, если только она не собирается опуститься до проституции, как некоторые женщины. О таком и думать не хотелось.

Рэй Линн пожалела, что так опрометчиво рассталась с тремя долларами ради Корнелии, – теперь деньги, пожалуй, пригодились бы. Физическое неудобство вернуло ее от прошлого к настоящему. Как ни странно, голод и жажда слабели. Сквозь щель она увидела край проплывающего по небу облака. Потом снова показалась голубая полоска. Пока Рэй Линн лежала в ящике, в голове у нее раз за разом всплывала одна и та же картина, и она старалась задержаться на ней подольше, потому что думать об этом было куда приятнее, чем обо всем остальном: как поднимается крышка и как она встает и с вызовом смотрит Ворону в глаза.

Глава 17. Дэл

Корнелия обработала Птичке ногу скипидаром, полив им ранки на месте укуса. Дыхание у Птички стало еще более затрудненным: на вдохе грудь у него западала, а на выдохе из нее вырывался какой-то болезненный свистящий звук. Он, кажется, уже не понимал, где он, и никого не узнавал.

Дэл повернулся к Экклезиасту:

– Он женат?

– Нет, сэр. Один живет. Я могу его к себе взять. Моя хозяйка за ним присмотрит.

Корнелия протянула Экклезиасту бутылку скипидара и пакетик с английской солью.

– Подержи его ногу в этом хотя бы минут пятнадцать, а потом опять скипидаром смажь.

Экклезиаст попросил:

– Вы, мэм, запишите все это, пожалуйста, на мой счет в своей книжке.

Корнелия отмахнулась:

– Это ни к чему.

– Вот спасибо, мэм.

Риз велел Экклезиасту:

– Держи меня в курсе, как у него дела.

– Да, сэр.

Когда повозка отъехала, Дэл понял, что почти ничего не знает о пострадавшем – только то, что лет ему, скорее всего, не больше двадцати. Не знает ни настоящего имени Птички, ни откуда он родом. Да и вообще ни о ком из своих работников ничего не знает. Он оказался в должности десятника так быстро и неожиданно, что не было времени выяснять. Дэл сделал мысленную пометку: разузнать все о каждом.

Он повернулся к Корнелии и поблагодарил:

– Спасибо.

Та только рукой махнула, глядя вслед повозке.

– Он все равно до утра не дотянет. Не хотела при нем говорить.

Дэл дернул себя за бороду.

– Жаль, черт возьми.

– Еще бы.

Покачав головой, Корнелия вернулась в магазин, а Риз подобрал поводья Руби и направился к Пиви в контору – рассказать о Птичке. После всего произошедшего у него совсем вылетело из головы, что он хотел взглянуть на грузовик Кобба. Тот так и стоял, аккуратно припаркованный под навесом. Еще одна загадка. Дэл все еще разглядывал грузовик, когда вышел Пиви и запер дверь конторы.

Он подошел к Дэлу и спросил:

– Все хорошо?

– Было хорошо до тех пор, пока Птичку не укусил коралловый аспид. Корнелия пыталась ему помочь, но, говорит, до утра не доживет.

Тейлор упер руки в бедра и уставился в землю.

– Мы и так уже двоих потеряли, – пробормотал он и огляделся по сторонам. – Кажется, Ворон только что тут был?

– Был, – подтвердил Дэл. – К нему кто-то приехал в гости.

Пиви сморщил нос и уточнил:

– Женщина?

– Да.

– Вот черт. Каждый раз, когда она тут появляется, Суини еще хуже беситься начинает, хотя куда уж хуже. Тяжелые времена нам предстоят. Двух рабочих потеряли: одного из-за болезни, другого из-за этого придурка Ворона. А теперь еще и Балларда нет, и Птичку вот змея укусила.

Дэлу не хотелось рассказывать о еще одной беде, но о Коббе он должен был сообщить.

– Наверное, лучше сразу тебе сказать, – начал он. – У нас еще один человек пропал.

Плечи у Тейлора совсем поникли.

– Кто?

– Кобб. Думаю, сбежал. Ворон без конца лютовал из-за того, что он норму не выполняет. Может, парнишка испугался, когда Баллард умер, и решил, что теперь станет хуже. Кто его знает? Так или иначе, утром он к повозке не вышел. Я, как только людей на работу поставил, послал за ним Джорджи – узнать, не заболел ли. А в обед еще и сам

проверил. Дома Кобба нет, но из вещей он ничего не взял. У него, правда, и вещей-то вряд ли много было, грузовик разве что, но тот на месте. Странно, что он его не забрал.

– Может, и не странно. Он говорил, у него там с радиатором что-то. К тому же если ночью сбежал, то, наверное, не хотел мотор заводить и шум поднимать.

– Верно, – согласился Риз. – Но все равно как-то не верится, что он бросил машину.

– Ну что ж, если за ним остался долг, я скажу шерифу, чтобы вернул его сюда. Надо будет заявить, чтобы копы последили на главных дорогах.

– А если поймают, то что?

Пиви потер затылок.

– Тот, кто убегает от долгов, обычно получает сколько-то ударов плетью.

– И ты что, станешь его сечь?

Тейлор вздернул плечи.

– Без этого не нельзя. Не стоило ему убегать, но теперь за это отвечать придется.

– А грузовик ты не можешь в счет долга забрать?

– Компании это не понравится.

– А если Кобб ничего и не должен?

– Тогда дело другое. Тогда он свободный человек: захотел – пришел, захотел – ушел.

Риз предложил:

– Давай узнаем в магазине.

Они направились туда. Дэл знал, что такие порядки заведены почти во всех лагерях: с беглецами обходились как с преступниками, и оставалось только надеяться, что за Коббом нет никаких долгов. Корнелия стояла за прилавком, и Отис с ней.

– Привет, Риддл, – сказал Пиви. – У тебя там бухгалтерия в порядке?

– Как всегда.

– Отлично. Что там у Кобба на счету? Сколько он должен?

Хозяин лавки ответил:

– Это я и не глядя скажу: ничего не должен. Он почти ничего и не покупает, а когда покупает, то платит наличными. С тех самых пор, как

приехал сюда.

У Дэла отлегло от сердца, однако дело еще больше запутывалось. Что заставило парня пойти в лагерь на такую работу, если у него есть деньги?

Отис, любопытный, как всегда, спросил:

– А что такое?

– Сбежал, – ответил Тейлор. – Видно, решил, что жизнь в Ласточкином Гнезде ему не по вкусу.

Корнелия словно бы встревожилась и, как показалось Ризу, даже немного опечалилась.

Он поинтересовался:

– Кстати, а как дела у остальных, кто на меня работает?

Отис стал листать страницы с недовольным видом, словно его раздражала необходимость сообщать Дэлу эту информацию. Однако он перечислил всех по списку, и каждый оказался должен по меньшей мере пять долларов, а кое-кто и больше. Когда работники получали недельное жалованье и покупали все необходимое на следующую неделю, цифра могла меняться на несколько центов туда-сюда, но они всегда оставались должны. Это был порочный круг, которого когда-то всеми силами старался избегать отец Риза – и все равно рано или поздно оказывался в долгах.

Дэл поблагодарил Отиса, и они с Пиви вышли на улицу. Солнце уже село, и Риз чувствовал себя вконец вымотанным. Первый день дался ему нелегко.

Тейлор сообщил:

– Миссис Баллард с детьми уехала сегодня утром. К сестре перебралась. Можешь въезжать, если хочешь. Вряд ли там все чисто в смысле блох и грызунов, но все лучше того, где ты сейчас живешь. – Пиви похлопал его по плечу. – Я рад, что ты решил стать боссом. Нам нужно побольше таких, как Баллард. Он и с людьми ладить умел, и не заводился по пустякам. Я его однажды спросил, как ему удается заставить своих людей так хорошо работать – лучше обычного. Так он ответил: «Они сами работать хотят. Им нужно что-то есть и семьи содержать, как всем нам. Они ведь тоже Божьи создания». Я это навсегда запомнил.

Дэл приободрился: ему начинало казаться, что в Пиви можно найти союзника.

А тот продолжал:

– Это и неудивительно, если знать Балларда и его прошлое до того, как он пришел сюда.

– Что за прошлое?

– Он был проповедником, хоть и любил иногда хлебнуть лишнего. А потом один из его детей утонул в реке. После этого он слегка охладел к религии. Вот и пришел сюда: ему нужна была работа, шанс начать все сначала. Я согласился дать ему этот шанс.

Дэл пожалел, что Балларда больше нет и что он не успел узнать этого человека получше. Можно было бы рассказать ему о том случае в зернохранилище. Может, Баллард бы что-то прояснил.

– Ну, я домой, – сказал Пиви.

Он махнул рукой на прощание, а Дэл пошел туда, где оставил Руби. Осторожно натянул поводья и сказал:

– Идем, старушка. Пора и нам домой.

Он отвел ее в сарай, напоил, задал корма, а потом запер стойло и ушел. Уже смеркалось, и первые звездочки замерцали крошечными точками на фоне глубокого фиолетового неба. Дойдя до дома номер сорок два, Дэл вспомнил о маленькой хижине Кобба, темной и безмолвной. Мысль, что мальчишка сбежал, немного печалила его. Хоть они и не успели как следует узнать друг друга, Кобб ему очень нравился. У этого парня были свои принципы, и он готов был их отстаивать – качество, достойное восхищения. Он не испугался Отиса, хотя тот был гораздо крупнее и старше. Жаль, что парень не задержался здесь. Риз мог бы показать ему пару приемов – может, научил бы, как нагнать выработку.

Дэл долго размышлял и в результате принял решение: не станет он из-за какого-то Ворона отказываться от возможности перебраться в лучшее жилье. Он собрал вещи и зашагал через весь лагерь к той секции, где жили десятники. Суини, как обычно, сидел на крыльце и ковырял под ногтями кончиком ножа. Это зрелище напомнило Дэлу, как он впервые увидел Ворона несколько недель назад: тот сидел с таким же хитрым видом и ел яблоко. Дэл уже привык к тому, что с лица этого человека никогда не сходит ухмылка, но сегодня на нем, казалось, мелькает что-то загадочное и недоброе.

Ворон протянул:

– Ух ты. Здорово, а? Соседями будем.

Душная лачуга с ее ночными ползучими гостями внезапно стала казаться куда привлекательнее. Но если сейчас сдать назад, Ворон ему этого не забудет.

– Выходит, так, – сказал Риз.

Ворон все скреб под ногтями.

Дэл решил внести ясность:

– В лагере слухи расходятся быстро, я уже успел убедиться. Ты наверняка уже слышал о Коббе. – Он пристально смотрел на Ворона.

Тот прекратил чистить ногти и уставился куда-то вдаль.

– А что с ним?

– А ты не слышал?

Суини перевел взгляд на нож и снова принялся за свои ногти.

– Как-то не до того было.

– Его нигде нет. Весь день его никто не видел.

– Правда?

Такое равнодушие было необычно. Можно даже сказать, что вид у Ворона был откровенно скучающий, и вел он себя совсем не так, как ожидал Дэл. Не вспомнил о Вудалле и о его своре гончих. Не стал ругаться, грозить кнутом или ящиком. Ничего. Дверь дома Ворона открылась, и та самая женщина, которую Дэл уже видел раньше, бросила на гостя взгляд – едва уловимый. Она ничего не сказала, и Ворон тоже сидел молча, словно каждый из них ждал, как поступит другой.

Дэл сказал:

– Ну ладно. Спокойной ночи.

Он толкнул дверь дома Балларда, вошел внутрь и закрыл ее за собой. Поди тут разбери, что к чему. За свою жизнь Риз уже каких только людей не встречал, но таких, как Суини, еще не видел. Может, он и правда тронутый слегка – мамаша-то у него вон какая странная. Дэл пробирался по полутемному дому ощупью, пока не наткнулся пальцами на край стола, в центре которого стояла лампа. Пошарил рядом и отыскал коробок спичек. Чиркнул спичкой, зажег фитиль, поправил. Затем обошел большую комнату кругом и с удовлетворением отметил, что у него теперь есть еще и небольшая отдельная спальня, а в ней с правой стороны – кровать. Настоящая кровать, не сравнить с тем, на чем он спал до сих пор. При виде ее Дэл чуть не улыбнулся.

В большой комнате у стены стояла грубо сколоченная рама, а на ней тазик для мытья посуды вроде того, в котором он принес свои вещи. Рядом примостился деревянный буфет для хранения муки, сахара и прочего. В передней части было два окна, и еще по одному по бокам с каждой стороны. Дэл подошел к центральному окну, приоткрыл его снизу и подпер палкой, лежавшей на подоконнике, чтобы не закрывалось. Ветра не было, но, когда в комнату вошел ночной воздух, показалось, что стало как будто попрохладнее. Он развязал узел со своими пожитками, если их можно было так назвать.

Пока Риз обустроивался, до него доносился едва различимый звук какой-то возни, и поначалу он не обращал на него внимания, но затем прислушался. Шум доносился из дома Ворона. Дэл подошел к окну, прислушался и начал сомневаться, не мерещится ли. Если это то, чем кажется, такое и в голове не укладывается! Дэл приоткрыл ставень. Не надо бы лезть в чужие дела, но он никак не мог поверить своим ушам. Он посмотрел на дом Ворона – боковое окно там тоже было открыто. В свете лампы перед ним предстала картина пылкой страсти, он попятился от окна и нечаянно налетел на стул, стоявший у маленького столика.

– Вот черт! – проговорил он.

Соседское окно вдруг захлопнулось, да так громко, что эхо разнеслось по лесу. Дэл стоял посреди комнаты, вновь и вновь прокручивая в голове то, чему он только что стал свидетелем. Ворон и его мать?.. Вот теперь, пожалуй, понятно, хотя бы отчасти, что сделало этого человека таким, какой он есть.

Глава 18. Рэй Линн

Она хотела позвать на помощь, но не было сил кричать, да и кто бы ее услышал? Она помнила, как рабочие говорили, что в этом ящике скопились вся боль, все слезы и пот человеческих страданий, а еще – частичка каждой души, отлетевшей отсюда в мир иной. Если им случалось проходить мимо ящика, а такое бывало, когда обрабатывали участки, расположенные за ним, то они отводили взгляд: некоторые верили, что, если смотреть на ящик, скопившаяся в нем боль перейдет на тебя.

Время потеряло смысл. Свет и темнота слились в одно. Рэй Линн ушла в себя, ища спасения от липкой горячей духоты. Один раз она проснулась, как ей показалось, от дождя. Она инстинктивно повернула голову, открыла рот и поймала тоненькую струйку воды, прохладной, сладкой, просочившейся сквозь узкую щель – ее единственное окно в мир. Впрочем, она не могла сказать наверняка, что это был дождь, потому что прекратился он так же быстро, как и начался. И солнце, стоявшее высоко в небе, рисовало узор полос на ее теле. Это было чудо, решила Рэй Линн. Вода была чудом.

В другой раз ей явился Уоррен. Но как он мог оказаться там, у ее ног, и глядеть на нее оттуда? Где же тогда его тело? Он что, из земли вырос?.. Уоррен был не похож на себя: слишком бледный, глаза и волосы слишком черные, а потом его рука потянулась все ближе, ближе, ближе, и пальцы на ней были необычно длинные и тонкие, Рэй Линн не хотелось, чтобы он прикасался к ней, этот Уоррен, явившийся из потустороннего мира. Холодные кончики пальцев дотронулись до ее лба, и она ничего не могла с этим поделать. Кажется, он что-то говорит? Вместо слов она слышала неразборчивый хрип. Такой Уоррен был ей не по душе. Хотелось, чтобы он ушел, и тогда она вынырнула из своего бреда, очнувшись, словно от толчка, и поняла, что хрип исходит от нее самой: это она так тяжело дышит.

Кошмарный Уоррен исчез, и Рэй Линн поскорее вернулась туда, где сейчас было приятнее всего, – в безмятежную страну тихих грез, где не было ни боли, ни жажды, ни голода. Там можно было пить большими глотками прохладную воду, можно было отдохнуть под

тенистыми деревьями. Она не двигалась или почти не двигалась, если не считать сердцебиения, все более учащенного и прерывистого. На второй день она уже не приходила в сознание до конца. Рэй Линн витала между «здесь» и «там», и мозг посылал телу лишь один настойчивый, четкий сигнал: «Я умираю».

Глава 19. Дэл

Экклезиаст шел, не поднимая глаз, и Риз ждал, что он скажет, хотя у него уже было дурное предчувствие, что Птичка эту ночь не пережил.

– Нет?.. – спросил он, как только Экклезиаст подошел ближе и уже мог слышать его.

– Хозяйка говорит, часа в три ночи отправился к Создателю.

Дэл вздохнул. Остальные уже разошлись по своим участкам. Теперь, когда Кобба и Птички больше нет, придется искать новых работников, что тут еще сделаешь. Надо будет поговорить об этом с Пиви.

– Из родных у Птички есть кто-нибудь?

– Мать, наверное, еще жива. Знаю еще, что девчонка у него дома была, он на ней жениться хотел.

– Мне нужно будет поговорить с Пиви о том, чтобы нанять еще рабочих. Заодно спрошу, нет ли у него адреса Птички.

После того как Экклезиаст отправился на свой участок, день прошел удивительно тихо. Дэл разъезжал по лесу туда-сюда верхом на Руби, делал пометки в учетной книжке, когда его люди выкрикивали свои клички, и раздумывал о том, что тревожит его больше: непривычная серьезность работников или то, чему он стал свидетелем накануне вечером в доме Ворона. И то и другое оставляло ощущение чего-то ненормального, как будто мир перевернулся вверх дном. Ворона Дэл со вчерашнего дня не видел, и не случайно: сам утром постарался уйти пораньше, чтобы избежать встречи. Так или иначе они еще столкнутся лицом к лицу, тут не было сомнений, но Ризу нужно было к этому подготовиться.

Наступил обеденный перерыв, и люди потянулись к месту привала – кто пешком, кто на повозках, если участок был далеко. Вели они себя все так же неестественно тихо. С тех пор, как пропал Кобб, они стали на себя непохожи. Да и отсутствие Суини, если на то пошло, тоже было делом необычным. Он всегда болтался поблизости, нес какую-нибудь чепуху или искал, к чему придраться. Дэл съел то, что принес с собой, а потом уселся, прислонившись спиной к сосне, и стал

наблюдать за людьми. Как ни тревожился он, вскоре веки у него отяжелели, и беспокойство отпустило его на время отдыха. Вскоре перерыв закончился, они вновь принялись за дело и работали, пока солнце не начало клониться к закату. Это были самые жаркие часы, и Дэл, проверив свои расчеты, был рад, что можно объявить отбой. Люди хорошо поработали, норму выполнили. Нужно показать им, что он держит свое слово.

Он проскакал на Руби между участками, выкрикивая: «Отбой! Отбой!» – к удивлению и радости работников.

Приехал Клайд с повозкой, и Дэл сказал:

– Мы закончили, можешь их забирать.

Даже Клайд разулыбался, поворачивая Джексона к лесу. Риз ехал верхом к лагерю, когда заметил какое-то шевеление у большой сосны. Джорджи набрал два ведра воды, но стоял с ними под деревом, пристально глядя на Дэла – молча, но явно желая что-то сказать.

– Что такое, Джорджи? Воду принес? Мы уже уезжаем, но можешь напоить Руби.

Джорджи поднял одно ведро и подошел. Поставил его перед лошадей. Она тут же опустила голову и стала пить длинными глотками. Джорджи оглянулся через плечо. Повозка была еще довольно далеко, но она приближалась, и, похоже, мальчика это беспокоило. Он подошел чуть ближе и посмотрел на Дэла серьезными, широко раскрытыми глазами.

– Я хочу вам кое-что рассказать, только боюсь.

Дэл слез с Руби и сунул руку в карман. Достал мятный леденец.

– Вот – может, это придаст тебе храбрости.

Глаза у Джорджи не заблестели, как обычно, при виде конфеты, однако он взял ее и сунул в рот. Отступил на пару шагов назад, опасливо наблюдая за приближающейся повозкой, словно не знал, на что решиться. Дэл видел, как все эти чувства отражаются на лице мальчика, особенно в глазах. Было очевидно, что маленький Джорджи слишком много повидал. Совсем мальчонка, а уже битый, и кто знает, что еще ему довелось пережить. Вот почему он казался мудрее своих лет: старая душа в теле девятилетнего ребенка.

Наконец Джорджи сказал:

– С одним человеком беда.

Дэл замер.

– Да? С кем?

– С мистером Коббом.

Дэл тут же присел на корточки, чтобы видеть глаза паренька. Схватил его за плечи и переспросил:

– С Коббом? Как это понимать, Джорджи?

Мальчик совсем перепугался. На глазах у него выступили слезы, он попытался вырваться, но Дэл крепко держал его. Повозка была уже футах в пятидесяти, и Джорджи умолк напрочь.

Риз спросил громче:

– Что ты знаешь о мистере Коббе?

Джорджи переводил взгляд с Дэла на повозку.

– Он...

– Что он? – почти крикнул Дэл.

Его громкий голос привлек тревожные взгляды рабочих.

Риз слышал, как они забормотали:

– Что там такое?

– Что это Джорджи ему там рассказывает?

– Пусть помалкивает лучше!

Дэл выпустил мальчишку и указал на него рукой.

– Он говорит, что Кобб в беде. Как это понимать?

Джорджи сорвался с места и юркнул за ближайшую сосну. Испуганно выглядывал из-за нее – чуть-чуть, только чтобы видеть, как поведут себя старшие. Они вылезли из повозки и стояли рядом – хмурясь, качая головами, переминаясь с ноги на ногу. Всех их мучили трещины в распухших, кровоточащих подошвах, так что, может быть, все дело и было в уставших израненных ногах, но Дэл был уверен: на них подействовал не столько его вопрос, сколько то, как он его задал. Истрепанная одежда – лохмотья, еле прикрывающие костлявые тела, – скудная еда, ежедневные тяготы, нечеловеческие условия, тяжелый труд, опасности – все это было ничто в сравнении с тем, перед кем им приходилось держать ответ. Босс – вот в чьих руках была их жизнь, и откуда им было знать, что он не такой, как Ворон. Кто-то уже нервно заламывал руки, и видно было, что Риз нагнал на них страху своими криками. Взгляд Дэла прошелся по их лицам – по всем по очереди. Клайд стоял, прислонившись к повозке, и с интересом наблюдал за происходящим.

Дэл понизил голос и заговорил спокойнее:

– Послушайте. Вам нечего меня бояться. Я не такой, как другие. И уж точно не такой, как он – вы знаете, о ком я. Может, кто-нибудь все-таки скажет мне, что случилось? Может, кто-нибудь мне поможет?

Они глядели явно подозрительно, с сомнением. Не слышно было ничего, только на кого-то вдруг напал приступ сухого, лающего кашля. Потом кашлявший сплюнул. Послышалось:

– Фух! Терпежу больше не было.

Начиная отчаиваться, Дэл все же старался сохранять невозмутимое выражение лица. Он вперил пристальный взгляд в Экклезиаста и заявил:

– Я готов положить руку на Библию – я знаю, она у тебя в заднем кармане, – и поклясться могилой матери, что не причиню вам зла. Вот вам мое слово, а если его мало, то мне придется уйти: это значит, что ни один из вас никогда не будет мне доверять. А если вы мне не доверяете, то и я не могу доверять вам.

Экклезиаст оглянулся на остальных и медленно шагнул вперед. Снял шляпу и сказал:

– Когда вы повезли мистера Балларда к его хозяйке, Ворон собрал своих людей и всех, кто работал под началом мистера Балларда, и заставил нас сказать ему то, что он хотел услышать. Сказал, что у нас будет суд над этим парнишкой за то, что он не выполняет норму. Сказал, что его пора проучить, а если мы хоть словом проговоримся, то он сделает так, что мы уже не заговорим никогда. И запер его в ящик.

Пока Экклезиаст рассказывал, эта картина так и стояла у Дэла перед глазами. В животе у него екнуло, и он спросил сдавленным голосом:

– Три дня назад?

Экклезиаст кивнул.

– Да, сэр.

Дэл стремительно развернулся и бросился к Руби. Его непривычно резкие движения испугали лошадь, и пришлось схватить ее за поводья, пока она не понеслась прочь. Каким-то чудом он успел поставить ногу в стремя, когда лошадь шарахнулась в сторону, и вскочить в седло. Уже мчась по тропинке, он услышал шум за спиной, обернулся и увидел, что Клайд резво катит следом в своей повозке, а сзади в ней трясутся рабочие и Джорджи. Риз пустил Руби во весь опор и, проносясь через лагерь, заметил возле бондарного сарая

Ворона. Это была их первая встреча с той ночи, когда Дэл увидел то, что хотел бы забыть.

– Будь ты проклят! – крикнул он, пролетая мимо.

Он был уже в другом конце лагеря, и впереди показался деревянный ящик. Это только кажется или солнечные лучи и правда скользят по нему так, что он будто весь охвачен палящим светом? Дэл спрыгнул с Руби, и та сразу зарысила в тень, тяжело вздымая бока. Дэл уже бежал к ящику, когда подъехала повозка и люди высыпали из нее.

Риз опустил на колени и крикнул:

– Кобб! Кобб! Держись! Мы сейчас тебя вытащим! Кто-нибудь, дайте мне инструмент, чтобы сбить замок!

Работники протянули ему свои хаки, Дэл схватил один и заколотил по замку, но тот был большой, крепкий, и лезвие только поцарапало сталь. Риз испортил один хак, схватил другой. Клайд и рабочие сгрудились вокруг. Экклезиаст начал читать молитву, остальные присоединились к нему. Их голоса то взлетали вверх, то падали в горячей и страстной мольбе, а издали тем временем донесся стук лошадиных копыт. Дэл сразу догадался, кто это скачет сюда.

Клайд сказал:

– Вон он, Ворон. Ключ у него.

Ярость так и полыхала у Дэла внутри, такая же горячая, как солнце, жарившее ему спину. Суини вылетел на поляну, и стоявшие сзади брызнули в стороны, а он соскочил с лошади и неторопливо подошел. Дэл продолжал колотить по замку.

Ворон сказал:

– Вот, пришел взглянуть, испекся или нет еще.

Дэл еле удержался, чтобы не броситься на него. Работники вокруг продолжали читать молитву, их голоса эхом разносились по лесу. Ворон с отвращением покосился на цветных.

– Смотри-ка ты. Всё молятся, святых из себя строят. Ну-ка, заткнитесь, хорош тарыхтеть.

Риз встал и процедил сквозь стиснутые зубы:

– Выпусти его. Сейчас же.

Ворон ухмыльнулся, отошел к своей лошади и стал рыться в седельной сумке.

– Ну-ка, ну-ка... Где-то тут должен быть.

– Да не тьяни ты, бога ради! – крикнул Дэл.

Десятник перестал копаться в сумке, похлопал по карманам рубашки и достал ключ.

– Ага! Вот оно чудо, скажешь, нет? Молитвы подействовали, не иначе.

Дэл старался держать себя в руках. Ему понадобилось все его самообладание, чтобы не кинуться на Ворона и не вырвать у него ключ. А тот подошел к ящику и опустил на колени. Постучал по крышке.

– Эй? – Потом развел руками, словно говоря: «Ну что ж, бывает».

Дэл рявкнул:

– Да скорее ты! – и шагнул ближе.

Ворон вставил ключ в замок и с ухмылкой бросил взгляд через плечо на группу работников, которые все еще робко шептали молитвы, а Риз стал расхаживать взад-вперед, сжимая и разжимая кулаки. Наконец раздался щелчок, и Ворон поднял крышку. Когда он заглянул внутрь, все ахнули. Ворон вскочил, попятился, споткнулся о корень и упал навзничь. Это разбило оцепенение, сковывавшее остальных. Толпа дрогнула, кто-то закричал и отбежал за большие сосны, пытаясь хоть как-то отгородиться от того, что хранил в себе этот ужасный ящик. Если человек покинул наш мир таким ужасным путем, то наверняка перед смертью настрадался так, что мог и привидением стать, – вдруг он теперь придет по их души?

Ворон вскочил и отступил назад, потирая рукой подбородок, словно увиденное все еще не умещалось у него в голове. В кои-то веки у него даже язык отнялся: ни словечка, ни единой остроумной реплики. Дэл заглянул в ящик. Все вокруг затихло, даже птицы на деревьях. Экклезиаст возвысил голос, словно взывая к небесам, и это придавало происходящему жутковатый оттенок.

– Не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой. Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, – через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя^[8].

Дэл смотрел на человека по имени Рэй Кобб, и чувство у него было такое, будто его водой из ведра окатили. Он присел на корточки, протянул руку, чтобы дотронуться до Кобба, а рабочие – и те, кто стоял за деревьями, и те, кто не двинулся с места, – ждали, испуганно перешептываясь. Мысли лихорадочно метались у Дэла в голове: он с

трудом пытался осознать открывшуюся ему правду. Это не мужчина. Эта бедняжка – молодая женщина, ошибки тут быть не может. О чем она думала, черт возьми? Зачем она это сделала?

Он повернулся к Ворону и вперил в него беспощадный взгляд.

– Это девушка.

Голоса слились в негромкий гул: все переваривали услышанное.

– Так это не мужчина? – слышалось тут и там.

– Женщина?

Риз поднялся и выпрямился. Он был зол, как никогда в жизни. Ворон поправил недоуздок своей лошади, отряхнул ладонями штаны, уставился на дерево, как будто увидел там что-то интересное. Дурачка изображал.

Дэл сказал:

– Ты идиот.

Суини огрызнулся:

– Откуда мне было знать, черт возьми? Никто не знал. Даже ты.

– Мужчина, женщина! – махнул рукой Дэл. – Цветные, белые! Ты перегнул палку. Ты всегда перегибаешь палку.

– Как же! Можно подумать, ты с самого начала тут был и все знаешь. Черт! Это вообще не твоего ума дело, понял?

– Это мы еще посмотрим. Посмотрим, что скажет Пиви. Надеюсь, он вышвырнет тебя отсюда. А еще лучше, если тебе самому придется посидеть внутри. Ты убил невинную девушку.

Дэл ткнул пальцем в стенку ящика, и в тот же миг из него донесся жуткий хрип. Работники тоже услышали его, и на этот раз все разом пустились наутек: они были уверены, что Кобб, который, оказывается, вовсе и не Кобб и вообще женщина, каким-то непостижимым образом воскрес из мертвых. Они разбежались кто куда, мелькая среди деревьев.

Ворон ожил, вскочил на коня и заорал:

– Назад! Не воображайте, что сможете удрать! Я с вас быстро ваши черные шкуры спущу! Черт подери!

Дэлу было не до рабочих. Затаив дыхание от смрада, он подхватил женщину за плечи и под колени и поднял на руки. Она оказалась не тяжелее мешка с картошкой. Лицо у нее было жуткого цвета: между мертвенно-бледным и грязно-пятнистым, как будто кровь уже почти не бежала по жилам. Прерывистое дыхание вырывалось из груди с

громким, пугающим хрипом. Тем, кто не сбежал, – Клайду с Экклезиастом – сразу стало ясно, как Риз догадался, что перед ним женщина. Большое темно-багровое пятно между ног на комбинезоне яснее ясного говорило, что Кобб – не тот, за кого его принимали. Мужчины отвели глаза, а Дэл подошел к повозке и опустил туда свою ношу. Забрался в повозку сам, чуть приподнял женщину и уложил ее голову к себе на колени.

– Экклезиаст, – позвал он, – отведи Руби в сарай, накорми ее хорошенько и воды вволю дай.

– Да, сэр, все будет в порядке, – пообещал Экклезиаст.

Клайд сидел впереди и ждал. Дэл сказал:

– Давай-ка отвезем ее к Риддлам – посмотрим, что сможет сделать мисс Корнелия, если тут что-то еще можно сделать.

Клайд щелкнул языком мулу, чтобы тот трогался.

Дэл попросил:

– Поживее.

По дороге он видел, как разбежавшиеся мужчины выходят из леса и направляются к дому.

Они с Клайдом прокричали:

– Она выживет! Поправится! – и двинулись дальше к Ласточкиному Гнезду.

Дэл всматривался в лицо женщины. Теперь все становилось понятным. Многие странности, которые он замечал, – и маленькие руки, и цветы на столе, и девчачьи простыни. То, как она себя вела. Он должен был догадаться, что это значит, но не догадался. Может быть, раньше, до того случая в зернохранилище, он почуял бы в ней женщину. Зачем она пришла сюда, зачем выдала себя за мужчину, было непонятно, но, слыша ее прерывистые шумные вздохи, он сомневался, что когда-нибудь узнает причину. Скорее всего, и она, как Птичка, не дотянет до утра. Чудно: то имя, под которым он ее знал, годилось для нее и сейчас. А как еще ее называть? Рэй Кобб – она и есть Рэй Кобб, по крайней мере для него.

Он держал ее голову у себя на коленях, чтобы меньше трясло по дороге, но она была так плоха, что заботиться о ее удобстве, пожалуй, уже не имело смысла. Она не шевелилась, только тряслась в такт движению повозки, и ее ноги в новых ботинках, которые выглядели уже не такими новыми, разъезжались в разные стороны. Повозка

подъехала к дому Риддлов, Дэл поднял голову женщины со своих коленей и уложил на шляпу – так, как она лежала в ящике. Потом слез с повозки, и до него снова донеслось это странное, тяжелое дыхание. Будь он проклят, этот Ворон! Если управляющий его и после этого не прогонит, то непонятно, что и думать. Услышав шум, Корнелия вышла на крыльцо, вместе с ней из-за двери выплыл запах приготовленного ужина. Показался и Отис с салфеткой, заправленной за ворот грязной рубашки.

– Что такое? – спросила Корнелия. – Магазин закрыт.

Дэл указал на повозку:

– Кобб. У него неважные дела. И он не он, а она.

Рот у Корнелии удивленно приоткрылся. Она сошла с крыльца и долго смотрела на повозку. Подняла брови, разглядев фигуру, пятно крови и то, откуда эта кровь, а также отметив полную неподвижность.

– Можете ей помочь? – спросил Дэл. – Она три дня в этом чертовом ящике жарилась.

– О господи, – выдохнула Корнелия. – Даже не знаю. Постараюсь, конечно. Несите ее в дом скорее.

Риз забрался обратно в повозку и взял на руки то, что осталось от Рэй Кобб. Казалось, она вся состоит только из комбинезона, рубашки и костей, которые и держатся-то на одной пересохшей коже и облепившей тело ткани. Корнелия стояла на крыльце и придерживала дверь, чтобы дать ему пройти. Дэл вошел и двинулся следом за хозяйкой в крошечную комнатку рядом с кухней. Там стояли кровать с кружевным покрывалом, стул и маленький ночной столик, а на нем – Библия и лампа. В другом конце комнаты было маленькое окошко – в него можно было смотреть, сидя на кровати. Вот странно, подумал Дэл: такая маленькая дополнительная комнатка. Отис торчал здесь же, недовольный тем, что его оторвали от ужина.

Риз уложил тело на кровать, и Корнелия стала расспрашивать:

– Что случилось? Как он, то есть она туда попала?

Дэл выпрямился и сказал:

– Ворон.

– А-а, – протянула Корнелия.

Отис проворчал:

– У нас тут не гостиница, да и разве у тебя других дел нет? Черт, да она уже, считай, покойница.

Корнелия сжала руки.

– Надо поступать по-христиански.

Отис шагнул к кровати, оттолкнув жену.

– Хм... Да ему жить-то, похоже, меньше часа осталось.

– Ей, – поправил Дэл. – Это она.

Риддл продолжал разглядывать Рэй Кобб.

– Это ненормально – то, что она сделала. Против природы.

Не обращая на него внимания, Дэл объяснил Корнелии:

– Она была вся горячая. И не потела совсем. Дышала очень тяжело.

Корнелия положила руку на лоб больной. Потом убрала и посмотрела на мужчин, еле помещавшихся в тесной комнатке.

– Если уж я возьмусь за ней ухаживать, – сказала она, – то вам тут делать нечего.

– Мне ужинать пора! – возмутился муж.

– Я уже подала тебе на стол, Отис. Иди и ешь.

Дэл сказал:

– Если что-то случится, дайте мне знать. И если вам что-нибудь понадобится, тоже дайте знать. А нет, так я зайду завтра на рассвете.

Он ушел вместе с Клайдом, понимая, что, может быть, никогда не получит ответов на свои вопросы и не узнает тайн женщины по имени Рэй Кобб.

Глава 20. Рэй Линн

Она перестала бороться задолго до того, как ушла на Небеса. Перестала уговаривать себя держаться. Перестала молиться, перестала мечтать о том, как кто-нибудь найдет ее. Это все было неважно, ведь теперь она здесь, а Небеса – это всё. Если вдруг какая-то отдаленная маленькая часть мозга пробуждалась настолько, чтобы отметить что-то хорошее, Рэй Линн радовалась этому хорошему, а потом снова погружалась в темноту. Ее тело несло на себе следы войны. Израненное. Ослабевшее. Изможденное.

На Небесах с ней происходило разное – но хорошее, хоть и странное. Руки и ноги, легкие как ветер, двигались и поднимались одна за другой; лоб, лицо, грудь, живот, бедра оведала мягкая прохлада. Раньше Рэй Линн была в аду, ее жгли огнем, и дышать приходилось серой, извергаемой дьяволом. А теперь нет. В раю царили свежесть, нежность, медленные, успокаивающие, движения. Вот и награда.

Она не знала, кто это тут, на Небесах, говорит с ней, но голос временами доносился до нее, легкий, успокаивающий – так мать говорит с ребенком.

Голос говорил:

– Ты в безопасности.

А иногда:

– Чудо!

И еще:

– Не уходи.

Но чаще всего он тихонько, певуче произносил:

– Ангел...

Слыша эти слова, Рэй Линн не могла понять, обращены ли они к ней, или же голос просто успокаивает ее разгоряченную голову, как и должно быть в таком прекрасном, спокойном месте. Ей не хотелось покидать убежище, хотя бывали моменты, когда казалось, что именно так и нужно сделать. Это было похоже на падение, и, падая, она в глубине души понимала: если поддаться манящему ощущению, последнего хрупкого осколка существования больше не станет. Она

вновь и вновь обдумывала выбор и не раз подступала к самому краю неизвестности.

Но снова приходило легкое, прохладное касание, и она тянулась за ним, позволяя унести ее обратно на небеса, в нежное, убаюкивающее чувство покоя.

Глава 21. Дэл

Он появился в маленьком домике при магазине еще до рассвета, а перед этим провел вечер в тревоге, ожидая плохих вестей. Если женщина не выживет, он скажет Пиви, чтобы вызывал шерифа. А если выживет, пусть управляющий просто выгонит Ворона из лагеря. Держа шляпу в руке, Риз постучал в дверь. Корнелия открыла и почти сразу же начала рассказывать:

– Со вчерашнего дня почти ничего не изменилось. Она держится, но еле-еле. Пару раз я уже была уверена, что все кончено.

– Слабо верится, что она еще жива, – признался Дэл.

Корнелия спросила:

– Хотите взглянуть на нее?

– Если ваш муж не против. Рано ведь еще.

Корнелия пренебрежительно махнула рукой.

– Да ну. Он еще и не встал даже.

Она отвела Риза в заднюю комнату. Фитиль в лампе еле теплился, отбрасывая на стену тонкую тень. Кобб лежала, накрытая одной лишь тонкой простыней, с обнаженными плечами. Выглядела она... правду сказать, совсем никуда. Кожа белая, как мука, а ввалившиеся щеки и глаза казались темными пятнами, из-за чего Кобб походила на покойницу. Самым ярким пятном был рот: губы покраснели, распухли и потрескались.

Корнелия пояснила:

– Я смазывала ей губы салом, но на вид не очень-то помогло.

– Вы делаете все, что можете, – пробормотал Дэл и подошел к кровати.

Сначала ему показалось, что больная не дышит, но нет: простыня тихонько поднималась и опускалась. Он-то сам далеко не так сильно прожарился, поскольку пробыл в ящике всего один день. А она – целых три. Риз смотрел на нее, с любопытством думая о том, что же за история привела ее к решению выдать себя за мужчину. Если она выживет, что сейчас представлялось довольно сомнительным, то ее, по мнению Дэла, безусловно стоило отнести к числу людей, достойных восхищения.

Корнелия шепнула:

– Одежду пришлось сжечь. Я обтирала ее влажными тряпками. Удалось влить в нее немного воды. Пару раз она поперхнулась и начала захлебываться, но я стараюсь поить ее почаще, хотя она может глотать только по чуть-чуть. Развожу в воде немного сахара. Жар не спадает, не знаю даже, что еще с этим можно поделать.

Дэл сказал:

– Вы в этом разбираетесь лучше меня. Спасибо вам.

Корнелия скрестила руки на груди и покачала головой.

– Не хотелось бы такое говорить, но чудо будет, если она выживет.

Риз добавил:

– Если ей что-то будет нужно, я все оплачу.

– Это ни к чему.

Отис Риддл возник в дверях внезапно, как по волшебству. Волосы у него были зачесаны набок.

– Черт тебя подери, Корнелия! Ты что, совсем дура? – И уже Ризу: – Да, черт возьми, если что-то придется покупать, то за твой счет. У нас тут не халявная гостиница.

Тот согласился:

– Я не против.

– Еще бы ты был против.

Дэл сдержался. Не было смысла тягаться с Отисом из-за того, кто оставит за собой последнее слово. Они с Вороном стоили друг друга. Риз понятия не имел, откуда в таких людях, как эти двое, столько злобы.

Он сказал:

– Я в обед зайду узнать, как она.

– Можешь поесть с нами, если хочешь, – предложил Корнелия.

Дэл не отказался бы от хорошей домашней еды, но даже ради этого не хотелось сидеть за одним столом с Отисом, который был не более дружелюбным, чем бешеный медведь.

– Нам самим-то еле хватает, – бросил продавец.

– Ну что ты, Отис... еды у нас сколько угодно, – возразила Корнелия. – Всегда остается.

Риддл открыл было рот, но Дэл поспешно и вежливо отказался:

– Спасибо вам, но время поджимает, – и направился к выходу.

– Ну да, ну да, – скривился Отис. – Он же у нас теперь большой босс. Важная шишка и все такое. Некогда ему рассиживаться за столом с нами, простыми людьми.

Продавец напоминал Дэлу неприятный запах, от которого он безуспешно пытался избавиться в хижине номер сорок два. Что бы Риз ни делал, вонь не исчезала: стойкая, раздражающая. Сложно представить, зачем такая привлекательная женщина, как Корнелия, связалась с таким уродом. Не то чтобы он был безобразен внешне, но все дело в поведении. Может, он сумел очаровать ее, пока она не вышла за него замуж, а потом переменялся. Так бывает. Когда Отис снова начал требовать свой завтрак, Дэл бросил на Корнелию понимающий взгляд, попятился из комнаты и распрощался. Ему хотелось все-таки поймать Пиви, если удастся, и оказалось, что время Риз выбрал самое подходящее: управляющий как раз отпирал дверь в контору. Он обернулся и с удивлением взглянул на Риза.

– Я думал, ты уже в лесу.

Дэл сказал:

– Ты знаешь, что Ворон натворил? Он тебе не рассказал?

– Что такое?

– Скажем так, я выяснил, куда девался Кобб, – выпалил Дэл. – К тому же Кобб оказался женщиной. А этот ублюдок засунул ее на три дня в парилку, и мы все знаем за что. Суини считает, будто он тут власть. Ты должен с ним разобраться.

– погоди, погоди. Кобб... он... не он?

– Да.

– Я так и знал, что дело нечисто. Как ты узнал?

– Неважно, – отмахнулся Дэл. – Давай все-таки про Ворона. Нельзя ему позволять так обращаться с работниками, мучить их до смерти или до полусмерти. Скажи ему, что он здесь больше не работает.

– Она жива? – спросил Пиви.

– Еле-еле. За то время, что я здесь, Суини уже троих в парилку засунул, включая меня самого. Если бы не Баллард, Ворон бы и меня там подыхать оставил.

– Я не знал об этом. Его заносит, конечно. Но дело он знает, при всех его недостатках.

– Недостатках?!

– Послушай. Я не могу больше терять людей. У нас и так нехватка. Из одной команды выбыло сразу три человека. Птичка, Баллард, а теперь еще и Кобб. Когда ты ушел на место Балларда, у Ворона тоже осталось мало людей, считая, что он еще перед этим одного потерял. И Вудалл тоже потерял пару человек.

– Если Ворон будет тут дальше распоряжаться, он потеряет еще больше, даже не сомневайся.

Управляющий прищурил глаза от слепящего солнца и забормотал:

– Похоже, до конца лета тут будет ад кромешный. Придется объявить, что мы набираем людей. Времена трудные, наверняка найдутся те, кто ищет работу.

– Если они узнают, что тут творится, ты никого не наймешь.

– Да какого черта! Точно такой же лагерь, как все.

– Я бывал в лагерях раньше – никакого сравнения с тем, что здесь.

– Постой-ка. Может, ты хочешь сказать, что я плохой управляющий?

Риз был зол, и Тейлор тоже разозлился. Они умолкли и стояли, не глядя друг на друга. Через несколько секунд молчания Дэл отошел к своей лошади.

Напоследок он сказал:

– Помяни мое слово: само собой тут ничего не уладится, если ты этим не займешься.

Он сел на лошадь и поскакал прочь. Пора было приступать к работе. Он и так уже опоздал, и работники, едва завидев его, стали наперебой выкрикивать свои лесные клички, так что все утро прошло в попытках наверстать упущенное время. Перед самым обеденным перерывом на их участке появился Нолан Браун с хакм в руке.

– Привет, Нолан, – сказал Дэл. – Что случилось? Что ты тут делаешь?

Тот ответил:

– Босс сказал, чтобы я шел вам помогать. Говорит, у вас людей не хватает.

– Не хватает, – согласился Дэл, – но разве ты ему самому не нужен?

– Нужен, наверное, но он послал меня сюда.

Что это Ворон такое задумал?

Дэл сказал:

– Пойдем, покажу тебе, где начинать.

Вместе с Ноланом он углубился в лес. Через несколько минут они вышли к тому участку, где раньше работал Кобб.

Риз ткнул пальцем вперед.

– Тут часть уже обработана – пояснил он. Начинай вот здесь и двигайся дальше в ту сторону.

– Ясно, босс.

– Не нужно меня так называть, – поморщился Риз. – Зови меня Дэл. Или Батлер.

– Нет, сэр, не могу.

– Никак тебя не уломать, да?

Нолан вздохнул:

– Так положено, вот и все. Чего тут еще спорить?

Дэл пожал плечами, достал учетную книжку и добавил «Поминай-как-звали» к списку кличек, где были и Экклезиаст, и Большая Шишка, и Сладкая Штучка, и Джин-Тоник. Поминай-как-звали скрылся в лесу, и через считанные секунды Дэлу уже пришлось отмечать его в книжке и раз, и другой. Проворный паренёк. Этак он еще сегодня добьет участок Кобба и перейдет на новый. Объезжая участки, Риз размышлял о том, как все-таки странно, что Ворон прислал ему работника. Но кто же поймет, что у него в голове? Нолан сам говорил: когда мать Суини появляется здесь, тот становится на себя не похож, и Дэл уже успел убедиться, что это правда.

К пяти часам они закончили дневную норму. До сумерек оставалась еще пара часов, однако Дэл скомандовал отбой. Рабочие как будто все еще не могли поверить, что такое возможно, и некоторые продолжали работу, пока десятник не велел им прекращать. Нолан бросил на него такой же недоверчивый взгляд, как в тот раз, когда Дэл сказал, что не пьет. Лес опустел, и Риз услышал, как в ветвях над головой зашуршали белки. Он достал ружье и прицелился. Уложил обеих: вторую белку ошеломили грохот выстрела и исчезновение подружки. Дэл забрал добычу и рысью погнал Руби к поляне, где работники забирались в повозку. Одну белку Риз отдал Экклезиасту, другую – Большой Шишке.

– Лучше тушеной белки ничего нет, – сказал он.

Экклезиаст согласился:

– Еще бы. Вот эта просто отличная.

Большая Шишка поднял белку за хвост, любуясь, а Нолан бросил на Дэла взгляд, словно говоривший: чересчур, мол, стараешься. Брауна было нелегко переубедить.

Дэл двинулся за повозкой верхом, думая о том, как там дела у Рэй Кобб, и надеясь, что, раз никто за ним не прибежал, значит, новости хорошие. Когда он подъехал к дому Риддлов, Корнелия, должно быть, уже поджидала его: она тут же открыла дверь, и на лице у нее читалось облегчение.

– Вы не поверите. Она пришла в себя.

Дэл в удивлении переспросил:

– Правда?

– Угу. Открыла свои зеленые глазищи пару часов назад. Поговорить я с ней толком не смогла, она уснула почти сразу, но сейчас вот опять проснулась.

Миссис Риддл знаком пригласила пройти за ней в комнату, и там была Кобб, как Дэл все еще мысленно ее называл. Она полулежала, опираясь на подушки, и вид у нее был такой, словно смерть все еще витает над ней, но Корнелия не оставляла своих хлопот, и на столике у кровати аппетитно поблескивал стакан свежего лимонада.

Корнелия склонилась над Кобб.

– Вот, золотце, попей еще.

Она поднесла стакан ко рту Кобб, и та отпила чуть-чуть. Корнелия поставила стакан обратно на стол, а Дэл так и топтался со шляпой в руках, не зная, что сказать. Если бы перед ним был прежний Кобб, парень, Риз бы уж как-нибудь нашелся. Но когда лежащая женщина бросила взгляд в его сторону, он только и смог выдать:

– Привет.

Она попыталась улыбнуться потрескавшимися губами, но, видимо, было больно, потому что она поморщилась. Голос у нее все еще был полудетский, хриплый, но легкий.

– Привет.

Дэл склонил голову, вертя шляпу в руках.

– Как ты себя чувствуешь?

Она пожала плечами, а потом закашлялась. Она все еще была очень слаба, и Дэл решил, что пора идти. Но он видел, что Кобб выкарабкивается, и у него стало легче на душе.

Риз пообещал:

– Корнелия о тебе позаботится.

Кобб кивнула.

Дэл направился к двери, но остановился и оглянулся на больную.

– Как тебя зовут по-настоящему?

Она затеребила край простыни, словно сомневалась, говорить или нет.

Наконец произнесла слабым голосом:

– Рэй Кобб.

Удивленный, он повторил за ней:

– Рэй Кобб.

Она снова кивнула.

– Смотри ты! Рэй Кобб и есть Рэй Кобб.

Дэл улыбнулся Корнелии, надел шляпу и вышел. На улице он поймал себя на том, что снова пытается уложить это в голове: тот, кого он знал как парня, на самом деле женщина. Красивая молодая женщина, несмотря на как попало остриженные волосы. В ней было очарование. Даже после всего, что ей пришлось пережить, сейчас не составляло труда увидеть ее в истинном свете, и она казалась Ризу привлекательной, очень привлекательной. В голове роились все те же вопросы: кто она такая на самом деле, где жила, какое у нее прошлое. Непростое, наверное. Не такой бы должна быть жизнь, но что поделаешь.

Он потрепал Руби по холке и высказал ей то, что было на душе:

– Эх, старушка, иногда я бы не прочь поменяться с тобой местами: знай себе не думай ни о чем, кроме того, когда тебе опять принесут корма и воды.

Глава 22. Рэй Линн

Первое время после того, как ее привезли к Риддлам, Рэй Линн была на грани жизни и смерти. Корнелия не отходила от нее, суетливо хлопотала рядом, и Рэй Линн, хоть и не открывала глаз, слышала ее и ощущала покой. Перед тем как выйти из комнаты, Корнелия всегда прикладывала руку ко лбу Рэй Линн. Ладонь у нее была прохладная. Успокаивающая. Райская. Корнелия заботилась о Рэй Линн, как о родной. Спорила из-за нее с мужем, который смотрел на больную так, будто недоумевал, что она здесь делает. Твердил, что с ней слишком много хлопот, что она отнимает у них с Корнелией слишком много времени.

– Отис, она же тебе ничем не мешает.

– Попробовала бы она еще мне мешать!

– Твой обед всегда на столе в одно и то же время. Ничего не поменялось. Ей нужен только покой.

Риддл уходил на крыльцо, пыхтя и ворча себе под нос, и они оставались вдвоем с Корнелией. Бедная женщина! Не самого завидного мужа она себе выбрала.

Иногда Корнелия бормотала вполголоса, будто сама с собой:

– Чего только не приходится от него терпеть. Как избалованный ребенок все равно!

Благодаря заботливому уходу здоровье возвращалось к Рэй Линн, и, достаточно окрепнув, она стала мучительно размышлять: что же ей теперь говорить, что делать? Наверняка ведь возникнут новые вопросы. Вряд ли Пиви разрешит ей остаться здесь, если она не сможет работать. Можно, конечно, сказать, что муж у нее скоропостижно умер и ей было некуда идти. И это даже чистая правда, но могут ведь спросить, почему же она не осталась там, где жила с мужем, в привычном окружении. Разве это не благоразумнее? То, что у нее нет родных, можно объяснить тем, что она росла в приюте, но после стольких лет жизни с мужем – где же его родственники или хотя бы знакомые? Те, кто мог бы ей помочь, чтобы ей не пришлось скитаться по дорогам, переодевшись мужчиной. Неужели у нее нет

никого из близких, на кого можно опереться? Почему она не нашла работу в своем городке?

Вопросы, вопросы...

Вдобавок ко всему много сил уходило на попытки удержаться и не заглядывать в темные уголки сознания, где хранился ее самый страшный секрет. Рэй Линн снова и снова прокручивала в памяти их последние минуты с Уорреном. Его слова. Ее слова. Ту долю секунды, когда она нажала на курок и тут же пожалела об этом, тут же захотела вернуть тот миг, когда пуля еще не вылетела из ствола. О Буче и его идиотской идее ей не хотелось думать ни секунды. Она не успела толком отгоревать, не успела подумать о том, как жить дальше. Не было времени. Она действовала по обстоятельствам, так, как казалось лучше.

Измученная этими мыслями, не могла Рэй Линн отогнать от себя и воспоминания о ящике. От них всякий раз перехватывало дыхание, хотя стоило только поднять глаза, чтобы увидеть за окошком сырой и теплый летний день. При мысли о нестерпимой жаре в тюрьме-парилке она скидывала с себя тонкую простыню. Воду она теперь пила без конца и все равно никак не могла утолить чудовищную жажду. А мучительнее всего был ужас оттого, что она перестала бороться, покорила судьбе. Тогда это ее не пугало, а сейчас – очень даже.

Боже, помоги!

Дэл Риз заходил часто. Пару раз рано утром Рэй Линн видела, как он стоит в дверях и смотрит на нее. Она лежала с полузакрытыми глазами, наблюдая из-под едва разомкнутых век за тем, как он ее разглядывает. Потом Риз выходил из комнаты, еще несколько секунд слышалось тихое журчание голосов, его и Корнелии, скрип двери – и Дэл исчезал. Следом появлялась Корнелия с тазом теплой мыльной воды и принималась обтирать Рэй Линн, которая в это время старалась смотреть куда угодно, лишь бы не на свою добровольную сиделку. Корнелия выполняла свою работу деловито и спокойно: надо – значит, надо. Через пару дней Рэй Линн уже могла стоять, когда Корнелия придерживала ее за талию. Корнелия усаживала неподпечную в кресло, расправляла простыни, ополаскивала ночной горшок и все это время без умолку болтала о каких-то пустяках. Оживленно рассказывала о летней жаре, о том, как поет та или иная птица, о том, что принесет

поест в следующий раз. Рэй Линн сидела молча и делала все, что ей говорили. Ей не хотелось доставлять Корнелии лишние хлопоты.

На четвертое утро в доме Риддлов Рэй Линн впервые заговорила сама. Было приятно снова обрести настоящий голос.

– Ты чувствуешь этот запах? – спросила она Корнелию.

Даже она сама слышала, как мягко звучит ее голос без странных грубоватых ноток, что были присущи Рэю Коббу.

Корнелия повернула голову и принялась. Тут же вытащила из-под кровати горшок и заглянула в него. Он был пуст.

– Я-то уж думала, забыла вылить. Нет там ничего.

– Я... не про то. Это... что-то другое. Здесь пахнет, как в...

На лице Корнелии читалось недоумение.

– Я чувствую только запах хот-догов, которые мы ели на завтрак.

И к которым ты почти не притронулась.

Рэй Линн опустила глаза, чувствуя, как тепло приливает к щекам.

– Должно быть, это у меня тут. – Она показала на свою голову.

– Ну-ну, – проворковала Корнелия. – Не волнуйся. После всего, что ты пережила, чего же еще ждать? Удивляться нечему. Ты просто потерпи. Вот поправишься, и это все тоже пройдет.

Она вышла, а через несколько минут вернулась с двумя вазочками, в которых стояли бледно-желтые цветы, обрамленными блестящими зелеными листьями. Одну вазу Корнелия поставила у кровати, а другую – на подоконник. Окно было открыто, чтобы в комнату проникал легкий ветерок.

– Чувствуешь, как пахнет?

Рэй Линн чувствовала.

– Люблю, как жимолость цветет.

– И я тоже, – улыбнулась Корнелия.

Рэй Линн не сказала ей, что к сладкому аромату примешивается все тот же запах, совсем как наяву. Она сама не понимала, почему он так упорно преследует ее. В ящике осталось что-то от тех, кто побывал там до нее, – их тоска и боль, их неистовое желание жить. Рэй Линн понимала их, ведь это были и ее чувства тоже. Она наверняка тоже оставила там частичку себя. Не только кровь и пот, лившийся с нее ручьями; не только осязаемые физически следы. Какая-то часть отделилась от нее и осталась там даже после того, как Рэй Линн

вытащил оттуда ее спаситель, Дэл Риз. Это была ее кара за то, что она сделала.

На пятое утро Корнелия вошла в комнату с улыбкой, готовая к дневным трудам, но в этот раз вместе с ней вошел он. Рэй Линн мгновенно натянула простыню до самого подбородка и уперлась взглядом в спинку кровати.

Риз сказал:

– Доброе утро.

Рэй Линн чувствовала себя неловко – в постели и вообще... Она лишь наклонила голову в знак приветствия, почти незаметно.

Он заявил:

– Мне тут пришла в голову одна идея. Тут дела на пару секунд.

И принялся за работу: стал сооружать из бечевки шнур. Привязал его к столбику кровати, стоя так близко, что Рэй Линн пришлось отклониться в сторону. Бросил моток бечевки за окно и вышел сам. Затем Рэй Линн увидела, как Риз, надев катушку на большой палец, идет к магазину, разматывая бечевку на ходу, и ставит катушку на окно на расстоянии футов в пятьдесят от дома. Рэй Линн подалась вперед, чтобы видеть, что он там делает. Несколько секунд – и Дэл уже был в магазине и стоял у окна. Он помахал рукой, и Рэй Линн поспешно откинулась назад. Она увидела, как бечевка задергалась, слегка натянулась, и через минуту в комнату вошла улыбающаяся Корнелия.

– Он прицепил другой конец на крючок, а на него повесил колокольчик, – пояснила она. – Я сейчас пойду туда, а когда махну тебе из окна, ты тяни за свой конец.

– Ладно, – ответила Рэй Линн.

Когда Корнелия встала у окна и помахала рукой, в точности как только что Дэл Риз, Рэй Линн дотянулась до шнурка и тихонько дернула. В утренней тишине раздалось чуть слышное звонкое «динь-динь». Рэй Линн увидела, что Корнелия торопливо идет обратно через двор, а за ней сердито топает сапогами Отис. «Ой-ой-ой!» – подумала Рэй Линн.

Корнелия вбежала в комнату и сказала:

– Работает как часы.

Почти в ту же секунду в комнату вломился ее муж.

– Это еще на кой? – Он указал на бечевку, обмотанную вокруг столбика кровати.

– Это на случай, если я ей понадобится, – сообщила Корнелия.

– Женщина! Ты в своем уме? Не хватало еще бегать на ее звонки во время работы. Пора бы понимать, что дело прежде всего.

– Отис, милый, это же только на случай чего-то неотложного.

– Например?

Корнелия бросила взгляд на Рэй Линн, и лицо у нее порозовело.

– Всякие женские дела, Отис.

– О, черт. Не хочу об этом слышать. – Он вышел за дверь, но перед этим рывкнул: – Неотложное дело у нее одно: встать с постели и начинать отрабатывать свой хлеб. У меня подсчитано, сколько она мне должна.

– Да когда она успела задолжать-то?

– Не огрызайся мне тут!

– Хорошо, милый.

– Пускай или делом займется, или убирается отсюда.

– Хорошо, милый.

Риддл вышел, хлопнув дверью, а Корнелия повернулась к Рэй Линн, сидевшей на кровати. У той лицо стало как у ребенка, готового вот-вот расплакаться, и она все теребила обрубок пальца. Корнелия села рядом, наклонилась к ней и погладила по руке.

– Ну-ну, золотце. Не расстраивайся из-за него. От него больше шума, чем дела: лает, да не кусает. В отца пошел – тоже был тот еще сварливый старый мерин.

Рэй Линн в ответ легонько тронула Корнелию за руку, на которой виднелись три круглых, неровно зарубцевавшихся шрама.

– Довольно крепко кусает, по-моему.

Корнелия, в свою очередь, посмотрела на руку Рэй Линн. Тронула культю на месте пальца.

– А это откуда?

Рэй Линн быстро отдернула руку. Спрятала ее под простыню.

– Несчастный случай. Много лет назад.

Корнелия вздохнула:

– Это все равно. Жизнь оставила на нас свои следы; по ним можно судить, что мы повидали, вот и все. – Она откинулась на спинку и стала разглядывать Рэй Линн, склонив голову к левому плечу. – А я-то принимала тебя за мужчину! Еще подумала, когда принесла тебе пирог: по сравнению с другими он очень даже милый.

Рэй Линн слегка улыбнулась.

– Ну, мне, наверное, надо было догадаться, что это не очень-то умно. Теперь мне наверняка скажут убираться отсюда, и как можно скорее.

– Об этом пока не тревожься. С управляющим можно договориться. Другое дело – Ворон. Вот из-за кого надо беспокоиться. Воображает, что он тут главный.

Рэй Линн вздрогнула при мысли о Вороне, о том, что придется снова с ним столкнуться. Может быть, он теперь будет вести себя иначе, но это как-то сомнительно.

Она сказала:

– А может, управляющий скажет: сама виновата. Ну, что наврала ему, и все такое.

Корнелия смотрела на нее понимающе.

– Наверняка у тебя были свои причины. Мы всегда делаем то, что вынуждены делать, иначе нельзя, правда?

Мы, женщины, – вот что Корнелия хотела сказать. Именно женщинам чаще всего приходится гнуться, иногда до тех пор, пока не сломаешься. Или пока тебя не сломают. В эту минуту Рэй Линн всем сердцем поверила, что они с Корнелией отлично поладят. Она мгновенно почувствовала родство. Пожалуй, надо хотя бы рассказать ей о себе. Она же все понимает. Кажется, ей можно доверять, и они уже стали подругами.

Рэй Линн спросила:

– Хочешь знать, как меня зовут?

Корнелия улыбнулась:

– Ну и дела. Так ты не Рэй Кобб?

Рэй Линн поерзала на кровати.

– Вообще-то да, но полное имя – Рэй Линн. Рэй Линн Кобб.

Собеседница разулыбалась еще шире:

– Вот это да.

– Ты зови меня Рэй Линн.

– Ладно. – Корнелия поднялась с кресла и остановилась у двери. – Если что-нибудь понадобится, дергай за шнур. А к ужину я приду и принесу тебе поесть.

– Ладно.

Еще через пару дней они вошли в некий ритм, и Корнелия больше не приставала с вопросами. Рэй Линн начала понемногу вставать и ходить по дому – в ночной рубашке новой подруги, которая висела на ней мешком и доходила почти до пола: Корнелия была повыше ростом и на несколько фунтов потяжелее. Поначалу Рэй Линн могла добраться только до кресла и почти сразу возвращалась в постель, но вот настал день, когда она почти все утро просидела в кресле у окна, наблюдая за тем, что происходит в лагере. Она была уже в состоянии сама ухаживать за собой и чувствовала себя почти здоровой. Ей хотелось одеться, но ее одежды нигде не было видно. Она пошла осмотреть заднюю часть дома, где обнаружила таз для стирки и стиральную доску. На веревке сушилось несколько рубашек Отиса; платье Корнелии, сшитое из того самого отреза, в котором ее муж прожег дыру, висело тут же. Рэй Линн хотела было снять его с веревки и надеть, чтобы выглядеть прилично, но подумала, что это будет невежливо. Корнелия может подумать, что она считает себя вправе взять платье, потому что заплатила за него. В итоге она осталась пока в рубашке.

Поздно вечером Корнелия пришла из магазина и застала Рэй Линн на кухне, в фартуке, повязанном поверх ночной рубашки, занятую приготовлением ужина. Корнелия всегда приходила домой чуть раньше Отиса, чтобы успеть приготовить еду, пока тот заканчивает дела в магазине. Она остановилась в дверях с полными руками продуктов: мешком муки, сахаром и бобами, которые несла в кладовую.

– Да боже ты мой! – удивленно воскликнула она. – Поглядите-ка! Тебе же нельзя, ты еще не поправилась!

Рэй Линн принесла от плиты блюдо с жареным вяленным окороком, вытерла пот со лба и встала у накрытого стола, уперев руки в бока.

– Я прекрасно себя чувствую, – заявила она.

– Ну что тут скажешь! Ты приготовила окорок, рис с томатным соусом и горошек. А бисквиты-то какие – высокие и пушистые, как облачко! Выглядит просто отлично.

– Я уже с ума начала сходить без дела, – призналась Рэй Линн. – Мне в радость снова готовить. Раньше я всегда...

Она умолкла и прикрыла рот рукой. На нее вдруг снова нахлынула черная тоска: вспомнились их с Уорреном совместные ужины. До сих пор она не позволяла себе об этом вспоминать. Корнелия смотрела на нее вопросительно.

– Всегда... что?

Рэй Линн тяжело сглотнула.

– Готовила.

Подруга взглянула на нее пристальнее.

– Тебе плохо? У тебя расстроенный вид. Может, переутомилась?

– Я... Я просто вспомнила, как приятно было готовить для кого-то еще, не для себя одной.

– И у тебя отлично получается, как я погляжу.

– Корнелия...

Та с довольным видом подошла к столу.

– А?

– Где моя одежда? Мне было бы гораздо удобнее, если бы было во что одеться.

– Я бы тебе подыскала что-нибудь, знай я, что ты так скоро встанешь с постели, – ответила Корнелия. – Твои вещи пришлось сжечь. Я не могла их отстирать: у тебя же месячные начались, помнишь? Пятно никак не отстирывалось. И на рубашку сзади тоже попало. Ты уж прости.

– Может, у вас в магазине найдется что-нибудь подходящее?

Не говоря ни слова, Корнелия направилась в заднюю часть дома, где сушилось белье, подошла к платью, которое сшила сама, и сняла его с веревки. Как будто прочитала мысли Рэй Линн.

– Пусть твое будет. Ты же все равно за него платила.

Рэй Линн вскинула руки:

– Нет! Я не могу его взять.

Корнелия приложила платье к плечам Рэй Линн и пробормотала, как будто рассуждая сама с собой:

– Пожалуй, немного ушить надо. Ты ведь поменьше меня.

– Корнелия, а ты, случайно, не проверила карманы моего комбинезона перед тем, как сжечь?

Корнелия все вертела в руках платье, прикидывая, как его подогнать по фигуре, но остановилась, услышав тревожные нотки в голосе Рэй Линн.

– Нет, а что?

Рэй Линн опустила голову. Последние деньги пропали.

– Ничего, – сказала она. – Я подумала, не оставила ли там кое-что, но теперь припоминаю: кажется, дома лежит, в номере сорок четыре. Наверное, пора решать, что мне делать дальше. Поговорить с Пиви. Не могу же я жить в секции для холостяков, теперь-то уж никак.

– Ну нет, нельзя тебе уходить! – возразила Корнелия. – Я как раз думала: ты же можешь помогать мне по дому, вот как сегодня. Я была бы ужасно благодарна. По крайней мере, пока ты не решишь, что делать дальше.

Будь Корнелия единственной хозяйкой в доме, Рэй Линн согласилась бы не раздумывая, но ее смущал Отис и то, как он обходится с женой. Удастся ли Рэй Линн не обращать на него внимания? Работа, конечно, сильно выручила бы ее сейчас. Корнелия была, кажется, разочарована тем, что Рэй Линн не торопится с ответом, и та поспешно пояснила:

– Не уверена, что эта идея понравится всем.

– А-а. Ты про Отиса.

Рэй Линн бросила на нее виноватый взгляд.

Корнелия предложила:

– Посмотрим, что он скажет, когда попробует то, что ты приготовила. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Это моя мама так говорила.

Вот в этом-то и беда. Хорошо, когда у мужчины есть сердце, а если нет? Впрочем, эту мысль Рэй Линн оставила при себе.

Глава 23. Дэл

Десять дней прошло с тех пор, как он вытащил ее из этого ада, не зная, доживет ли она до рассвета. Вскоре она быстро пошла на поправку, и когда Дэл понял, что она будет жить, его мысли снова вернулись к работе. Мало-помалу он начинал привыкать к своим людям, а они к нему. Со временем подружки и работать стали усерднее. Дэл разузнал их имена, имена их жен и переписал в учетную книжку. Экклезиаст – Бофорт Пинделл, жена Говардена. Большая Шишка – Гарольд Фуллер, жена Минни. Сладкая Штучка – Хорас Паркс, жена Лорна. Джин-Тоник – Роджер Робисон, жена Фейт. Пока он расспрашивал, работники поглядывали на него с любопытством. Ему хотелось знать их настоящие имена, это казалось естественным и необходимым. Вне работы Риз всегда обращался к ним по имени.

Он подстрелил несколько белок и пару опоссумов и раздал рабочим, а однажды, после долгого жаркого дня, наловил целую гору лещей в одном из прудов, которых было множество вокруг лагеря. Столько рыбы ему было не съесть, и он завернул в хижину Сладкой Штучки. Домишко весь, от крыши, покрытой хлопающей на ветру просмоленной бумагой, до стен, сбитых из деревянных планок, выглядел таким хлипким, что, казалось, вот-вот рухнет. В стенах зияли большие щели, заткнутые бумагой и еще какой-то дрянью, и Дэл был уверен, что зимой тут будет немногим теплее, чем на улице. Сладкая Штучка сидел на чурбаке под сосной и курил сигарету.

Дэл окликнул его:

– Эй, Хорас, я тут рыбки раздобыл. Хочешь?

Тот встал.

– Лорна как раз только что говорила: почему бы мне не пойти да не наловить нам рыбы.

Вышла Лорна, вытирая руки полотенцем.

– Здравсьте, мистер Дэл.

Риз протянул ей рыбу:

– Вот, лещей вам принес, свеженьких – только что поймал.

Лорна спустилась с крыльца.

– Вот спасибо-то. Не останетесь ли с нами поесть? Я и лесное рагу приготовлю.

Дэл улыбнулся.

– Вот это я последний раз пробовал еще мальчишкой. Останусь, пожалуй.

Он уселся на другой чурбак рядом с Хорасом, и они принялись чистить рыбу. Мимо проходил Нолан. Он, ни слова не говоря, прикатил чурбан из дровяника, уселся и присоединился к ним. Все трое работали молча, а Лорна тем временем бросила куски сала в черный котелок и развела костер. Когда огонь разгорелся, она обваляла сало в кукурузной муке и стала жарить, подливая в котел кукурузное тесто. В ожидании ужина Дэл, Нолан и Хорас беседовали под соснами о погоде и о работе. Наконец Лорна подала рыбу, по две штуки на оловянных тарелках, и беседа прервалась: мужчины тут же набросились на еду. Лорна поставила на деревянный ящичек перед ними лесное рагу – блюдо из дичи, лука и кукурузного хлеба, а в придачу еще несколько соленых огурчиков. Проглотив кусочек рыбы, Дэл всякий раз заедал его огурцом и хлебом, а затем подцеплял вилкой рагу.

Наконец он отставил тарелку и сказал:

– Кажется, такой вкуснятины я не ел с тех самых пор, как пришел сюда.

Хорас похвастал:

– Лорна у меня мастерица готовить.

– Здорово вкусно, – похвалил Нолан.

Лорна обратилась к Дэлу:

– Мы очень благодарны, что вы о нас позаботились.

Нолан вскинул голову.

– Это ты, что ли, рыбы наловил?

– Ну да, – ответил Риз.

Нолан больше ничего не сказал, и разговор перешел на истории о рыбалке. Самую интересную рассказала Лорна:

– Мой отец как-то поймал сома с меня ростом, мне тогда еще и пяти лет не было. Вся семья одной рыбой наелась – а это вам не шутки, у мамы-то, кроме меня, еще десятеро ребятишек было.

Они рассказали еще несколько историй, а потом Дэл надел шляпу и встал.

– Посидел бы еще, – сказал он, – да нужно же и поспать хоть немного. Спасибо за ужин.

Другие остались сидеть и разговаривать, а он пошел домой, и его мысли снова свернули к Рэй Кобб. Никак она не шла у него из головы. Слишком часто он о ней думал, и всегда с каким-то странным чувством: никак не мог привыкнуть к мысли, что она не та, за кого он ее принимал. Навестить ее, что ли, подумал он. Может, тогда все это как-то уложится в голове.

На неделе, во время обеденного перерыва, он заехал к Риддлам верхом на Руби. Корнелия во дворе развешивала белье. Увидев Дэла, она прервала работу и подошла к нему.

– Все хорошо у нее, – сказала она.

– Рад это слышать, – кивнул Дэл.

Корнелии не пришлось больше ничего говорить: из-за угла дома, где у Риддлов был огород, появилась сама Рэй Кобб. Сразу было видно, что она уже оправилась после пережитого и чувствует себя лучше. Дэл с первого взгляда приметил кое-какие мелочи. Чисто вымытые волосы блестели, а стрижка до середины ушей напомнила ему фотографии модных девиц в женских журналах. Кобб взглянула на него, и он поразился яркой зелени ее глаз, отметив заодно, что и губы у нее уже зажили. Теперь они были не воспаленно-красные, а розовые – как лепестки дикой розы, которую его мама как-то вырастила под окном их дома в округе Блейден. Риз потер ладонью лоб, недоумевая, почему ее губы вдруг навеяли ему такие сравнения.

В руке у Рэй Линн была корзинка с собранными бобами. Подойдя к крыльцу, она кивнула и совершенно непринужденным тоном поздоровалась:

– Привет.

Дэл дотронулся пальцами до полей шляпы, и рот у него растянулся в дурацкой ухмылке. Рэй Линн стала перебирать бобы, напевая вполголоса какую-то мелодию, и через несколько секунд Риз поймал себя на том, что все еще улыбается. Он согнал улыбку с лица и откашлялся.

– Как поживаешь, Рэй Кобб?

Корнелия хихикнула:

– Скажешь ему?

Рэй Кобб перестала перебирать бобы.

– О чем?

– Как тебя зовут.

Дэл был озадачен.

– Так ты не Рэй Кобб?

Она снова занялась бобами: выбирала подгнившие и бросала с крыльца, слегка хмуря брови за работой. Платье Корнелии было ей слишком велико и собиралось в складки.

Наконец она сказала:

– По-настоящему меня зовут Рэй Линн Кобб. Зови меня Рэй Линн, если тебе так нравится.

Риз снова разулыбался.

– Еще как нравится. Тебе здорово идет.

Теперь, без шляпы, которая была ей великовата, и мешковатого комбинезона, она была просто красоткой. Дэл опять поймал себя на том, что глупо ухмыляется, глядя на нее, но Рэй Линн не ответила ему улыбкой. Ее взгляд скользнул по нему, а потом сделался каким-то далеким, словно ее отвлекли собственные мысли.

Дэл много думал о том положении, в котором она оказалась.

– Знаешь, не выйдет у тебя толку из этой затеи – в лесу работать, – сказал он.

Она поджала губы, словно была недовольна его замечанием.

– Я и сама вижу.

Корнелия тихонько вставила:

– Я сказала ей, что она может остаться у нас, помогать по дому.

Руки у Рэй Линн замерли.

– Этого мало, чтобы отплатить тебе за твою доброту. Ты столько для меня сделала.

– Мне и в магазине помощь не помешает, если ты готова работать с Отисом.

Дэл успел заметить, как Рэй Линн улыбнулась Корнелии, прежде чем опустить голову.

– После всего, что было, я уже на что угодно готова, тебе не кажется?

Риз подумал, что впервые видит ее такой.

Корнелия усмехнулась в ответ, затем посерьезнела.

– Даже не сомневаюсь. Но пока что тебе нужен покой.

Дэлу не хотелось уходить, но его ждали в лесу.

Он сказал:

– Мне пора на работу. Денек будет долгий и жаркий.

– Лето за середину перевалило, – кивнула Корнелия. – Это всегда самое тяжелое время.

Руби терпеливо стояла под сосной, смахивая хвостом мух со спины. Забравшись в седло, Дэл оглянулся. Рэй Линн деловито лушила бобы, как будто никакого Дэла тут и не было. Он вынужден был признаться себе, что это его задело. До сих пор у него никогда не было трудностей ни с тем, чтобы привлечь к себе внимание женщин, ни с тем, что за этим вниманием следовало. Правда, теперь-то у него беда по этой самой части. Уже в лагере он пару раз пытался помочь себе с тем, что должно бы происходить само собой, и обе попытки закончились неудачей – как и в тот раз, когда он хотел развлечься с девушкой в магазине. Но думать об этом не хотелось. Не хотелось и торопить события в этой новой истории – с Рэй Линн Кобб.

Однако теперь он стал чаще бывать в магазине в надежде увидеть ее хоть мельком. Уже на следующий день после их встречи он зашел туда под предлогом, что ему нужно купить свинины, надеясь встретить Рэй Линн на крыльце или во дворе, где можно будет с ней заговорить. Но ее нигде не было, а за прилавком стоял только Отис. Он отрезал мяса, записал в счет, и поводов торчать в магазине больше не осталось. Дэл хотел спросить о Рэй Линн, но Риддл был еще злее обычного, так что пришлось уйти. На следующий день он решил, что ему необходимы рыбные консервы.

– Только что распродали, – буркнул Отис.

На следующий день Риз пришел снова, будто бы за консервированными персиками, и по поведению Отиса было заметно, что Дэл начинает его раздражать. Попытки увидеться с Рэй Линн были разорительны финансово, но Дэла это мало волновало. Раз уж он все равно был здесь, то решился спросить:

– А мисс Кобб где?

Отис не успел ответить: в задней части магазина хлопнула дверь, и через несколько секунд появилась сама Рэй Линн, а следом – Корнелия. У обеих в руках были ящики с картошкой, и обе слегка перепачкались землей.

– Что вы там столько возились? – буркнул Отис. – Долго ли дойти до погреба да набрать пару картофелин? Корнелия! Я сказал: вон туда

поставь.

– Нечего кричать, Отис, я и так слышу, – сказала Корнелия. – А, мистер Риз, как поживаете?

Муж бросил на нее взгляд, полный отвращения, и повернулся к Ризу:

– Черт бы побрал этих баб. Мозгов меньше чем у репы.

Дэл готов был поклясться, что слышал, как Рэй Линн пробормотала что-то вроде: «Кто бы говорил», но с уверенностью сказать было трудно.

Вид у нее был какой-то невеселый, и она ни слова ему не сказала. Потом женщины снова ушли и унесли с собой пустые деревянные ящики.

Отис крикнул им вслед:

– И сладкие пирожки тащите сюда! Их тоже нужно разложить на полки! – Он ткнул пальцем вслед Рэй Линн, когда она выходила из комнаты: – Если так пойдет и дальше, она мне еще кучу денег должна останется за то, что я ее приютил и кормлю со своего стола.

Дэл поднял брови:

– Как это?

– А так, что ей это стоит два доллара в неделю за комнату и пятнадцать центов за еду. Тут же не какая-нибудь тесная лачуга вроде той, где она жила раньше. Приличный дом, и гостиная есть, и все такое.

– Как-то нечестно все-таки.

– Нечестно? Я уже говорил: тут ей не пансион. Нам лишнее неудобство.

Дэл не мог себе представить, какие такие неудобства Отис испытывает из-за того, что две женщины послушно пляшут под его дудку.

Он быстро прикинул в уме и сказал:

– Выходит пять с лишним долларов в неделю. А сколько ты ей платишь за работу?

– Пятьдесят центов в день.

Это было меньше, чем она зарабатывала на подсочке. Впрочем, неважно: владелец магазина устроил дело так, что она в любом случае осталась бы у него в долгу. Справедливости тут не было никакой, но что Дэл мог сказать? Все они по уши в долгах, такие уж порядки в

этих лагерях. Женщины вернулись и сразу же принялись выгружать из ящиков батат. Вот бы поговорить с Рэй Линн наедине – спросить, что она думает об их уговоре с Отисом. Судя по ее поведению, она была не очень-то довольна, зато Корнелия, похоже, радовалась. Она все время держалась бок о бок с Рэй Линн, и Дэл видел, как они общаются без слов: жест, взгляд, кивок или покачивание головой. Загадочные все-таки существа эти женщины. Риз ушел из магазина, пока Отису не взбрело в голову снова продемонстрировать свою власть к неловкости всех остальных.

Уже в дверях Дэл сказал:

– Приятного вечера, дамы.

Корнелия ответила за обеих:

– И вам того же.

Разочарованный и раздосадованный, сам не зная чем, Дэл неторопливо зашагал домой. Там он заметил мать Ворона, сидевшую на крыльце. Ему хотелось поскорее остаться одному и заняться своими делами, но он чувствовал себя обязанным что-то сказать: его всегда учили уважать старших. Все-таки этому типу она мать.

– Добрый вечер, мэм.

Та на него и не взглянула. Как будто он мертвый. Из дома вышел Ворон, которого Дэл не видел с тех пор, как нашлась Рэй Линн Кобб. По этому поводу между ними еще не все было сказано. Ворон же не преминул напомнить о своем одолжении, пусть и незначительном:

– Как там справляется тот работник, которого я послал?

– Отлично. Быстро.

Риз ждал, что Суини хоть словом упомянет о женщине, которую чуть не убил; может, поинтересуется, как у нее дела. Неловкое молчание затянулось на несколько секунд.

Дэл проговорил с ноткой изумления в голосе:

– Даже и не спросишь?

– Про что?

– Про нее – ну, про ту женщину, которую ты засунул в ящик.

– Слыхал, она в магазине работает. Что тут спрашивать?

– Ты ее чуть не убил.

– Наверное, ей надо было думать о последствиях, когда она явилась сюда в таком виде. Сама напросилась, как по мне.

Суини перевел взгляд на женщину, безмолвно сидевшую рядом с ним. Если у Ворона глаза были темные, то у нее и вовсе как чугунная сковородка: такие же черные, такие же жесткие. Решив, что пора кончать эту странную беседу, Дэл распахнул дверь. Не станет он благодарить Ворона за то, что тот послал к нему на работу Поминай-как-звали. К черту эти церемонии.

Ворон окликнул его:

– Как думаешь, зачем женщине так делать? Одеваться мужчиной и вести себя как мужчина. Что-то тут есть ненормальное.

Дэл помолчал. Все, чего ему хотелось, – поесть и, может быть, посидеть немного на заднем дворе, подальше от этих двоих, чтобы немного расслабиться перед сном.

– Кому какое дело? – бросил он.

– Должна же быть причина. Надо бы последить за этой бабой.

– Она уже расплатилась сполна, тебе не кажется?

– Может, она из этих, чокнутых. Ошибка природы, вроде двухголовой козы.

Дэл повысил голос:

– Оставь ее в покое. Она и так чуть не умерла. Мало тебе?

– Ах-ха-ха! – загоготал Ворон. – Смотри-ка ты! Кого-то, похоже, за живое задело. Что такое, Батлер? Запал на нее, что ли? Она в твоём вкусе, да? Черт, может, и мне стоит к ней присмотреться?

Мать Суини встала так резко, что стул упал с грохотом, и ушла в дом, хлопнув дверью. Ворон потер шею и издал какой-то странный смешок.

Дома Дэл достал мясо, картошку и кукурузный хлеб, который испек вчера вечером. Приготовил ужин, подогрел остатки утреннего кофе, и когда уже собрался сесть и поесть хорошенько, в дверь постучали. Дэл поник головой и вздохнул. Хоть бы не Ворон! Не было настроения слушать всякие глупости. Он подождал, надеясь, что гость уйдет. Стук повторился. Дэл недовольно встал, выглянул в окно, увидел, кто там, и поспешно открыл дверь. Рэй Линн Кобб и Корнелия Риддл широко улыбались ему, и обе пришли не с пустыми руками. Корнелия протянула две банки тушеной окры и две банки фасоли и сказала:

– Вот, недавно сделала. Маленькая благодарность вам за помощь.

Рэй Линн добавила:

– И это тоже для тебя, хотя я тебе обязана гораздо большим, чем этот несчастный пирог. Ты мне жизнь спас.

– Не нужно было ничего приносить, – смутился Дэл. – Не за что благодарить. Любой бы так сделал на моем месте.

Рэй Линн переглянулась с Корнелией и возразила:

– Не любой.

– Вот именно, – подтвердила Корнелия.

– Входите, входите, – пригласил Риз. – Я как раз собирался перекусить.

Они вошли и поставили дары на стол. Дэл немного стеснялся своего скудного угощения, но чувствовал, что должен предложить им хотя бы чего-нибудь попить.

Он указал на кофейник:

– Не желаете ли? Я мигом сварю.

Корнелия покачала головой:

– Хорошо бы, но нам пора домой, пока Отис нас не хватился. Он остался закрывать магазин, а мы быстренько сюда.

– Ну что ж, спасибо вам большое, – улыбнулся Дэл. – Я уж знаю, что будет вкусно.

– Это все Рэй Линн придумала, – сообщил Корнелия.

Дэла обрадовали эти слова, но, когда он повернулся к Рэй Линн, та была необычайно заинтересована носками своих ботинок. Она надела их с платьем, взятым у Корнелии, и Дэлу нравилось, как она выглядит.

– Нам пора, – сказала Корнелия.

Женщины ушли, и Риз долго смотрел, как они, взявшись за руки, спешат прочь в сумерках, плечом к плечу, о чем-то перешептываясь на ходу. Когда он повернулся, чтобы идти в дом, то заметил на крыльце Ворона. Тот тоже смотрел вслед женщинам – с таким видом, будто увидел что-то нехорошее.

Он махнул рукой в их сторону:

– Вот про что я говорил. Про это самое.

– Про что? – спросил Риз.

– Что-то странное между ними происходит.

– Кто бы говорил, – буркнул себе под нос Дэл.

Он ушел в дом и захлопнул дверь – в досаде на этого человека и на его привычку делать проблемы из ничего.

Глава 24. Рэй Линн

Рэй Линн понимала, что должна благодарить судьбу. Она могла бы сейчас сидеть за рулем еле живого грузовика и ехать снова искать работу. А теперь у нее есть и крыша над головой, и еда. Было раннее утро, четверг, и Корнелия отправилась вместе с Рэй Линн в номер сорок четыре, чтобы помочь перенести ее немногочисленные пожитки. Корнелия вошла внутрь и огляделась.

– Спорю, тебе тут все пришлось до дыр выскоблить, чтоб хоть как-то жить можно было.

Рэй Линн стягивала простыни с жалкого тюфяка.

– Ты себе не представляешь, – сказала она.

Подруга пригляделась к оборкам на постельном белье.

– Ух ты! А он мастер вышивать, этот Рэй Кобб.

Они посмеялись над этой шуткой, а позже, уже в доме Риддлов, Корнелия, проходя мимо Рэй Линн с охапкой белья, сказала:

– Замечательно, что ты решила жить у нас.

Рэй Линн, которая готовила обед, слегка улыбнулась:

– Я тебе очень благодарна.

– Нет, правда. Ты самая большая радость в этом доме с тех пор, как мама прислала мне деньги на автобус через несколько месяцев после нашей с Отисом свадьбы.

Руки у Рэй Линн были перепачканы мукой: она вырезала пустой консервной банкой кружочки из теста для бисквитов. После слов Корнелии она замерла и стала смотреть в окно с мечтательным выражением лица.

– Надо же, – протянула она. – Я никогда не ездила на автобусе. Интересно?

– Не знаю. Я не поехала.

– Почему?

Корнелия пожала плечами.

– Я написала маме, когда приеду. И про мужа рассказала, про то, какой он, и написала, что хочу приехать не просто в гости. Я хотела вернуться домой – насовсем, понимаешь? Мама прислала ответ и там почти что напрямую сказала: не приезжай. Посоветовала купить себе

на эти деньги что-нибудь нарядное. Мол, мое место теперь рядом с мужем. Ох, Рэй Линн! Ну как это можно: сегодня перед тобой один человек, а назавтра – совсем другой, незнакомый? Отис же не всегда был такой, по крайней мере не сразу таким стал. Он изменился, когда я о нем кое-что узнала.

– Да? Что?

Подруга молча переложила стопку белья. Рэй Линн не стала настаивать на ответе и снова принялась вырезать бисквиты.

– Ну что же, – сказала она наконец, – ты, я думаю, не первая оказалась в таком положении. И наверняка не последняя.

Корнелия вздохнула.

– Это уж точно. Слушай, Рэй Линн...

– А?

– Что тебя заставило приехать сюда и выдавать себя за мужчину? Откуда ты вообще? Что с тобой случилось?

Рэй Линн ответила осторожно:

– Мне нужны были работа и жилье.

Корнелия окинула ее испытующим взглядом. Рэй Линн сделала вид, будто речь идет о чем-то совершенно обыденном.

– Но ты же и женщиной могла наняться куда угодно. Как-то странно, по-моему. Да еще и на подсочке пытаться работать.

Рэй Линн ответила с притворной беспечностью:

– Придет время – расскажу.

Корнелия подождала еще немножко, а потом вышла с бельем на заднее крыльцо. Рэй Линн слышала, как она наливает воду. Выглянув в окно, она увидела, как женщина раскладывает их с Отисом простыни возле большого черного котла. Был четверг, а стирку они в последний раз устраивали совсем недавно, в понедельник.

Корнелия вернулась и сказала:

– Замочила пока.

– У тебя что... это?

Корнелия покраснела.

– Нет.

Она принялась мыть посуду, оставшуюся после завтрака, а Рэй Линн тем временем раскладывала на противне последние бисквиты. Она поставила их в духовку, а затем встала рядом с подругой и начала вытирать тарелки. У Рэй Линн были свои подозрения насчет того, что

произошло с постелью, но если Корнелия не хочет рассказывать, это нужно уважать.

Рэй Линн начала:

– Я уже говорила: я тебе очень благодарна, Нелли. Можно называть тебя Нелли? Боюсь только, как бы мне не влезть в такие долги, что за всю жизнь не расплачусь.

Корнелия взглянула на Рэй Линн повлажневшими глазами.

– Меня так только мама называла, – пробормотала она.

Слова Рэй Линн о долгах она оставила без ответа. Хватит того, что Отис без конца напоминает об этом, практически помыкая помощницей. Саму Корнелию муж в последнее время не обижал. Он по-прежнему покрикивал на нее, на них обоих, но новых синяков или следов от ожогов на руках подруги Рэй Линн пока не видела. Ей только хотелось, чтобы Корнелия была осторожнее и не дерзила. Присутствие Рэй Линн как будто придало ей смелости. Она начала даже передразнивать Отиса у него за спиной, когда он чем-нибудь хвастался. Недавно он рассказывал Рэй Линн, как однажды голыми руками убил двадцатифутового аллигатора. Корнелия закатила глаза и развела руки в стороны на два фута, показывая настоящий размер.

– Надо же, – отозвалась Рэй Линн, изо всех сил стараясь сохранять серьезность, чтобы не выдать Корнелию.

Отис чуть ума не лишился от радости, что она заинтересовалась его рассказами, и разошелся еще больше.

– Да, а потом я...

Отис обожал слушать самого себя. Повествование о его подвигах длилось до тех пор, пока у Рэй Линн не заломило в висках, а Корнелия не решила подать голос:

– Отис, милый, поздно уже. Прибереги свои истории для другого раза.

Он побагровел и надулся. Рэй Линн забеспокоилась: как бы Корнелии не пришлось раскаяться. И правда: на следующий день она была в платье с длинными рукавами, хотя жара стояла невыносимая.

Рэй Линн показала на рукав:

– Нелли, он не?..

Корнелия тут же перебила ее:

– Хотела тебе вчера сказать: некоторые консервы нужно убрать с полка в кладовую.

Рэй Линн не стала дальше расспрашивать. Вечером Отис проехался по внешности Корнелии:

– Черт подери, женщина. Ну и видок у тебя – как у старой спущенной шины. – Он хлопнул ладонью по столу и разразился смехом, больше похожим на собачий лай.

Рэй Линн видела, как плечи у подруги поникли, словно Отис навалился на нее всем своим весом.

– Да, милый, – сказала Корнелия.

Муж передразнил ее:

– Да, милая. Смотреть на тебя тошно.

Он снова принялся за еду, а Рэй Линн захотелось дать ему пощечину. Невозможно было понять, как Корнелия это терпит.

Наутро, когда Корнелия вышла из спальни, еле передвигая ноги, с синими браслетами синяков на запястьях, Рэй Линн охватил гнев, но внешне она осталась спокойной.

С тревогой в голосе она проговорила:

– Нелли...

– Ничего такого, – заверила Корнелия. – Не говори ни слова, Рэй Линн!

Рэй Линн в волнении вскинула руки.

– Но какое он имеет право так с тобой обращаться!

Несколько минут спустя Отис вошел на кухню с самодовольным видом, застегивая на ходу штаны. Страх, отразившийся на лице подруги, заставил Рэй Линн замолчать. Весь день Корнелия была в подавленном настроении. В полдень она опустила голову в кресло и уронила голову на руки.

– Устала ужас до чего, а еще простыни стирать.

У Рэй Линн приоткрылся рот.

– Опять?

Корнелия не смотрела на нее.

Рэй Линн предложила:

– Я могу помочь, если хочешь. Мне совсем не трудно. Все остальное у меня уже более или менее готово.

Корнелия не подняла головы.

– Да ничего. Мне только передохнуть минутку.

Рэй Линн было тревожно за нее. Корнелия всегда следила за своей внешностью, а теперь она уже давно не мыла голову, и спадающие на

плечи темные локоны, обычно такие блестящие, стали тусклыми, словно от усталости утратили блеск.

Рэй Линн снова тронула ее за руку.

– Зачем ты стираешь белье по столько раз на неделе? У тебя все в порядке? Может, ты нездорова?

Корнелия подняла голову. Долго смотрела в сторону спальни, потом повернулась к окну, из которого было видно здание магазина. Встала, прошла в переднюю часть дома и, высунувшись до половины в дверной проем, поглядела туда, где должен был работать Отис. Опыт подсказывал, что муж может налететь внезапно, как летняя гроза, и разразиться громовыми криками вперемежку с молниями гнева. Рэй Линн следила за этими предосторожностями понимающе. Жить с Отисом Риддлом значило всегда быть начеку в ожидании бури.

Корнелия вернулась на кухню и сказала:

– Я тебе покажу, почему мне приходится без конца стирать простыни, только давай по-быстрому. Он с минуты на минуту придет поесть.

Рэй Линн прошла следом за подругой в хозяйскую спальню, и Корнелия указала на кровать. Рука у нее дрожала – Рэй Линн не могла понять, от усталости или от гнева. Окно было открыто, но в воздухе висел такой запах, будто Корнелия забыла вынести ночной горшок.

– Смотри. Вот почему я все время стираю простыни.

Кровать стояла у стены, в тени. Постель была измята, но больше ничего было не разглядеть.

Корнелия подтащила подругу к кровати.

– Вот. Вот оно.

Теперь Рэй Линн увидела большое мокрое пятно, желтое по краям, там, где начинало подсыхать.

– Ой... Мне очень жаль, Нелли. Наверное, тут можно помочь, надо только к врачу сходить.

Корнелия прикрыла рот рукой, подавляя смешок.

– Да нет, нет, это не я. Это Отис. Это он прудит в постель. В первый раз, когда такое случилось, он пытался свалить на меня. Я сказала: почему тогда у него, а не у меня подштанники мокрые. Вот тогда-то он в первый раз меня ударил. Теперь, когда такое случается, он каждый раз на меня накидывается – зло срывает, как будто это я виновата. Уже до того дошло, что я спать ложиться боюсь. Заснуть не

могу, все жду, что это случится, – я же знаю, какой он будет на следующий день.

– Боже мой, Нелли! Неудивительно, что ты устала до смерти.

Скрипнула ржавая дверь, и Отис прокричал:

– Где ты там?

Из комнаты как будто выкачали весь воздух. Они обе были в спальне, а Риддл уже находился в доме, что не оставляло никакой возможности вернуться на кухню незамеченными. Это им даром не пройдет! Страх на лице Корнелии еще раз напомнил Рэй Линн о том, что за человек Отис Риддл. Корнелия схватила Рэй Линн за руки – так, что ногти впились в кожу, и прошептала:

– Жди здесь, за дверью. Ни звука. Я пойду подам ему обед, а ты пока смотри, не удастся ли как-нибудь улизнуть.

При виде того, как перепугалась подруга, у самой Рэй Линн в животе екнуло. Как можно так бояться собственного мужа? Да, Корнелия определенно вытянула несчастливый билет, когда выходила замуж.

Послышался плеск воды в кухонной раковине, и Отис проревел:

– Корнелия! Где ты там?

Она выбежала из комнаты и легким певучим голосом ответила:

– Вот я, милый. В спальне прибиралась.

– Где мой обед? Почему его нет на столе? Уже двенадцать часов!

– Сейчас будет. У меня уже все готово.

Рэй Линн выглянула в щелку, и тут же ей пришлось поспешно отступить: Отис сидел лицом к двери спальни. Пробраться незамеченной было никак невозможно. Не раздумывая, Рэй Линн просунула одну ногу в открытое окно, оседлав подоконник. Держась за приподнятую створку окна, просунула вторую ногу и прыгнула на землю. Прямо под окном был огород, и она сорвала пару спелых помидоров. Входя в дом через заднюю дверь, постаралась хлопнуть ею посильнее. Корнелия стояла у плиты и накладывала в тарелку Отиса горошек. Она вздрогнула от неожиданности.

– Вот, держи, – сказала Рэй Линн, как будто это подруга попросила нарвать помидоров.

Ужас в глазах Корнелии сменился облегчением.

– А, спасибо. Свежие помидоры с горошком – лучше и не придумаешь. Отис, милый, положить тебе?

Риддл, ничего не поняв, важно взмахнул вилкой.

Взгляды женщин встретились поверх его головы, и Корнелия одними губами беззвучно выговорила: «Спасибо».

Еще несколько дней в семье Риддлов дела шли как обычно: Рэй Линн с Корнелией с утра до заката работали в магазине, готовили еду, убирали в доме, солили и мариновали то, что удавалось собрать с огорода, и все это под суровым, пристальным взглядом Отиса, так что об их тайном веселье пришлось забыть. В субботу днем они сидели на кухне и, несмотря на знойный день, занимались засолкой помидоров и бобов, наслаждаясь редкими минутами покоя: Риддл ушел за продуктами в магазин. Они болтали о том о сем, но больше работали молча, бок о бок, пока в дверь не постучали.

Корнелия посмотрела на подругу, нахмурилась и сказала:

– Кто бы это мог быть? Может, Дэл Риз? Что-то его давно не видно.

– Я открою? – спросила Рэй Линн.

Корнелия, которая как раз собиралась доставать банки из кастрюли с кипящей водой, кивнула:

– Будь добра.

Рэй Линн вытерла руки о фартук, убрала волосы со лба и направилась к двери, но тут же остановилась как вкопанная и скрестила руки на груди: сквозь сетчатую дверь на нее смотрел Ворон. В этот жаркий день от него веяло каким-то странным холодом, как будто он заслонил собой солнце.

Он сказал:

– Пришел посмотреть, как выглядит Кобб по-настоящему.

Рэй Линн сумела выговорить ровным голосом:

– Ну вот, увидели. Чего вы хотите?

Корнелия подошла и встала за спиной подруги, и Рэй Линн почувствовала облегчение оттого, что она рядом.

– Чем мы можем вам помочь, мистер Суини? – спросила Корнелия.

– Если хочешь знать мое мнение, то, насколько я помню того тощего мальчишку, которого ты изображала, особой разницы и сейчас не видно.

– По-моему, вашего мнения никто не спрашивал, – отчеканила Корнелия.

– Смотри, какая бойкая. Видать, мужа нет поблизости.

Ворон перевел взгляд на Рэй Линн, и она снова ощутила ту тяжесть на душе, которая раньше наваливалась на нее каждое утро, когда она с тревогой думала о том, сумеет ли выполнить норму. Ей пришлось напомнить себе, что Ворон ей больше ничего не может сделать и она ему ничего не должна. Пусть говорит что хочет. Она старалась не выказывать никакой реакции. Когда он наконец уйдет и оставит их в покое?

Его глаза так и буравили ее.

– Один вопрос меня терзает. Ты притворялась или нет? Когда за мужчину себя выдавала.

Намек оказался для Рэй Линн настолько неожиданным, что она растерялась.

Корнелия отодвинула ее в сторону.

– Не понимаю, какое вам до этого дело.

– А ты ей кто, курица-наседка? Разве она сама за себя ответить не может?

Рэй Линн тронула Корнелию за руку.

– Идем, Нелли. Работа не ждет.

Но подруга продолжала смотреть на Ворона.

Тот сказал:

– Ну как хочешь. Я повидал достаточно, чтобы судить о таких вещах. Насквозь вас вижу. Хорошего вам дня.

Он спустился с крыльца, насвистывая какую-то мелодию, и свернул в сторону перегоночной.

– Он меня пугает, – вполголоса призналась Рэй Линн.

– Он всех пугает, – согласилась Корнелия. – Даже Отиса, хотя муж говорит, будто они друзья. Если это можно назвать дружбой: Отис же просто сидит и кивает на все, что этот тип скажет. Ну ладно. Давай-ка не будем портить себе день из-за него.

Они вернулись на кухню и снова взялись за работу, но внезапное появление Ворона и его слова лишили Рэй Линн покоя. Она замерла, перестав протирать банку, и отвернулась от Корнелии.

– Что с тобой, Рэй Линн? – спросила та.

Рэй Линн смотрела на обрубок пальца и вспоминала, как еще совсем недавно жила в маленьком домике под шелестящими соснами в Северной Каролине, с любящим мужем, который обеспечивал ее и

заботился о ней. Они любили друг друга как умели и, уж во всяком случае, были преданы друг другу. С тех пор, как она приехала в Ласточкино Гнездо, Рэй Линн старалась думать о настоящем, а не о прошлом. Не позволяла себе снова и снова перебирать в уме случившееся: это было слишком грустно, и она надеялась, что со временем страшные воспоминания потеряют свою яркость. Слишком далеко она не загадывала, думала в основном о том, как обосноваться и выжить. Ей и в голову не приходило, что кто-то станет намеренно осложнять ей жизнь, как Ворон.

Пока Рэй Линн была занята своими мыслями, ее подруга молчала. А что, если рассказать Корнелии правду о том, почему она, Рэй Линн, оказалась здесь? Что Нелли скажет? На долю секунды Рэй Линн задумалась. Рассказать, как они с Уорреном познакомились, как поженились, чего добились или пытались добиться – и чем все закончилось. По привычке она все теребила и теребила обрубок пальца, пока Корнелия не взяла ее за руки.

– Ну-ну, дорогая, – сказала она. – Тебе нужно время, чтобы пережить прошлое. Все уладится. Ты, главное, не беспокойся из-за Ворона. Он тебе ничего не сможет сделать.

Рэй Линн не стала разубеждать Корнелию.

– Пожалуй, ты права.

– Насчет этого – наверняка.

Женщины стояли молча, погруженные каждая в свои мысли, когда до них донесся тягучий скрип приближающейся повозки. Они одновременно подняли головы и выглянули в окно на улицу. Отис катил по главной дороге – ни дать ни взять гигантское дерево, усаженное на сиденье. Корнелия выпустила руки Рэй Линн, не говоря ни слова, поспешила к плите и принялась вытаскивать горшки с обедом. Рэй Линн слышала, как подруга что-то бормочет себе под нос. Она снова посмотрела в окно, на Отиса, который уже высаживался из повозки. От одного его вида у нее все сжалось внутри – почти так же, как недавно, когда в дверях появился Ворон. О том, что чувствовала Корнелия, она могла только догадываться.

Глава 25. Дэл

Почти все эти дни Рэй Линн не выходила у Риза из головы. Он не мог понять почему: что в ней такого, что будит в нем совершенно незнакомые желания? Жить с ней вместе дома, в Северной Каролине – ну, или где угодно, лишь бы вместе. Дэлу вдруг до тоски захотелось иметь сыновей – он и раньше об этом думал пару раз, но теперь эта мысль стала неотступной, как и фантазии о том, как они могли бы жить с Рэй Линн. А может, у них были бы дочери? Черт возьми, да если они уродятся такими же боевыми и смелыми, как Рэй Линн, он и от девчонок не откажется – чем больше, тем лучше. Одна беда была с этими мечтами: он-то ее, похоже, интересует не больше, чем птица на дереве, да и что толку мечтать, если стрелка его компаса больше не указывает на север?

Он расслабленно сидел верхом на Руби, слушал, как рабочие со всех сторон выкрикивают свои клички, завершая рабочий день, и тихонько скрипел карандашом, подводя счет. Услышав последний выкрик, он сделал пометку и закрыл книжку. Клайд как раз пригнал повозку. Он уже привык к тому, что Риз и его люди заканчивают работу около пяти. Мул, поматывая головой из стороны в сторону, тянул повозку по узкой тропке, а Клайд, как обычно, сидел, откинувшись на спинку сиденья, пока мул сам выбирал путь. Следом появились Пиви Тейлор, Ворон и Вудалл. Управляющий вскинул руку, и Дэл ответил ему тем же, а Ворон с Вудаллом обошлись без приветствия.

– Как дела? – крикнул Пиви.

– Закончили, – ответил Дэл.

– Черт! – буркнул Ворон. – До темноты еще с час, если не больше.

– Что ж, все идет как надо, – заявил Тейлор. – Пора поговорить о том, что мы будем делать дальше, как руководить. – Он повернулся к Дэлу: – Твои работники выполняют норму раньше срока. Справляются быстрее других, и выработка у них высокая. – Он повернулся к Ворону и Вудаллу и мотнул головой в сторону Риза: – Думаю, вам есть чему у него поучиться.

Десятники переглянулись.

– Мои люди и так норму делают, – буркнул Ворон.

– Мои тоже, – добавил Вудалл.

Пиви пристально посмотрел на Ворона.

– Кое-кто из твоих на днях не дотянул, Суини.

– С этим я сам разобрался.

– А теперь подумай вот о чем. Они не смогли выполнить норму, потому что ты их до этого уже выпорол за что-то другое. Ты не замечал, что если с человека шкуру спустить или в ящик его засунуть, то он потом нормально работать не в состоянии? Не воображай, будто я не знаю, что здесь творится. Вот что я тебе скажу. Если бы ты убил ту девушку, тебя бы здесь уже не было. Она выжила, и только поэтому ты пока еще здесь, но все может измениться.

Голос Ворона звучал глухо.

– Ага. Понял. Теперь, значит, цацкаться с ними будем. Пусть творят что хотят.

– Этого никто не говорил, – возразил управляющий. – Но кое-что теперь пойдет иначе. С этого дня никто больше не отправится в парилку без моего разрешения, никто не получит плетей без моего разрешения. Попробуем другие методы. Его методы. – Он указал на Риза и спросил: – Вот что ты делаешь, если кто-то не выполняет норму?

– Вычитаю из его жалованья.

– И помогает?

– Одного раза хватило.

– Вот вам и новый метод, – заявил Пиви, обращаясь к Суини и Вудаллу.

– Черт, ты же нас по рукам и ногам вяжешь! – не выдержал Ворон. – Думаешь, скажешь им, что денег не заплатишь, так они работать будут лучше? Гляди, как бы еще больше не обленились. Риз совсем тупой, если думает, будто этого его метода надолго хватит. Я-то их знаю. Сачковать приучатся, только и всего. Вот погоди, увидишь.

Голос у Тейлора стал резким.

– Я тебе сказал, что делать, а если тебе это поперек горла, можешь уходить. Будет так, как я говорю.

Ворон с каменным лицом отвел взгляд, а Вудалл сплюнул струйку табачного сока и пожал плечами. Решение управляющего стало для Дэла полной неожиданностью. Когда он сам приходил к Пиви, тот,

казалось, вообще не хотел ничего обсуждать, заметил только, что Рэй Линн все-таки не умерла, а Ворон – хороший десятник, потеря которого слишком дорого обойдется. Может быть, управляющий просто хотел дождаться подходящего случая.

Пиви обвел всех взглядом, словно ища, кто осмелится возразить, а затем продолжил:

– А теперь о новых участках. С завтрашнего утра начинаем работы в восточной части.

Ворон оживился.

– Вудалл, ты бы накормил своих гончих получше и дал им отдохнуть как следует. Похоже, у нас будет случай поохотиться.

Тот ответил:

– Черт возьми, да они всегда готовы. Особенно двуногую дичь уважают.

Пиви поднял палец.

– Никто никуда не сбежит. Никакие гончие не понадобятся.

Ворон с Вудаллом обменялись быстрыми взглядами, но Тейлор, не обращая на них внимания, заключил:

– Повозки с завтрашнего дня будут приезжать раньше, к пяти часам: до этих участков ехать подольше. И не забудьте сразу разжечь костры, мы же у самых болот будем.

Он развернул лошадь и рысью двинулся по тропинке. Клайд, все это время молчавший, прищелкнул языком, давая сигнал Джексону трогаться. Риз потянул Руби за поводья, намереваясь ехать за Клайдом, но тут Ворон окликнул его:

– Эй!

Дэл остановился и стал ждать, какую глупость тот скажет на этот раз. Вудалл едва заметно ухмылялся, сутулясь в седле и цвиркая слюной сквозь зубы.

Суини подъехал ближе к Дэлу.

– Думаешь, такой умный, да? В первый же день, как только ты появился и сказал, на какую работу тебя наняли, я сразу подумал: «Очередной любитель ниггеров нашелся». – Ворон ткнул в Дэла пальцем и обратился к Вудаллу: – Я таких за милую вижу, можешь мне поверить. А ты, Вудалл?

Тот ответил:

– Ну да. Я их тоже повидал. Еще бы.

– И вот еще что я знаю, – продолжал Ворон. – Знаю, что кое-кто без конца крутится у магазина и интересуется этой Кобб. Я вот даже представить не могу, зачем бы женщине выкидывать такие штуки, а ты, Вудалл?

– Ну да, я тоже не могу. Странно как-то, а?

Суини запрокинул голову, и глаза у него превратились в щелки.

– Ты что, запал на нее – или на него, кто оно там?

По странному совпадению над головами у них с хриплым карканьем пролетел ворон, и ему издали отозвался другой, сидевший на вершине высокой длиннохвойной сосны. Риз тем временем раздумывал над ответом. Пожалуй, следовало бы и вовсе промолчать, но он все же сказал:

– Как по мне, лучше так, чем за маменькину юбку держаться, это уж точно.

Вудалл поперхнулся, а Ворон покраснел. Дэл явно подбросил дров в мстительный огонь, и без того уже пылавший у Ворона в груди, но ему было все равно.

– Ты что мелешь? – сказал Ворон.

– Я видел вас в ту ночь. Вас обоих. Тебя и... – Дэл не удержался и хлопнул в ладоши, изображая то, что произошло.

Никогда он не думал, что увидит этого человека потерявшим дар речи. Суини резко развернул лошадь, ударил ее пятками в бока и ускакал прочь.

Вудалл посмотрел ему вслед и сказал:

– Кажется, ты достукался. На твоём месте я бы спал с ружьем поблизости.

Он пришпорил лошадь и поскакал за Вороном. Дэл ощущал смутную тревогу, но куда сильнее было самодовольство. Наконец-то он взял верх над этим ублюдком! И всю дорогу до лагеря упивался своим торжеством. Поставив Руби в стойло, он вышел из сарая и направился к дому. В доме Ворона не было никаких признаков жизни, что Дэла только порадовало. Зайдя в дом, он взял ножницы, забытые, должно быть, миссис Баллард, бритву, набрал в кастрюлю воды, встал на заднем крыльце перед зеркалом, висевшим на столбике, и принялся сбривать бороду. Давно уже пора было этим заняться. Он отрастил ее с тех пор, как бродил по лесам Южной Джорджии, но с бородой было слишком жарко, да и лицо чесалось. За бритьем он думал о волосах

Рэй Линн, о том, как они выглядели бы, если бы отросли подлиннее. Если она сама их так коротко остригла, то у нее неплохо получилось. Он стал представлять, как она подстригла бы его, и эти мысли вызвали в воображении картину, как Рэй Линн стоит совсем близко – кожа цвета золотистого сиропа, глаза зеленые, будто только что проклюнувшаяся трава, мягкая грудь в нескольких дюймах от его лица, когда она наклоняется и проводит пальцами по его голове...

И тут вдруг, ни с того ни с сего, случилось то, чего уже давно не случалось. Дэл так и застыл на месте, с замершими в воздухе руками, удивленно глядя на свое отражение в зеркале. Перевел взгляд ниже. Да, это и правда случилось, и мысли в голове заметались беспорядочно от такого чуда, путаясь, совсем как его борода. А потом все прекратилось. Нет. Нет! Нет!.. Пропало. Но все-таки! Хороший знак. Может, просто была нужна подходящая женщина. Может, просто была нужна Рэй Линн. Дэл закончил бритье и провел пальцами по гладкому подбородку. Так-то лучше. Гораздо лучше. Может, и она заметит.

На следующий день рано утром Риз вывел Руби на новую тропу. Было почти пять часов, и перед ним на востоке простиралось небо, окрашенное в сливовый цвет, а на западе были рассыпаны последние угасающие звезды. Дэл ехал верхом вдоль двойной колеи, большей частью заросшей провололочником, но кое-где, там, где раньше проезжали повозки, тянулась двумя четкими параллельными полосами кремовая песчаная земля. Дэл раздумывал о том, сколько времени могло пройти с тех пор, как в этой части лагеря обрабатывали деревья. Вскоре он подъехал к развилке и повернул Руби направо. С австрийского дуба вспорхнула сова. Взмахнув широко расправленными крыльями, она устремилась к чаще леса и исчезла там. Вдалеке показалась повозка Клайда. Уже светало, и раннее утреннее солнце окрасило землю в теплые медовые тона. Риз погнал Руби чуть быстрее и, подъехав к повозке, поприветствовал Клайда и работников:

- Доброе утро.
- Доброе утро, – откликнулся ему приглушенный хор.
- Экклезиаст взгляделся повнимательнее и ухмыльнулся:
- Смотри-ка, какой красавчик стал!
- Гладкий, что твое масло, – добавил Нолан.

Клайд сказал:

– Черт, я тебя не сразу и признал. Пиви с Вудаллом где-то впереди. Ворон тоже, и он не в духе.

– Вот уж не знал, что он бывает в духе, – заметил Дэл.

Рабочие похмыкали в знак согласия. Риз поехал впереди повозки, оглядывая местность. Заросли мелких пальм и мятлика колыхались, когда он проезжал мимо, и Дэл представлял, как за ним тайком наблюдают дикие звери. Руби пару раз шарахнулась в сторону, раздувая ноздри. Дэл догадался, что она, должно быть, увидела змею, позволил лошадке обойти опасное место, и она успокоилась. Наконец он нагнал Тейлора, Вудалла и Ворона: они стояли возле своих лошадей и ждали, пока рабочие развешат ведра с обедом.

Вудалл взгляделся в него, как только что Экклезиаст, и сказал:

– Это ты, Риз?

– Привет, Вудалл.

Ворон оглянулся на тропу и спросил:

– Где же твои рабочие?

– Едут.

– Я своего забираю обратно.

Дэл пожал плечами.

– Дело твое.

Как только подъехали работники Риза, Суини подошел к Нолану – тот еще и ногу на землю поставить не успел.

Голос Ворона перекрыл негромкий разговор работников:

– Ты идешь со мной.

Нолан, не подумав, оглянулся на Риза.

– Что ты на него смотришь? – буркнул Ворон.

Нолан в волнении стиснул в руках шляпу.

– Так просто, босс. Я рад вернуться к своим.

– Вижу, придется мне тебя всему заново учить.

Дэл нахмурился, а Пиви погрозил Ворону пальцем. Тот наклонился к Нолану и что-то тихо проговорил. Дэл видел, как Нолан заметно вздрогнул, потом суетливо сунул за пояс как и поспешил к дереву – вешать ведро на ветку. После этого он присоединился к людям Суини – разношерстной группе рабочих, удивительно сгорбленных и поникших. Нолан смешался с ними, приняв такой же

покорный вид. Дэлу было горько на это смотреть, но Браун давно работал у Ворона и знал, как с ним себя держать.

Дэл повернулся к своим людям и сказал:

– Идемте посмотрим, что тут за новое место. Экклезиаст, ты говорил, что раньше работал на этом участке?

– Да, сэр, с год назад.

– И что скажешь?

– Мошкары тут до черта – жалят, кусают, жрут, как нигде. Даже костры не помогают.

– Давайте все-таки сделаем, что можем.

Он велел Джорджи принести Руби воды. Когда мальчик поставил ведро, Дэл сказал:

– Эй, Джорджи, воду нам сегодня носи почаще, идет?

– Да, сэр.

Риз улыбнулся и протянул Джорджи леденец. Это уже вошло у него в привычку, и он всегда носил в кармане несколько конфет. Подбирая поводья, чтобы ехать за своими людьми, он заметил, что Нолан отстал от своих и смотрит на него. Браун что-то пробормотал – Дэл не понял и никак не отреагировал, не желая привлечь к нему внимание. Он погнал Руби вперед и пропустил момент, когда Нолан выскочил из толпы и бросился бежать в сторону деревьев.

Ворон закричал:

– Эй! Сукин ты сын! Стой!

Нолан не оглядывался, не смотрел по сторонам. Бежал со всех ног, будто от смерти спасался. Если бы он кинулся на Ворона и начал его дубасить, Дэл и то не так удивился бы. Суини вскинул дробовик, прицелился и нажал на спусковой крючок. Нолан был уже в лесу и убегал зигзагами.

Ворон выстрелил еще раз, опустил ружье и ткнул пальцем в Дэла.

Он был в такой ярости, что заорал на Пиви, срывая голос:

– Что я тебе говорил?!

– Думаю, ему не понравился новый режим работы, – сказал Риз.

Ворон вскинул ружье на плечо и прицелился в него.

Пиви выхватил пистолет и крикнул:

– Суини!

Голос Ворона звучал теперь так тихо, что Дэл его едва слышал.

– Попомни мои слова. Теперь каждый паршивый ниггер решит, что может делать то же самое, – только дай им повод думать, будто такое сойдет с рук.

– Интересно, – протянул Дэл, – от меня почему-то еще никто не удирал. Думаю, если бы ты не сказал Брауну, что он будет снова работать у тебя, он бы и бежать не стал. Спорить готов.

Все смотрели на Пиви. Управляющий уставился туда, где только что исчез Нолан. Минуту-другую он молчал, а затем тяжело вздохнул, видимо придя к какому-то решению.

– Вудалл, – позвал он.

– Да, босс.

– Гончие твои тут?

– Тут.

– Иди спусти их.

Дэл отвернулся, проклиная тот день, когда пришел сюда.

Глава 26. Рэй Линн

Хотя ни слова об этом сказано не было, отдаленный лай гончих оповестил весь лагерь о том, что на кого-то идет охота. Обычно в Ласточкином Гнезде с утра до вечера стоял привычный шум повседневных забот, но как только эхо донесло с болот отголоски рыка разгоряченных псов, все звуки жизни прекратились. Не слышно было ни пения женщин, развешивающих белье, ни разговоров соседней через забор, ни криков играющих ребятишек, ни повторяемой нараспев азбуки в школьных классах. Смолкло шарканье метел во дворах, куда-то пропали аппетитные запахи от кастрюль на кухнях. Куры, правда, кудахтали, свиньи похрюкивали, но в остальном в лагере стояла мертвая тишина. Жизнь из него словно разом схлынула: так отливает кровь от лица покойника.

О том, что беглец – Нолан Браун, он же Поминай-как-звали, Рэй Линн с Корнелией услышали от Отиса, тот – от Проныры с перегонки, а тот – еще от кого-то в лагере. Собаки все брехали, а временами с болот доносились подбадривающие крики Вудалла и Ворона. Так продолжалось все утро и позже, когда стоял уже послеполуденный зной. Рэй Линн с Корнелией спозаранку раскладывали по полкам бакалейные товары, привезенные Отисом накануне, а затем занялись консервированием персиков. От пара, поднимающегося над кастрюлями с кипящей водой, лица у них покраснелись и покрылись каплями пота. Обе работали без усталости, но почти не говорили между собой. Время от времени Корнелия подходила к окошку в передней части дома – посмотреть и послушать.

Потом она возвращалась на кухню и говорила:

– Всё еще гоняются.

Или:

– Собаки лают громче – видать, близко уже.

Отис насвистывал, и лицо у него было почти веселое, зато погода отражала душевное состояние Рэй Линн. Впервые за долгое время небо затянули тяжелые, низко висящие тучи, а на западе оно зловеще темнело с каждой минутой. То и дело Рэй Линн прислушивалась: не подскажет ли какой-нибудь звук, что десятники и собаки вот-вот

появятся? Она не знала, почему у нее так холодеет под ложечкой от ужаса, – вероятно, из-за слов Корнелии:

– Если его поймают, у них тут чуть ли не состязание начнется, кто кого перещеголяет. Другим наука – так они всегда говорят, если к тому времени человек еще может что-то слышать.

Тревога Рэй Линн усиливалась. Очевидно, она до сих пор была в известной степени ограждена от осознания неравенства между людьми: она ведь прямо из приюта вышла замуж за Уоррена, не успев узнать жизнь по-настоящему. Очевидно, она была слишком наивна. Теперь же она понимала, что вот-вот станет свидетельницей такого, чего уже не забудет до конца своих дней. Корнелия наклонилась ближе, так, чтобы муж ее не слышал.

– Если его поймают, – тихо сказала она, – то притащат назад с веревкой на шее и со связанными руками. Я как-то раз видела, как одного такого волокли за лошадью. Он уже мертвый был, а они все равно так и тащили его до самого лагеря, чтобы все видели. Повесили на дерево, на ниссу, и так он целый день висел, пока родные не сняли. Лучше нам не высовываться, пока все не кончится. Постарайся об этом не думать. И ничего не слышать, если можешь. Я-то знаю, что это такое. В прошлый раз я потом долго цветным в глаза смотреть не могла. Прямо на части рвалось все внутри, даром что я того парня почти не знала. Вот так-то, Рэй Линн. Жизнь есть жизнь, понимаешь?

Рэй Линн не могла говорить. Казалось, желудок поднимается к самому горлу. Крики и лай то затихали, то раздавались снова – значит, охота еще не окончена. Сколько может человек скрываться от погони в такую жару, без воды и еды? Ближе к ужину Рэй Линн вдруг заметила, что протяжный вой гончих псов стих. Она так и застыла с тряпкой, которой протирала полки. Во рту у нее пересохло, но не от жажды, и внутри все сжималось от ужаса. Отис барабанил пальцами по прилавку, а затем начал расхаживать взад-вперед по магазину. Несколько раз он выбирался на крыльцо и с хмурым видом являлся обратно.

– Пока не видать, чтобы вернулись, – ворчал он. – Ни повозок не слышно, ничего. Проклятье! Что они так долго?

– Ну... – отозвалась Корнелия.

– Или они его поймали, или он улизнул. Должно быть, возвращаются в лагерь. Собаки-то умолкли. Скорей бы уже, что ли. –

Риддл потер руки, словно в предвкушении. – Охота поглядеть, что с ним сделают. Черт, кажется, у нас тут будет настоящий суд Линча! Давненько я такого не видал!

Рэй Линн забыла о работе. Что он такое говорит? Нашел чему радоваться!

Она резко повернулась к хозяину магазина и проговорила, чувствуя, как разом вспотели ладони:

– Что вы несете!

– А?.. Ты о чем это? – Отис словно забыл о ее присутствии и о том, что она вообще способна говорить.

Ни секунды не раздумывая, Рэй Линн повторила:

– Я сказала: что вы такое несете?

Корнелия бросила на нее предостерегающий взгляд, однако Рэй Линн, хоть и понимала, что ступает на опасную почву, смолчать не могла.

Отис нахмурился.

– Что за вопрос?

– Вам будто не терпится посмотреть, как человека линчуют.

Корнелия попыталась отвлечь их обоих:

– Рэй Линн, не подашь мне вон ту тарелку?

Риддл набрал в грудь воздуха, так что она выпятилась вперед, как у грача, и двинулся на Рэй Линн, но она не шевельнулась.

Злобно глядя на нее, Отис отчеканил:

– Должно свершиться правосудие. На нем остались долги, и мы должны сделать так, чтобы никому больше такие глупости в голову не взбрели. Да какого хрена я тебе тут толкую? Ты же баба, черт тебя дери! Хотя... Если подумать, так еще неизвестно, баба ты или кто.

Он стоял прямо перед ней, и у Рэй Линн волосы на голове зашевелились от страха. Она сжала кулаки. И тут вдруг Отис сунул ей руку между ног и пошевелил пальцами, словно желая убедиться, что она женщина.

Корнелия закричала:

– Отис, идет кто-то!

Риддл потерял к интерес к Рэй Линн и кинулся к двери, отпихнув жену.

– А ну, отойди!

Он стремглав скатился с крыльца, и от того, как явно ему не терпелось увидеть такое зрелище, отвращение к нему у Рэй Линн только усилилось. Она все еще задыхалась от гнева после его оскорбительной выходки, а Корнелия прошептала умоляюще:

– Рэй Линн, прошу тебя. Думай, что говоришь. Не только ради себя самой.

Рэй Линн приложила руку к сердцу.

– Прости. Он вывел меня из себя.

– Да уж ясно, – вздохнула Корнелия. – Пойдем-ка лучше посмотрим, что там.

Рэй Линн хотела отказаться, но страх за Нолана Брауна был так силен, что она двинулась следом за подругой, надеясь, что Дэл Риз не допустит ничего ужасного. Они немного отстали от Отиса, чтобы тот их не заметил, и Рэй Линн увидела, как в лагерь въезжают рабочие повозки, поднимая за собой клубы пыли. Дождь сейчас был бы как нельзя кстати, но мрачные тучи не хотели ронять ни капли. Работники сидели в повозках молчаливые, задумчивые, опустив головы, и напоминали раскачивающиеся поленья. Следом ехали Суини и Вудалл, но Рэй Линн не смотрела на них: она искала глазами Дэла Риза, а когда нашла, то не сразу узнала. Он, оказывается, бороду сбрил.

Чувствуя, как холодеет в груди от ужаса, Рэй Линн стала высматривать беглеца. Его нигде не было видно, и хотя Рэй Линн не знала, что чувствует сейчас Дэл Риз, она могла поклясться, что тот слегка кивнул ей и подмигнул. Собаки, которым отводилась в этом спектакле такая почетная роль, трусили рядом с повозками, поджав хвосты. Судя по их виду, охота окончилась неудачей. Рэй Линн выдохнула. Не поймали! Слава богу, Нолан успел скрыться. Лучше уж какие угодно опасности, подстерегающие на болоте, чем то, на что способны некоторые из людей. Из конторы вышел управляющий и упер руки в бока.

– Ну? Где он?

Ворон, явно раздосадованный, развел руками.

– Да собаки шли-шли за ним по запаху, а потом, уже ближе к вечеру, вдруг потеряли след.

– Вот черт! И надо ж было именно ему удрать. Он мне больше всех должен.

– Давно он тут? – спросил Дэл.

– С тех лет, когда был навроде Джорджи. Так больше нигде и не жил. Тут и хозяйку себе нашел, и обженился.

– Вообще-то он тебе не то чтобы прямо деньги должен, – заметил Риз. – Ну черт подери, вы же деньгами-то тут никому не платите.

Ворон мотнул головой в сторону Дэла.

– Видал? Ничего тут из его метода не выйдет.

Пока мужчины спорили, Рэй Линн ткнула локтем Корнелию – та грызла ноготь на большом пальце.

– Хоть кто-то здесь еще в своем уме, – шепнула Рэй Линн.

Корнелия пробормотала в ответ:

– Пиви так-то тоже справедливый, но он не любит, когда бегают. Ему же об этом докладывать придется. А еще он не любит, когда ему указывают, как вести дела.

– Что вы там шепчетесь? – вскинулся Отис.

Корнелия выпрямилась и ответила:

– Просто рассказываю Рэй Линн что да как. Она же тут новенькая, ничего не знает.

– Вас это вообще не касается, – отрезал Отис. – Идите-ка домой, ужин мне готовить. Тут мужские дела. – Он поглядел на других мужчин и пробормотал: – Главное, чтобы не бросили искать этого ублюдка. Наверняка после ужина опять пойдут.

Рэй Линн и самой не хотелось больше ничего видеть. Она двинулась обратно, стараясь ни на кого не смотреть. Разговоры смолкли, мужчины стали оглядываться на нее, и она поспешила поскорее скрыться из виду.

Корнелия догнала ее и, когда они уже подходили к дому, спросила:

– Ты чувствовала, как они на тебя смотрели?

Рэй Линн поморщилась.

– Тут хоть кто почувствовал бы. – Она достала сало и муку для галет. – Что будем готовить на ужин?

Корнелия не ответила. Сказала только:

– Они на тебя смотрят как на чудо. Некоторые все еще не могут поверить, что ты выжила.

Рэй Линн фыркнула:

– Ты про Ворона?

Корнелия хмыкнула.

– Ворон? Да этот-то кого волнует. – Она подошла ближе и подтолкнула Рэй Линн плечом. – Как он на твой вкус, симпатичный?

Рэй Линн не была расположена говорить об этом, но ответила в тон Корнелии:

– Понятия не имею, о ком ты.

– Имеешь, имеешь.

– Дэл Риз?

– Господи, Рэй Линн! У тебя что в жилах, кровь или вода? Могла бы, кажется, хоть приглядеться к нему. По-моему, он тобой интересуется.

Рэй Линн молча всыпала в миску чашку муки, добавила сало и начала мешать тесто руками. Корнелия разжигала плиту и передвигала кастрюли, то и дело украдкой поглядывая на подругу.

Наконец Рэй Линн сказала:

– Нелли, ты кое-чего не понимаешь.

– Чего? У тебя что, муж есть? И он тебя ищет? Потому-то ты и выдавала себя за мужчину?

Рэй Линн подняла взгляд на Корнелию, чувствуя, как давит на нее груз тайны, прошлого, запертого в сознании, как в загоне. Всего-то и нужно – распахнуть ворота, выпустить это прошлое наружу, на волю, и тогда к ней, может быть, вернется душевный покой. И если уж рассказывать, то кому, как не Корнелии, той, которая выходила ее, вырвала из рук смерти? Разве она не заслужила откровенности?

Рэй Линн решила открыть пока лишь частицу правды.

– Я была замужем. Мы жили в Северной Каролине, в округе Харнетт.

Корнелия горделиво, почти самодовольно приосанилась.

– Ха! А я знала. Такая красавица одна уж точно не осталась бы. В округе Харнетт, говоришь?

Ее комплимент вогнал Рэй Линн в краску. Она кивнула и начала сосредоточенно проминать кулаком тесто. Потом потянулась к глиняному кувшину, чтобы подлить молока, но тут встретила взглядом с подругой. Темно-коричневые, будто перышки крапивника, глаза смотрели прямо на нее – так смотрел когда-то Уоррен в лучшие минуты. Рэй Линн смутилась, стала суетливо наливать молоко и второпях плеснула лишнего.

– Вот черт! – Она поставила кувшин на стол. – Придется добавить еще муки и сала.

– Рэй Линн...

Рэй Линн вытерла руки и потянулась за мукой. Ей было не по себе под этим странным взглядом Корнелии.

– Что?

– Ты сказала «была».

Рэй Линн поколебалась и наконец ответила:

– Он теперь на небесах.

– Ох, милая! Мне очень жаль.

Рэй Линн молча делала свое дело: добавляла в миску все необходимое. Кажется, можно рассказать еще кое-что, подумала она, – то, что не грозит серьезными последствиями.

– Он упал с крыши нашего дома – хотел ее починить и расшибся.

– Ужас какой!

– Ничего ужаснее у меня в жизни не было. Очень сильно расшибся.

– Что он себе повредил, как ты думаешь?

– Какие-то внутренности, не знаю точно. Врача он мне вызвать не дал. Упрямый как не знаю кто. Не сговоришься с ним. Он старше меня был. Сын у него остался от первого брака, Юджин. Кажется, почти мой ровесник, правда, я его не видела никогда. Он адвокат, и до отца ему, по-моему, и дела-то особого не было, пока тот не умер.

Чем дальше она рассказывала, тем легче приходили нужные слова, но вместе с ними возвращались страшные воспоминания. Рэй Линн словно опять попала в тот миг, когда подняла с пола пистолет Уоррена. Пережитая трагедия вновь начала разворачиваться у нее в голове, дыхание участилось, и ей пришлось взять себя в руки, чтобы совладать с эмоциями. Она зажала рот ладонью, словно хотела вот так, физически, удержать в себе то, что осталось недосказанным. Корнелия отвела ее руку от лица.

– Рэй Линн, что с тобой? Что случилось? Не хочешь рассказывать?

Рэй Линн жалела, что нельзя передать всю пережитую боль без слов. Невозможно было представить, что на это скажет Корнелия, что подумает. Рэй Линн отняла руку и снова принялась месить тесто, стараясь подавить дрожь.

– Не могу. Ты будешь думать, что я самый ужасный человек на свете.

Корнелия решительно возразила:

– Нет-нет! Я никогда о тебе так не подумаю. Никогда. Даже если ты кого-то убила. Вот хоть кто пусть спрашивает, я так и скажу: раз убила, значит, заслужил.

Как странно, что ей на ум пришло именно это слово.

– Надо закончить с галетами, – пробормотала Рэй Линн.

Она вновь принялась за тесто, но остановилась, и слова вырвались сами собой, словно они душили ее:

– Так и было.

Корнелия уставилась на нее.

– Что было?

– Мне трудно об этом говорить, Нелли. Очень трудно.

Она рассыпала по столу муку и вывалила тесто. Сердце колотилось, как молот. Она чувствовала, что вот-вот расплечется и тогда уже не сможет остановиться. Утратит все самообладание, которое до сих пор так старательно сохраняла.

– Мне ты можешь рассказать, – мягко сказала Корнелия. – Я ни словечка не пророню. Я же вижу, как тебя это мучает.

Рэй Линн опустила на стул и закрыла лицо руками, все еще перепачканными в муке. Она слышала, как Корнелия отошла, но через несколько секунд вернулась и приложила к затылку Рэй Линн холодную влажную тряпицу. Боже, благослови Нелли! Какая она замечательная подруга! Они так быстро сблизились, и Рэй Линн уже не знала, что делала бы без всегдашнего спокойствия Корнелии и умения снимать напряжение. Но она так долго держала свою тайну в себе, что теперь ее мутило при одной мысли о том, чтобы кому-то открыться.

Она пробормотала, не отнимая ладони от лица:

– То, что я сделала, уже никак не поправить.

– Что ты сделала? – Корнелия перевернула тряпку другой стороной, и Рэй Линн снова ощутила затылком прохладное касание. – Не может быть, чтобы что-то ужасное.

Рэй Линн выпрямилась, и тряпка упала на пол. Не отрывая глаз от завитков дерева на столешнице, она заговорила бесцветным голосом, будто в трансе:

– Когда он упал, уж не знаю, что там повредилось, но он стал как будто умирать внутри. Кровью харкал, черной, как та смола на перегонке. Врача он мне вызвать не дал, я уже говорила. С постели не вставал. Это был сущий ад для него, он умолял дать ему пистолет. Говорил, что хочет покончить с собой. Потом просил, чтобы я это сделала, как он сделал для своей старой собаки. Я отказалась, и тогда он перестал есть и пить. Нелли, он был уже все равно что мертвец, но все еще дышал. Это было жутко, и через несколько дней у меня уже сил не осталось смотреть, как он мучается. И вот тогда я отдала ему пистолет, как он хотел, и убежала – не хотела при этом быть, но потом поняла, что подло бросать его одного в такой момент. Я вернулась и еще не успела войти в дом, когда услышала выстрел. Думала, сама помру на месте. Господи, что он с собой сделал! Рана была страшная. В животе. Наверное, выстрелил туда, где сильнее всего болело. А хуже всего, что он был еще живой. Не знаю как и почему. Лежит, кровь из него хлещет – ужас просто. Все уже было кончено, но он так страшно мучился, что я сделала то, о чем он просил. То, что он умолял меня сделать. Я... я... взяла этот пистолет и приставила вот сюда. – Она ткнула обрубком пальца в висок и умолкла.

Она ждала приговора, ждала, что Корнелия осудит ее за такой поступок, велит уйти. Рэй Линн не могла поднять глаза – не хотела видеть ужас на лице подруги. Сама она считала, что выбора у нее не было, но какое это имеет значение? Она же все равно убийца, разве нет? Лучше бы ее оставили умирать в том ящике! Молчание Корнелии говорило само за себя. Рэй Линн вздохнула. Она готова была к словам гнева и отвращения, но услышала какой-то шорох и почувствовала, как ей приподнимают подбородок кончиком пальца.

– Посмотри на меня, – сказала Корнелия.

Рэй Линн подняла голову. Глаза у нее были полны слез, из носа текло. Она старалась сдерживаться, чтобы не разрыдаться.

– А теперь послушай. Ты сделала то, что должна была сделать. Это было милосердие. Я не раз готова была убить Отиса без особой причины, просто за то, что он такой гад. А тебе ничего другого и не оставалось.

Рэй Линн почувствовала, как в горле застрял комок. Она не могла говорить от благодарности к подруге за ее доброту. Лицо Корнелии было совсем близко, и Рэй Линн надеялась, что та скажет еще что-

нибудь – скажет, что сама на ее месте поступила бы точно так же. Но Корнелия вместо этого наклонилась и коснулась губами ее губ. Это было неловко и длилось всего секунду: Рэй Линн отдернула голову и вскочила.

– Нелли! – воскликнула она. – Что ты делаешь?

Корнелия прикрыла рот рукой, и глаза у нее распахнулись во всю ширь.

– Сама не знаю! Я...

Сзади что-то стукнуло. Рэй Линн обернулась и увидела широкую спину Отиса: он метнулся к двери, стиснув руками голову, словно боялся, как бы она не слетела с плеч. Когда он выскочил из дома, встревоженная Корнелия бросила на Рэй Линн перепуганный взгляд и кинулась вдогонку.

– Отис!

Муж видел, как Корнелия целовала Рэй Линн. Он убьет ее. С него станется. Убьет!

Отис стоял во дворе, раскинув руки в стороны, и кричал прямо в небо:

– Просто не верится! Куда этот мир катится?

Он заметался из стороны в сторону, держась за голову, а Корнелия бегала за ним по двору. Хотела схватить за руку, но муж оттолкнул ее, и она чуть не упала. Несколько чернокожих бросили свои занятия и стали наблюдать за этой суматохой.

Отис на миг прервал свою тираду и ткнул пальцем в Рэй Линн, стоявшую в дверях. Его всего трясло, словно в припадке какой-то болезни.

– Ты ненормальная! Убирайся к чертовой матери из моего дома!

– Отис, успокойся, – взмолилась Корнелия. – Послушай меня.

Отис даже не взглянул на нее: он не отрывал глаз от Рэй Линн.

– Ты... ты...

Тем временем все больше чернокожих толпилось у дверей, а некоторые стояли во дворах у своих хижин и наблюдали издали. И что еще хуже, к ним шагал Ворон – тот самый человек, которого Рэй Линн предпочла бы никогда больше не видеть. Она подбежала к Корнелии, которая уже оставила всякие попытки поговорить с мужем. Как только Рэй Линн приблизилась к подруге, Отис расвирепел, как медведь, и толкнул ее с такой силой, что она рухнула на землю. Он навис над ней,

и его тяжелая рука легла на голову Рэй Линн. Она рванулась, пытаясь освободиться, но он так больно схватил ее за волосы, что на глазах выступили слезы.

Хрипло дыша, с побагровевшим лицом, Риддл крикнул Ворону:

– Знаешь, на чем я ее застукал? Она целовалась с моей женой! Своими глазами видел.

Сказав это, он еще сильнее разъярился, и Рэй Линн услышала треск выдираемых с корнем волос. Она схватила Отиса за руки, тщетно стараясь высвободиться из его хватки, и сделала попытку образумить его:

– У нее ничего такого и в мыслях не было. Это не то, что вы подумали!

– У нее?! – заорал Отис. – Это ты, а не она явилась сюда, переодетая мужчиной, и пыталась выдавать себя за парня. Пока тебя тут не было, все шло нормально. – Он снова дернул ее за волосы.

Рэй Линн коротко вскрикнула.

Сквозь боль пробился умоляющий голос Корнелии:

– Отис! Прошу тебя, не надо.

Суини, с равнодушным видом наблюдавший за происходящим, невозмутимо проговорил:

– Черт, ничего удивительного. Я-то ее с самого начала раскусил. Знал, что она ненормальная. Не с той резьбой, если ты понимаешь, о чем я.

Корнелия потянула мужа за руку, пытаясь высвободить волосы Рэй Линн, но он только рванул еще сильнее – так, что Рэй Линн закричала. Кожа на голове горела огнем. Корнелия в изнеможении опустилась на землю рядом, и Рэй Линн обняла ее одной рукой. Отис отпустил волосы Рэй Линн и стал оттаскивать жену, но та, к изумлению Риддла, укусила его за руку. Он взвизгнул и ударил ее по лицу, но отступил от них.

– Совсем стыд потеряли, – проворчал Ворон. – Ты что же, терпеть это будешь? – подначил он Отиса. – Твою жену нужно научить уважению, черт возьми.

– Не трогайте ее, – сказала Рэй Линн. – Это я виновата.

– Ого! – хмыкнул Суини. – Ну и дела. Сама призналась. Черт подери! У меня как раз есть кое-что для такого случая.

Ворон отошел, Рэй Линн уронила голову и закрыла глаза, а Корнелия снова попыталась образумить мужа:

– Отис, послушай меня. Он же над тобой не начальство, правда? Ты сам себе хозяин.

Риддл оставил ее слова без внимания. Усмехнулся и сказал:

– Эй, ты, ну-ка, погляди.

Рэй Линн открыла глаза. К ним приближался Ворон с ведром, от которого поднимались тоненькие струйки дыма. Рэй Линн задрожала, чувствуя, что ее вот-вот вырвет. Ее охватил ужас, и она сжала руку Корнелии.

– Нелли... – прошептала она.

– Не смей с ней разговаривать! – рявкнул Отис.

Рэй Линн хотела встать, но Риддл схватил ее за плечи и не дал. Она закрыла глаза.

Отис крикнул Ворону:

– Давай живее! – А затем Корнелии: – Отойди от нее!

Та еще крепче сжала руку Рэй Линн.

– Нет!

Дальше все произошло в один миг. Слева от Рэй Линн грянул выстрел из дробовика, горячие брызги смолы, похожие на черные капли дождя, полетели в нее и обожгли руку, которой она обнимала Корнелию. Над ними раздался голос Суини: «Ах ты сукин сын!», и тут внезапный крик боли, вырвавшийся у Корнелии, испугал Рэй Линн: она решила, что подруга ранена. Но нет: половина головы и лица Корнелии были залиты горячей смолой, медленно стекавшей по ее прекрасным темным волосам, по щекам, по шее. Одна капля упала Рэй Линн на ногу. Корнелия вскочила с широко открытым ртом и замахала руками, словно птица, пытающаяся взлететь.

Рэй Линн крикнула Отису и Ворону:

– Что она вам сделала?

Риддл, кажется, совсем растерялся, а Ворон тупо смотрел на свою окровавленную руку. Рэй Линн бросилась к Корнелии.

Отис в ярости закричал на Ворона:

– Что ты наделал, идиот! Не на мою жену надо было! На нее!

Посреди всей этой суматохи Рэй Линн сквозь слезы увидела, что к ним бежит Дэл Риз с ружьем, все еще вскинутым на плечо. Поздно, подумала она. Поздно, поздно...

Глава 27. Дэл

Риз подбежал к женщинам, сидевшим на земле, и увидел, что с ними сделали.

– Я хотел подстрелить его, пока он не успел.

Когда Рэй Линн подняла на него глаза, где-то на периферии сознания мелькнула мысль: «Какая красавица!», но тут же испарилась, будто туман под жарким солнцем, едва Рэй Линн заговорила. Голос у нее дрожал.

– Поздно.

Это была правда. Если бы он, Дэл, подоспел на секунду раньше, никто, кроме Ворона, не пострадал бы.

Подбежал Пиви. С волос у него капало, лицо было в мыльной пене, и он на бегу накидывал на плечи подтяжки. Очевидно, как раз умывался. Вытаращив глаза, он уставился сначала на женщин, а потом на Суини.

Тот сразу же завопил:

– Этот сукин сын в меня стрелял!

Дэл молчал.

Пиви оторопел.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил он. – Что с Корнелией?

Ворон достал из кармана носовой платок и обмотал им рану на руке – в сущности, просто царапину.

– Я тебе скажу, что происходит, и если у тебя еще были вопросы по поводу кое-кого, то теперь их не останется.

Отис в смятении все пытался взять Корнелию за руку, а она раз за разом отталкивала его.

Суини указал на Рэй Линн:

– Отис застал ее, когда она целовалась с его женой.

– Это правда! – воскликнул Отис. – Я своими глазами видел.

Рэй Линн еле заметно покачала головой, и Дэл готов был поспорить на солидную сумму, что все было совершенно не так.

Пиви в недоумении спросил:

– И поэтому ты облил Корнелию горячей смолой?

Ворон указал перевязанной рукой на Дэла:

– Если бы он мне руку не прострелил, смола попала бы на кого надо!

Отис все кружил над ними, как ястреб.

– Он вот ее хотел облить! – Он в ярости махнул обеими руками в сторону Рэй Линн, которая помогала Корнелии подняться на ноги.

Женщины двинулись к дому, и Риддл поплелся за ними, что-то беспрестанно бормоча. Если бы не трагизм ситуации, Дэл посмеялся бы, глядя на них: стоило Отису подойти к жене ближе чем на фут, та отмахивалась от него, как от мухи. Женщины скрылись в доме, и Отис понуро вошел следом.

– Суини, – сказал Пиви. – Во-первых, ты уволен. Во-вторых, ты уйдешь отсюда только после того, как расплатишься за то, что сделал сегодня. Вот так, раз уж ты у нас такой любитель поговорить о справедливости.

Такой Пиви Ризу определенно нравился.

Дэл щелкнул пальцами, будто эта мысль только что пришла ему в голову, хотя на самом-то деле давно придумал, что сделает, если представится случай.

– Я знаю самое подходящее средство.

Пиви широко развел руками, давая понять, что ему все равно: он согласен со всем, что решит Дэл.

– Только не убивай его, – предупредил управляющий, – а то мне потом отвечать.

Риз сделал Ворону знак дробовиком.

– Пошел.

Суини выпятил челюсть.

– Никуда я не пойду.

– Еще как пойдешь, – возразил Дэл и прицелился Ворону в сапог. – Лучше сейчас шагай, а то с простреленной ногой труднее будет.

– Будь мужчиной, – буркнул Пиви. – Делай, что тебе сказано.

Бросив на них обоих злобный взгляд, Ворон зашагал, но на ходу язвительно поинтересовался:

– Ну и что вы сделаете? Отведете меня в лес и пристрелите, как старого пса? – Ему никто не ответил, и он попробовал зайти с другой стороны: – Вот что я вам скажу. Дайте мне попытать счастья на болоте,

и больше вы меня в глаза не увидите. Пожалуй, неплохой способ заодно и от старухи отделаться. Хе-хе...

Дэл ждал, когда он наконец заткнется. Он покосился на Пиви, а тот закатил глаза. Еще несколько минут, и они остановились. Небо над ними поблескивало серебром, воздух был густой, как сироп, и это напоминало о том, что до конца лета еще далеко.

Риз приказал:

– Полезай.

Ворон смотрел на ящик и не двигался с места. Дэл поглядел, как он мнетя, и задумчиво проговорил:

– Боишься, вижу. И не зря боишься. Многие отсюда живыми не вышли из-за того, что ты с ними сделал, прежде чем тут запереть. Если умеешь молиться, я бы на твоём месте помолился. Тут все дерево пропитано духом тех, кого ты оставил гнить в этом ящике. Они придут с тобой поквитаться, когда ты и ждать не будешь.

Суини стоял с каменным лицом, и Дэл не удержался от издевки:

– Располагайся, будь как дома.

Ворон шарил взглядом вокруг, словно раздумывал, не рискнуть ли бежать. Лес и болото за лесом выглядели немногим завлекательнее того, что стояло перед ним. Наконец он сделал, как было велено: шагнул в ящик и сел. Вид у него был бледноватый, и Ризу показалось, что Суини учуял тот самый особенный запах.

– Давай-давай, – поторопил Дэл. – Сам же говорил: ничего такого страшного.

Ворон пронзил его убийственным взглядом. Риз взялся за крышку, и Ворону пришлось лечь. Он лежал непривычно тихо, пока крышка над ним почти не закрылась.

Тогда он сказал:

– Вы оба теперь ходите, да оглядывайтесь. Как вылезу отсюда, так первым делом...

Дэл захлопнул крышку и запер висячий замок. Внутри наступила гробовая тишина, хотя Риз по-прежнему чувствовал на себе злобный взгляд Ворона. Пока они с управляющим шли обратно к Ласточкиному Гнезду, ни один не оглянулся на деревянный ящик.

– Может, это его чему-то научит, – сказал Пиви.

– Может быть, – кивнул Дэл. – А может, он теперь не успокоится, пока не отомстит.

– Жаль, я сразу не разобрался, что он за человек, – вздохнул Пиви. – Мне нужно побольше таких, как ты и Баллард, и поменьше таких, как Суини: от него одни неприятности. Я и Вудалла предупрежу. По правде говоря, сам не знаю, долго ли еще останусь управлять этим лагерем. Может, мне понадобится человек, который возьмет дела в свои руки и готов будет все это разгрести.

Дэл понял намек, однако у него были свои планы на будущее.

Не дождавшись от него ответа, Тейлор спросил:

– Как думаешь, сколько его там держать?

– Хороший вопрос, – протянул Дэл. – Ключ у тебя есть?

Пиви остановился.

– А ключа-то ведь ни у кого нет и не было, только у него.

Они посмотрели друг на друга и одновременно произнесли:

– Вот те на.

Потом Пиви махнул рукой.

– Да ладно. Когда решу, что с него хватит, позову кого-нибудь, пусть взламывают. Пожалуй, надо бы сказать его жене, что Ворона пару дней дома не будет.

Дэл бросил на Пиви удивленный взгляд.

– Чьей жене?

Тот ткнул пальцем через плечо назад.

– Его.

– Так это его жена? – удивленно переспросил Дэл.

– А ты думал, кто у него там? Мать, что ли?

– Ну... да.

Тейлор хрюкнул.

– Это у нас шуточку такую пустили. У нее тут земля кое-какая есть, в Джорджии. Ворон говорил, что она сына хочет. Если дело выгорит, ему недурной кусок земли достанется. А он только об этом и мечтает, так он говорил. Да видно, затея ему боком вышла: она же с него теперь не слезает с этим ребенком. Он сюда затем и нанялся, чтобы отделаться от супружеских обязанностей, если ты понимаешь, о чем я.

Увиденное предстало перед Ризом в новом свете.

– Ага, понимаю.

– Я сам сначала не знал, кто она такая. Тоже решил, что его мать. Приезжает регулярно, как часы, живет с ним пару недель и снова

исчезает. Два месяца пройдет – она опять тут как тут: наверное, когда выяснится, что ребенка в животе нет. Ну ладно, теперь это не моя забота. Он уволен. Слушай, а почему бы тебе не остаться тут вместо меня? Заправлял бы делами не хуже моего, а то и получше.

– Я вообще-то тоже вряд ли надолго задержусь, – покачал головой Дэл. – Вот с долгами расплачусь, и, пожалуй, пора домой.

Лицо у Тейлора стало удивленным, а потом огорченным.

– А где твой дом?

– В Северной Каролине.

Пиви кивнул.

– А, красивые места.

Мысль о возвращении домой пришла неожиданно, когда управляющий заговорил о том, что хочет уйти из Ласточкиного Гнезда. А что держит здесь его, Дэла? В сущности, ничего, кроме долга. Хотелось думать, что его будущее окажется связано с Рэй Линн, но надежд на это было мало – да пожалуй, и вовсе не было. Если бы он ее интересовал, она бы уж как-нибудь дала это понять. Пусть как мужчина он сейчас не в лучшей форме, но в женщинах разбираться не разучился. Рэй Линн не проявляла к нему никакого интереса. Чем больше Риз думал об этом, тем сильнее хотелось поскорее отправиться в путь.

Он сказал:

– У меня есть сестра, а у нее муж. Депрессия эта, похоже, затягивается, конца ей не видать. Вот думаю посмотреть, не сумею ли им чем-нибудь помочь.

– В такие времена семья должна держаться вместе, – одобритительно кивнул Пиви.

Когда входили в лагерь, Дэл сказал:

– Надо бы, наверное, зайти взглянуть, как там женщины.

Управляющий снова кивнул, и они свернули к крыльцу Риддлов.

Тейлор просунул голову в дверь и крикнул:

– Эй?..

Отис выскочил навстречу, ткнул в него пальцем и заорал:

– Черт бы побрал эту бабу, которую ты нанял! Или мужика, или кто она там!

Пиви пропустил его выпад мимо ушей.

– Мы пришли их проведать. Как там Корнелия?

– Мою жену изуродовали!

Мужчины прошли следом за Отисом на кухню. Корнелия сидела за столом. Рядом стояли таз с водой, баночка с вазелином и зеркало. Корнелия тихо плакала, пытаясь осторожно отскрести смолу с правой щеки. При виде мужчин она прекратила это занятие и села, опустив голову и сложив руки на коленях, словно стыдясь себя. Трудно было разобрать, где ее темные волосы, а где липкая черная масса. Половина головы была в смоле, другая почти чистая, только несколько маленьких сгустков кое-где.

Дэл огляделся вокруг, и Отис сказал:

– Я знаю, кого ты ищешь. Так вот, ее здесь нет. Я ей велел убираться к чертовой матери.

– Ну и зря! – вмешалась Корнелия. – Она ничего не сделала.

– Ничего?! По-твоему, то, что я видел, это ничего? Позор!

– Куда она ушла? – спросил Дэл.

Риддл выпятил челюсть.

– Меня не волнует, куда, мне главное, чтобы в моем доме духу ее не было.

– А меня волнует, – возразила Корнелия.

– Тебе об одном нужно волноваться: о том, чтобы вести себя прилично, как положено.

– Ну-ну, – пробубнил Пиви, – это уж ни к чему.

Дэл посмотрел на Корнелию.

– Она не сказала, куда пойдет?

После слов мужа оживление Корнелии угасло, однако она успела бросить на Дэла взгляд, сказавший ему без слов: она знает. Отис смотрел на нее хмуро, словно заново прокручивал в уме сцену между ней и Рэй Линн. Дэл снова обратился к Корнелии:

– Я зашел узнать, как вы поживаете, и пожелать вам всего наилучшего.

Корнелия выпрямилась.

– Вы уходите?

– Как только получится, – ответил Дэл.

– Ты не можешь уйти, – заметил Отис. – Ты же деньги должен.

– Ничего он не должен, – заявил Пиви. – Моя компания обо всем позаботится. И, между прочим, если мисс Кобб что-то задолжала, то мы позаботимся и об этом.

Оторопевший Дэл пробормотал:

– Ты не обязан это делать, нет необходимости.

Но управляющий только отмахнулся.

Отис несколько раз открыл рот и снова закрыл, лишившись дара речи, а у Корнелии был такой вид, будто она потеряла все, что было ей дорого. Дэл никак не мог взять в толк, зачем она живет с таким мерзавцем. Не задумываясь о последствиях, он предложил:

– Вы ведь тоже можете уйти.

Корнелия смотрела на него опасно, словно такая мысль до сих пор никогда не приходила ей в голову.

– Какого черта? – в бешенстве прошипел Отис. – Никуда она не уйдет!

Риз присел на корточки возле ее стула.

– Все, что вам нужно, это добраться до Валдосты и дождаться поезда. Я помогу вам попасть в вагон. Раз уж, благодаря щедрости Пиви, мои обязательства здесь окончены, я хочу уйти поскорее.

Он видел, что искушение для Корнелии велико. Она явно задумалась. Отис встал между ней и Ризом и сжал кулаки, словно готов был ударить его. Дэл поднялся.

Риддл рявкнул:

– Ее место здесь, со мной!

Дэл не удостоил его ответом: он пристально смотрел на Корнелию. В ее глазах отражалась вся жизнь с Отисом: выгребная яма, полная непредсказуемости, покорности, а главное – страха. Бесцветным, лишенным надежды голосом она повторила слова Отиса:

– Мое место здесь, с мужем. Да мне и идти-то некуда.

Стоило ей это сказать, как Отис вновь преисполнился самодовольства и уверенности в себе.

– Она знает, что ей повезло в жизни. Особенно сейчас.

Корнелия встала и сказала:

– Погодите, я принесу вам кое-что.

Дэлу пришлось отступить. Не заставляя же ее уходить силой, если она не хочет. К тому же ей сейчас важно не наговорить лишнего, чтобы потом за это не поплатиться.

– Чего еще? – буркнул Отис. – Ничего ты ему не отдашь!

– Мэм, я не хочу доставлять вам лишние хлопоты, – сказал Дэл.

Корнелия, не обращая внимания на мужа, ответила:

– Никаких хлопот.

Дэл подумал: Корнелия, пожалуй, сильнее любого из них, если уж сумела прожить столько лет с такой тупой жестокой скотиной, как Отис Риддл. Он вышел подождать на улицу, а вскоре за ним потянулся и Пиви.

Управляющий оглянулся и сказал:

– Это ты молодец, что предложил ей помощь. Но она слишком напугана.

– Да, – кивнул Дэл. – Чертовски жаль, что тут говорить.

– Кто знает, может, она теперь задумается.

Через минуту Корнелия открыла дверь и спустилась по ступенькам с бумажным пакетом в руках. Отис тащился за ней по пятам. Передав пакет Ризу, Корнелия дважды быстро вытянула четыре пальца и взглянула на Дэла со значением, явно пытаясь что-то ему сказать.

– Корнелия! – позвал Отис.

Дэл нахмурился и еще раз искоса взглянул на Корнелию, но та больше ничего не могла сделать: муж следил за каждым ее движением. Она поспешила обратно в дом. Дэл смотрел на ее удаляющуюся спину, пока Риддл не захлопнул за ними дверь.

Пиви заметил:

– У меня такое чувство, что с этого дня она уже не будет так покорно его терпеть.

– Ради нее самой надеюсь на это, – согласился Дэл, все еще ломая голову над тем, что же она пыталась ему сказать.

– Слушай, – сказал Пиви, – я бы выкупил у тебя эту лошадь, если ты согласен.

Дэл не любил оставаться в долгу, а Пиви уже и так закрыл за него счет в магазине.

Он сказал:

– Только если позволишь выслать тебе деньги, когда я вернусь домой.

Тейлор вскинул ладонь.

– Не надо. Ты и так тут много сделал. Мы в расчете.

Дэл думал приехать домой верхом на Руби, но живые деньги нужнее. Пешком ему ходить не привыкать, а если что, кто-нибудь да подвезет.

– По рукам, – решил он.

Они пошли в кабинет управляющего, где тот открыл ящик и отсчитал деньги. Затем что-то нацарапал на листке бумаги и протянул его Дэлу.

– Вот мой адрес, домашний. Будет здорово, если мы не потеряем друг друга.

Риз взял адрес и сказал:

– Спасибо. Конечно, будет здорово.

Пиви схватил его за руку и крепко пожал.

– Счастливого пути, – сказал он.

– Надеюсь, ты тоже скоро уйдешь, – сказал Дэл.

– Скорей бы уже, – вздохнул Пиви. – Ты когда отправляешься?

Риз колебался. Теперь, когда он узнал, что Рэй Линн выгнали из дома Риддлов, он чувствовал, что надо бы попытаться разыскать ее и выяснить, есть ли ей куда идти. Но захочет ли она принять его помощь? Он ни разу не видел с ее стороны ничего, кроме легкого интереса к каким-то его словам, – ничего сверх этого.

– Не знаю, – вздохнул он и повозил носком ботинка по земле. – Я вот думаю: что там с этой Кобб?

– Мне почему-то кажется, – ухмыльнулся Пиви, – что она нигде не пропадет.

– Похоже на то, – согласился Дэл, уже смирившись с тем, что, вероятнее всего, никогда ее больше не увидит.

Глава 28. Рэй Линн

Отис засел в уборной, без всяких церемоний заявив, что от всех этих дел у него началось расстройство желудка, и крикнул Рэй Линн, что ей лучше исчезнуть до того, как он выйдет. Она торопливо собрала свои немногочисленные пожитки, а Корнелия пыталась помочь, хотя ей очевидно было больно и плохо. От застывшей смолы половина ее лица превратилась в какую-то гротескную маску, а глаза умоляли: «Не уходи». Та же мольба, что тихо звучала все те дни, когда Рэй Линн была на грани смерти, только теперь безмолвная, заполнила комнату.

Рэй Линн положила руку подруге на плечо и сказала:

– Нелли, он все видел. Пусть думает что хочет. Пусть винит кого хочет. Господи, посмотри, чего это тебе стоило! Не хватало еще новых бед. Пусть будет что будет.

Если бы не Отис, никто бы даже не узнал о том, что произошло между ней и Корнелией. Да, Рэй Линн это смутило, но не изменило ничего.

Что бы ни толкнуло подругу на этот поцелуй, важно одно: Корнелия искренне привязана к ней. Только одна Корнелия, больше никто – по крайней мере, с тех пор, как не стало Уоррена.

Рэй Линн была только рада, что Отис выгнал ее: она сама не могла бы оставаться с ним под одной крышей после того, что он натворил, но она беспокоилась о том, что будет с подругой, которая в эту минуту хлопотала, собирая для Рэй Линн еду. Корнелия завернула галеты с ветчиной, две жестянки чая и несколько тарталеток с персиковой начинкой. Наконец Рэй Линн сунула в карман платья пистолет и невольно вздрогнула.

– Что такое? – спросила Корнелия.

Рэй Линн указала на свой карман.

– Пистолет?

– Это тот самый...

Корнелию осенило.

– А... Уоррен.

Рэй Линн кивнула. Корнелия легонько провела пальцами по ее плечу и покачала головой.

– Эта штука, – указала она на пистолет, – освободила его от боли.

Вот что Рэй Линн любила в Корнелии, вот чего ей будет не хватать: способности понимать ее переживания и придавать им смысл. А вот что ей не нравилось, так это то, как Корнелия смотрит на ее карман, где лежит пистолет, – так, словно нашла ответ, который до сих пор не приходил ей в голову. Рэй Линн погладила подругу по руке, но больше медлить было нельзя: нужно идти, иначе она рискует столкнуться с Отисом.

Они вышли из маленькой комнатки, и Корнелия сказала:

– Через пару часов уже стемнеет. Ты ведь не прямо сейчас уходить собираешься?

– Нет, я пойду туда, где раньше жила. На одну ночь. А потом не знаю.

Женщины обнялись – опасно, словно украдкой, и лицо у Корнелии сморщилось. От застывшей смолы кожу стянуло, и черты лица исказились, что придавало им еще более трагический вид.

Корнелия схватила Рэй Линн за руку:

– Не знаю, что на меня тогда нашло. Прости. Сама все испортила. Я буду страшно переживать за тебя.

Рэй Линн сжала ее руку и проговорила уверенным тоном, хотя внутренней уверенности не чувствовала:

– Не переживай, пожалуйста. Мы всегда останемся подругами.

– Но я тебя больше никогда не увижу.

Рэй Линн понимала, что это правда. Другой рукой Корнелия зажала рот, и плечи у нее вздрагивали от сдерживаемых рыданий. Рэй Линн крепко обняла ее, потом отпустила и ушла, прижимая к груди сверток с вещами. Миновала тропинку, ведущую к хижинам цветных; там стояла тишина, и Рэй Линн подумала, что все разошлись по домам – ужинают, наверное. Наконец она добралась до номера сорок четыре, на всякий случай постучала в дверь и стала ждать. Она понимала, что в хижине никого нет, но рисковать не хотела. Через несколько секунд она огляделась по сторонам и открыла дверь. Ее встретил знакомый затхлый запах, сразу же вызвавший в памяти недели, проведенные здесь. Рэй Линн понуро опустилась на один из стульев за маленьким столиком.

Нужно было думать, что делать, куда идти. Идею вернуться в дом в Северной Каролине Рэй Линн отвергла в первые же секунды.

Неизвестно, что там произошло со времени ее отъезда, и неизвестно, чего наговорил Буч; может быть, ее уже разыскивают по заявлению Юджина. Можно устроиться работать официанткой. Готовить еду. Мыть посуду. Работать в магазине. Стирать и гладить. Куда возьмут. Но сначала решить, куда идти и где остановиться. Рэй Линн придвинула к себе маленький сверточек, лежавший на столе, сняла бечевку, которой перевязала его Корнелия, и при виде аккуратно уложенных продуктов на глаза навернулись слезы. Вспомнилось, как они вместе работали у Корнелии на кухне, в магазине, в саду и как ей было хорошо там, даже несмотря на присутствие Отиса. Теперь те дни казались сном.

Есть не хотелось, поэтому Рэй Линн снова завернула снесь и стала в тоске бродить по комнате. Потерла руки и заметила на коже крошечные капельки дегтя. Кажется, на полке должен был остаться кусочек мыла. Возле умывальника она пошарила рукой по шершавому дереву – мыло оказалось на месте. Рэй Линн осторожно выглянула в приоткрытую дверь, проверяя, нет ли кого поблизости. Быстро набрала в колонке воды, торопливо вернулась в дом и принялась оттирать черные пятна. Когда она закончила, мыло исчезло, но вместе с ним и почти вся смола.

Рэй Линн опустилась на свой жуткий тюфяк, и над ним поднялся шлейф пыли. Когда она работала в лесу, то так уставала, что почти не замечала здешних неудобств. Теперь же, после хорошей кровати и чистых простыней в доме Риддлов, спать здесь было все равно что в свинарнике. Но все же она легла и закрыла глаза. Какой-то шум разбудил ее – как ей показалось, уже через несколько минут, но, приподняв голову, она увидела, что в лачуге уже темно. В дверь стучали: тук-тук-тук. Рэй Линн нащупала в кармане пистолет и порадовалась, что он у нее есть, несмотря на все, что было с ним связано. Осторожно, на цыпочках она подошла к двери. Стук повторился. Она взвела курок и вздрогнула: таким громким показался щелчок.

– Не знаю, кто вы, но из-за этой двери на вас смотрит ствол, – громко сказала она.

Приглушенный, но знакомый голос отозвался:

– Рэй Линн, это я!

– Нелли?

Рэй Линн распахнула дверь, и Корнелия ворвалась в хижину.

– Скорее. Закрывай.

Рэй Линн выполнила ее просьбу и тут же спросила:

– Что ты здесь делаешь?

Корнелия была явно взволнована: она прижимала руку к груди, тяжело дыша. Рэй Линн подошла к столу, чиркнула спичкой, поднесла ее к фитилю лампы и подкрутила его так, чтобы огонек горел еле-еле, но все же комната озарилась теплым светом. Ожоги на лице Корнелии поблескивали, словно крошечные озера. На лице смолы уже не было, но волосы с одной стороны все еще были перепачканы. Корнелия положила на стол сверток – такой же, как тот, что она раньше приготовила для Рэй Линн. Потянула за прилипший к волосам сгусток смолы, поморщилась и отпустила.

– Нам нужно торопиться, – сказала она.

– Нам?

– Я иду с тобой.

Рэй Линн не сразу поняла, о чем речь.

– Ты уходишь? Уходишь от Отиса? – переспросила она.

– Я не могу больше оставаться с ним ни одной минуты, – ответила Корнелия. – Не могу больше его видеть, тем более теперь, когда даже тебя не будет рядом, чтобы помочь это вытерпеть! Он уснул, и я решилась.

– Боже мой!

– Надо уходить, пока он не проснулся и не увидел, что меня нет! – Корнелия достала из кармана ножницы. – Поможешь мне выстричь эту гадость? Я сама всюду не достану. Это недолго. Вот тут и тут. Где больнее всего тянет.

Рэй Линн взяла ножницы, протянутые подругой, – она просто не знала, что тут еще можно сделать. Корнелия опустилась на стул, повернувшись к Рэй Линн спиной. Осторожно отделяя пряди волос, слипшиеся от смолы, Рэй Линн стала их отстригать, а попутно уговорила Корнелию рассказать ей все. Та еще задыхалась, но говорила уже помедленнее.

– Во-первых, как только ты ушла, явились Пиви с Дэлом. Ворона в лагере больше не будет. Пиви его уволил, но это еще не все. Угадай, где он сейчас.

– Где? – недоуменно переспросила Рэй Линн.

– Дэл Риз посадил его в тот самый ящик. Он тоже уходит, Рэй Линн. И он мне сказал: «Вы тоже можете уйти». Сказал, что сам посадит меня на поезд. Но к маме я ехать не могу, ты же знаешь. Она скажет, чтобы я возвращалась к мужу. Она говорит, если в семье что-то не сложилось, то это женщина виновата.

Рэй Линн перестала выстригать пряди из волос Корнелии.

– Нелли, у меня нет никакого плана, мне некуда идти.

– Все равно! Лучше бродить по деревням с пустыми руками и без крыши над головой, чем провести с ним еще хоть минуту. Не надо было мне вообще выходить за него замуж. Сначала-то было еще ничего, пока я не узнала, что с ним не так. Он все время боялся, что я кому-нибудь расскажу. Я потом стала грозить, что расскажу, сама знаешь, но он еще хуже бесился.

Рэй Линн действительно знала и уже открыла рот, чтобы подтвердить, но Корнелия не могла остановиться: ей хотелось рассказать подруге всё.

– Я еще и деньги взяла, которые были у Отиса припрятаны. Он не просто взбесится, когда увидит, что я ушла: он еще и потребует, чтобы меня арестовали за кражу, знаю я его. Я была не в себе, ничего толком не соображала, но что сделано, то сделано. Обокрала собственного мужа, господи ты боже мой!

Она сунула руку в карман платья, вытащила пачку банкнот и, словно бы сама изумляясь своей дерзости, показала их Рэй Линн. Та обошла вокруг стула так, чтобы оказаться с подругой лицом к лицу. В глазах Корнелии была мольба. Рэй Линн вспомнила, как тяжело было ей самой, когда она решила покинуть маленький домик под соснами, не зная, что ждет ее впереди, и чувствуя себя такой одинокой.

– Нам нелегко придется: идти-то ведь некуда.

Корнелия пожала плечами.

– Трудности бывают разные, но жить с таким человеком, как Отис, и все время ждать, что он выйдет из себя, чуть только сделаешь что-то не по нему, – это до того трудно, что только и думаешь о том, о чем думать нельзя. Пожалуйста, Рэй Линн. Это мой единственный шанс.

У Рэй Линн было тревожно на душе, но уход от Отиса был, пожалуй, самым храбрым поступком Корнелии за всю ее жизнь, и отказать ей было бы жестоко. Это и правда был ее единственный шанс,

иначе Рэй Линн, наверное, посоветовала бы ей вернуться домой и постараться как-нибудь поладить с Отисом. Выражение лица Корнелии, когда та сказала Рэй Линн, что пистолет освободил Уоррена, внушало опасения: подруга явно потеряла всякую надежду. Корнелия помогла спасти ее, и Рэй Линн обязана ей жизнью, если не больше.

Наконец Рэй Линн сказала:

– Как-нибудь разберемся.

Корнелия сложила ладони, словно в молитве.

– Ой, спасибо тебе. Спасибо. Спасибо!

Рэй Линн ответила сухо:

– Благодарить особенно не за что пока.

– Да мне лишь бы от него подальше. Остальное неважно.

Рэй Линн отступила на шаг и взглянула на голову Корнелии. Волосы теперь стали совсем короткими. Гораздо короче, чем у нее самой в то время, когда она была Рэем Коббом.

Она предложила:

– Можешь надеть мою шляпу.

Потом взяла с полки зеркальце, протянула его Корнелии, и та стала пристально разглядывать себя. Смола исчезла, только подпалины кое-где остались, но в некоторых местах волосы пришлось срезать почти под корень.

– Да уж, красавца-мужчины из меня не получится.

Рэй Линн фыркнула.

– Из меня тоже не получилось.

В другое время они бы посмеялись над своими попытками шутить, теперь же их хватило разве что на слабую улыбку. Рэй Линн достала башмаки из-под кровати, куда бросила их раньше, и натянула на ноги. На Корнелии были плетеные босоножки на каблуках, и Рэй Линн тоже от таких не отказалась бы, но нарядная обувь слишком непрактична, когда предстоит много ходить, а то и бегать. Рэй Линн стала излагать Корнелии свои планы:

– Поедем на грузовике. У него радиатор барахлит, но можно набрать воды вот в этот кувшин и взять с собой на всякий случай.

– Может, лучше бросить машину тут? Слишком уж близко к магазину и дому. Вдруг Отис увидит.

– Нужно попытаться, – настояла Рэй Линн, – иначе потом сама жалеть будешь. – Она бросила многозначительный взгляд на

босоножки подруги.

Та согласилась:

– Наверное, ты права, – и голос у нее дрогнул.

– Прямо сейчас? – спросила Рэй Линн.

– Давай. Хорошо бы успеть уехать до темноты.

Они вышли из дома, и, проходя мимо пустого номера сорок два, Рэй Линн в который раз пожалела, что не может поблагодарить Дэла Риза за спасение. Интересно, куда он пойдет и что будет делать дальше. Вероятнее всего, она этого никогда не узнает. Полная луна во всем своем великолепии взошла над деревьями, и стало видно тропинку – молочно-белую полоску на мягкой песчаной земле. Через несколько минут они вышли к лачугам цветных. Вдалеке в ночном воздухе плыла музыка, журча, словно река. Из кабачка доносился женский смех, а где-то в вышине, на дереве неподалеку, распевал пронзительную ночную песню козодой. Воздух был еще теплым, еще благоухал летними ароматами жимолости, дикого винограда и рыбным запахом воды от бегущего поблизости ручья. Рэй Линн сказала себе, что бояться нечего, надо только держаться в тени, когда дойдут до центра лагеря. Они шли быстрым шагом, пока не остановились при виде дома Корнелии. Он весь светился, будто выдолбленная тыква на Хеллоуин: свет лился изо всех окон. Рэй Линн услышала, как Корнелия ахнула. Она схватила подругу за руку и потянула за собой, шепнув:

– Скорее.

Пригнувшись, они подбежали к грузовику, залезли в кабину и закрыли дверцу, постаравшись сделать это как можно тише. Корнелия в восторге захлопала в ладоши, а Рэй Линн тем временем пыталась вспомнить, как завести машину.

Корнелия пискнула:

– Скорее, Рэй Линн! Боже мой, он уже понял, что меня нет!

– Я стараюсь. Надо сделать все как полагается. Нельзя, чтобы мотор заглох или потек. Тогда нам никакая темнота не поможет.

Она сидела на водительском сиденье, пытаясь вспомнить, куда девала ключ. Пошарила по полу и наконец нащупала его возле левой ноги. Вставила в замок зажигания, не забыв отрегулировать отсечку топлива. Потянула дроссель и повернула ручку, как показывал ей Уоррен. Голос мужа звучал у нее в голове, подсказывая, что делать.

Они тренировались много раз, и теперь все, чему Уоррен ее учил, припоминалось шаг за шагом. Рэй Линн включила нейтральную передачу, несколько раз поправила дроссель. Наконец включила зажигание, поставив одну ногу на сцепление, а другую – на стартер. Снова потянула дроссель, и – с ума сойти! – двигатель завелся. Он работал негромко, но для Рэй Линн это приглушенное постукивание было все равно что удары отбойного молотка. Корнелия подпрыгивала на сиденье, прикрыв рот рукой, и оглядывалась через плечо на свой дом.

– Надо ехать! – повторяла она. – Как бы он не услышал эту штуку!

Рэй Линн бросила на подругу быстрый взгляд.

– Нужно его немного прогреть перед... – И замерла, глядя широко распахнутыми глазами на крыльцо дома Риддлов.

Корнелия тоже взглянула туда и крепко, до боли, схватила Рэй Линн за руку.

– Давай, давай!

Та стала возиться с рычагом переключения передач, а Корнелия взвизгнула:

– Боже мой! Он уже на крыльце!

Рэй Линн переключила передачу на задний ход, выжала сцепление раз, другой, и машина покатила назад. Она молилась, чтобы найти первую передачу, вторую... а грузовик, кажется, готов был вот-вот заглохнуть: он закашлял и задымил, когда она, все-таки сумев включить первую скорость, забыла выжать двойное сцепление.

– Давай, давай! – бормотала она про себя. – Вспоминай, чему тебя учили! Не зевай!

Грузовик дернулся и покатиł вперед, подчиняясь неуклюжему управлению, но хороший бегун мог бы их и догнать. Рэй Линн не знала, насколько хорошо бегают Отис, но, когда она осмелилась снова взглянуть в его сторону, он приближался и, судя по положению головы, пытался их разглядеть. Рэй Линн уловила тот самый момент, когда Отис узнал ее: рот у него превратился в зияющую дыру, и он бегом бросился к машине. Рэй Линн сумела переключить передачу с первой на вторую, но, когда они проносились мимо, Отис умудрился схватить Корнелию за руку. Она завизжала и дернулась влево, навалившись на Рэй Линн. Ногти мужа оставили у нее на предплечье длинные

царапины. Когда они стали набирать скорость, Отис хлопнул рукой по заднему борту грузовика и взревел:

– Корнелия! Что ты творишь, черт тебя подери!

Рэй Линн осмелилась оглянуться: он все еще бежал за ними. Корнелия подалась вперед, низко пригнув голову, вцепившись руками в приборную панель.

– Быстрее, быстрее, – твердила она, – а то он догонит!

Рэй Линн снова оглянулась и увидела уже не только Отиса, но и еще одну фигуру, бегущую следом за ним. Кажется, это был Дэл Риз, но Рэй Линн не могла сказать с уверенностью, да и не до того было за рулем. Она прибавила скорости, а Корнелия, до смерти боявшаяся, как бы муж все-таки не изловчился вскочить в кузов, даже обернуться назад не могла: не осмеливалась. Они неслись вперед все быстрее, фары выхватывали из темноты траву, сосны, кусты.

Наконец они миновали поворот, и Рэй Линн заявила:

– Нелли, мы быстро едем, ему нас не догнать. Можешь сесть нормально. Я его уже не вижу.

Корнелия в оцепенении подняла голову и уставилась в лобовое стекло. Развернулась на сиденье и оглянулась через плечо, а затем, снова повернувшись лицом вперед, хлопнула ладонью по приборной панели.

– Смогли! – закричала она. – Мы смогли, Рэй Линн!

Та улыбнулась ей.

– Еще как смогли.

А потом нажала на газ, и Ласточкино Гнездо осталось позади.

Глава 29. Дэл

Когда он уже собирал вещи, его осенило, что за сигнал Корнелия пыталась ему подать, когда показывала четыре пальца, дрожащих в ритме бьющегося сердца. Он наскоро собрал кое-какие продукты и, не оглядываясь, покинул дом десятника. Риз уже шагал к холостяцким хижинам, как вдруг откуда-то донесся слабый голос, вынудивший его остановиться.

– Ты его не видел?

Жена Ворона. Она стояла прямо на пути, держа в руках мерцающий фонарь, и ждала ответа. Свет фонаря несколько не смягчал ее черты.

Дэл, разумеется, солгал:

– Нет, не видел.

Он нетерпеливо ждал, что она еще скажет. Женщина опустила фонарь, и теперь он светил не в лицо, а на ноги.

Она сказала:

– Вечно он так. Возьмет и пропадет куда-то. Ужинать не пришел.

Дэл сочувственно хмыкнул, просто чтобы отделаться от нее.

– Если увижу его, скажу, что вы его ищете.

– Да не стоит беспокоиться. Если к утру не явится, я уйду. Хватит с меня.

Кажется, она была в отчаянии, хотя кто ее знает. Она прошла мимо, покачивая фонарем из стороны в сторону и вглядываясь в лес, как будто ждала, что Ворон оттуда выскочит. Дэл пошел дальше своей дорогой, выбросив из головы все мысли о Суини и его жене. Он уже решил, что терять ему нечего. Вот сейчас он возьмет и скажет Рэй Линн, что видит для них какое-то совместное будущее. Если она откажет – что ж, он хотя бы попытался. Его внимание привлек гул заводящегося двигателя. Грузовик в лагере был только у одного человека. Риз развернулся и побежал туда – как раз вовремя, чтобы увидеть, как грузовик резко виляет в сторону, а Отис пытается схватить... кого? Корнелию? Тут Рэй Линн оглянулась через плечо прямо на Риза. А потом они исчезли: грузовик скрылся за поворотом.

Сердце у Дэла сжалось. Отис, совершенно осатаневший, в ярости метался туда-сюда.

– Эй! – рявкнул он, увидев Дэла, и тяжело зашагал прямо на него, бешено размахивая руками, как будто Дэл его не видел. Голос Риддла разнесся в ночи: – Видал? Вместе уехали! Боже! Так я и знал! Знал, что от нее жди беды!

Отис орал на Дэла, как будто это он был во всем виноват. Сам же Дэл жалел только о том, что так поздно разгадал тайный знак Корнелии. Мог бы еще застать их обеих. В ответ на вопли Отиса он прикинулся дурачком.

– Кто уехал?

Риддл, весь дрожа от возбуждения, вскинул руки вверх.

– Кто! А ты как думаешь? Эта стерва Кобб и моя жена, вот кто!

– Ты уверен?

– Уверен? Да какого черта! Ты что, тупой, слепой или и то и другое? – Он уже орал во всю глотку. – Моя жена была не в себе с тех самых пор, как эта женщина переступила порог моего дома! Как одна рядом, так с другой сладу нет! Только и знали, что шушукаться у меня за спиной! Как будто я дурак!

Риз молчал, а Отис начал задыхаться от негодования, и ему пришлось прервать свою тираду, чтобы не лишиться чувств.

Он ткнул в Дэла пальцем и пробурчал:

– Я тебе скажу, что тебе надо было сделать. Надо было оставить эту дрянь в ящике. Пусть бы сгнила там к чертовой матери. Очень надо таких спасать. Шлюха она паршивая, вот она кто!

Почти не думая, Дэл сжал кулак и врезал Отису прямо в зубы. У того голова дернулась назад, а глаза изумленно распахнулись. Удар был сильный, резкий, и такое поведение было настолько не похоже на Дэла, что он и сам себе изумился. Риддл согнулся, закрыв нижнюю половину лица обеими руками, а потом пробормотал сквозь пальцы, чуть приподняв голову и устремив на Дэла злобный взгляд:

– Ты чего мне морду бьешь?

– А чтобы не трепался о женщине, которая, может быть, станет моей женой, вот чего.

Глаза у Отиса диковато выпучились.

– Твоей женой?! Ну что, удачи.

Теперь, когда Дэл высказал свою мечту вслух, ему хотелось, чтобы так и было. Он ткнул в Отиса пальцем.

– Ни слова больше про нее.

Риддл сплюнул и сказал:

– Я просто хочу вернуть свою жену. Куда я без нее? – Под конец голос у него стал как у хнычущего ребенка.

– Может, тебе стоило подумать об этом, когда ты прижигал ей руку сигаретами, толкал и орал на нее, – рассудил Дэл. – Может, тогда она бы тебя, недоумка, не бросила.

Отис в отчаянии заломил руки.

– Кто мне будет готовить? Стирать мою одежду? Следить за домом?

Нижняя губа у него капризно надулась. Что ж, неудивительно. Риз взглянул в ту сторону, куда уехал грузовик. Она уехала. Он понятия не имел куда и не знал, увидит ли ее еще когда-нибудь. Все вышло не так, как он хотел. Дэл бросил на Отиса взгляд, полный отвращения, взял свой узел и решил, что теперь можно уходить. Здесь его больше ничто не держит. Отис остался одиноко стоять на улице, глядя на свой опустевший дом, будто не знал, что теперь делать. Риз не стал больше с ним разговаривать. Он торопливо зашагал дальше, но тут, проходя мимо тропинки, ведущей к ящику, услышал издали слабые крики, заметил раскачивающийся фонарь и остановился на секунду. Должно быть, Ворон вопит, а светящийся шар, порхающий вокруг него, как светлячок, – это фонарь его жены. Как она отыскала Ворона, Дэл не знал, да его это и не заботило. Вскоре он был уже так далеко, что не слышал ничего, кроме собственных шагов.

Выйдя на полянку среди деревьев, он остановился, чтобы взглянуть на лагерь при свете луны. Ласточкино Гнездо выглядело безобидно в мягком, призрачном вечернем тумане, клубящемся вокруг лачуг и обступивших их сосен. Не верилось, что он, Дэл, уходит отсюда. Он ожидал, что застрянет тут на какое-то время, а долги тем временем будут только расти. Но, спасибо Пиви, теперь он свободен. Легкая улыбка смягчала черты его лица, когда он шагал по заросшей травой саванне, и чувство освобождения проникало в каждую мышцу, в каждую косточку – как в тот раз, когда он вырвался из засыпавшей его кукурузы. Луна поднималась все выше, и Дэл стал слышать

затаенные звуки то слева, то справа: ночные обитатели леса тоже вышли на тропу.

Так он шел несколько часов, пока горизонт не начал окрашиваться в розовый цвет. Впереди снова ждал жаркий день, только теперь без тяжелого труда, спешных подсчетов выработки, беготни среди сосен и пометок в учетной книжке. Опять он сам себе хозяин и может отдохнуть когда вздумается – правда, пока такого желания не возникало. Хотелось идти дальше. О Рэй Линн Дэл старался не думать. Старался ни о чем не жалеть. Это был чистейший самообман, но Риз упорно гнал от себя непрошенные мысли.

Около полудня, когда солнце поднялось над деревьями, Дэл отыскал тихое местечко с ручейком неподалеку. Должно быть, он прошел уже немало. Тут он был в своей стихии: места глухие, кругом ни души. Дэл уселся под сосной и подкрепился обычными дорожными припасами – сыром, крекерами и венскими сосисками, а потом достал листок бумаги, который дал ему Пиви. Развернул и прочитал беспорядочные каракули: «Приезжай как-нибудь. Не работать. На рыбалку ходим. Счастливо тебе. Притчард Тейлор, трасса 2, Вудбайн, Джорджия».

Риз снова сложил листок и сунул обратно в карман. Вот вернется домой и сразу напишет ответ. У ручья он зачерпнул воды жестяной кружкой, попил, а потом опять пустился в путь, шагая по середине широкой грунтовой дороги – главной магистрали с запада на восток. Больше часа он шел мимо бедняков, обрабатывавших поля сухой, комковатой земли, на которой росли чахлые бобы или табак. За все это время ему встретился только один автомобиль, к сожалению ехавший в обратном направлении, иначе бы Дэл поднял большой палец. То тут, то там попадались ветхие домишки, слегка оживлявшие пустой сельский пейзаж. У одного из таких домиков под ореховым деревом сидел мальчик, а рядом с ним примостился толстый щенок. Мальчик помахал рукой, щенок вскочил и залаял. Дэл помахал в ответ. Рыжая пыль оседала на ботинках, тишина успокаивала.

Если бы только...

Он отогнал эту мысль раньше, чем успел произнести про себя имя Рэй Линн.

День клонился к вечеру, солнце уже садилось за спиной, касаясь верхушек деревьев. Пора было наконец сделать привал, да правду

сказать, Дэл сам уже чувствовал, что надо бы передохнуть. Он стал искать подходящее местечко для ночлега.

Он надеялся, что по пути попадется какой-нибудь магазинчик, где можно взять чего-нибудь прохладительного, чтобы как следует расслабиться после жаркого дня. Как раз в тот момент, когда он уже решил, что пора устраиваться на ночлег, перед ним вдалеке показалось приземистое прямоугольное строение с вывеской. Может, тот самый магазинчик, который ему так нужен? Дэл зашагал дальше и вскоре увидел, что это автозаправка. Ну что ж, пепси там наверняка можно купить.

Подойдя ближе, Риз заметил припаркованный у входа грузовик, который показался ужасно знакомым. Куда бы Рэй Линн с Корнелией ни направлялись, они не могли не оказаться здесь: шоссе-то одно. И все же какое удивительное совпадение, если это и правда ее машина: Дэл, конечно, миль тридцать уже отшагал, но они-то уже давно должны бы пересечь границу Южной Каролины. Риз обошел вокруг грузовика и заметил зияющую дыру в радиаторе. Кажется, Пиви говорил, что у машины с радиатором беда. Колокольчик на двери звякнул, она открылась, и оттуда вышли Рэй Линн и Корнелия. На лицах у них отразилось такое же изумление, как только что у самого Риза. Он тронул пальцем край шляпы.

– Здравствуйте, леди.

Первой обрела дар речи Корнелия.

– Никак в себя не приду. Это же Дэл Риз! Смотри, Рэй Линн, это Дэл Риз! Как мы рады вас видеть!

Дэл усмехнулся.

– Взаимно.

Рэй Линн улыбнулась в ответ – уже что-то.

Она указала на дыру в радиаторе и пояснила:

– Быстро перегрелся. Мы брали с собой воду, но ее ненадолго хватило. Только сюда и добрались, и вот уже почти всю ночь и весь день тут сидим.

Это была самая длинная речь, какую Дэл слышал от нее.

Он спросил:

– А тут починить не могут?

– У них нужной детали нет. Придется заказывать, – и она кивнула на магазинчик позади.

– Куда же вы хотели ехать?

Женщины не ответили, и Ризу стало жалко их: было очевидно, что они сами не знают. Вышел хозяин заправки, пожилой седовласый мужчина с лицом цвета ореха пекан – видно, не один год провел на солнце. Руки он держал в карманах комбинезона, а нижняя губа была оттопырена от засунутого под нее жевательного табака.

Старик сказал:

– Жаль, у меня нет того, что им нужно. Понадобится ждать несколько дней, пока эту деталь привезут. У нас тут поблизости, считай, ничего нет, сами видите. Когда надо что-то привезти, это дело небыстрое.

– Понятно, – сказал Дэл. Он присел на корточки перед грузовиком и ткнул пальцем в радиатор. – На решетке какой-то налет.

– Там был кусок мыла, – объяснила Рэй Линн. – Да должно быть, высох, пока машина на жаре стояла, вот и вывалился.

Дэл сказал:

– У меня есть мыло.

– Вот это повезло, – обрадовался владелец заправки. – Они у меня тоже мыло спрашивали, но у меня нет.

Лицо Рэй Линн просияло.

– А у вас, значит, есть?

– Слава богу! – подхватила Корнелия.

Дэл снял с плеча узел и развязал. Достал брусок мыла, совсем нетронутый, еще в обертке.

– Это в момент решит дело.

Рэй Линн подошла к грузовику вслед за ним.

– Спасибо.

Риз вынул перочинный нож, отрезал от мыла кусок и заткнул им дыру. Отступил назад, чтобы полюбоваться на свою работу.

– Пока что должно выручить.

Рэй Линн повернулась к хозяину заправки.

– Вы не могли бы принести нам воды?

– Это запросто.

Он взял их кувшин и ушел в магазин. Вернулся с полным кувшином, и когда вода была залита в радиатор, Рэй Линн забралась на водительское сиденье и принялась заводить двигатель. Он послушно завелся. Рэй Линн повернулась к Дэлу и одарила его сияющей

улыбкой. Его сердце тут же подпрыгнуло и никак не хотело опускаться обратно. Так и трепыхалось в груди, пока Риз судорожно втягивал воздух, как собака, пытающаяся отдышаться. Эта женщина зацепила его, как ни одна другая. Дэл заставил себя отвести глаза и подумал: «Боже мой, до чего же она красивая».

Повернувшись к Корнелии, он сказал:

– Судя по звуку, все в порядке.

Та взяла его за руку и встряхнула.

– Большое-пребольшое вам спасибо.

– Не за что, – ответил он.

Корнелия выпустила его руку, и какое-то время никто не двигался с места.

– Ее, наверное, заправить надо? – предположил хозяин.

– У вас есть деньги? – спросил Дэл.

Женщины переглянулись и ответили разом:

– Есть.

Хозяин жестом показал Рэй Линн, чтобы та подогнала грузовик к колонке. Дэл ждал, пока насос качал бензин, с грустью думая о том, что вот сейчас эти женщины снова исчезнут из его жизни. Хозяин положил в карман деньги, протянутые Корнелией, и это натолкнуло Риза на мысль.

Хозяин тем временем сказал:

– Если это все, буду закрываться. Может, вам еще что-нибудь нужно?

Дэл все еще был бы не прочь выпить чего-нибудь холодненького, но не хотелось упускать возможность еще немного побыть рядом с Рэй Линн. Женщины покачали головами. Хозяин коротко махнул рукой, ушел в магазин, задернул штору и перевернул табличку той стороной, где было написано «Закрывается».

Рэй Линн вышла из машины, встала рядом с Корнелией и спросила:

– А вы куда направляетесь?

Обе с любопытством смотрели на него.

Дэл решил воспользоваться шансом и сказал:

– Домой, к сестре. Если вы меня подвезете, я с радостью готов платить за бензин. Кстати, сестра охотно устроит вас у себя, пока не разберетесь, что делать дальше.

– Очень любезное предложение, – ответила Корнелия. – Что скажешь, Рэй Линн?

Та помолчала, а затем спросила:

– А где живет ваша сестра?

– В Северной Каролине.

У Рэй Линн широко распахнулись глаза, и она решительно покачала головой.

– Спасибо, но нет.

– Ой, – расстроилась Корнелия. – Надо же так...

Дэл нахмурился. Рэй Линн называла себя Смоляной Пяткой...

– Откуда, говорите, вы родом?

Она не смотрела на него и не отвечала. Дэл готов был поклясться, что там, в Ласточкином Гнезде, она говорила про Южную Каролину, но он еще тогда заподозрил, что это неправда. Он отступил на шаг и вскинул руки вверх.

– Ладно, неважно. Просто в голову пришло.

– Вы очень добры, – отозвалась Корнелия. – По-моему, идея годится: других-то все равно нет.

Рэй Линн снова подала голос:

– Нет, не годится.

Если бы Дэл любил спорить на деньги, он поставил бы на то, что в этой короткой фразе звучал страх.

Глава 30. Рэй Линн

Рэй Линн тут же снова забралась в грузовик и стала смотреть на Дэла с Нелли в боковое зеркало. Корнелия пожала плечами, словно не понимала, что беспокоит ее подругу. К еще большей досаде Рэй Линн, Дэл повторил этот жест. От такой их реакции она чувствовала себя полной дурой – как будто упрямилась без всякой причины. На самом-то деле они просто не переживали того, что пережила она. Рэй Линн отвела взгляд и стиснула руки, словно выжимала тряпку для посуды. Корнелия подошла к окошку с водительской стороны.

– Может, подвезем его немного, а, Рэй Линн?

– Сначала немного подвезем, а там не успеем опомниться, как окажемся в Северной Каролине.

– Ну нет, так далеко не поедем. Каких-нибудь несколько миль. Надо же отблагодарить парня за помощь.

Рэй Линн задумалась. Чем это может им повредить? Неизвестно, сколько времени займет у Дэла путь домой, если ему придется идти пешком.

Ей не хотелось показаться капризной, но тут Корнелия добавила:

– Северная Каролина – штат немаленький. Как по мне, не мешает хотя бы узнать, где живет его сестра. Может, это совсем в другой стороне, далеко от твоего дома.

Так, значит, эта идея все еще обсуждается.

Голос Рэй Линн стал резким.

– Я сказала, что никогда туда не вернусь, и ты знаешь почему, Корнелия.

Дэл вскинул свой мешок на плечи, словно понимая, что спор вышел из-за него. Через минуту он уже снова шагал по дороге. Рэй Линн смотрела ему вслед, разрываясь между чувством вины и желанием оградить себя от опасности.

Корнелия поглядела вслед удаляющейся фигуре и сказала:

– Прости. Я знаю, что у тебя есть причины.

Она обошла машину кругом и села на пассажирское сиденье. Когда они проезжали мимо Риза, Корнелия обернулась и печально помахала рукой. Махнул ли Дэл в ответ, Рэй Линн не знала. Она

понимала, что поступила бессердечно, более того – глупо и что после этого никогда больше не осмелится на него глаза поднять. Обе женщины молчали, и чем дальше, тем хуже Рэй Линн себя чувствовала. Мрачно хмурясь, она нажала на газ, и за ними поднялось клубящееся облако пыли. Она взглянула в зеркало бокового обзора. Дэл Риз превратился в точку. Через пару секунд она посмотрела еще раз – его уже не было видно. Так они проехали еще несколько минут, прежде чем Корнелия решилась подать голос:

– Рэй Линн...

– Не говори ничего.

Рэй Линн стиснула руль так, что костяшки на обеих руках побелели. Корнелия уставилась в окно. Слышны были только шум мотора и свист ветра в ушах. Настроение в кабине маленького грузовичка переменялось. Чем дальше они отъезжали, тем тяжелее становилось у Рэй Линн на душе. Как же она выглядит в его глазах! Неблагодарная. Капризная. Эгоистичная... Через несколько минут Корнелия повторила попытку, но уже настойчивее.

– Рэй Линн!

Та немного убавила газ.

– Да?

– Он нас здорово выручил, вот что.

Рэй Линн хмыкнула.

– Да, знаю.

– Он спас тебя от этой пытки в ящике. Заходил узнать, как ты. Заступался за нас перед Вороном и перед Отисом. Проучил этого гада Ворона так, что тот надолго запомнит. Подвезти его чуть-чуть – это же такая малость по сравнению с тем, что он сделал для нас.

Рэй Линн еще немного помедлила. К ее досаде, доводы Корнелии звучали слишком убедительно.

– Может быть.

– Нам и о своем положении надо подумать.

– Наверное.

– Ты сама сказала, плана у тебя нет, и раз уж нам некуда податься... Ну вот что будет, если дождь пойдет? А если мы не сможем найти работу? А если...

Рэй Линн перебила:

– Знаю. Я же тебе говорила, когда мы уезжали: будет нелегко.

Корнелия умолкла, скрестив руки на груди, и впервые за все время их знакомства Рэй Линн подумала, что подруга, кажется, сердита на нее. Она остановила машину. Они сидели посреди дороги, заглушив двигатель и глядя в грязное, усеянное пятнами от разбившихся насекомых лобовое стекло.

Корнелия повернулась к Рэй Линн и спросила:

– Почему ты так боишься возвращаться в Северную Каролину? В том, что случилось с твоим мужем, нет твоей вины. Ты сделала то, что должна была сделать, да и все равно же никто не знает, так какая разница?

Рэй Линн потерла лоб. Голова начинала болеть.

– Кое-кто знает, – наконец ответила она. – Он видел меня сразу после этого и по-своему понял то, что произошло. У меня в руках был пистолет. А Уоррен лежал рядом. Убитый двумя выстрелами. Выглядело как-то не очень. – Рэй Линн покосилась на Корнелию: та сидела с раскрытым ртом, лишившись дара речи.

– О...

Рэй Линн отвела взгляд и проговорила негромко:

– Его зовут Буч Крэндалл. Он был другом Уоррена. Попытался меня шантажировать. Сказал, если я не буду с ним... ну, ты понимаешь...

Корнелия ахнула.

– Он хотел, чтобы ты?..

– Да.

– Какой же он друг после этого? – недоуменно проговорила Корнелия.

– Он сказал, что всегда был ко мне равнодушен. Странный, конечно, способ это показать. Он грозил, что расскажет сыну Уоррена, Юджину, если я не сделаю то, чего он хочет. Я испугалась, что меня посадят в тюрьму. Мое слово против его. Поэтому я и переделалась мужчиной – на случай, если делу дадут ход. А в этих лагерях рабочим предоставляют жилье. Тогда казалось, что это отличный выход.

– Но откуда ты узнала про Ласточкино Гнездо?

– Да просто случайно, насколько я помню. Буч рассказывал Уоррену, что здесь, в Джорджии, добывают смолу, когда мы обсуждали, как наладить дела на нашей маленькой ферме. Это недалеко, и я подумала, что тут можно будет начать новую жизнь.

– Свинство с его стороны – выжить тебя из собственного дома, – сказала Корнелия. – Что там сейчас происходит, как думаешь?

– Наверное, там теперь Юджин хозяин. Уоррен так и не собрался переписать завещание, когда мы поженились.

– Да уж, – вздохнула Корнелия. – Такие люди, как этот Буч, – уж поверь мне, я-то знаю, – от них беды не оберешься. Но все равно могу поспорить, что никто тебя не ищет, зря боишься.

– Я не стану рисковать.

– Я бы, наверное, тоже не стала на твоём месте. Но речь-то про Дэла Риза. Он ведь не такой. Мы у него в долгу. Просто подвези его немного.

Рэй Линн в задумчивости барабанила пальцами по рулю. Не говоря ни слова, она развернула грузовик и двинулась в обратную сторону – туда, откуда они только что приехали. Вскоре впереди показалась фигура.

Рэй Линн указала на нее и спросила:

– Как думаешь, это он?

– Наверное.

– Не говори ничего о том, что я тебе рассказала.

Корнелия словно бы обиделась:

– Конечно, нет. Я и не думала.

Подъехав ближе, Рэй Линн сбросила скорость, а потом остановилась.

Она попыталась улыбнуться и спросила:

– Хотите, подвезем?

Дэл был удивлен, но раздумывать не стал: проворно закинул свои вещи на заднее сиденье, а затем подошел и встал у окна со стороны Рэй Линн. Посмотрел вдаль, туда, где горизонт мерцал и подрагивал от волн теплого воздуха.

– Жара сегодня ужасная, – сказал он.

– Да уж, – согласилась Рэй Линн.

– Спасибо вам.

– Не за что.

Хорошо хоть, он не стал допытываться, почему она передумала.

Рэй Линн спросила:

– Где живут ваши родные?

– В округе Блейден.

Рэй Линн перебрала в голове все, что было ей известно. Во-первых, ее дом в округе Харнетт, в часе езды от Блейдена. Во-вторых, как не устают напоминать Корнелия, никаких других планов у них все равно нет. Правда, если бы Рэй Линн была одна, то ни за что бы не поехала в Северную Каролину. Покупала бы газеты, заезжая в маленькие городки в Джорджии или Южной Каролине (ближе, по ее мнению, лучше было не показываться), искала бы по объявлениям работу и комнату в аренду. Вот как она, пожалуй, поступила бы, – но кто знает, нашлось бы что-нибудь или нет. Тем более сейчас, когда страна все еще в глубокой депрессии. И ведь им необязательно оставаться там надолго, они могут уехать в любой момент, а на первое время это решит проблему. Рэй Линн чувствовала на себе выжидающие взгляды спутников.

– Вы сказали, что у вашей сестры можно остановиться? – Краем глаза она заметила какое-то движение. Должно быть, Корнелия благодарил Бога за то, что подруга образумилась.

Риз подтвердил:

– У нее большой фермерский дом, там места достаточно.

– Спасибо за предложение. Мы его принимаем.

Дэл открыто улыбнулся ей.

– Сьюди Мэй примет вас со всем радушием, я уверен.

На земле лежала его тень, длинная и тонкая в сумерках.

Рэй Линн указала на переднюю часть грузовика:

– Фары работают хорошо, но я не очень-то умею водить ночью.

– Я не прочь сесть за руль, – сказал Дэл. – Можем проехать дальше, поискать подходящее место для отдыха.

– Хорошо, – согласилась Рэй Линн.

Она отодвинулась на середину сиденья. В кабине стало тесновато, но после работы в Ласточкином Гнезде и лагерной диеты все трое были тощими и жилистыми, как дворовые цыплята. Дэл развернул грузовик, и они снова двинулись на северо-восток, занятые каждый своими мыслями. Рэй Линн старалась не замечать, что они с Дэлом касаются друг друга плечами и бедрами, но всякий раз, когда грузовик подпрыгивал на кочке, она чувствовала, как ее прижимает к боку Риза. Время от времени Корнелия показывала им на что-то, что привлекало ее внимание. На людей, все еще пытавшихся спасти хлопковые посевы, зараженные долгоносиком. На магазинчик, где у входа

продавали арбузы, – и Дэл, не говоря ни слова, остановился, купил один и закинул на заднее сиденье. Потом они увидели мужчину, который катил перед собой ребенка, девочку, в самодельной деревянной тележке. Девочка звонила в колокольчик, а на тележке спереди была прикреплена табличка с надписью: «Иисус грядет! Вы готовы?» Дальше по пути им попались двое мальчишек с тростниковыми удочками и банкой червяков, стоявшие на краю узкого моста и ловившие рыбу в ручье, а рядом сидел мужчина и поучал их, прихлебывая самогон из бутылки.

Корнелия сказала:

– Каких только забавных штук не насмотришься перед самой темнотой.

Рэй Линн с Дэлом что-то согласно промычали. Риз гнал грузовик еще с полчаса и наконец остановился. Никто особенно не разговаривал: все слишком устали, не терпелось выйти из кабины и размять ноги. Дэл достал арбуз и разрезал перочинным ножом. Они вгрызлись в красную мякоть и в один голос заявили, что такого сладкого и сочного арбуза в жизни не едали. Втроем они доели его весь – с таким наслаждением, что не замечали, как розовый сок течет по подбородкам. Впервые за последние месяцы Рэй Линн чувствовала себя легко и беззаботно.

Когда с арбузом было покончено, Дэл предложил:

– Давайте вы ляжете спать сзади, а я устроюсь тут, в кабине.

Рэй Линн была совершенно измотана, и у нее не нашлось возражений.

– Я не против.

Дэл спросил:

– Ничего, если я сыграю пару песен на Мелоди? – Он показал им губную гармошку.

Женщины в один голос сказали, что будут только рады.

– Я слышала вашу гармошку, когда мы были, так сказать, соседями в Ласточкином Гнезде. Вы называете ее Мелоди?

– Да. Глупо, наверное. Надеюсь, я вам не мешал.

– Нисколько, – отмахнулась Рэй Линн. – Я всегда с удовольствием слушала.

Подруги забрались в кузов грузовика и положили под головы узлы со своими скудными пожитками. Устраиваясь поудобнее, Рэй Линн

увидела, что Дэл снял ботинки, высунул ноги в пассажирское окно, прислонился затылком к дверце с водительской стороны и заиграл. Она снова легла и стала смотреть в небо. Была прекрасная летняя ночь, теплая, с легким ветерком, а над ними простиралось черное полотно, на котором перемигивались и приплясывали звезды. В паузах между мелодиями губной гармошки Рэй Линн слышала вой койотов и крик совы, а потом глаза у нее закрылись сами собой.

На рассвете грузовик слегка закачался, и Рэй Линн приподнялась на локтях. Дэл стоял перед машиной, склонившись над радиатором. Рэй Линн исподтишка наблюдала за ним, размышляя, почему он не женат и как жил до сих пор. Потом Риз распрямился и направился в лес. Рэй Линн выбралась из грузовика, стараясь не потревожить Корнелию – та тихонько похрапывала во сне. Через пару минут Дэл вернулся. Рэй Линн стояла у дверцы с пассажирской стороны и ждала, когда он ее заметит.

Он как будто слегка вздрогнул от неожиданности, а потом сказал:

– Доброе утро. Чего бы я сейчас не отдал за чашечку кофе!

Рэй Линн улыбнулась и ответила:

– Доброе утро. Я тоже.

Их голоса разбудили Корнелию.

Она приподнялась.

– Боже мой, уже утро?

Рэй Линн подумала, что теперь, без Отиса, Корнелия стала совсем другой. Такая спокойная, чаще улыбается, лицо веселое.

Она снова улеглась и вздохнула:

– Вот так бы все спала и спала.

Рэй Линн ушла подальше в лес – ей нужно было в туалет. Когда она вернулась, Корнелия, все еще полусонная, побрела в ту же сторону.

Когда с этими делами было покончено, Корнелия объявила:

– Я сяду сзади.

Они выехали на шоссе, и Рэй Линн охватило странное чувство. В последний раз она проезжала эти места, когда муж возил ее куда-то. С ностальгической тоской она представила, что за рулем сидит Уоррен, что прошедших месяцев просто не было. Если Дэл примет ее молчание за отчуждение, так тому и быть. Она ничего не могла поделать со своими чувствами. Дэл, впрочем, был молчалив, словно тоже чем-то озабочен. Он остановился у магазина с рекламной вывеской: «Горячие

булочки с ветчиной!»), купил булочки всем троим, и, к их удивлению, хозяин принес еще и настоящего кофе в бумажных стаканчиках. В середине дня они остановились в Диллоне, в Южной Каролине, чтобы заправиться. Под маленьким тентом возле заправочной станции какой-то человек варил арахис в котелке, подвешенном над костром под большим дубом. Они купили по пакету арахиса и холодной пепси-колы, устроились у своего грузовика, припаркованного в тени дома, и принялись за еду. Они сидели бок о бок (Рэй Линн посередине) и негромко разговаривали – в основном о том, как едва уловимо изменилась местность с тех пор, как они выехали из Джорджии. По мере продвижения на север и восток заросшие травой саванны становились более холмистыми, но воздух был все такой же сырой. Время от времени налетал легкий ветерок, от него трепетали маленькие разноцветные флажки, которые хозяин развесил вокруг заправки.

Рэй Линн смотрела, как Дэл берет орех, кладет в рот целиком, высасывает сок из скорлупы, а затем разгрызает ее передними зубами. Бросает мягкие орешки в рот, запивает глотком пепси-колы, и все по новой. Ее заворожило это зрелище: точно так же ел вареный арахис Уоррен.

Осторожно оглядевшись и убедившись, что рядом никого нет, Корнелия сняла шляпу и провела рукой по тому, что осталось от ее волос.

– Так, глядишь, и привыкну. Хорошо вам, мужчинам. Так куда легче и прохладнее, чем с длинными волосами.

– Еще бы, – согласилась Рэй Линн. – Мне самой уже хочется остричь их опять, да покороче. Как у тебя.

Дэл среагировал мгновенно:

– Ну нет, не надо.

Рэй Линн думала, что жарче, чем сейчас, уже и быть не может, но от того, как он смотрел на нее, она почувствовала себя как в те дни, когда металась в лихорадке: ее будто огнем изнутри опалило. Она опустила взгляд на свой пакетик с арахисом. Дэл помялся, подбирая слова, и наконец сумел кое-как сложить из них связную фразу:

– Я хотел сказать, мне нравится, как сейчас. Длинные, в общем.

Рэй Линн почувствовала, как локоть Корнелии ткнул ее под ребра, и пихнула подругу в ответ, еще сильнее. Мало ли что ему нравится!

Разговор о длинных волосах будил воспоминания о том, как она их остригла и разбросала пряди по могиле Уоррена. Вареный арахис потерял свой вкус, и Рэй Линн снова вернулась в прошлое. Ей вспомнилось, что всего несколько месяцев назад ее повседневная жизнь складывалась из раздумий о том, что приготовить на ужин, стирки одежды, работы в саду и других многочисленных дел, заполнявших их с Уорреном дни. Если она захочет, то снова острижет волосы, нравится это Дэлу Ризу или нет! Они доели арахис, допили газировку, свернули пакеты и бросили их в бочку, служившую урной.

Рэй Линн сменила тему:

– Сколько нам еще ехать, как вы думаете?

– Да почти приехали, – ответил Дэл.

Корнелия помахала рукой перед лицом, пытаясь развеять неподвижный воздух.

– В такую жару не хочется толкаться в тесноте. Поеду уж сзади до конца.

Рэй Линн огорчилась. Это означало, что она опять останется наедине с Дэлом, и, хотя утром он ни о чем не расспрашивал, она чувствовала, что он слишком часто на нее поглядывает, словно готов вот-вот заговорить. Ей совсем не хотелось вести светские беседы. Она ведь представляла, о чем Риз может спросить: чем она занималась до Ласточкиного Гнезда, какое у нее было детство, где ее родители, почему она сделала то, что сделала...

Она схватила Корнелию за руку.

– Давай я поеду сзади. Мне нужно расположиться посвободнее. Спина болит. – Спина не болела, но нужно же было что-то сказать.

– Ты уверена? – спросила Корнелия.

Рэй Линн попыталась отшутиться:

– Да, уверена: болит, и еще как.

Риз, конечно, вызвался помочь, и Рэй Линн пришлось согласиться, иначе стало бы очевидно, что она в состоянии забраться в кузов сама, а значит, про спину соврала. Когда Дэл взял ее под руку, чтобы посадить, Рэй Линн показалось, что придерживал он ее чуть дольше, чем нужно, но не хотелось показаться грубой, и она не отстранилась. Села боком к ступице колеса, чтобы видеть дорогу и впереди, и позади. Она смотрела, как Дэл с Корнелией сидят рядом, часто смеются и на что-то показывают друг другу. Стало любопытно, о чем

они говорят. Дэл притормозил на перекрестке, остановился и вышел из кабины.

– Хотите пересесть вперед? – спросил он. – Мы уже близко.

Рэй Линн потянулась к заднему борту:

– Хорошо.

Конечно, он помог ей выйти: у нее же якобы спина больная. Корнелия соскочила с сиденья, давая Рэй Линн место в середине, и бросила на подругу взгляд, который та будто бы не заметила. Последние несколько миль все молчали. Когда они свернули на грунтовую дорогу, Рэй Линн уловила волнение Дэла в том, как он нервно постукивал пальцами по рулю. Они медленно катили по дорожке к дому, и голова у Риза то и дело крутилась из стороны в сторону. Рэй Линн не сомневалась, что пешком можно было бы дойти быстрее.

– Давно вы не бывали здесь? – спросила она.

– Очень, очень давно.

Рэй Линн увидела целые акры длиннохвойных сосен по обе стороны участка. Дэл сказал, что когда-то давным-давно их посадили его дед и отец. Дальше потянулись кукурузные и бобовые поля, и наконец перед ними встал забор из штакетника. Дорожка сквозь проем в заборе вела к белому, крытому шифером двухэтажному фермерскому дому, стоявшему под сенью огромных вязов и белых дубов. Рэй Линн поглядывала на Дэла: тот сидел чуть улыбаясь и держал руки на руле. Через минуту он вышел из машины и встал рядом, все так же оглядываясь по сторонам. На крыльцо вышла женщина, а за ней – высокий крепкий мужчина. С обеих сторон к нему жались двое детей, мальчик и девочка, и он приобнимал их за плечи. Женщина приложила руку козырьком к глазам и с опаской взглянула на грузовик. На ней было светло-желтое платье, а поверх него цветастый фартук в пастельных тонах. При виде ее Рэй Линн представился сад, полный нежных весенних цветов.

Риз воскликнул:

– Не узнаешь, Сьюди Мэй?

Женщина опустила руку, схватилась за щеки и вопросительно проговорила:

– Дэл?

Он раскинул руки в стороны, словно хором дирижировал.

– Дэл! Это ты! Боже мой!

Она сбежала с крыльца, бросилась к Дэлу через двор и, смеясь, сжала его в объятиях с таким пылом, что он чуть не упал, а потом Риз подхватил сестру и закружил в воздухе. Рэй Линн смотрела на них, и ей хотелось, чтобы и у нее был такой же близкий человек. Мужчина и дети сошли с крыльца, а Рэй Линн с Корнелией вылезли из машины и встали рядом. Корнелия застенчиво надвинула шляпу пониже, а Рэй Линн забеспокоилась – не будут ли они обузой этой семье? Дэл, все еще обнимая сестру одной рукой, протянул другую своему зятю. Затем Сьюди Мэй представила детей. Рэй Линн разобрала имена: Норма и Джоуи. Дэл присел перед племянниками на корточки, стал разговаривать с ними, и красный комок в груди Рэй Линн заколотился чуть быстрее. Потом Дэл встал, указал рукой на своих спутниц, наклонился поближе к сестре и мужу и стал им что-то говорить. Рэй Линн напряглась, а Корнелия так стиснула ей руку, что костяшки хрустнули. Никогда еще Рэй Линн не чувствовала себя такой ненужной, лишенной цели и оторванной от всего мира, – но тут Сьюди Мэй подошла к ним, раскинув руки, словно мать, встречающая давным-давно потерянных детей.

Часть III. Гнездо

Глава 31. Дэл

Солнце ударило в лицо – совсем как в детстве, когда он спал в этой самой комнате. Едва Дэл открыл глаза и понял, где находится, как его охватило ощущение уюта и благополучия. Он сел в своей детской кровати, упираясь ногами в спинку. На двух окнах рядом висели одинаковые, пожелтевшие от старости занавески, и сквозь них на подушку падал теплый луч. За окнами открывался знакомый пейзаж – его можно было увидеть даже не вставая. Вокруг дома росли дубы и вязы, а за ними тянулись поля до самого леса, где росли длиннохвойные сосны.

Дэл поднялся, налил воды в таз для умывания, ополоснул лицо, пригладил волосы и оделся. Спускаясь с крыльца, провел рукой по перилам из темного дерева. На нижней ступеньке он остановился, зацепившись взглядом за свои инициалы на резном столбике, которые выцарапал ножом, когда ему было лет девять, и наклонился, чтобы получше рассмотреть корявые буквы: «ДР». Весь дом был оклеен обоями с одинаковым рисунком – букетики цветов на кремовом фоне. Мама говорила, что это ее домашний садик. Единственной комнатой, выделявшейся среди других, была кухня, выкрашенная в светло-желтый цвет.

Сейчас оттуда доносились голоса, и когда Дэл вошел, все уже сидели за длинным столом и пили кофе из цикория, а Норма и Джоуи по обе стороны от матери молча поглощали яичницу, помидорные ломтики и бисквиты с патокой.

Сьюди Мэй сказала: «Доброе утро», и остальные тоже.

Дэл кивнул.

– Доброе утро.

Сестра встала и налила ему кофе. Он сел за стол, огляделся и подумал, что словно попал в другой мир. Еще два дня назад он был в Ласточкином Гнезде, а теперь сидит здесь, с сестрой, ее семьей, Корнелией и Рэй Линн. Такого поворота событий он никак не предвидел. Риз сидел и слушал, как женщины обсуждают новости. Сьюди Мэй читала статью из свежей газеты о марше за солдатскую надбавку – ветераны Первой мировой разбили лагерь в Вашингтоне в

ожидании новостей о положенных им выплатах, – а потом из более старой – о победе Рузвельта на выборах кандидата от демократов. Затем она перешла к заметке о состоянии фондового рынка. Он упал до минимума со времен краха, и в газете говорилось, что общие потери составили восемьдесят шесть процентов.

Эймос, ее муж, попросил:

– Почитай нам о ценах на кукурузу.

Сьюди Мэй перелистнула несколько страниц и нашла нужное место.

– Все еще снижена процентов на семьдесят пять, – сказала она. – Не стоит ни затрат, ни хлопот.

– Вот свинство, – возмутилась Корнелия.

– И конца ему не видно, – подхватила Сьюди Мэй.

Дэл наблюдал за Рэй Линн: та слушала, опустив голову и сложив руки на коленях.

– Мы не хотим быть вам обузой, – сказала она наконец. – Два лишних рта, и вообще...

Сестра ответила так, как и ожидал Дэл:

– Я же вам говорила: у нас есть огород. Мы живем неплохо. Не голодаем, всего хватает. К тому же с вами будет веселее. И пара лишних рук никогда не помешает, особенно с этими двумя, – она указала на детей. – Вы не смотрите, что они сейчас такие тихонькие.

Дети продолжали есть, не сводя с приезжих блестящих глаз. Дэл подумал: если они пошли в Сьюди Мэй, то эти невинные личики и смирное поведение недолго продлятся. Он взглянул через стол на Рэй Линн и увидел, что та тоже на него смотрит. Она быстро отвела взгляд, покраснев, как помидор у нее на тарелке. Явно нервничает. Что бы она ни говорила насчет того, откуда она родом, Дэл готов был поспорить, что она не из Южной Каролины. Что-то случилось такое, о чем она не хочет говорить. Что-то, что привело ее в Ласточкино Гнездо в таком наряде. Эта женщина – настоящая загадка.

Сьюди Мэй облокотилась на стол, как делала когда-то мама, когда хотела поговорить с дочерью, и спросила:

– Что думаешь делать сегодня?

– А как вы смотрите на то, чтобы завести маленькую скипидарную ферму, денегат немного подзаработать? – предложил он.

Сьюди Мэй засомневалась.

– Тут больше никто этим не занимается. Да и сосен вроде бы почти нигде не осталось, только у нас. Пожалуй, сбить живицу будет нетрудно.

– Я бы попытал счастья, – сказал Дэл. – Seriously. Эти деревья уже почти везде повырубили. Хорошо хоть, мы имеем то, что имеем. Вот думаю поглядеть пока, что тут дед с отцом насадили.

Рэй Линн наливала горячий кофе в блюдце. У Дэла мелькнула мысль: вот было бы хорошо, если бы она пошла с ним. Он бы расспросил о ее жизни, может, и выяснил бы, чем ее так пугает Северная Каролина. Сюди Мэй сидела на краешке стула, по-птичьему прищурилась глазами, и смотрела на брата знакомым взглядом – так, будто что-то знала. Потом она перевела взгляд с него на Рэй Линн, с понимающим видом вздернув подбородок. Дэл словно услышал ее слова: «Ага. Вижу, к чему дело идет». Впрочем, спешить было некуда. Ни к чему слишком явно проявлять нетерпение. Дэл сделал глоток из чашки и обжег рот. Не обращая внимания на сестру, отлил немного кофе в блюдце, чтобы остыл.

Эймос сказал:

– Если решишь, что сосны уже годятся в дело, я знаю человека, который делает бочки. У него их сколько угодно, и еще может сделать, если надо. А вверх по реке ходит пароход, на нем можно возить твою живицу в Уилмингтон.

– Где тут ближайшая пристань? – спросил Риз.

– В Рокфише есть.

– Туда смолу нетрудно будет доставить, – сказал Дэл. – Я бы за день перевез. Сначала хочу пожечь там немного, расчистить подлесок. Наверное, можно было бы вернуться к старому методу, с вырубленными коробами, но, как по мне, лучше делать так, как в том лагере, где мы работали.

– Я видел, – кивнул Эймос. – Новомодные глиняные чаши и жестяные желоба. Изобретательно придумано.

– Да уж. Один парень – беспокойный малый, правду сказать, – ввел такой метод еще в том лагере в Джорджии, где мы были раньше. Ей-богу, он эти деревья любил больше себя самого.

– Я тоже такого парня знал, – усмехнулся Эймос. – Хочешь, бери сегодня мой грузовик.

– Спасибо, – покачал головой Дэл, – пожалуй, пешочком пройду, погляжу, что тут да как.

Он поднялся со стула и обнял сестру, как они когда-то обнимали маму каждое утро.

Сьюди Мэй стиснула его в объятиях и в шутку пригрозила:

– Плакать не буду, но при каждом удобном случае стану повторять: как я рада, что ты вернулся домой.

Он потрепал ее по волосам, кивнул остальным, вышел в заднюю дверь и целую долгую минуту смотрел на те места, где прошло его детство. Господи, как же он соскучился – до сих пор даже сам не понимал насколько. Сердце щемило, и хотелось пуститься через весь двор бегом, как в детстве, чтобы поскорее побродить по округе. Риз подошел к кустам диких роз, растущим вдоль забора, сорвал несколько цветов и заметил, что лес за забором стал выше и гуще, чем ему помнилось. Вот и старый амбар, а вдалеке – табачные сараи. Дэлу не терпелось посмотреть, как все изменилось с тех пор, как он был здесь в последний раз, и он двинулся в лес по знакомой, хоть и заросшей тропке, почти скрытой от глаз. С ностальгической грустью он вспоминал, как когда-то вместе с бабушкой и отцом ходил смотреть на длиннохвойные сосны, как они мечтали о том, как в один прекрасный день деревья вырастут.

На знакомых поворотах тропинки его сопровождали голоса из прошлого: вспоминалось, как отец с дедом говорили, что эти деревья их всех переживут. Он смотрел все вверх и вверх, пока шея не затекла. Сосны были хороши. Стояли, высокие и изящные, с красивыми вечнозелеными плюмажами на верхушках, гнулись и колыхали кронами на ветру, а когда ветерок перебирал иголки, они издавали мягкий шелест, словно шептали: «С возвращением!» Потом Дэл вышел к ручью, где когда-то в жаркие летние дни они с Сьюди Мэй бултыхали босыми ногами в прохладной воде. Наконец, побродив еще немного и увидев все, что хотел, он повернул назад и направился к семейному кладбищу. Сквозь деревья виднелась крыша дома. Родители были похоронены рядышком, так же, как прожили свою жизнь, – бок о бок. Дэл положил цветы на надгробную плиту, снял шляпу и склонил голову. Погоревал вслух о том, что не был с ними до конца, сказал, что любил их и надеется, что они это знали.

Выговорившись, он стал вспоминать, какими родители были друг с другом. Любить отца было нелегко: человек он был, как мама выражалась, твердолобый. Забавно, что и он о ней говорил ровно то же самое. Дэл полагал, что отчасти их упрямство передалось и ему. Он хотел, чтобы у него тоже было как у них. Чтобы кто-то всегда был рядом и любил его, несмотря ни на что. Хотел стабильности, хотел знать, чем закончится каждый новый день, хотел разделить жизнь с единственным человеком. До Рэй Линн Кобб Риз об этом не думал. А теперь ответ на самый главный вопрос о его будущем зависел от нее, а она даже не подозревала об этом.

Вернувшись в дом, он увидел, что женщины вместе с Нормой и Джоуи собирают овощи в огороде. В том конце росли помидоры, кабачки и окра. За людьми по пятам ходили куры в ожидании, что им бросят кусочек чего-нибудь. На земле то тут, то там валялись непригодные для еды овощи, и когда кто-то отбрасывал в сторону помидор или кабачок, куры тут же налетали, радостно хлопая крыльями.

Сьюди Мэй помахала брату рукой.

– Мы уже заканчиваем.

Корнелия тоже помахала ему и снова принялась за работу. Рэй Линн была тут же. Она не подняла глаз, даже когда заговорила Сьюди Мэй. Сестра подошла к Дэлу, вытирая лицо тыльной стороной ладони, и его поразило, как сильно она, повзрослевшая и изменившаяся с тех пор, как он видел ее в последний раз, стала похожа на мать. Лицо, руки и ноги у нее были коричневыми от загара. Глаза такие же светло-голубые, как у него, – в отца, а волосы как у мамы, темно-каштановые с рыжинкой. И нос по-прежнему в веснушках, как в детстве.

Недавние мечты о будущем слегка поблекли, когда сестра спросила:

– Кто эта Рэй Линн Кобб?

Риз снова перевел взгляд на двух женщин, работавших в огороде.

– Сам точно не знаю, – признался он.

– Из нее и двух слов не вытянешь. Я спрашивала о ее семье: говорит, выросла в сиротском приюте. Спрашивала, как она попала в лагерь, и у нее сделалось очень странное лицо. Тут вмешалась Корнелия, начала болтать какие-то глупости, и стало понятно, что она

пытается сменить тему, а Рэй Линн после этого ушла подальше и так с тех пор и работает одна.

– У нее чертовски необычная история, – сообщил Дэл, – по крайней мере, то, что я знаю. Она приехала в Ласточкино Гнездо, переодетая мужчиной.

– Правда?

– Да, потому-то у нее такие короткие волосы, а когда я ее впервые увидел, они были еще короче. Она пришла в мужской одежде. Сказала, что ее зовут Рэй Кобб. Все сразу почуяли: что-то не так. Но сначала мы думали, что это мальчишка из дому сбежал.

– Ничего себе!

– Да, и работала она вместе с мужчинами, и жила в доме для холостяков. И только когда один сукин сын по прозвищу Ворон засунул ее в парилку за то, что она не выполняла норму, мы узнали, что она женщина. Три дня она в этом ящике пролежала. Чуть-чуть не умерла. А Корнелия ее выходила. Они дружат. Подозреваю, что Корнелия знает ее историю. В общем, мы ушли из лагеря после того, как этот ублюдок, Ворон, попытался облить Рэй Линн смолой. Но промахнулся и попал в Корнелию. Вот почему у нее волосы так острижены.

– Но за что?

– Муж Корнелии, Отис, сказал, что Рэй Линн ее поцеловала. Якобы он застал их за этим делом.

Сьюди Мэй бросила удивленный взгляд на Рэй Линн, а затем снова повернулась к брату:

– Ты ему веришь?

– Я верю, что он видел, как они целуются, вот только кто кого целовал? – Он пожал плечами.

Сестра заявила:

– Наверняка у нее были свои причины так поступить – переодеться мужчиной и все такое. Женщина разве что с отчаяния на такое пойдет.

Рэй Линн с Корнелией теперь работали бок о бок – каждая на своей грядке, но близко, чтобы можно было разговаривать, и Дэл не сомневался, что они этой возможностью пользуются.

– В этих лагерях иногда ужас что творится, – поежилась Сьюди Мэй. – Нам, пожалуй, еще везло.

– Да уж, этот лагерь не чета тем, где мы жили с папой и бабушкой. В тех люди были хорошие, не то что Отис, муж Корнелии, или Ворон – с ними беды не оберешься.

– А ты-то как туда попал? В последний раз ты писал, что работаешь на какой-то большой ферме в округе Клинч.

Риз потер шею.

– Работал. Я, наверное, отчасти сам виноват, что так получилось. Сделал кое-что такое, чего не надо было делать.

Сьюди Мэй прищурилась, чем снова напомнила Дэлу мать: вот так же сурово та смотрела, когда улавливала какой-то потаенный смысл за его словами.

– Должно быть, что-то серьезное, – предположила Сьюди Мэй.

Дэл скрестил руки на груди и почувствовал, что краснеет, как школьник.

– Ну...

– Так что случилось?

– Хозяин фермы пытался подстроить несчастный случай, так сказать. Послал меня в бункер, кукурузу утаптывать.

Сьюди Мэй испуганно воскликнула:

– Тебе повезло, что жив остался! Там люди гибнут сплошь и рядом.

– В бункере случилось кое-что необычное.

– Что?

Дэл, не отвечая, переминался с ноги на ногу.

– Почему у тебя такое лицо? – спросила сестра.

– Какое?

– Как тогда, когда мы пугали друг друга рассказами о привидениях.

Дэл ткнул ее локтем в бок и пошутил:

– Может, ты сейчас с привидением и разговариваешь.

Глаза у Сьюди Мэй стали большими и круглыми.

– О чем это ты?

– Меня засыпало кукурузой.

– О господи! – ахнула она.

– Дальше еще интереснее. По крайней мере, мне так кажется.

Сестра взглянула на него с любопытством, и Риз, глядя на свои башмаки, стал рассказывать:

– Я потерял сознание и вдруг стал видеть все, что происходит. Я работал там еще с двумя парнями и видел, как они разгребают кукурузу – пытаются меня вызволить. Потом еще третий прибежал, он где-то в другом месте работал. Тоже начал разгребать. А потом раз – и я уже лежу на траве, пыль выкашливаю. Как только смог говорить, спросил, где тот, третий. А они удивились, откуда я про него знаю, он же потом прибежал, когда меня совсем с головой засыпало. А когда я пришел в себя, тот парень уже ушел работать. Это никак объяснить нельзя.

Он так давно ни с кем не говорил об этом, что теперь происшествие казалось глупостью. Как сон. Дэл передернул плечами и отвел взгляд. Он уже начинал думать, что все это было задумано как некий урок для него.

Однако Сьюди Мэй приняла его рассказ как должное.

– Видно, не пришло еще твое время.

– Выходит, что так.

Она подняла бровь, глядя в сторону Рэй Линн.

– И?..

Рэй Линн с Корнелией снова разделились: Рэй Линн перешла на другую грядку.

Дэл потер подбородок и пожал плечами.

– Что – и?

– От чего она, по-твоему, бежала?

– Ума не приложу.

– Она очень красивая.

– Наверное.

– Господи помилуй, ты что, слепой?

– Я-то вижу прекрасно. Беда в том, что она меня в упор не видит.

Сестра улыбнулась:

– Я знаю только одну причину, чтобы женщина на мужчину не смотрела.

Риз снова попытался пошутить:

– Я что, такой урод, да?

Сьюди Мэй рассмеялась.

– Или так, или есть другой мужчина.

Дэл задумался. Может, она уже замужем и, как Корнелия, сбежала от какого-нибудь придурка, не способного распознать свое счастье?

Если так, то, должно быть, он не очень-то ее ценил – не так, как ценил бы сам Дэл на его месте.

Сьюди Мэй продолжала размышлять вслух:

– Я хочу сказать, почему она как будто от чего-то скрывается?

Дэл не знал, что на это ответить. Понятия не имел. Сестра опять поглядела на Рэй Линн, а та как раз бросила взгляд в их сторону, словно почувствовала, что разговор идет о ней. Дэл представил себе, что она видит: дом на заднем плане, огород, полный вкусной еды, дети, пастбище, по которому тут и там бродят коровы, любимые сосны. Они могли бы стольким владеть вместе – он и она. Он был бы рад отдать все это ей, но, как и в тот раз, в Ласточкином Гнезде, когда он едва сдержал внезапный порыв чувств, Рэй Линн просто вернулась к работе. Что бы она ни думала об этом доме или о самом Ризе, вид у нее был такой, словно она никого вокруг не замечает.

Глава 32. Рэй Линн

Мало-помалу, под действием беззаботной жизни на ферме, тугой узел страха у нее в груди стал ослабевать. Но было и то, что осталось прежним: память об Уоррене. Воспоминания – неотступные, как зной, неизменные, как время, хорошие и плохие, – были всегда с ней. Их с Уорреном последний миг до сих пор стоял перед глазами так ярко, что казалось, будто и другие вот-вот начнут смотреть на нее с ужасом, потому что эта картина каким-то образом станет видна и им. Рэй Линн досадовала на себя за то, что не сумела толком ответить на расспросы Сьюди Мэй в огороде, и была уверена: по ней заметно, что она что-то скрывает. Но, хоть она и понимала, как выглядит ее поведение со стороны, сказать правду было невозможно. Никто, кроме нее самой, не считая разве что Корнелии, не способен понять эту историю по-настоящему. Сколько бы она ни оправдывала себя за содеянное, в глазах окружающих она предстанет в совсем ином свете. Они будут думать о ней самое худшее. Ей и самой-то нелегко было отделаться от таких мыслей.

В тот день она видела, как Дэл и его сестра о чем-то долго беседовали, то и дело поглядывая в ее сторону. Возможно, они решили, что раз ей нечего ответить на их вопросы, то с ней что-то не так и как бы она не навлекла беду на их головы. Дело осложнялось еще и тем, что ей здесь очень нравилось: нравилась и семья Дэла, и просторный дом. Нравилась крашенные деревянные полы, потемневшие до цвета патоки, нравилась разложенные тут и там коврики в разных стилях. У них с Корнелией были отдельные комнаты с мягкими кроватями. Обстановкой своей спальни Рэй Линн не могла налюбоваться: ночной столик с лампой у кровати, мягкое кресло с красивой обивкой у одного из окон, комод и еще один столик, поменьше, с маленькой мягкой банкеточкой. На столике стояли таз для умывания и кувшин, всегда наполненный прохладной родниковой водой, рядом лежали щетка для волос и зеркальце с ручкой. Нравилась Рэй Линн и обои с одинаковым рисунком по всему дому – Дэл как-то мимоходом сказал, что их выбирала его мама и называла своим домашним садиком. Конечно, эти люди не были богаты, да и дом у них был вовсе не такой уж

роскошный. Кое-где он уже обветшал: не мешало бы обновить перила на крыльце и заново выкрасить стены.

Но все это, в сущности, не имело значения. Главным было ощущение настоящего дома, милосердие в сердцах его обитателей, великодушие и доброжелательность. По утрам Рэй Линн любила присесть на минутку в кресло у окна, через которое веял легкий ветерок, шевеля белые шторы. «Так спокойно тут», – думала Рэй Линн, облокотившись на подоконник, глядя на улицу и слушая пение птиц. Дни их заполнял здоровый усердный труд, а по вечерам, после ужина, все выходило на большое крыльцо и сидели в качалках, обмахиваясь веерами, пока Норма с Джоуи играли во дворе. Рэй Линн чувствовала себя виноватой за то, что ей бывает так хорошо в эти минуты. Не хотелось уходить отсюда теперь, когда она уже прижилась и, если иметь смелость признаться самой себе, временами бывает даже чуть-чуть счастлива. Однако уговор есть уговор. Они с Корнелией с самого начала обещали, что это ненадолго, и понимали, что Дэл, его сестра и Эймос просто из вежливости не решаются попросить их уйти.

Однажды утром, вскоре после того, как Рэй Линн решила, что пора уже думать, как быть дальше, она пошла искать Корнелию: нужно было поговорить о том, не чересчур ли они тут загостились. Она нашла ее развешивающей выстиранную одежду на веревке за домом. Норма была тут же – подавала прищепки по мере надобности и трещала без умолку. Рэй Линн прислонилась к деревянному столбику перил. Норма разулыбалась, показывая щербинку между двумя передними зубами. Нос и щеки у девочки были усыпаны веснушками, как и у матери. Корнелия потянулась за мокрой рубашкой и тоже улыбнулась подруге.

– Привет, Рэй Линн.

– Привет.

Через пару дней после приезда сюда Корнелия сбрила остатки волос. Смола исчезла без следа, и ожоги на лице уже заживали. Голову она повязывала яркими косынками, а иногда надевала и шляпу, которую отдала ей Рэй Линн. Щеки у нее покраснели от жары, но глаза были ясные и сияли счастьем. Теперь уже не казалось, будто она все время ждет, что на нее вот-вот накричат или ударят ее. Она ходила по дому и по двору легкой, расслабленной походкой. Рэй Линн видела,

что Корнелии здесь так же хорошо, как ей самой, но нельзя же злоупотреблять добротой этой семьи.

Рэй Линн сказала:

– Норма, ты бы спросила у мамы, не нужно ли принести чего-нибудь с огорода.

– Да, мэ.

Норма побежала к дому с криком: «Мама!», а Рэй Линн стала подавать прищепки вместо нее. В это время года стрекот цикад уже шел на убыль: приближался конец летней симфонии. Без неутомимого жужжания вокруг стало заметно тише. Корнелия закончила развешивать одежду и стояла, уперев руки в бока, лицом к солнцу. На загорелой коже розовели шрамы от ожогов.

Рэй Линн сказала:

– Кажется, ты совсем не скучаешь по Отису.

– Это будет ужасно, если я скажу, что ничуть.

– Ничего тут нет ужасного. Правду не всегда легко признать, да?

Корнелия повернулась к ней, и выражение ее лица слегка изменилось: в нем проглянул намек на что-то запретное.

– Не всегда.

Рэй Линн было хорошо с Корнелией, но непонятные мысли, которые блуждали в голове подружки в такие странные моменты, вызывали тревогу. Рэй Линн отвела взгляд и решила заговорить о том, ради чего пришла сюда.

– Знаешь, – сказала она, – мы ведь здесь уже вторую неделю.

– Неужели столько времени прошло?

– Да. Пора подумать о том, что дальше делать, куда идти.

Плечи у Корнелии поникли.

– Мы ведь так уговаривались с Дэлом, – напомнила Рэй Линн.

– Ну да.

– Может, Сюди Мэй знает кого-то, кому нужна помощь. Она каждую среду носит ужин проповеднику в Первую баптистскую церковь. Может, в церкви кому-то помощь нужна. Или кто-то знает, где можно снять комнату.

– Да.

Голос у Корнелии был упавший, и Рэй Линн не могла ее винить. Здесь они чувствовали себя в безопасности и не раз обсуждали, как правильно сделали, что решились поехать сюда.

– А тебе хочется уходить? – спросила Корнелия.

Рэй Линн уклонилась от прямого ответа.

– Нас сюда пустили по доброте душевной, и никто ни слова не сказал насчет того, что мы так долго гостим, ничего такого. Но нельзя рассчитывать, что нам позволят остаться насовсем.

Вздых.

– Нельзя.

– Я поговорю с ними об этом, и не откладывая. Хорошо?

Корнелия снова вздохнула.

– Хорошо.

Рэй Линн выждала еще пару дней, а в среду подошла к Сьюди Мэй.

– Позвольте, я помогу вам с ужином для священника. Мне нужно с вами кое о чем поговорить.

– Ох, боже ты мой, – отозвалась Сьюди Мэй, – вот замечательно, спасибо.

Это, среди прочего, особенно нравилось Рэй Линн в Сьюди Мэй: та всегда была благодарна за любую помощь, пусть и самую незначительную. Они направились к птичнику, по пути жалуясь друг другу на нестерпимую жару. На ветерок не было ни намека, даже листья на деревьях уныло повисли. Куры словно почувствовали, что кто-то из них обречен попасть на ужин, и не толпились у забора, как обычно. Едва Сьюди Мэй вошла за ограду, они с кудахтаньем разбежались. Хозяйка стала подкрадываться, но куры оказались хитрыми и проворными, метались в разные стороны. После нескольких попыток Сьюди Мэй остановилась, тяжело переводя дыхание, и уставилась на кур, а те на нее. Рэй Линн показалось, что Сьюди Мэй немного осунулась.

– Вам нехорошо? – спросила она.

Сьюди Мэй прикрыла глаза рукой от солнца.

– Очень уж жарко сегодня. Эта влажность – просто ужас.

– А вы выйдите отсюда, – предложила Рэй Линн. – Давайте я сама.

Сьюди Мэй не стала спорить: вышла за ограду, вытирая шею носовым платком, и тут же принялась им обмахиваться. Рэй Линн метнулась мимо нее и в считанные секунды поймала курицу. Зажала ее под мышкой и прямо на ходу, еще не выйдя за ворота, свернула ей

шею. Курица едва успела издать последний писк. Сьюди Мэй повернула к дому, и Рэй Линн пошла следом, держа в руке обмякшую птичью тушку. Во дворе она бросила ее в котел, который Сьюди Мэй поставила на огонь. Рэй Линн поворошила костер и стала смотреть, как Сьюди Мэй раз за разом окунает птицу в воду.

Когда она достала птицу из котла в последний раз, Рэй Линн снова сказала:

– Дайте-ка я.

Она принялась быстро ощипывать курицу. Через минуту уже полдела было сделано.

Сьюди Мэй положила руку на лоб и сказала:

– Ох, как же я вам благодарна – вы мне столько помогаете.

Это был идеальный момент, чтобы начать разговор.

– Мы хотели поблагодарить вас за то, что позволили нам пожить здесь, но теперь нам пора уходить.

Сьюди Мэй широко распахнула глаза:

– Да зачем, господи помилуй?

Рэй Линн быстро щипала перья и была рада, что можно на этом сосредоточиться, лишь изредка поднимая взгляд на Сьюди Мэй.

– Мы договаривались с Дэлом, что это только на время, пока не найдем работу и жилье.

– Но, – Сьюди Мэй обвела рукой вокруг, – вы уже нашли.

– Ну да, – сказала Рэй Линн, – но мы не это имели в виду. Нельзя же так злоупотреблять вашим гостеприимством.

– Вы и не злоупотребляете.

– Но мы не хотим вас...

Сьюди Мэй вдруг замахала рукой.

– Дэл!

Ее брат стоял с Эймосом у амбара, и если бы Рэй Линн заметила его раньше, то отложила бы разговор до другого раза. Но теперь отступать было некуда.

Дэл подошел и едва успел поприветствовать Рэй Линн взмахом руки, как Сьюди Мэй указала на нее со словами:

– Они хотят уйти.

Рэй Линн подняла руку, облепленную перьями:

– Не совсем так... Мы не то что...

Дэл перебил ее, будто не слышал ни слова. Переспросил обескураженно:

– Уйти?

Рэй Линн, все еще яростно щипавшая перья, прервалась на секунду и пояснила:

– Я не сказала, что хотим. Но мы же договаривались...

Риз повернулся к Сьюди Мэй:

– Ты ей еще не сказала.

– Нет пока, но вижу, что пора.

Рэй Линн, перестав выщипывать перья, переводила взгляд с Дэла на Сьюди Мэй.

– О чем вы мне не сказали?

– У Нормы с Джоуи скоро будет младший братик или сестричка – примерно в начале весны. Я-то думала, детей у меня больше не будет, Джоуи-то уже пять, и вот на тебе. Забеременела.

– Ох... – только и сказала Рэй Линн.

Сьюди Мэй взяла ее за руку. Несколько перьев упало на землю.

– Джоуи я рожала тяжело, – сказала она. – Хорошо бы, если бы мне не пришлось столько всего на себе тащить. Мне нужно побольше отдыхать. А это никак не получится, если вы не останетесь помочь. Хотя бы до тех пор, пока маленький не родится. Пожалуйста.

Оба, брат и сестра, глядели на Рэй Линн в ожидании. У Сьюди Мэй стало такое лицо, словно она расплачется, услышав не тот ответ, которого ждала. Дэл замер неподвижно, настороженно. Даже не моргал. Рэй Линн ощипала последние перья и снова окунула курицу в воду. Они с Корнелией и так уже задержались здесь неприлично долго. Как-то нехорошо – свалиться как снег на голову и гостить до бесконечности. Расспросами ее, правда, никто не донимал, но она сама чувствовала, что ее туманное прошлое еще усложняет дело. Сьюди Мэй низко опустила голову и, кажется, уронила слезинку, а Дэл не сводил с Рэй Линн пристального взгляда своих необыкновенных голубых глаз. Похоже, ему не меньше, чем сестре, хотелось, чтобы она осталась. А то и больше.

Рэй Линн вынула ощипанную курицу из котла и сказала:

– Ну ладно. Хорошо. До тех пор.

Сьюди Мэй прижала руки к груди, и Рэй Линн увидела, что она и правда плачет.

– Ох, спасибо вам, спасибо.

– Не за что. Это мы должны вас благодарить.

А Дэл сделал то, чего Рэй Линн никак не ожидала. Положил ей руку на плечо и легонько сжал.

– Я вам очень благодарен, – сказал он, убрал руку и пошел прочь. Рэй Линн смотрела ему вслед.

Сьюди Мэй добавила:

– Услышал Господь мои молитвы.

Рэй Линн тоже чувствовала облегчение. Она ведь совершенно не представляла, куда им с Корнелией податься.

Она улыбнулась Сьюди Мэй и сказала:

– Давайте я пойду скажу Корнелии, а потом вернусь и помогу вам готовить ужин.

Корнелию Рэй Линн нашла в ее комнате: та ничем не была занята, просто сидела на кровати, словно ребенок, ожидающий родительского наказания. Рэй Линн постучала по дверному косяку, но Корнелия не обернулась.

– Когда? – спросила она подавленным голосом, глядя в стену.

– Ну-у-у... – протянула Рэй Линн. – Кажется, не раньше весны.

Подруга резко развернулась на кровати.

– Что?

– Сьюди Мэй опять ждет ребенка. Для нее лучше, чтобы мы остались здесь. Она говорит, что Джоуи рожала тяжело и что ей нужно как можно больше отдыхать.

Корнелия вскочила, схватила Рэй Линн за руки и закружила по комнате. Рэй Линн рассмеялась над такой неожиданной вспышкой веселья, а когда Корнелия выпустила ее и стала кружиться в танце уже одна, ее охватило ощущение небывалого покоя: «Мы остаемся, остаемся!»

Природа еще разок дохнула зноем в начале октября: последний подарок бабьего лета. Осень подкралась почти неслышно: Рэй Линн вдруг заметила, что по утрам они просыпаются от дуновения прохладного ветерка. Вскоре листья на дубах и амбровых деревьях окрасились в яркие красные, оранжевые и желтые цвета. Со временем жизнь в Ласточкином Гнезде становилась похожа на сон, некоторые детали поблекли, совсем как их с Корнелией выгоревшие на солнце платья. Но только не то, что было связано с Уорреном.

Эти воспоминания оставались в сознании четкими, ясными, выпуклыми, как растущий живот Сьюди Мэй. И все же Рэй Линн делалась все более похожей на себя прежнюю – во многом благодаря сестре Дэла. Та, несмотря на беременность, вела прежний размеренный образ жизни: вставала каждое утро в одно и то же время и бралась за ту работу, которую оставляли для нее Рэй Линн и Корнелия. Чаще всего они уговаривали ее посидеть, а сами работали рядом. Рэй Линн любила заниматься хозяйством, любила налаженный порядок – четкий, без всяких неожиданностей, почти не знающий изменений, в котором для любых дел, в том числе для тех или иных блюд на столе, отводились определенные дни недели.

Они с Корнелией честно отработывали свой кусок хлеба: огород был уже подготовлен к осенним посадкам, последние летние овощи законсервированы и убраны на полки. Они собирали яйца, а Сьюди Мэй чинила всем рубашки, брюки и платья. Или подруги готовили еду, стирали белье, а Сьюди Мэй после обеда помогала Норме и Джоуи с уроками. Они с Корнелией работали бок о бок, совсем как в Ласточкином Гнезде, и очень скоро им обеим стало казаться, что они были тут всегда – такой привычной стала жизнь в большом фермерском доме. Сьюди Мэй читала им новости из газет, в основном о ценах на самые необходимые продукты и обо всяких специальных скидках. Новости экономики по-прежнему выглядели мрачно, и страна, похоже, склонялась к тому, чтобы предпочесть Гуверу Рузвельта.

По вечерам Рэй Линн уединялась в своей комнате на верхнем этаже, рядом со спальней Корнелии. На противоположной стороне располагались хозяйская спальня, затем детская – ребятишкам пока хватало одной, а последней, в самом конце длинного коридора, была комната Дэла. Рэй Линн до сих пор никак не могла привыкнуть к тому, что он так близко, к тому, что они то и дело сталкиваются в коридоре, когда идут спать. Дэл держался по большей части отстраненно – должно быть, его взгляд в тот день, когда Рэй Линн согласилась остаться, объяснялся только желанием сестры. Рэй Линн знала, что он целые дни проводит в лесу: подгребает и расчищает землю вокруг сосен, готовит их к будущему году. Иногда до нее долетал запах дыма: это Дэл выжигал кустарник и подлесок, чтобы лишняя поросль не мешала соснам. Это напоминало Рэй Линн о том, как они работали с

Уорреном, и будило в ней желание снова постоять под кронами этих сосен, почувствовать их терпкий, свежий аромат.

Однажды воскресным вечером, сидя на крыльце вместе с Сьюди Мэй и Корнелией, Рэй Линн заметила Дэла, бредущего через лес. В те дни, когда не был занят работой, он всякий раз ходил куда-то одним и тем же путем.

Сьюди Мэй проводила брата задумчивым взглядом и сказала:

– Кажется, он старается наверстать упущенное. Мама с папой очень хотели, чтобы он вернулся домой.

– Куда он ходит? – спросила Рэй Линн.

– К их могилам. Каждую неделю носит туда цветы с нашего двора.

Рэй Линн смотрела вслед Дэлу, пока тот не пропал из виду, а потом снова стала раскачиваться в кресле. А она вот покинула Уоррена – зарыла в землю и уехала, как будто он ничего для нее не значил. Теперь могила наверняка заброшена, вид у нее жалкий, сорняками заросла. У мужа даже надгробия нет – никакого памятного знака там, где он лежит. Время постепенно притупило ее страхи, и она стала думать: надо бы, пожалуй, съездить посмотреть, что там с его могилой. Но ведь ее могут поймать?.. Нет. Не поймают. Она будет осторожна. К тому же неизвестно, что стало с домом после ее отъезда. Скорее всего, стоит заброшенный. Не станет же Юджин там жить. Наверняка продал все и уехал обратно в свою Южную Каролину. Рэй Линн закачалась быстрее. Чем больше она думала об этом, тем сильнее верила, что никто ничего не заметит, зато она сможет вернуть себе покой.

Накануне отъезда она весь день трудилась над шоколадным пирогом по одному из рецептов Сьюди Мэй. Поставив пирог в духовку, занялась уборкой на кухне, а потом вышла подмести крыльцо. Задумавшись, она представляла, как впервые за несколько месяцев увидит маленький домик под соснами, снова и снова прокручивала в голове этот момент: что она будет чувствовать, как справится с эмоциями. Она села в кресло-качалку, закрыла глаза и стала мысленно бродить по дому, переходя из комнаты в комнату. О пироге она вспомнила только тогда, когда почувствовала запах гари. К тому времени из окна кухни уже валил черный дым. Рэй Линн вбежала в дом, вытащила пирог из духовки и пошла открывать остальные окна.

Из другой части дома появилась Сьюди Мэй и принялась махать посудным полотенцем, разгоняя дым. Корнелия с испуганным лицом прибежала с поля, где копала молодую картошку.

Она влетела в дверь, задыхаясь, и сказала:

– Ох, я уж думала, пожар.

Они стояли в заткнутой дымом кухне, и Корнелия внимательно оглядела почерневшие края коржа все еще тлеющего шоколадного пирога, а потом повернулась к Рэй Линн.

– У тебя все хорошо?

– Все нормально.

– Ты какая-то молчаливая стала в последнее время.

Рэй Линн закашлялась: запах гари душил ее.

– Правда? – переспросила она.

– Хм... – протянула Сьюди Мэй. – Ну да, задумчивая.

Рэй Линн опустилась на стул и вытерла ладони о юбку. Нечего было и думать о том, чтобы поделиться своими мыслями с Корнелией, а тем более со Сьюди Мэй, которая до сих пор ничего не знала ни об Уоррене, ни о том, где Рэй Линн жила раньше. Но нужно же было что-то сказать.

– Простите, – пробормотала она. – Наверное, я думала о том, каково это – быть беременной.

Она понятия не имела, почему у нее вырвались эти слова, но не все ли равно. Главное, что сработало.

Корнелия уставилась на нее с открытым ртом, а Сьюди Мэй усмехнулась:

– Ну, об этом-то я могу рассказать.

И целый час рассказывала: сначала о том, как было с Нормой, потом с Джоуи и, наконец, теперь. Сказала, что у всех это происходит по-разному, и объяснила, как именно. Если бы Рэй Линн не знала, что такого быть не может, ей показалось бы, что Сьюди Мэй пару раз пыталась намекнуть на что-то по поводу Дэла. Заметила, что он, по ее мнению, уже готов остепениться, что когда-то он был настоящим дамским угодником, но сильно изменился с тех пор, как она видела его в последний раз. Упоминая о брате, она всякий раз обращалась именно к Рэй Линн, как будто та о нем спрашивала. Рэй Линн слушала, склоняя голову набок то в одну, то в другую сторону, но думала в это время о том, как бы утром незаметно улизнуть из дома.

Наконец Сьюди Мэй спросила:

– А ты-то хочешь детей?

Такого вопроса Рэй Линн не ожидала, но ответила честно:

– Когда-нибудь.

После ужина она помогла убрать со стола, а потом извинилась и ушла к себе.

– Я немного устала, – соврала она. – Лягу спать.

Все пожелали ей спокойной ночи, а Дэл сказал:

– Надеюсь, отдохнете как следует. Вы столько работы тут переделали.

Рэй Линн кивнула и пошла наверх. Ей показалось, что после ее ухода все притихли, как будто хотели дожидаться, пока она уйдет, прежде чем начать говорить о ней. Закончив приготовления ко сну, она легла в кровать и стала ворочаться, не в силах уснуть, проигрывая в уме все возможные сценарии. Не удивительно, что еще до восхода солнца она встала и оделась. Держа в одной руке ботинки, а в другой – листок бумаги и карандаш, она осторожно, ступенька за ступенькой, спустилась на первый этаж. Не то чтобы совсем бесшумно, но более или менее тихо. Уже на кухне она нацарапала записку: «К полудню вернусь. Рэй Линн».

Листок она положила на стол возле маленького сливочника. Тот, кто встанет первым, чтобы сварить кофе (обычно это была Сьюди Мэй), наверняка увидит записку. Потом Рэй Линн тихонько открыла заднюю дверь, вышла и заперла ее, повернув ручку. Было довольно холодно: дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Низко висевшая луна мягкого золотистого цвета походила на созревший плод. Рэй Линн присела на заднем крыльце и натянула ботинки, раздумывая о том, что оделась, пожалуй, слишком легко: ехать ей целый час, а кабина не очень-то надежно защищена от сквозняков. Она надела одно из тех платьев, которые стали малы Сьюди Мэй. Платье было с длинными рукавами, и, кроме того, на Рэй Линн были свитер и высокие ботинки, но все равно ее била дрожь. Что ж, придется потерпеть. Она быстро зашагала через двор, понимая, что завести грузовик так, чтобы не перебудить весь дом, будет нелегко. Тем более что тут все ранние пташки.

Дверца грузовика непривычно громко скрипнула. Рэй Линн забралась внутрь, посидела чуть-чуть, прокручивая в голове

предстоящие шаги, отрегулировала смесь газа, потянула дроссель, и удача снова улыбнулась ей: двигатель чихнул и застучал. Рэй Линн чуть отпустила тормоз, машина покатила назад, за дерево, под которым была припаркована. Рэй Линн бросила быстрый взгляд в сторону дома, проверяя, не видно ли там какого-то оживления. Все было тихо. Вскоре она уже катила по заросшему кукурузой полю и наконец включила фары. Они осветили грунтовую дорогу и окружающий пейзаж. Только тут, в эту секунду, в душе у Рэй Линн зародился страх перед тем, что она может увидеть.

Глава 33. Дэл

Спал он в последнее время неважно, а потому под утро лежал без сна и слышал, что еще кто-то поднялся в такую рань. Он встал, чуть приоткрыл дверь и в щелку увидел, как Рэй Линн с ботинками в руках спускается по лестнице, ступая медленно и легко. Одна ступенька там всегда скрипела, и, подглядывая за Рэй Линн, Дэл вспомнил, как сам в детстве украдкой выбирался из дома по утрам в субботу, чтобы встретиться с приятелем, Бадди Блэйлоком. Бадди жил на соседней ферме, и их встречи на рассвете обычно означали, что друзья идут рыбачить или охотиться. Это случалось только тогда, когда не нужно было помогать отцу с работой в лесу, то есть нечасто.

Дэл закрыл дверь и торопливо оделся. Может быть, они с Рэй Линн сейчас выпьют вместе чашечку кофе. Он теперь почти не бывал дома: слишком занят был подготовкой сосен к следующему сезону. А хорошо бы им поговорить наедине – только он и она. В последние дни она была молчалива, словно ее что-то беспокоило, и Дэл невольно думал о словах сестры: у Рэй Линн есть другой мужчина. Он надеялся, что это не так, но лучше уж узнать наверняка, чтобы отвязаться от неприятных мыслей. Дэл застегивал пуговицы на рубашке, когда услышал звук заводящегося грузовика. Он отдернул штору и увидел, как Рэй Линн выезжает со двора. Схватив башмаки, он поспешно сбежал вниз. Хотел уже выскочить за дверь, но тут на кухне появилась Корнелия – все еще в ночной рубашке, зевающая. Шаркая ногами, она подошла к плите и на ходу спросила:

– Куда это ты в такую рань?

Он стоял у задней двери, чувствуя себя глуповато. Сунул руки в карманы и поинтересовался:

– А Рэй Линн, случайно, не говорила, что собирается куда-то сегодня?

Корнелия бросила на него недоумевающий взгляд.

– Нет. А что?

– Она только что уехала.

Корнелия нахмурилась.

– Хм. Нет, ни слова не говорила. По крайней мере, мне.

– Я услышал, как она спускается вниз, и подумал – может, попьем с ней кофе, поговорим.

Губы Корнелии изогнулись в улыбке.

– Поговорите? Она не очень-то разговорчива, если ты не заметил.

Дэл ни с кем не делился своими мыслями о Рэй Линн, но из Корнелии получился бы неплохой союзник. Возможно, она знает нечто такое, что поможет ему понять, почему Рэй Линн так старательно скрывает свое прошлое.

– Заметил, – кивнул он. – Потому-то и решил, что стоит попробовать. Сюди Мэй говорит: если я для Рэй Линн не существую, то дело, скорее всего, в другом мужчине.

Корнелия понимающе вздернула подбородок.

– А-а. То есть она тебе небезразлична. И?

– Что – и?

– Она тебе небезразлична, но насколько? Вот прямо что бы там ни было?

Он попытался отшутиться:

– Звучит как «в горе и в радости...».

– Так как же? – не сдавалась Корнелия.

– Не все ли равно, что я к ней чувствую, если у нее уже кто-то есть? У тебя нет мыслей, куда она могла поехать?

Корнелия подошла к столу и села. Обхватила себя руками за плечи, но ничего не ответила.

Дэл настойчиво сказал:

– Как бы то ни было, я хотел бы знать, чтобы не надеяться понапрасну.

– Не мне об этом рассказывать. Это ее дела. – Корнелия заметила листок и взяла его в руки. – Она записку оставила. Вот, смотри: «К полудню вернусь. Рэй Линн».

Дэл словно увидел, как его будущее рассыпается в прах. Все его планы, вынашиваемые последние месяцы, оказались не прочнее подлеска, который он выжигал вот уже несколько недель.

– У нее есть другой мужчина?

– Можно и так сказать, но это не то, о чем ты думаешь.

– Как так?

– Вот что я тебе скажу: если то, куда она поехала, как-то связано с тем, что она мне рассказывала, тебе лучше поторопиться.

– У нее какие-то неприятности?

– Точно не знаю, но поеду с тобой. Одеться, наверное, уже не успею.

– Нет, если мы хотим ее догнать.

Корнелия взяла карандаш, который Рэй Линн оставила рядом с запиской, и приписала под именем Рэй Линн еще два – свое и Дэла. Закуталась поплотнее в ночную рубашку и домашний халат, и они вышли из дома.

Когда они забрались в грузовик Эймаса, Риз спросил:

– Так куда же она собралась?

– Округ Харнетт – это все, что я знаю.

Когда они ехали сюда, Дэл заметил, что машину Рэй Линн водит осторожно. А вот о нем такого сказать было нельзя. Корнелия вцепилась руками в приборную панель и дверцу, а он гнал грузовик Эймаса так, что тот весь трясся и громко дребезжал на скорости, поэтому разговаривать в пути было невозможно. Дорога была местами хороша, местами плоха, и единственным транспортом, попавшимся им по пути, была повозка, запряженная мулами, – она ехала навстречу. Солнце только-только начало подниматься над горизонтом, когда они заметили прямо перед собой, в полумиле, другой грузовик.

– Это она, – сказала Корнелия.

Они немного притормозили. Солнце поднялось выше, и их опажнуло теплом. Ехали медленно, держа дистанцию. Вот они миновали маленький указатель с надписью «Округ Харнетт», и грузовик впереди тоже замедлил ход.

– Пожалуй, придется остановиться и подождать, пока она отъедет подальше, – решил Риз. – Если на таком ходу мы ее не обгоним, а будем тащиться сзади, это будет выглядеть подозрительно.

– Наверное, ей страшно, вот она и сбросила скорость, – сказала Корнелия и тут же прикрыла рот ладонью, но потом опустила руку. – Не стоило так говорить, но это чистая правда.

– Чего ей бояться?

– Не могу сказать, но, наверное, сейчас станет ясно.

Может быть, Рэй Линн тоже, как Корнелия, неудачно выбрала мужа в свое время. Дэлу не хотелось в это верить, не хотелось думать, что с ней кто-то обращался так же, как Отис со своей женой. Представив такое, он скрипнул зубами, но еще хуже была сама мысль

о том, что Рэй Линн замужем. Из всех женщин, каких он встречал за свою жизнь, ни одна не действовала на него так, как она. Дэл съехал на обочину, и они стали смотреть, как грузовик постепенно уменьшается и наконец превращается в точку.

Корнелия забеспокоилась:

– Лучше поехали за ней, пока не потеряли ее из виду. А то свернет где-нибудь, а мы и знать не будем.

Риз вырулил на дорогу и быстро погнал вперед, пока грузовик, похожий на точку, снова не показался впереди. Дэл гадал про себя, сколько еще это будет продолжаться, и ответ стал ясен через несколько минут, когда точка вдруг исчезла. Он нажал на газ.

– Черт, куда она подевалась?

Корнелия снова ухватила за приборную панель.

– Свернула, наверное.

Дэл вцепился в руль, все набирая скорость и стараясь объезжать выбоины. Они заметили поворот на грунтовую дорогу, а впереди не было видно ничего, даже маленького облачка пыли. Наверняка она свернула здесь, поэтому Дэл тоже повернул и снова нажал на газ. Дорога оказалась совсем не похожа на ту, по которой они ехали до сих пор. Кое-где трассы в последнее время стали получше, но большинство было в таком состоянии, как эта. Грузовик Эймаса трясся, подпрыгивал, рыскал из стороны в сторону, и в конце концов Дэлу пришлось притормозить, чтобы не пробить днище. Корнелия и так уже слегка позеленела и наклонилась вперед, зажимая рот ладонью.

– Что с тобой? – спросил Дэл.

– Не обращай внимания. Поезжай дальше, главное – не потерять ее.

«Стараюсь», – подумал он, а вслух сказал:

– Надеюсь, мы правильно едем.

– Я тоже.

То тут, то там попадались повороты, и Дэл замедлял ход, боясь проскочить тот, куда направилась Рэй Линн. Вокруг дороги стояли сосны, и он указал на них рукой.

– Все больше ладанные, кое-где озерные. А длиннохвойной ни одной не видать.

Корнелия еле слышно хмыкнула. Риз бросил взгляд направо, налево и вдруг затормозил.

– Вон там, за поворотом, сарай.

– Знать бы, – сказала Корнелия, – туда ли мы едем?

Дэл черепашиим ходом проехал еще немного вперед и заметил среди стволов деревьев и кустов еще кое-что. Он ткнул Корнелию в плечо и показал рукой:

– Дом.

– Точно.

Риз остановился и заглушил двигатель.

– Давай-ка дальше пешком.

Его спутница кивнула, и они вышли из машины, оставив дверцы открытыми. Корнелия потуже затянула пояс халата, ворча:

– Ну не дура ли я набитая – разгуливаю по деревне в ночной рубашке и в халате. Ладно, неважно, веди.

Дэл старался держаться поближе к лесу, а Корнелия следовала за ним по пятам. Через минуту он остановился и показал на грузовик Рэй Линн. Место, где она его оставила, говорило о том, что она здесь не в первый раз: грузовик был не на дороге, где остановился бы гость, а под сосной, возле старого курятника. Рядом с курятником стоял сарай. Кабина грузовика была пуста. Дэл внимательно оглядел узкий дом: тот выглядел заброшенным. Перед ними была входная дверь, а по обе стороны от нее – окна. Такие длинные узкие дома были хорошо знакомы Дэлу. Сделаны «на прострел». С одной стороны стояла деревянная кадка, а в ней росли цветы, хотя сорняки их уже почти забили. В тишине слышался шум сосен над головой, под легким ветерком раздавался мягкий шелест, который Дэл так любил.

Вдруг откуда-то из-за дома, со стороны той самой кадки с цветами, показалась Рэй Линн. Она плакала. И это был не тихий плач, а судорожные рыдания, долетавшие даже до их ушей. Оба подались вперед и уже хотели подойти к ней, но тут из дома вышел какой-то мужчина, и Дэл рукой преградил Корнелии путь.

– Черт, – сказал он. – Сюди Мэй была права.

Рэй Линн смотрела на мужчину изумленно, будто не ожидала его увидеть. Со своей наблюдательной позиции Дэл оценивающе разглядывал соперника, а сердце в груди готово было расколоться пополам, как старая древесина.

– Так и знал, что ты вернешься! – воскликнул мужчина.

Рэй Линн вытерла глаза и спросила:

– Что ты здесь делаешь?

– Тебя жду.

– Кто это? – шепнул Дэл.

Корнелия тоже шепотом ответила:

– Точно не знаю.

Мужчина спросил:

– Ты же из-за меня вернулась, да?

Рэй Линн жестом указала в ту сторону, откуда пришла, и сказала:

– Я пришла привести могилу в порядок.

Мужчина сошел с крыльца, засунув большие пальцы в карманы брюк. Дэлу не понравилось то, как он пялился на Рэй Линн. Этот взгляд говорил о том, что у них есть прошлое. Видимо, парень хорошо ее знает, если так себя ведет. Дурак он, Дэл, что поехал за Рэй Линн. Ну что ж, хотел узнать – и узнал. Им с Корнелией лучше незаметно уйти отсюда, если получится. Дэл огляделся по сторонам. Лес был густой, – если до поворота идти не по тропе, а чуть поодаль, никто их не заметит. Он указал в ту сторону, откуда они пришли, и Корнелия бросила на него вопросительный взгляд.

– Идем, – прошептал он одними губами, но она покачала головой и подняла палец вверх.

Мужчина подошел ближе к Рэй Линн, и у Дэла не было сил на них смотреть. Вот она и вернулась домой. К своей настоящей жизни, к этому мужчине, кто бы он ни был. Что там вышло между ними, из-за чего ей пришлось бежать в Джорджию, – неважно, теперь это все позади. Ему, Дэлу, остается только проститься с ней и со своими мечтами. Она дома, там, где ее место.

Рэй Линн вскрикнула:

– Буч!

Корнелия толкнула Дэла в плечо.

– Вот черт, это он, Буч!

Риз не знал, кто такой этот Буч, видел только, что он притянул к себе Рэй Линн обеими руками и крепко обнял. Но она не ответила на его объятия, а стала вырываться, хотя толку было не больше, чем от попыток сдвинуть с места дом. Дэлу это очень не понравилось. Он бросился к ним, и Корнелия следом.

– Эй! – окликнул Дэл. – Рэй Линн!

Мужчина по имени Буч тут же выпустил ее. Она отскочила назад, бросив через плечо на Дэла и Корнелию взгляд, полный удивления и облегчения. Они подошли и встали рядом. Мужчину их внезапное появление ошеломило не меньше, чем Рэй Линн.

– Кто вы такие, черт возьми? – буркнул он.

Дэл первым делом спросил Рэй Линн:

– Как ты?

С трудом переводя дыхание, она ответила:

– Ничего.

Буч снова повернулся к ней.

– А-а. Понял, в чем дело. Ты теперь с ним, да?

Корнелия обняла Рэй Линн за плечи и ответила:

– Вот именно.

Буч склонил голову набок.

– Интересно, давно ли?

Дэл догадался, что у Корнелии на уме, и ответил:

– А тебе не все равно?

– Ставлю десять против одного, она тебе не рассказывала, что случилось с ее первым мужем, а? Я бы посмотрел, как тебе это понравится.

Корнелия возразила:

– Мне рассказывала. И про тебя рассказывала такое, что тебе бы постыдиться.

Буч покраснел.

Рэй Линн сказала:

– Я тебе уже объясняла, что произошло.

– Ты должна была врача вызвать. Непонятно, почему ты этого не сделала.

– Я пыталась. И не раз. Он не соглашался. Ты же сам видел.

Буч перевел взгляд на Дэла, потом снова на нее.

– Вот так вот, значит, да? Бедняга Уоррен уже забыт.

– Если так, то зачем, по-твоему, я здесь?

Буч пропустил ее слова мимо ушей.

– А ты, значит, начала новую жизнь? С ним? – Он ткнул большим пальцем в сторону Дэла и, не дожидаясь ответа, добавил: – Юджин согласился продать мне этот дом. Я сказал, что хочу его купить. Он

спрашивал, где ты, я ответил, что не знаю, и это была правда. Я продал все, что у меня оставалось. Дом. Землю. Свиней. И только ради тебя. Чтобы ты могла остаться здесь, в твоём доме. Со мной. Ну убится же, а? Я отдал все, что у меня было, ждал, молился столько времени. И ради чего? Задарма, так выходит.

Рэй Линн ответила:

– Меня не вини. Я никогда не давала тебе повода думать, что такое может случиться.

– Но надеяться-то я мог, как по-твоему? Я же не собирался ничего говорить, Рэй Линн. Я тебе верил. Только вид делал, будто не верю. – Он кивнул в сторону Дэла. – А он-то знает? Ты ему рассказала?

– Мне нечего рассказывать, – пробормотала Рэй Линн.

Буч обратился к Дэлу:

– А ты давай, спроси ее. Спроси, что случилось здесь, в этом самом доме.

Дэл посмотрел на Рэй Линн в упор, и если до сих пор он ни в чем не был уверен, то теперь не сомневался ни секунды.

Он заявил:

– Я вот что скажу: что бы эта женщина ни сделала, я никогда не стану думать о ней плохо. Я видел ее в самые трудные времена. Видел все, что мне нужно было видеть. И знаю все, что мне нужно знать.

Ни взгляд, ни голос у него не дрогнули, и он чувствовал, что Рэй Линн смотрит на него так, как не смотрела еще никогда. Не куда-то сквозь него – нет, на этот раз нет. И взгляд не отводила. Вот этого он только и хотел: чтобы она увидела его таким, какой он есть, пусть не идеальным, зато любящим ее, несмотря ни на что.

Скорбным голосом Буч проговорил:

– Я тебя понимаю как никто.

Глава 34. Рэй Линн

Впереди была суровая зима, и все же Рэй Линн решилась купить небольшое мраморное надгробие и договорилась, чтобы его привезли к маленькому домику под соснами. Когда она снова отправилась в округ Харнетт, то взяла с собой Корнелию, а Буч – удивительное дело – помог им установить надгробие как полагается.

Когда дело было сделано, он сказал:

– Ты приезжай, если хочешь. Ну, знаешь... Ухаживать за могилой и все такое.

Рэй Линн недоверчиво посмотрела на него. Этот дом уже не значил для нее столько, сколько при жизни Уоррена, и все же она подумала: может, это все-таки как-то поможет.

– Я буду заезжать иногда, – решила она. – Может, цветы привозить, если ты не против.

– Само собой, – ответил Буч. – Сколько угодно.

Пока Рэй Линн размышляла, он глядел на нее с печальной нежностью, и она решила поверить ему.

Потом, уже в грузовике, Корнелия предположила:

– Может, он стал другим?

– Каких только чудес не бывает на свете, – ответила Рэй Линн.

В долгие зимние дни они с Корнелией, быстро переделав всю работу во дворе, возвращались домой, на кухню, готовить сытный обед. В середине февраля неожиданно потеплело, зацвели нарциссы и форзиция. Рэй Линн уже несколько месяцев не бывала на могиле Уоррена, поэтому она срезала несколько веток форзиции, собрала букетик нарциссов и выстригла у себя прядь волос, которые уже снова отросли до плеч.

Потом просунула голову в заднюю дверь и сказала:

– Я съезжу на старое место. – Так она называла свой прежний дом.

Сьюди Мэй была на кухне.

– Хорошо.

Корнелия, которая мыла посуду, предложила:

– Хочешь, я с тобой?

Рэй Линн покачала головой:

– Нет, я же ненадолго. Только цветы положу.

Рэй Линн надеялась побыть в одиночестве, но, подъехав к дому, к своему смятению, увидела у двери Буча. Он тут же снова скрылся, Рэй Линн с облегчением вылезла из машины, обошла дом кругом и направилась к могиле. Постояла немного, глядя на надгробие. На памятники Иде Нил Кобб и Уоррену падала тень от сосен. Рэй Линн уже хотела положить цветы, когда за спиной раздался голос Буча. Он стоял близко. Слишком близко.

– Для меня никогда ничего не поменяется, Рэй Линн.

Она вытянулась в струнку.

– Я постою тут минутку и уйду. Дай мне побыть одной.

– Опять за свое. Уйду, и все тут. Ну уж нет. За тобой должок. Тем более теперь, после всего, что я для тебя сделал.

Он схватил ее, сжал, будто в тисках, как и в прошлый раз, и снова стал признаваться в любви. Она в ярости пыталась вырваться и каким-то образом умудрилась высвободить руку, после чего Бучу тут же прилетело локтем в нос. Он выпустил ее так внезапно, что она чуть не опрокинулась навзничь, споткнулась и подвернула ногу.

– Черт тебя подери, Рэй Линн! – взревел Буч.

Рэй Линн досадовала на свою глупость: нельзя было ему доверять. Он просто притворялся, выжидал, когда она останется одна.

Она отчеканила:

– У меня нет к тебе никаких чувств, Буч. И никогда не будет. Ты что, этого хочешь? Силой заставить меня чувствовать то, чего нет и в помине?

– Это все из-за него, да? Из-за нового парня?

– Он тут ни при чем.

– Но... Я же только из-за тебя этот дом купил.

– Сказано же: я тебе не давала никакого повода.

– Я ведь могу и передумать, знаешь ли. Рассказать Юджину свою версию.

В ярости она бросила:

– Давай, рассказывай, но, думаю, ему покажется странным, что ты заговорил об этом столько времени спустя. Как бы он не заподозрил, что это ты стрелял в Уоррена. Кстати, может, я сама Юджину так скажу – скажу, что ты давно положил глаз на наш дом.

Они смотрели друг на друга, глаза в глаза: его – остекленевшие от тоски и гнева, и ее – полные твердой решимости. Через пару минут напряженного молчания Крэдалл наконец обмяк всем телом: весь боевой дух вытек из него, как кровь из носа.

Он ткнул в нее дрожащей окровавленной рукой и прошипел:

– Лучше никогда больше тут не показывайся.

Он был прав. Рэй Линн думала, с ним можно будет договориться, но теперь поняла, что нет. Она повернулась к надгробию, скользнула взглядом по имени Уоррена, по датам жизни и смерти. Долго смотрела на солнечно-желтые цветы на фоне белого мрамора, стараясь запечатлеть в памяти.

– Ладно, – сказала она.

Прихрамывая, она пошла к грузовику, а Буч крикнул вслед:

– Никогда больше!

Она сделала вид, что не слышала.

Вернувшись на ферму, Рэй Линн вошла на кухню, стараясь ступать как можно тверже, но от Корнелии ничего нельзя было скрыть.

– Ты что, хромаешь? – встревожилась она.

Рэй Линн пренебрежительно махнула рукой, совсем как Уоррен.

– Да ничего страшного. Запнулась, ногу подвернула.

Дэл поинтересовался:

– Говорят, ты утром на старое место ездила?

Она кивнула, слегка поморщившись, а Риз открыл рот и снова закрыл.

Наконец он спросил:

– А Буч Крэдалл был там?

– Да.

– Приставал к тебе?

Такой прямой вопрос застал Рэй Линн врасплох. На секунду она отвлеклась на пейзаж за окном: на пастбище в мелких пятнышках коровьих спин, на небо без единого облачка. При воспоминании о том, как обошелся с ней Буч, щеки у нее вспыхнули. Лгать не хотелось, хотелось просто забыть.

Дэл бросил взгляд на Эймаса, а Сьюди Мэй показала на стул:

– Присядь.

– Да хорошо у меня все, хорошо! – воскликнула Рэй Линн.

– Хм, – скривилась Корнелия. – Да ты же ходишь-то еле-еле.

– Эймос, – позвал Дэл, – не хочешь прокатиться со мной? Надо бы в город съездить, купить кое-что.

– Конечно, – ответил Эймос.

Мужчины ушли, а Корнелия набрала в таз воды и всыпала туда английской соли.

– Ставь ногу, – велела она.

Рэй Линн послушалась, а потом подруга натерла ей ногу скипидаром и обмотала лодыжку полосками ткани из старой простыни.

– Давай посмотрим, сможешь ли ты теперь хоть немного ходить.

Рэй Линн встала и сделала шаг.

– Лучше. Спасибо.

Риз с зятем вернулись ближе к вечеру, и когда Риз вышел из машины, в руках у него был деревянный ящик. Из кузова грузовика, кажется, слышалось кудахтанье. Дэл принес ящик Рэй Линн: та сидела на крыльце, положив ногу на табуретку.

– Вот, привез тебе кое-что, – сказал он.

Недоумевая, что бы там могло быть, Рэй Линн развернула газету и увидела посуду молочного стекла, принадлежавшую некогда Иде Нилл Кобб. В изумлении Рэй Линн подняла глаза на Дэла, и он подмигнул ей.

Эймос опустился в кресло рядом и сказал:

– Смешно, как легко образумить кое-кого, если умеешь убеждать, а, Дэл?

– Всегда срабатывает, – согласился тот. – И несусек твоих я тоже привез. Вот еще прицеп возьму да съезжу за мулом, раз уж мы взялись за расчистку, так сказать.

Рэй Линн, пряча улыбку, прижала к груди тарелку так, что край уперся в подбородок. Это было похоже на объятия старого друга. Она встала с кресла и, прихрамывая, пошла к грузовику – взглянуть на своих курочек.

Потом повернулась к мужчинам и пробормотала:

– Спасибо вам. Вам обоим...

В середине весны 1933 года Риз начал обрабатывать длиннохвойные сосны на участке за домом. Он рассказывал Рэй Линн о своем деде и отце, которые всегда мечтали иметь скипидарную ферму, а она наконец-то начала говорить с ним об Уоррене. Не очень

многословно, но, когда приходилось к слову, мало-помалу открывала какие-то подробности.

Однажды вечером на кухне, накрывая стол к ужину, она сказала:

– Мы с Уорреном тоже пытались вести свое небольшое дело.

– Так вот где ты научилась работать со смолой, – сообразил Дэл.

– Да. Но у нас никак не получалось наладить дело так, как хотел Уоррен. Я могла бы тебе помочь, – предложила она.

Дэл удивленно вскинул голову.

– Ну что ж. Ладно.

Рэй Линн никогда не призналась бы, что Дэл Риз привлекает ее внимание. Она замечала, как осторожно, методично и аккуратно он делает свою работу. Он все время был начеку: однажды выхватил Джоуи из кукурузы, когда тот оказался на пути у кукурузной жатки – играл там в прятки с Нормой, и Эймос не заметил сына. Со временем то, что онемело в Рэй Линн после смерти Уоррена, начало понемногу оттаивать, как оттаивает пруд, простоявший зиму подо льдом. Ей хотелось побольше бывать рядом с Дэлом. Корнелия понимающе поглядывала на нее, пока Риз мыл руки в кухонной раковине. Рэй Линн, делая вид, что не замечает взгляда подруги, выложила в миску молодую картошку с маслом.

Дэл сказал:

– Эймос привезет рабочих. Мы могли бы купить лошадь для тебя. Будешь одной из первых женщин-десятниц, о которых я слышал. Как тебе понравится такая работа?

Рэй Линн посыпала картошку солью и перцем и ответила:

– По-моему, было бы здорово.

– На той неделе Пиви приедет, можно будет прокатиться до Рокфиша, узнать, как перевозить живицу в Уилмингтон. Хочешь с нами?

Сюди Мэй издала какой-то непонятный звук. Она вывязывала маленькое одеяльце, и живот у нее был уже огромный: ребенок должен был родиться со дня на день.

Потом она выдохнула:

– О боже...

Рэй Линн решила, что это реакция на вопрос Дэла. Обычно так откликалась на его слова Корнелия.

Улыбаясь про себя, Рэй Линн подошла к плите и стала помешивать подливу.

– О-о! О-о! О-о! – вдруг застонала Сьюди Мэй, и тут уже стало понятно, что происходит.

– Ну что, – оживилась Корнелия, – пора уже. Рэй Линн, ты не могла бы поставить воду? Не забудь окунуть туда ножницы, когда закипит. А я принесу парочку старых простыней из чулана.

Рэй Линн поспешила выполнить просьбу Корнелии, а потом вспомнила, о чем ее перед этим спрашивал Дэл.

Она повернулась к нему и сказала:

– Да, я с удовольствием.

Норма с Джоуи заспорили, кто лучше – девочка или мальчик.

Сьюди Мэй пожаловалась:

– О боже, схватки уже одна за одной. Скорее!

Дети, услышав, как изменился мамин голос, притихли. Корнелия, придерживая Сьюди Мэй за талию, помогла ей подняться по лестнице. Эймос с Дэлом забрали Джоуи и все втроем скрылись в сарае. Когда вода закипела, Рэй Линн потащила котелок вверх, а Норма несла следом на подносе все остальное. Корнелия задернула шторы, чтобы вечернее солнце не слишком нагревало комнату.

Она показала, куда поставить воду, и заметила:

– Это уже третий ребенок у нее, так что, надеюсь, все пройдет быстро. Похоже, к полуночи у нас будет еще один маленький Уитакер.

Рэй Линн даже не верилось в такое. Через несколько часов в семье появится новый человек! Она почувствовала болезненный укол. Про себя она думала, что любой малыш, у которого есть семья, уже может считаться самым счастливым ребенком на свете. Весь вечер из комнаты наверху то и дело доносились крики боли и муки. Рэй Линн бегала туда-сюда, приносила холодный сладкий чай и все, что, по ее представлениям, могло помочь. Как ей показалось, у Сьюди Мэй цвет лица был, несмотря ни на что, довольно здоровый, а вот Корнелия выглядела усталой.

– Ты как, ничего? – спросила Рэй Линн.

Так кивнула и предупредила:

– Теперь уже недолго.

У них на глазах происходило чудо рождения человека. Корнелия действовала умело, и через несколько минут младенец уже лежал на

груди Сьюди Мэй. Корнелия хотела перерезать пуповину, но у нее дрожали руки.

– Хочешь, я? – предложила Рэй Линн.

Корнелия отступила в сторону и призналась:

– У меня голова немного кружится. Я за ужином почти ничего не ела.

– Ты говори мне, что делать, – попросила Рэй Линн.

Корнелия показала ей, где резать и как перевязать ниткой.

Когда Рэй Линн закончила, Корнелия сказала:

– Еще послед должен выйти.

– Ой... – отозвалась Рэй Линн.

Подруга наморщила лоб.

– Да, давненько мне не приходилось помогать с родами. Нелегкое дело, правда, Сьюди Мэй?

– Да уж.

– Поздравляю, – улыбнулась Рэй Линн. – Чудесный мальчик.

– Эймос сказал, если будет мальчик, нужно назвать его в честь прадедушки, Дарреном. Даррен Бойд Уитакер.

– Хорошее имя, – одобрила Рэй Линн. – Я скажу Эймосу, чтобы шел наверх.

Спускаясь по лестнице, она провела рукой по своему плоскому животу. Будет ли у нее самой когда-нибудь ребенок? Они с Уорреном пытались, но ничего не вышло. Назвать ребенка в честь кого-то из предков – это, наверное, очень важно: своего рода знак уважения к истории семьи. Эта мысль вызвала у нее новый приступ тоски. После смерти Уоррена Рэй Линн чувствовала какую-то отрешенность от всего, как будто осталась одна на целом свете. Теперь у нее была дружба Нелли, которой она очень дорожила, но не было никаких кровных родственников, и теперь, оказавшись в этой семье, она остро ощущала свое одиночество. Она вошла на кухню и увидела, что Эймос с Дэлом сидят за столом. Оба повернули к ней лица в ожидании.

Рэй Линн улыбнулась Эймосу:

– Поздравляю, у вас мальчик.

– Вот это да! – воскликнул Риз.

– С ней все хорошо? – спросил Эймос. – С Сьюди Мэй.

– Она устала, но чувствует себя прекрасно.

Эймос вскочил с кресла, схватил Рэй Линн в объятия и закружил ее по комнате. Когда он поставил ее на ноги, это было так внезапно, что ей пришлось ухватиться за стул, чтобы не упасть. Эймос выбежал из комнаты, и Рэй Линн принялась наводить порядок на кухне, а Дэл бродил вокруг, словно хотел что-то сказать. Рэй Линн украдкой поглядывала на него и гадала, о чем он думает. Вошла Норма, протирая заспанные глаза.

Услышав, что у нее появился младший брат, она насупилась:

– Ну вот! Теперь они с Джоуи будут вдвоем меня изводить.

– А ты им спуску не давай, вот и все, – посоветовала Рэй Линн.

– Угу.

Норма взяла Рэй Линн за руку и долго не отпускала. Рэй Линн смотрела на руку девочки, лежащую в ее ладони, а потом, подняв глаза, увидела, что Дэл наблюдает за ними. Он тут же неловко отвернулся.

На следующий день, вскоре после ужина, когда почти все уже легли спать, Рэй Линн вышла на крыльцо и села в кресло-качалку. Она начала раскачиваться и смотреть на звезды, рассыпанные по небу, как соль. Пока еще было прохладно, но скоро ожидалось возвращение летней жары. Рэй Линн услышала, как открылась дверь. Корнелия подошла и села в качалку рядом.

– Какой хороший вечер, – сказала она.

– Очень хороший.

– Знаешь, у меня ведь не получилось с детьми.

Рэй Линн перестала раскачиваться.

– Не получилось?

– Нет. Про это Отис тоже никогда не давал мне забыть.

– Тяжело бывает помогать другим в родах?

Подруга вздохнула.

– Да нет, не очень.

Рэй Линн призналась:

– Мы с Уорреном тоже пытались, но ничего не вышло. Он был старше, но у него уже был Юджин, так что дело скорее во мне.

– Может, и нет. Есть только один способ узнать.

Рэй Линн засмеялась.

– Ой, не начинай!

Они еще немного покачались, а потом Корнелия взяла Рэй Линн за руку. Поначалу Рэй Линн ничего такого не подумала: просто момент их общей радости и благодарности за то, как все обернулось. Но Корнелия не отпускала руку Рэй Линн, и когда та почувствовала, что большой палец подруги слегка поглаживает тыльную сторону ее ладони, ей стало не по себе. Хотелось отстраниться, но она опасалась обидеть Корнелию. Тишину нарушил негромкий звук, похожий на икоту.

– Нелли?..

– Все в порядке. Все в порядке.

Рэй Линн больше ничего не сказала, но знала, что Корнелия плачет.

Она высвободила руку и сказала:

– Тебе же здесь хорошо, правда? По крайней мере, лучше, чем раньше, верно?

Корнелия вытерла глаза.

– Иногда я чувствую себя такой счастливой, как никогда в жизни. Но бывает и так, что в голову лезут всякие мысли.

– Какие?

Отведя взгляд, Корнелия спросила:

– Ты когда-нибудь вспоминаешь то, что было в Ласточкином Гнезде?

– Каждый день. И как мне только в голову пришла такая сумасшедшая идея! Единственное, что из этого вышло хорошего, – я встретила тебя и Дэла.

– Я имела в виду один случай там.

– Ящик?

– Нет, хотя об этом я тоже часто думаю: ты же тогда просто чудом выжила. Но я говорю о том, что случилось на кухне, когда Отис взбесился.

– А-а...

В тусклом вечернем свете Рэй Линн наконец увидела то, что Корнелия до сих пор так хорошо прятала. Теперь подруга больше не скрывалась. Тот же взгляд, что и в прошлый раз, был устремлен на Рэй Линн совершенно откровенно.

Корнелия сказала:

– Я знаю, что для тебя все по-другому. И это нормально. Но я-то ничего не могу с собой поделать, с тем, что я чувствую. Не могу. Я подумала: если расскажу тебе свой секрет, как ты рассказала мне про Уоррена, тогда, может, как-то смогу смириться со своей судьбой.

Рэй Линн не знала, что на это сказать, кроме:

– Понимаю.

– До этого мне нравилась одна девушка, когда мне было шестнадцать. Ее звали Ребекка. Мы стали проводить много времени вместе. Она любила приходить ко мне: дома у нее был очень строгий отец, она его боялась. Однажды Бекки пришла к нам, а мама работала в саду. Мы забыли про осторожность, увлеклись, и мама нас застала. Она рассказала папе. Он дружил с отцом Отиса, а Отис всегда на меня заглядывался. Вот меня и выдали за него замуж. Я была позором семьи, они меня больше знать не хотели, если я не подчинюсь. Ну, я и подчинилась. Ты сама, наверное, догадываешься, что это ничего не изменило. Они не захотят меня видеть, особенно если будут знать, что я ушла от Отиса. Вот почему я не могла поехать домой.

Рэй Линн схватила Корнелию за руку и крепко сжала.

– Нелли, – начала она, – я не могу тебя обманывать. Я не чувствую того же, что и ты, но ты мне дорога. Как подруга. Надеюсь, ты сможешь это принять.

Корнелия грустно улыбнулась ей.

– Конечно. Это самый лучший подарок, какой ты мне можешь сделать.

Грустная улыбка Корнелии была до боли искренней и трогательной. Они долго сидели тихо, молча, и обе думали о том, что ждет их в будущем.

Неделю спустя Рэй Линн вошла следом за Дэлом в сарай, где тот чистил и разбирал инструменты для работы со смолой. Чего тут только не было: и жестяные желоба, и чаши Херти, и хаки для подрезания коры, и съемники, и подвесные коробки с гвоздями, и стоки, которые можно перевешивать с дерева на дерево, чтобы собирать смолу. В другом углу Рэй Линн увидела все необходимое для заливки, от ведер до бочек и черпаков. Риз работал сосредоточенно, методично и аккуратно. Наверное, нехорошо было сравнивать его с Уорреном, но Рэй Линн не могла удержаться. Она потеряла обрубок пальца: теперь ей

можно не бояться пострадать из-за чужой небрежности или нелепой случайности.

Она сказала:

– У тебя есть уже почти все, что нужно.

– Да, – ответил он. – Жду только работников, они на той неделе приедут. И еще нам нужна лошадь для тебя. Хорошо бы съездить посмотреть на ту, которую я видел в Рокфише. Как там у мамы с малышом дела сегодня?

– Сьюди Мэй говорит, с утра он уже поел два раза. Говорит, ему только бы поесть. И поспать.

Дэл принялся точить хаки. Движения у него были ловкие, ритмичные.

– Эти мальчишки Уитакеры все будут высокие, в отца, – заметил он, откинул волосы со лба, и Рэй Линн подумала, что он стал не такой спокойный, как раньше, а, пожалуй, немного нервный. Так она на него действовала в последнее время: в ее присутствии Риз как будто о чем-то задумывался, бросал на нее быстрый взгляд и так же быстро отворачивался.

Он сказал еще:

– Трудно поверить, что мы уже восемь месяцев как уехали из Ласточкиного Гнезда.

– Понимаю, – кивнула Рэй Линн. – Мне иногда кажется, что ничего этого никогда и не было.

Дэл долго смотрел на свои ботинки, а затем поднял голову.

– Хочешь съездить сегодня в город со мной вместе?

Рэй Линн взяла хак и взвесила его в руке, вспоминая свою работу в лагере, боль в мышцах и удовольствие при мысли, что она в состоянии справиться с таким трудом. Вопрос Дэла прозвучал как-то странно, как будто он вкладывал в него особый смысл.

– Конечно. Сьюди Мэй я, кажется, не нужна.

– Ей, может, и нет, – пробормотал Дэл, – а мне нужна.

Рэй Линн была не до конца уверена, правильно ли расслышала его слова.

– Что ты сказал?

Вместо ответа он протянул руку и повторил:

– Со мной вместе.

Внезапно разволновавшись, она вложила руку в его ладонь, и Риз крепко сжал ее. Они вышли из сарая, и Дэл повел ее через двор к лесу. Краем глаза она уловила какое-то движение, а когда украдкой бросила взгляд в ту сторону, то увидела Корнелию: та отчаянно махала ей рукой и делала какие-то знаки, показывая на сердце. Рэй Линн сдержала улыбку и стала смотреть на Дэла: он все время на что-то показывал рукой, говорил о работе, о том, какой хотел бы видеть эту землю, свою семью и ее, Рэй Линн, рядом с ним. Потом он повернулся к ней и сказал:

– Понимаешь?

И Рэй Линн сказала:

– Понимаю.

Глава 35. Дэл

Округ Блейден, 1940 год

Он, конечно, много наделал в жизни ошибок, что и говорить. Слишком много, если уж совсем честно. Но вот с женитьбой на Рэй Линн он не ошибся. Он сидел в кресле-качалке на крыльце и слушал, как она поддразнивает Пиви. Корнелия, Эймос и Сьюди Мэй лушили кукурузу, тоже слушали и посмеивались. Бывший управляющий не забывал Риза: заезжал пару раз в год, не реже. Дэл перевел взгляд на детей – шестилетнего Дэлвуда, четырехлетнего Джереми и маленькую Белинду – и глубоко задумался. Нужно было совершить эти многочисленные ошибки, пережить все, что он пережил, чтобы в полной мере оценить то, что у него есть сейчас, и он был благодарен судьбе за каждое мгновение. Он уже начал рассказывать мальчикам о длиннохвойных соснах, о ремесле десятника, о том, в чем состоит работа бондаря и зачем нужна перегонная установка. Ему хотелось, чтобы дети знали о работе со смолой все, от начала и до конца. Для Дэла это было важно: если они будут понимать, то научатся и ценить, и тогда его мечта, его любовь к этим соснам будут жить вечно.

Вот почему они с Эймосом вступили в Американскую ассоциацию фермеров – производителей скипидара и собирались сводить сыновей на несколько местных собраний. В ассоциации они узнали о методе Оласти, новом способе перегонки сосновой камеди с помощью пара, и Дэл решил, что будет интересно показать ребятам завод в Хобокене, в штате Джорджия.

Женщины ушли в дом заканчивать переборку кукурузы, и мужчины двинулись за ними, рассуждая о том, что длиннохвойные сосны уходят в прошлое и то же самое рано или поздно случится с самой добычей смолы: их ремесло исчезнет вместе с деревьями. Все они знали об одном районе в Северной Каролине, где еще сохранился кругляк – так называли деревья старого леса. Сосны росли в округе Мур, купленном лет тридцать назад Джеймсом Бойдом, отцом любительницы природы Хелен Бойд Далл. По рассказам, из-за

неожиданной задержки поезда в Саутерн-Пайнс Джеймс Бойд с дочерью поднялись на хребет в наемном экипаже и там, оглядывая сверху окрестности, увидели, как дровосеки внизу вырубает величественные сосны. Хелен умолила отца спасти оставшиеся деревья.

– Эх, – вздохнул Пиви. – Скоро никто и знать не будет о том, как выглядит длиннохвойная сосна, а тем более о том, как добывать смолу.

– Это не по мне, – нахмурился Дэл. – Потому-то я и хочу тут кое-что сделать. Можно обработать деревья, а потом оставить расти. Пусть стоят как память о нашем ремесле.

– И название отличное, – похвалил Пиви. – Легко запоминается. Скипидарная ферма «Смоляная пятка». И как это вы додумались?

Рэй Линн с Дэлом обменялись взглядами и улыбнулись друг другу.

Тейлор спохватился:

– Кстати, перед самым отъездом я получил кое-какие вести о нашем старом знакомом Вороне. На днях мне позвонил Слим Смит и сказал, что Суини наконец-то нарвался на достойного противника.

Рэй Линн перестала счищать с кукурузных зерен желтые волокна.

– Кто-то его побил?

Корнелия фыркнула.

– Этого ему еще мало было бы.

Пиви потер ладонью макушку, а потом покачал головой, как будто до сих пор не мог поверить в то, что ему рассказали.

– Да нет. Похоже, он огреб проблем по-крупному – футов на пятнадцать. Старый аллигатор на болотах Окефеноки.

Риз недоверчиво переспросил:

– Ворона сожрал аллигатор?

– Вроде как Суини, по своему обыкновению, гонялся по болотам за каким-то несчастным цветным малым. Люди ничего почти и не видели, только слышали. Говорят, Ворон закричал где-то, и долго кричал, а потом раз – и перестал. Когда они добрались до места, там уже только шляпа на воде плавала, и воронье перо в ней все еще торчало. И больше ничего.

Дэл поежился:

– Я его, конечно, не любил, но это же надо – такую смерть найти.

Какое-то время они сидели молча, а потом Дэл достал свою губную гармошку. Он стал играть медленные, печальные мелодии, и все, включая детей, притихли, вслушиваясь в тоскливые ноты. Наконец Риз перестал играть, обвел взглядом лица людей, которые были ему дороже всего на свете, и понял: даже если он умрет во сне в эту самую ночь, он умрет счастливым человеком.

Глава 36. Рэй Линн

Рэй Линн выкатила свой старый грузовичок на грунтовую дорогу и поставила его под большим пеканом у фермерского дома, так чтобы на кабину падала тень. Мужчины повезли мальчиков в Рокфиш, разгружать бочки с живицей на складе, и Рэй Линн ждала, что они вот-вот вернуться, голодные, как стая волков.

Она поспешила в дом и с порога крикнула Сьюди Мэй:

– Ау!

Бросив сумочку и ключи на столик у двери, она сняла туфли и босиком прошла по истертым половицам на кухню. Малышка Белинда, которую все звали Биби, сидела в своем высоком стульчике, и Норма пыталась учить ее есть самостоятельно. Все лицо Биби и весь пол были перемазаны соусом от курицы с клецками. Малышка радостно помахала маме куриной ножкой и разулыбалась, показывая недавно прорезавшиеся зубки.

Норма проворчала:

– Я старалась, чтобы еда попала в нее, а не на нее.

Рэй Линн улыбнулась.

– Видела бы ты Биби, когда я пыталась накормить ее свеклой! – И уже дочке: – Погляди, на кого ты похожа! Придется тебя купать.

Сьюди Мэй вышла из кладовки возле кухни и заметила:

– Половина, конечно, осталась на полу и у нее в волосах, но все-таки она хорошо поела. Я видела, сколько было в миске.

– Вся в папочку! Ну, и в меня тоже: я, кажется, так бы и съела всю кастрюлю в один присест. В последнее время никак наесться не могу.

Сьюди Мэй поставила на стол банки, принесенные из кладовки.

– Хм... Очень похоже на то, что было в твою прошлую беременность.

Рэй Линн посмотрела на нее многозначительным взглядом и положила руку на живот.

– Потому что я опять беременна.

Глаза у Сьюди Мэй распахнулись, и она бросилась обнимать Рэй Линн.

– Боже мой! Я так рада за тебя!

Рэй Линн сказала:

– Забавно: Дэл только на днях упоминал, что собирается делать пристройку к дому. Теперь без нее никак. Вот странно-то! Когда мы только приехали сюда, мне казалось, тут столько комнат, что заблудиться можно.

Биби икнула, и женщины повернулись к ней. Девочка швырнула куриную ножку на пол.

– Вижу, ты уже наелась, – вздохнула Рэй Линн.

Она вытерла малышке лицо и вынесла ее во двор. Мужчины с мальчиками уже вернулись из города, и Рэй Линн стала смотреть с крыльца, как Дэлвуд и Джереми выскакивают из кузова грузовика, а с ними Джоуи и Даррен. Муж поцеловал ее, а затем отправился помогать Эймосу разгружать новые бочки, которые они привезли. Сердце у Рэй Линн трепетало, когда она смотрела на них – на мужа, на сыновей. Дэл показывал мальчикам, как катить бочки, чтобы было легче маневрировать. Стоял позади них и направлял маленькие ручонки. Он оказался замечательным отцом, терпеливым и любящим. Рэй Линн прижала к себе Биби, понюхала мягкие волосенки на макушке – от девочки, даже перемазанной в соусе с ног до головы, исходил теплый младенческий запах. Они с Дэлом решили, что у них будет большая семья, и дело уже к тому шло, хотя Дэл поначалу сомневался.

Перед самой свадьбой он подошел к ней.

– Я должен тебе кое-что сказать. – Он был сам на себя не похож. Нервный, озабоченный. Усадил ее, взял за руки и заявил: – Ты должна кое-что обо мне узнать.

Дэл стал рассказывать о своем прошлом, о том, каким он был, что делал. Рассказал и о том, что случилось с ним в зернохранилище и как это на него повлияло.

– Я тогда ни одной юбки не пропускал. Каких только женщин у меня не было. И чужие жены тоже. Меня это не волновало. Так шло до тех пор, пока фермер, на которого я работал, Мо Саттон, не застукал меня со своей женой. Отправил работать в зернохранилище, и там я, кажется... – Он замолчал.

– Что кажется? – переспросила Рэй Линн.

И тогда он рассказал о том, что видел и что случилось потом.

Рэй Линн взяла его за руку.

– Ты думаешь, что мог умереть?

Он пожал плечами, а затем признался и в том, что стал неспособен, по его выражению, «на большие дела».

– Ты не можешь?..

Риз поднял на нее тоскливый взгляд.

– Не уверен.

Рэй Линн тихонько охнула.

– Вот так, – пробормотал Дэл.

Она сказала:

– Не будем пока далеко загадывать. Я вот семь лет была замужем и ни разу не забеременела. Не знаю, что и думать. У Уоррена-то Юджин есть. И я должна тебе еще кое-что рассказать, раз уж об Уоррене речь зашла.

– Можешь не говорить, если не хочешь.

– Нет, я должна.

И она стала рассказывать свою историю, пристально глядя Ризу в лицо, прямо в глаза, в ожидании его реакции. Но ее не было: он молча слушал и кивал, пока она изливала всю боль и горечь пережитого, горечь своей утраты. Когда она договорила, Дэл только крепче сжал ее руку.

– Это ужасно, – сказал он, – но то, что ты сделала, – не убийство, а акт милосердия. – А потом он добавил самое главное: – Я бы сделал то же самое. Это рана почти неизлечимая, но когда я скажу тебе, Рэй Линн, что ты первая женщина, которую я полюбил по-настоящему, надеюсь, тебе станет полегче хоть чуточку.

В тот день ее сердце стремительно рванулось из тьмы на свет, и вот к чему это привело их с Дэлом теперь. Трое детей, еще один на подходе, небольшая, но процветающая скипидарная ферма, но главное – то, что они есть друг у друга. Рэй Линн украдкой наблюдала за своими детьми и не могла на них налюбоваться. Она думала о том, что в их жилах течет их с мужем кровь. Дети стали нестираемым знаком того, чего им удалось добиться; как «кошачьи мордочки» на стволах длиннохвойных сосен, дети – отпечаток их с Ризом любви, свидетельство того, кем они были и кем стали, и это свидетельство будет жить и тогда, когда они сами уже давно покинут этот мир. Сейчас Рэй Линн нужно было на свете только одно: подойти и покрепче прижать детей к груди, что она и сделала.

Глава 37. Дэлвуд и Джереми

Темноволосые в мать, от отца они унаследовали ярко-голубые глаза. Восемилетний Дэлвуд, родившийся в мае тридцать четвертого, был тихим и задумчивым, а Джереми, которому, как он любил всем напоминать, уже почти исполнилось шесть (он появился на свет в августе тридцать шестого), вечно трещал без умолку и ни минуты не мог усидеть на месте. В тот день в начале лета они бежали по лесу за своими старшими кузенами Джоуи и Дарреном туда, где ждали родители. Рядом бежал их пес Кролик – енотовая гончая. Свое прозвище он получил за длинные висячие уши и подвижный нос. Дэлвуд и Джереми были вне себя от радости: сегодня отец собирался показать им, как делать смешные кошачьи мордочки на тех особенных соснах, которые он называл длиннохвойными. У обоих юных Ризов были с собой маленькие инструменты, которые смастерил им отец. Он сказал, что это хак для обдирания коры.

С тех пор, как мальчики научились ходить, они целыми днями пропадали в лесу вместе с родителями и, как их старшие кузены, уже знали названия всех сосен, лиственных пород и еще многих растений и цветов. Знали, что такое скобленка, знали все о сосновой камеди, смоле, дегте и вонючей мази под названием скипидар, которую их мать применяла как средство чуть ли не от всех болезней. Они знали о том, сколько смолы можно собрать с деревьев, о том, как подрубкики распределяются по участкам, но тверже всего они знали одно: работа, которую делает их семья, – трудная, но важная. Эти особенные сосны, длиннохвойные, как говорит отец, раньше росли повсюду, а теперь почти совсем исчезли.

Мальчики увидели свою мать и сестренку Биби: малышка расхаживала вокруг, прихлопывала в ладоши и напевала. Мама стояла рядом с отцом, и оба они разговаривали с тетей Сьюди Мэй, дядей Эймосом, их почти что родственником дядей Пиви и еще с несколькими рабочими возле семейки сосен. Кузина Норма держала на руках самого маленького братика Ризов, Джошуа.

Мальчики подбежали к отцу, и тот присел на корточки, чтобы поговорить с ними.

– Ваша работа не сразу будет выглядеть вот так, – он указал на причудливые отметины на дереве, образующие кошачью мордочку. В высоту она была почти как весь Джереми, от пят до макушки. – Надо будет попрактиковаться. Придется вам запастись терпением.

Мама подошла поближе и тоже слушала. Для мальчиков она была самой красивой из всех женщин, каких они только видели, и они любили ее всей душой. Часами собирали цветы или разноцветные камешки с речного дна, чтобы принести ей, и то, что она дарила взамен, было для них бесценно. Например, когда наступала пора ложиться спать, мама тихо проскальзывала в их комнату, целовала детей в щеки и усаживались в кресло-качалку у открытого окна, на котором колыхались под теплым летним ветерком занавески. Она тихонько напевала песенку, пока мальчики не засыпали.

Маленький Дэлвуд указал на ствол дерева и сказал:

– Мама, покажи, как ты это делаешь.

На поясе маминых штанов висел хак, и она взяла его в руки.

Дядя Пиви, который, как знали мальчики, на самом деле не был им дядей, хоть и приезжал на ферму пару раз в год, заявил:

– Она была не хуже любого мужчины из тех, что у меня работали.

Мальчики внимательно смотрели, как их мать берет инструмент и подходит к одной из длиннохвойных сосен, которую предстоит обработать. Она провела по стволу дерева рукой с обрубленным пальцем, вид которого неизменно будил в мальчиках любопытство: мама пока не рассказывала им, как это произошло. Секунду-другую она осматривала поверхность дерева, а затем подняла инструмент и стукнула по коре. Потом еще раз, а потом провела лезвием наискось вправо. Несколькими короткими движениями сняла полоску коры, обнажив бледно-желтую древесину. То же самое она проделала с противоположной стороны, так что получился еще один такой же след, только скошенный влево. Вместе надрезы образовывали что-то вроде буквы V.

Отец сказал:

– Смотри-ка, хватку не потеряла. По моим расчетам, норму выполнила бы. Считай, что принята на работу.

Это была их любимая шутка. Мама, сморщив нос, показала на дело своих рук, и Дэлвуд с Джереми подняли взгляды.

– Видите? – сказала она. – А что потом будет с этой новой свежей полоской, которую мы прорезали над вот этим желобом, а, Дэлвуд?

Сын взглянул на нее, а затем, старательно показывая пальцем, начал рассказывать, чему его учили:

– Вот по этому жестяному желобу живица будет стекать в чашу. Когда чаша наполняется, смолу из нее вычерпывают и переливают в ведро. Его выливают в большую бочку, и все бочки везут в Рокфиш. А оттуда они плывут по реке в Уилмингтон на дис... дист... дисталляцию.

Мама разулыбалась.

– На дистилляцию. Молодец! А как называется то, что я делала только что?

Мальчики хором закричали:

– Подсочка!

– А когда мы ставим желоба, это как называется?

– Закрепка!

– А когда сливаем живицу из чаш?

– Заливка!

– Очень хорошо, отлично! – похвалили мать с отцом.

Маленький Дэлвуд улыбался, гордо выпятив грудь. Иногда родители рассказывали о том, как они впервые встретились там, где работали вместе с тетей Нелли, которая тоже стала членом их семьи, как и дядя Пиви. Это место называлось Ласточкино Гнездо. Мальчики не до конца понимали, что к чему в этих историях. Рассказы о Ласточкином Гнезде звучали пугающе, особенно когда родители вспоминали о деревянном ящике, где их запирали плохой человек по имени Ворон. Он совсем не нравился мальчикам, этот Ворон. Однажды ночью, когда все думали, что они уже спят, братья подслушали, как он чуть не убил их маму, а еще облил ее дегтем вместе с тетей Нелли. Они были рады, что им никогда не придется встретиться с Вороном, как и с другим плохим человеком – тем, который был мужем тети Нелли. Они были для мальчиков чем-то вроде буки.

Если на братьев иногда и нападала грусть, то только из-за тети Нелли. Они очень скучали по ней, хоть и старались не показывать этого маме. Когда тетя Нелли заболела, мама делала все, что только могла, лишь бы та поправилась. Братья знали об этом, потому что

иногда подслушивали за дверью комнаты тети Нелли, где она всегда лежала в постели. Мама уговаривала ее то попить, то поесть. Болезнь тети Нелли началась в прошлом году, сразу после Рождества. Они сидели за обеденным столом, и тетя Нелли почти не притрагивалась к еде – казалось, ей трудно глотать. Мать спросила, как она себя чувствует.

– Тут как-то нехорошо, – ответила тетя Нелли и показала на горло.

– Горло болит? – переспросила мама.

– Нет, – ответила тетя Нелли, – как будто комок застрял и никак не проходит. Так бывает, когда хочется плакать, а ты сдерживаешься.

Мама носила ей воду, чай, колу и супы, но вскоре тетя Нелли уже и это не могла проглотить. Позвали доктора посмотреть, чем тут можно помочь, но мальчики старались держаться от него подальше: когда-то он несколько раз приходил делать им уколы.

Доктор скрылся в комнате тети Нелли, а когда вышел вместе с мамой, она заплакала, услышав его слова:

– Шесть месяцев.

Тетя Нелли умерла в конце весны сорок первого года, и мама, которая всегда называла ее сестрой, долго горевала. Мальчики рвали для матери фиалки и дикие розы с живой изгороди и таскали цветы целыми охапками. Нырjali в речку, искали на дне какие-то особенные камешки и украшали ее комнату. Им хотелось только одного: чтобы мама снова начала улыбаться. Отец был все время рядом, возил ее в короткие поездки.

В конце концов мама снова стала прежней, но каждую неделю после церкви непременно шла на могилу тети Нелли. Ее похоронили рядом с их бабушкой и дедушкой. Мальчики видели, как мама сидит там, говорит что-то, но слова они не слышали. Иногда с ней приходил и отец. Вернувшись, родители выходили на крыльцо, раскачивались в креслах-качалках, держась за руки, и молчали.

Мальчики смотрели на все это, слегка обеспокоенные тем, что их родителям грустно, но ведь они и сами грустили. Они любили тетю Нелли.

Однажды мама получила какое-то письмо, и ее реакция очень взволновала мальчиков. Прочитав послание, мама опустилась на стул и долго смотрела на кухонную дверь, не говоря ни слова, даже не отвечая на вопросы детей. Вошел отец, и мама помахала листком в

воздухе. Родители ушли к себе в комнату, а мальчики дождались в коридоре под закрытой дверью. Они слышали приглушенные голоса и мамин плач. Чуть позже они все вместе отправились в округ Харнетт. Мама сказала, что раньше там был ее дом, а теперь там живет дяденька по имени Буч Крэдалл. В тот день приехал еще один человек, представившийся мистером Юджином Коббом. Он посмотрел на мальчиков таким пронизывающим взглядом, что тем стало не по себе.

Братья не знали, кто такие эти мистер Кобб и мистер Крэдалл, но мистер Кобб держался как очень важная персона, и они решили, что он такой и есть. Мистер Крэдалл не сводил глаз с их матери.

Мистер Кобб не сказал мальчикам ни слова, а маме сказал только:

– Рад знакомству. Распишитесь здесь.

Затем он протянул ей конверт. После этого он наконец повернулся к мальчикам и посмотрел им в глаза. Потом сунул руку в карман и достал две конфетки – их любимые ириски. Сказал родителям:

– Прекрасные мальчики. Всего вам наилучшего, – и ушел.

Мама словно бы вздохнула с облегчением.

Мистер Крэдалл сказал:

– Так, значит, дело улажено.

– Да, – только и ответила мама.

Перед тем как уезжать домой, она пошла на могилу за домом. Отец молча стоял рядом с ней, пока она доставала платок и вытирала глаза.

Дэлвуд взял мать за руку, покатал конфетку языком во рту, указал на надгробие и спросил:

– Мама, кто такой Уоррен Кобб?

– Человек, которого я когда-то знала. Однажды я расскажу вам с Джереми о нем. – Она протянула конверт отцу: – Можно будет отложить это мальчикам на учебу.

Они попрощались с мистером Крэдаллом и мистером Коббом и вернулись в большой фермерский дом на реке Кейп-Фир, где мальчики сразу же убежали наверх – переодеться в плавки. Снова выскочив за дверь, они помчались вдоль берега к своим веревочным качелям. Дэлвуд добежал первым, ухватился, раскачался над водой и на несколько секунд взлетел прямо в небо. Нырнул в реку и тут же всплыл, как пробка. Джереми прыгнул следом, а потом они проделывали это снова и снова, каждый раз поглядывая на край

покатого холма, на родителей, наблюдающих за ними. Биби бегала по траве от мамы к папе, и отец догнал ее, поймал и закружил, чтобы она тоже полетала в воздухе, как братья. Мама держала на руках Джошуа, который, как говорили взрослые, был больше всех из детей похож на нее.

Оставшийся день до вечера они всей семьей провели на реке: мальчики смеялись, играли, и радость их была безудержной и беззаботной. Они были счастливы и довольны. Им без конца повторяли, как сильно их любят, да они и сами чувствовали это сердцем. Как-то отец рассказывал им о корнях длиннохвойной сосны. Говорил, что главный корень, стержневой, как его называют, толщиной бывает с само дерево и уходит под землю глубоко-глубоко, до пятнадцати футов. Говорил, что эти деревья могут прожить пятьсот лет, что для мальчиков означало целую вечность. Братья то и дело прерывали игру, чтобы поглядеть на родителей, и видели людей, чья любовь была такой же глубокой и прочной, как корни их любимых длиннохвойных сосен, и твердо знали, что эта любовь – навсегда.

От автора

Роясь в интернете в поисках идеи для очередного рассказа, я наткнулась на термин «канифольно-скипидарные продукты». Если на ваш слух это звучит диковато, то вы не одиноки. Название выглядело странно, как человек, надевший на одну ногу модельную туфлю, а на другую – теннисную. Впервые произнеся его вслух, я получила порцию недоуменных взглядов. Я ничего не знала об этой индустрии, существовавшей сотни лет назад, когда корабли еще были деревянными и двигались силой ветра, надувавшего огромные паруса. С колониальных времен и до последней четверти двадцатого века эти продукты, остро необходимые флоту, были важной и неотъемлемой частью экономики Юга, и регион славился своими товарами по всему миру. Сегодня на юго-востоке Соединенных Штатов осталось лишь несколько мест, где канифольно-скипидарные продукты по-прежнему остаются основной статьей дохода. Так что же это за продукты такие? На самом деле тут нет ничего загадочного: это канифоль, деготь, смола и скипидар, которые производятся из живицы, или сосновой камеди. Деготь и смолу использовали для пропитки деревянных судов, парусов, мачт и канатов. Когда парусные корабли стали выходить из употребления, торговля продолжала развиваться: канифоль и скипидар по-прежнему пользовались большим спросом. Они применяются в таких бытовых товарах, как мыло, бумага, краски и лаки.

Дальше я выяснила, что самым востребованным, из-за высокого содержания камеди, был определенный вид сосны: длиннохвойная. На втором месте шла болотная сосна. А я-то думала, что это просто сосны, такие же, как ладанные, озерные, восточные белые и другие, произрастающие по всему Югу. К сожалению, за то время, когда активно добывалась живица для флота, обширные заросли длиннохвойной сосны сократились до очень малых размеров. Когда-то давным-давно эти деревья занимали девяносто миллионов акров лесов от Виргинии до Техаса. Сегодня осталось всего три миллиона акров так называемых девственных, или старых, лесов. Защитники природы принимают меры по их сохранению, включая специальное периодическое выжигание земли вокруг деревьев, чтобы саженцы

могли укорениться и вырасти. Да, именно так: огонь стимулирует рост длиннохвойных сосен и восстанавливает уникальную экосистему лугов, известную как саванна соснового леса. Примерно в часе езды от моего дома (и еще кое-где) встречается эта редкость – островки старых лесов. Один из них находится совсем неподалеку, у городка с говорящим названием Саутерн-Пайнс, что значит «южные сосны». В конце книги есть упоминание об этой местности и ее истории.

Кто же добывал сосновую камедь? Мелкие землевладельцы нанимали для этого нескольких работников, а крупные часто организовывали трудовые лагеря. В начале XX века знаменитая писательница Зора Нил Хёрстон жила какое-то время во Флориде и документально засвидетельствовала, каково было работать в таком лагере. Ее интервью стали частью антропологического труда «Мулы и люди». В лагерях использовалась система долговой кабалы, всегда оставлявшая работников в невыгодном положении. Прибавьте к этому произвол десятников (старших над группами) и применявшиеся там наказания, и станет ясно, почему многие приравнивали такие лагеря к своеобразной форме рабства. Однако в сосновых лесах можно было найти покой и уединение, и часто именно за этим люди шли туда.

В свое время Северная Каролина занимала первое место в мире по производству канифольно-скипидарных продуктов. Местных жителей, выполнявших эту работу, называли «смоляными пятками» из-за сосновой смолы, налипавшей на подошвы босых ног. Сначала прозвище было дано в насмешку, но, как гласит история, оно стало почетным во время Гражданской войны: тогда говорили, что солдаты из Северной Каролины стоят в бою непоколебимо, как будто у них смола на пятках. Сегодня это известное прозвище спортивных команд Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл и, конечно же, так называют жителей самого штата.

Когда я открыла для себя эту историю из далекого прошлого, меня посетило одно из тех молниеносных озарений, которые иногда случаются с писателями. Настало время искать что-то новое, и эта книга стала плодом моих трудов. Хотя события в ней и вымышлены, я надеюсь, что хоть в какой-то мере воздала должное южным штатам, играющим в ней важную роль, а главное – тем, кто жил и трудился в густых сосновых лесах американского Юга.

Благодарности

Всякий раз, размышляя о своем пути к писательской профессии, я остро осознаю, что никогда не смогу отблагодарить каждого, кто так или иначе сыграл свою роль в том, к чему я пришла сегодня. Как ни жаль, что это невозможно, ясно одно: есть люди, без которых я бы вообще никогда не писала эту страницу с благодарностями. К ним я и хочу сейчас обратиться.

Моему редактору Джону Сконьямильо: я искренне благодарна вам за внимание к моему творчеству и неуклонное стремление добиться от меня наилучших результатов.

Моему агенту Джону Талботу: вы оказывали мне неизменную поддержку, и ваш энтузиазм был заразителен и становился опорой для меня.

Виде: мне не хватит слов поблагодарить вас за все, что вы делаете для продвижения моих книг. Вы неизменно добросовестны, и я всегда ценю ваш опыт.

Крис: когда я вижу обложки, которые вы рисуете для моих книг, я каждый раз говорю: «Это ее лучшая работа». Ну а эта последняя – просто вершина.

Карли: ваши ценные советы в процессе редактирования ободряют и показывают, что моя история вам так же дорога, как и мне.

Остальным членам команды издательства Kensington: я ценю ваше трудолюбие, стремление к совершенству и внимание к деталям, с которыми вы все выполняете свои индивидуальные задачи, прямо или косвенно влияющие на успех каждой моей книги.

Линн Хьюго: спасибо, большое спасибо за то, что вы прочитали мои самые ранние черновики, написанные – иначе не скажешь – как курица лапой. Это я сказала, не вы! Ваше ободрение творит чудеса: как видите, книга готова!

Моим друзьям-писателям из NCWN и WFWA: ваша поддержка очень много значит. Спасибо, что были рядом.

Книготорговцам и библиотекарям: вы достойно проявили себя в очень трудный момент нашей истории. Вскоре после выхода моей последней книги презентации одна за другой отменялись из-за

пандемии. Вам пришлось заново придумывать, как наладить контакт читателей с писателями, однако изобретательность, творческий подход и настоящее мужество сделали свое дело: новые способы нашлись. Я преклоняюсь перед вами и хочу поблагодарить за новые пути для устойчивого развития.

Моим читателям: вы – второй полюс издательского спектра. Именно вы своей страстной любовью к чтению даете мне силы продолжать заниматься любимым делом. Особо следует упомянуть самых преданных друзей книг, готовых душу положить на то, чтобы подбодрить писателя добрым словом. Кристи Барретт, Сьюзан Петерсон, Сьюзан Робертс, Донни, Дениз, Линда Загон, Нола Нэш и, как всегда, многие-многие другие, которых невозможно перечислить, – еще раз спасибо вам всем за то, что делитесь с другими своей страстью к чтению.

Джейми Эдкинс из The Broad Street Deli & Market: огромное спасибо за вашу постоянную поддержку и за то, что подарили жителям Данна удобное место, где можно купить мои книги.

И наконец, моей семье: сыну Джастину, который всегда очень помогает мне на моих мероприятиях; дочери Брук – хотя ее любовь к чтению сейчас временно отошла на второй план, уступив место воспитанию моих внуков (может, ей поговорить с Зибби Оуэнс^[9]?), она и сейчас поддерживает меня и всегда готова выслушать. А главное – моей постоянной опоре, мужу, который не раз спасал меня от всевозможных сюжетных дыр. Люблю вас всех.

---

notes

СНОСКИ

1

Название дано по фамилии президента Герберта Гувера, которого многие считали ответственным за Великую депрессию. – *Здесь и далее примеч. ред.*

2

Инструмент для нанесения засечек на стволе хвойного дерева.

3

Так называли картон, которым подбивали износившиеся подметки.

4

Рееее – коротышка (*англ.*).

Еф. 5: 22.

6

Еф. 5: 25.

Десерт времен Великой депрессии, где начинку заменяла смесь воды с сахаром и мукой или крахмалом, напоминающая заварной крем.

Ис. 43: 1–2.

Автор подкаста «Мамам некогда читать книги».